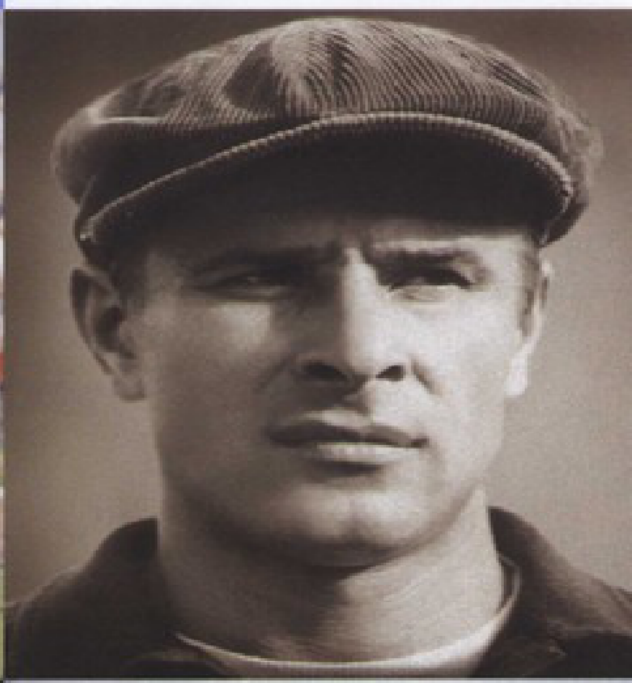
ЛЕВ ЯШИН



Владимир Галедин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В истории отечественного спорта нет более громкого имени. Победитель Кубка Европы и олимпийский чемпион, единственный из россиян обладатель «Золотого мяча» — приза лучшему футболисту Европы — и первый и до сих пор единственный в мире вратарь, завоевавший этот трофей, он заслужил всеобщую любовь и уважение и своими человеческими качествами — исключительной порядочностью, скромностью, беззаветной преданностью родному клубу — московскому «Динамо». О спортивном и жизненном пути Льва Ивановича Яшина (1929–1990) рассказывает новая книга из серии «Жизнь замечательных людей».

знак информационной продукции 16+

- В. И. Галедин
  - ДЕТСТВО
  - ДЕБЮТ
  - «ДИНАМО»
  - ОЛИМПИАДА
  - МИРОВОЙ УРОВЕНЬ
  - ЗОЛОТО ЕВРОПЫ
  - ТРАГЕДИЯ И ТРИУМФ
  - ЕЩЕ ДВА ФОРУМА
  - ЗАВЕРШЕНИЕ КАРЬЕРЫ
  - БЕССМЕРТИЕ
  - ИЛЛЮСТРАЦИИ
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ Л. И. ЯШИНА
  - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24

В. И. Галедин
Лев Яшин

ДЕТСТВО

О детстве Льва Яшина сегодня вряд ли можно найти нечто

новое, незнакомое, сенсационное. Другая эпоха, иное время, ушедшие «последние свидетели». А вот поразмышлять над часто повторяемыми, уже привычными и знакомыми фактами, чуть сменив угол зрения, — попробуем.

Итак, будущий великий вратарь родился в Москве 22 октября 1929 года и первые 13 лет провел на Миллионной улице, дом 15, что в бывшем селе Богородском, которое к 1929 году уже входило в черту столицы. Именование Миллионная идет не от того, что там жили толстосумы. Тут скрыта своеобразная народная ирония. Просто в конце XVIII — начале XIX века около тогда еще подмосковного Богородского прокладывали первый для Белокаменной водопровод. Работы длились аж 25 лет и проходили при трех правителях: Екатерине II, Павле I и Александре I. Необходимый же для водопровода мост соорудили немного раньше — в конце XVIII века. Ну, люди и съязвили: «Миллионным» он получился по государственным затратам. По мосту назвали и улицу. А мы из дня сегодняшнего заметим: в смысле траты казенных денег традиции у нас живут и побеждают.

Ко времени появления на свет Льва Ивановича история эта конечно же мало кого занимала. Пожалуй, более знаковой для местных жителей виделась улица Краснобогатырская. А как же иначе, если имя она получила от огромного завода «Красный богатырь», на котором работали очень многие здешние обитатели. В том числе и родная мама Льва Анна Митрофановна, а также ее братья и сестры. Жили они все вместе одной дружной семьей в том самом доме 15 на Миллионной улице. Всё рядом: до завода можно и пешком дойти, хотя трамвай ходит до сих пор.

Супруг Анны Митрофановны и, соответственно, отец Льва, Иван Петрович, трудился шлифовальщиком в Тушине, на оборонном авиационном заводе. Но о нем мы поговорим подробнее и позже.

А сейчас вернемся в Богородское, к его улицам и домам. Тем более что тот самый, 15-й, сохранился. Пока. Упорно говорят, что станут сносить. Хотя и доска мемориальная, как полагается, на фасаде прибита. И на доске правдивая запись: «Жил здесь в 1929–1944 годах выдающийся спортсмен современности, легендарный вратарь Яшин Лев Иванович» (в 1944-м семья вернулась из эвакуации, где провела два с лишним года). Впрочем, подобные надписи и памятные знаки слабо останавливают желающих разрушить что-либо…

Окруженный каменными ровесниками дом этот всё же отличается от них. Вроде те же пять кирпичных этажей, но сколько дополнительных выступов, ниш, что-то явно пристроено позже, привнесено — причем разумно и оригинально. Да и сама

конструкция — вовсе не шаблонная «коробка», как у соседних домов. Для 1920-х годов очень хороший и удобный дом.

Большая яшинская семья занимала три комнаты первого этажа. Можно сказать, что жили они в коммунальной квартире? Да, конечно. У нас чуть не вся страна, исключая избранных, провела десятки лет в буйном, скандальном и, несмотря ни на что, гармоничном комнатном сообществе. Коммуналка — это всё же не барак! Особенно когда речь идет о родственниках и сослуживцах.

Почему всё это так важно? Потому что без осознания того, где и как человек начинает свою жизнь, мы никогда не поймем, почему он стал таким, каков он есть. И без этого дома, а главное, наверное, без этого двора, не было бы замечательного мастера, олимпийского чемпиона, обладателя Кубка Европы, лучшего футболиста нашего континента 1963 года, доигравшего, напомню, на высшем уровне до сорока с лишним лет.

Сейчас — Яшин с тоской говорил это еще в 70-е — тот богородский двор неузнаваемо изменился. Лавочки, песочницы, мамы с малышами. Им-то здесь хорошо, слов нет, а вот мальчишкам-подросткам податься некуда. Проблема, которую Лев Иванович поднимал без малого 40 лет назад, — серьезнейшая. Обязательно к ней вернемся, пока же посмотрим, как дело обстояло в 1930-х.

«Совсем иное было в наше время, — пишет Яшин в книге „Счастье трудных побед“, вышедшей в 1985 году. — Ты выходишь из подъезда с мячом в руках и сразу оказываешься на „стадионе“ — ровном, старательно вытоптанном прямоугольнике. Ты бросаешь мяч на игровое поле — маленькое, лысое, отнюдь не идеально ровное». Как видим, слово «стадион» не зря взято в кавычки[1]. Да только для той ребятни утоптанная их ножонками площадка была почище «Мараканы». Весной, летом, осенью (иногда и часть зимы прихватывали) рубились в футбол. В любую погоду — дождь ли, снег, слякоть. Дотемна, пока родители не уведут.

А зимой, что поучительно, бились в хоккей с мячом — шайбу тогда к нам еще не завезли. Причем каток заливали сами. Брали санки, кадушку и возили воду из колонки, что на другой стороне улицы. Конечно, качество льда оставляло желать лучшего. Но никто не роптал.

Однако продолжим яшинскую цитату. После того как Лёва выходил на площадку с футбольным мячом, следовал целый ритуал. «Неторопливо, словно нехотя, ведешь мяч к воротам, обозначенным сложенными в груду камнями, а сам поглядываешь на окна дома, ждешь, когда товарищи откликнутся на твой

своеобразный зов. И вот уже появился один, второй, третий». Выходили мальчишки, естественно, не только из яшинского дома, обращенного к полю торцом, но и из соседних пятиэтажек. Пока народу не набиралось на две полноценные команды, матч не начинался. Били пенальти. И тут… «Становись-ка, Лёва, в ворота» — эта реплика юного партнера Яшина, по-моему, заслуживает особого внимания. Получается, что не только бомбардиром считался он на утоптанной площадке, но уже в ту пору охотно вставал в «раму» — если так можно назвать пространство между двумя грудами камней.

Когда «кворум» набирался, игра начиналась. Но не сразу.

«Сговоримся?» — этот простенький вопрос для нынешнего молодого читателя требует комментария. Дело в том, что в те времена существовал некий дворовый «рейтинг» (даже я застал такие порядки в 70–80-е годы). Во дворе всегда знали, кто играет лучше, а кто хуже. И совершенно невозможно представить, что все те, кто сильнее, собрались бы в одну команду и легко побеждали «слабаков». Нет, обе стороны обязаны были иметь футболистов самого разного уровня. А потому и делились по-честному.

Не отсюда ли, кстати, особенная яшинская порядочность, проявлявшаяся впоследствии не раз? Это во-первых. А во-вторых: не является ли «кодекс чести» богородского и подобных ему дворов примером для тех, кто умудряется умыкнуть ведущих мастеров у конкурентов в ходе чемпионата? Вопросы риторические, но, может, кто-то хотя бы задумается над ними?

В охотку играли не только в футбол и русский хоккей, но и в лапту. Эта старинная русская забава сейчас почти вытеснена родственным ей бейсболом, что не очень радует. Но самым «элитным» видом спорта считались прыжки с трамплина.

Откуда трамплин? А сараи на что?! С них зимой и сигали на лыжах (девочки или кто помельче использовали и санки). Высота небольшая, опасности для жизни нет.

Убиться, правда, можно. «Падали, ушибались, — вспоминал Яшин, — набивали огромные синячищи, но зато учились крепко держаться на ногах, не бояться высоты, владеть своим телом». Нетрудно понять, как выработанная таким образом координация движений в дальнейшем помогла Льву Ивановичу. В сущности, он и его товарищи не знали понятия «общефизическая подготовка». Это было для них чем-то неотъемлемым, естественным. Стоит добавить и дух коллективизма, нетерпимость к подлости, вранью, трусости и, как ни удивительно для ребят из простых семей, зрелое стремление к самоорганизации. Например, в школе проводилось целых два чемпионата по футболу: для младших и

старших классов. При этом соревновались как ранней осенью, так и поздней весной. Замечу, что Лев Иванович не помнил, проводились ли вообще у них уроки физкультуры. А значит, «осеннее» и «весеннее» первенства дети организовывали сами!

Всё это ушло безвозвратно в 1970-е! Яшина, помнится, огорчал массовый травматизм игроков высшей лиги. И причину он искал именно в уничтожении московских дворов и всего, что с ними было связано. «Они мало бегали, прыгали, дрались, играли в футбол, катались на коньках, взбирались на деревья в детстве, — горько констатировал Лев Иванович ситуацию с футболистами того десятилетия, — и теперь расплачиваются за это недостаточно сильными, упругими, эластичными мышцами, недостаточно прочными становыми хребтами, недостаточно крепкими нервами»[2].

Скажут: улицу тоже не надо идеализировать. «Уличное» воспитание восторгов никогда не вызывало. И детей до сих пор делят на «уличных» и «домашних». Что, мол, хорошего, если ребенок целый день предоставлен сам себе, а с родителями встречается лишь вечером, когда те с работы придут? Доля истины тут есть. Яшин и не скрывал: пришел из школы, бросил портфель в угол, наскоро перекусил и рванул во двор. Как-то не прослеживается здесь такой компонент, как тщательное выполнение домашних заданий. Несомненно, был бы кто из родителей всё время дома, мальчик больше бы времени проводил за книжками и тетрадками. Однако родители такого позволить себе не могли — к тому же мама, к несчастью, скончалась в 1935 году, то есть еще до поступления Лёвы в первый класс.

Да, признаемся: вряд ли маленькие богородские любители футбола и хоккея, в том числе и Лев, составляли гордость школы и портреты их вряд ли красовались на Доске почета. В воспоминаниях голкипера о школе вообще говорится очень мало, не назван по имени никто из учителей. Единственный штрих: припомнив, что в его школе не было физкультурного зала, Яшин весьма язвительно отметил его отсутствие и к 1976 году[3].

Обо всем этом надо говорить честно, скрывать тут нечего. Но не стоит перегибать палку и в другую сторону. А именно: называть тех дворовых ребятишек шпаной. Потому что шпана — это уже на грани чего-то криминального. Ничего подобного Лёва и его друзья не совершали. Самое «страшное» из того, о чем рассказывал о себе вратарь, это самодельные пистоны, которые подбрасывали на трамвайные рельсы. «Пистоны взрывались под колесами автоматной очередью, разъяренный водитель выскакивал из кабины, а мы, спрыгнув с подножки, мчались врассыпную. Надо было только добежать до ближайших ворот. Уж

там, в лабиринтах богородских проходных дворов, мы были неуловимы». Надеюсь, читатель обратил внимание на слово «спрыгивали»? То есть ребята катались на буферах и подножках трамвайных вагонов. Это, безусловно, риск, и довольно глупый. Но что возьмешь с мальчишек семи или восьми лет?

И всё же постоянно повторять, как это делают биографы, что в какой-то момент «Лёва отбился от рук», я бы не стал. Он не воровал, не грабил, не хулиганил. К сигарете пристрастился лишь в 13 лет и при обстоятельствах, до которых мы еще доберемся. Ну а то что мальчик пришел как-то домой зареванный и в одном валенке, неудачно покатавшись на том самом проклятом трамвайном буфере (знал бы Лёва, как этот валенок перевернет всю его жизнь!), без сомнения, — факт малоприятный, потому что валенки новые надо покупать, а это деньги, — однако преступного умысла явно не содержит.

А что такое по-настоящему «отбиться от рук», проиллюстрируем эпизодом из детства старшего современника Яшина (девять лет разница), его предшественника на вратарском посту «Динамо» Алексея Хомича, который вышел примерно из той же социальной среды, что и Лев Иванович.

Алёша тогда только закончил четвертый класс. А сестренке Райке не исполнилось и годика. Мальчишки звали Хому на футбольное ристалище, однако тот должен был дождаться, пока Рая заснет. Затем заворачивал ее в одеяло, брал на руки и спускался вниз. После чего от метрового кола во дворе отмерял шесть шагов и (внимание!) вместо второй штанги укладывал сестру. Дальше начиналась игра. Годы спустя Хомич рассказывал знаменитому журналисту Льву Филатову: «Райка спала, а мы бились. Так я вам скажу: под ту руку, где она лежала, забить мне было невозможно. Вот что мы, дураки, вытворяли! Если бы я увидел своего сына за таким делом, не знаю, что бы с ним сделал».

…Да уж. Можно представить себе состояние мамы Алексея, когда она узнала (а это всё же случилось) о сыновьих художествах! Проследить за маленьким изувером она не могла: работала всё время. А рос Алёша без отца. Вот тут и разница между Хомичем и Яшиным. У Льва отец был. И потому ничего подобного в богородском дворе случиться не могло.

Иван Петрович был шлифовальщиком оборонного авиационного завода № 500. Его в войну даже перепрофилировать оказалось не нужно — поскольку он и так военное предприятие. Можно себе представить уровень дисциплины на том авиационном «пятисотом», да еще в 1930-е годы, когда за опоздание могли и посадить. Туда и устроиться

было непросто, а уж удержаться — особенно тяжело. Иван Яшин не только проработал много лет, но и заслужил уважение коллег и начальства. В ином случае на сверхурочные работы его бы не оставляли. Да и то, что в итоге не взяли на фронт, дали «бронь», говорит само за себя. Выходит, есть все-таки незаменимые — и яшинский отец оказался необходим в тылу. В общем, трудолюбие, исполнительность, педантичность Льва Ивановича тоже идут из детства. И некоторые вольности двора уравновешивались авторитетом отца.

Лев рано потерял мать. Но жили они вдвоем с Иваном Петровичем недолго. История с валенком имела продолжение. По поздним воспоминаниям Ивана Петровича, именно тогда, глядя на заплаканного и наполовину босого сына, он понял: ребенку нужна мать. После чего весьма быстро женился на Александре Петровне, ставшей для Лёвы родной матерью. По крайней мере, в опубликованных мемуарах Яшин ее так и называет.

Боже упаси хоть на йоту усомниться в искренности слов Ивана Петровича. Однако стоит признать: мужчина не всегда женится лишь с той целью, дабы у его сына появилась вторая мать. Младший брат Льва Борис появился на свет уже в 1939 году. Таким образом, заявила права на существование новая счастливая семья.

Вроде бы жить-поживать в радости. Но приходит беда, безжалостно сокрушившая самые оптимистичные планы. В июне 1941-го одиннадцатилетний Лёва был отправлен к родственникам под Подольск и собирался отдохнуть со вкусом и по полной программе: походы за грибами, купание в речке, футбол с местными, ну и любимая на всю жизнь рыбалка. Не вышло. Война. Пришлось вернуться с Александрой Петровной в Москву. Потом будет «мини-эвакуация» под Воскресенск, куда вывезли всю школу, спасая детей от бомбежек. Яшин очень интересно описывает настроение сверстников в первые дни войны. Пока еще они оставались детьми: «Мы еще, конечно, не понимали, да и не могли понимать смысла этого слова — „война“. Мы, правда, с малых лет слышали его и ежедневно стократ повторяли сами, начиная нашу очередную детскую игру. И теперь еще по инерции продолжали относиться к войне как к игре».

У них во дворе была еще одна забава: «казаки-разбойники». Сидя в еще не снесенных тогда сараях, ребята разрабатывали «военные» планы, имея противником розовощеких обитателей соседнего дома, которые в таком же сарае готовились к контратаке. Но всё это было «понарошку», а тут появилась возможность наблюдать войну настоящую, «всамделишную»…

Поразительно, как скоро, всего через несколько месяцев

изменится его представление о грядущей беде.

В октябре отцовский завод с семьями рабочих эвакуировали под Ульяновск. Точнее сказать нельзя: никакого адреса не существовало, ибо и помещения-то не было. Оборудование разгружали в голой степи. «Этот день, — пишет вратарь в книге „Счастье трудных побед“, — я могу с полным основанием считать последним днем своего детства».

В принципе, на этом главу «Детство» можно было бы закончить. Но я не стал этого делать. Так как, во-первых, 11 или даже 13 лет — в любом случае это еще детство. Пусть взрослое, невыносимо тяжелое, но детство. А во-вторых… Есть в словах Льва Ивановича некая потаенная горечь. Как у А. М. Горького в названии «Мои университеты»: известно же, что классику не довелось окончить по сходным с Яшиным причинам даже средней школы. Поэтому продолжим рассказ.

* * *

…Ползимы через степь таскали станки и устанавливали их под открытым небом. Потом строили завод. Разумеется, посильное участие принимали все — и дети в том числе. Жили голодно. Кормить, как говорится, никто не обещал. Посему Лёва с отцом ездили в ближайшую деревню (20 километров) и меняли там отобранные Александрой Петровной вроде как ненужные вещи на картошку, брюкву, муку, овсянку, которые привозили домой на санках.

К концу зимы завод пустили. Лев Иванович вспоминает тонкую и прямую как струна тропинку в снегу, ведущую от ими же выстроенных бараков на завод, ими же построенный. По ней и шли, экономя силы перед воистину каторжной работой.

А весной 43-го четверо молодых ребят из цеха Ивана Петровича ушли на фронт. Заменить их в степи под Ульяновском было некем. И отец взял сына на завод учеником слесаря.

Так, в 13 лет начался трудовой путь Льва Яшина. Мать подшила ему отцовскую спецовку, и вот они уже вместе встают в шесть утра и по той тоненькой тропке идут к светящимся заводским огням.

Сегодня по закону подросток может работать четыре часа. Потом, до совершеннолетия, не более шести.

Тринадцатилетний Лёва начал трудиться сразу же наравне со взрослыми. Бывало, и в две смены. А бывало и так: «Жизнь на заводе учила ежедневно и ежечасно. Однажды нашему участку дали особо срочное задание. Кончилась смена. Отстояли другую,

а партия деталей, необходимых для выпуска остро необходимых фронту изделий, всё еще не была готова. Слипались глаза. Усталость валила людей с ног.

— Что будем делать? — спросил один из моих товарищей начальника участка Ивана Васильевича Попова. — Может, поспим хоть часок?

— Какой там сон? — раздалось в ответ. — Разве на передовой солдаты спят, когда идет наступление? Раз нужно для фронта — сделаем, а уж потом отдыхать пойдем.

И в самом деле, пока не завершили задание, никто не ушел со своего места».

Как повлияли годы запредельного военного труда на организм Льва Ивановича? Этого мы никогда не узнаем. Одно известно достоверно: курить он начал с тринадцати лет как раз в цеху под Ульяновском. И курил всю жизнь очень много, даже будучи вратарем сборной. И перед матчами — тоже.

Пора упомянуть еще одного человека, которого наряду с отцом Яшин почитал всю жизнь.

Это механик, мастер цеха, Михаил Ильич Овсянкин. Чтобы понять роль наставника в жизни учеников военного времени, надо представить себе цех 500-го завода образца 1943 года. Итак, примерно 100 рабочих, из них лишь трое-четверо являются специалистами. Остальные — мелкотня, заменившая ушедших на фронт.

Дети, которые постоянно хотят есть и почти сразу устают. Кроме того, тот же Яшин, будучи сыном отменного профессионала, своими руками соорудить, безусловно, что-то мог, но в ФЗУ (фабрично-заводском училище) не обучался и специальными навыками не обладал. «А план — самый что ни на есть взрослый. И спрашивали за него по всей строгости», — напоминает Яшин. Спрашивали, понятно, прежде всего с Овсянкина. Ныне почти любой тренер причину неудач объяснит слабым составом. Михаил же Ильич во время, заметим, не спортивной, а самой настоящей войны всё принимал на себя. Ребят не ругал, наоборот, защищал от нападок и грубости. И учил, не жалея сил и времени. Во многом благодаря Овсянкину Лёва еще под Ульяновском стал слесарем 3-го разряда, добыв для семьи еще одну рабочую карточку. А доброта, выдержка, мужество Михаила Ильича для Льва Ивановича останутся примером навсегда. И проявятся спустя годы, когда он сам станет ветераном и наставником.

Уже после получения Львом 3-го разряда на завод поступила и мать, Александра Петровна. Боре исполнилось четыре года, и его можно было оставить одного. Что ж, у той эпохи существовало

свое понимание возможности и необходимости.

Тот факт, что уже трое Яшиных оказались на заводе, тем не менее и тогда вызвал интерес у местной прессы. Заводская многотиражка выдала статью «Рабочая династия». И хотя всех троих в ней, естественно, хвалили и ставили в пример, Иван Петрович рассердился: «Чего шуметь зря. Ничего особенного: живем как все».

Маленькое отступление. Историк футбола А. М. Соскин в своей книге «Лев Яшин. За кулисами славы» (обращаться к которой в силу ее энциклопедичности я буду довольно часто) привел слова Льва Ивановича, произнесенные годы спустя в ответ на чьи-то дифирамбы в его адрес: «Чего шумят. Делаю свое дело». Точь-в-точь, как когда-то отец, не правда ли? Все-таки духовная их связь удивительна.

А война меж тем покатилась на запад. В начале 1944 года завод вернули в Москву. И вот уже семья встречается с многочисленными родственниками во дворе на Миллионной. А четырнадцатилетний Лев никак не мог налюбоваться Москвой. Никогда — ни до, ни после — он не любил так свой город. Ему хотелось обнять и старые домишки, и чудом уцелевшие ларьки, и сараи, с которых так здорово прыгалось в той, прошлой жизни, и трамвайные пути, что заворачивали (и заворачивают до сих пор) характерным полукругом. Вряд ли под Ульяновском он забыл и старый Богородский храм, что стоит и поныне, да писать об этом в 1970–1980-е получалось как-то не с руки.

Однако радость радостью, а до конца войны было очень далеко. Завод вернулся в Тушино, а режим дня работников отнюдь не стал проще. Вставать приходилось на полчаса раньше, нежели в эвакуации, так как маршрут Сокольники — Тушино равнялся чуть ли не поездке в другой город. Полтора часа в один конец! Возвращались домой в полной темноте. Ну и, конечно, опять езда на буфере трамвая. На этот раз не из баловства, а из экономии.

Великую Победу Лев мог отмечать наравне с любым фронтовиком. Свою первую медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» шестнадцатилетний Яшин более чем заслужил. Позднее у него будет орден Ленина в 1960 году — за победу в Кубке Европы, два ордена Трудового Красного Знамени (1957, 1971), Олимпийский орден МОК (1985), «Золотой орден за заслуги» ФИФА (1988). А незадолго до ухода из жизни в 1990-м он станет Героем Социалистического Труда с вручением еще одного ордена Ленина. Всё по заслугам. Но ту медаль 45-го года Лев Иванович будет ценить превыше всего и исключительно ею гордиться.

А. М. Соскин рассказывает, что когда Лёве вручали медаль, то объявили: «Лучшему слесарю». А кто-то возьми да крикни: «И футболисту!»

Пора, стало быть, переходить к футбольным делам.

ДЕБЮТ

В наше время вратарем, по крайней мере футбольным, Яшин бы не стал. По ряду причин.

Прежде всего, любого игрока раньше отслеживали через массу, скажем так, непрофессиональных состязаний. Тех самых, что «улица — на улицу», «двор — на двор». В футбольном смысле, естественно. Анатолий Акимов, о ком речь впереди, тоже не сразу попал в сборную переулка. Конкуренция.

Яшин стал заниматься игрой с мячом в сентябре 1944 года. Однако родной завод уже имел как минимум две взрослые команды для участия в первенстве Тушина, а затем и в чемпионате Московской области. Плюс молодежный коллектив, который худой, долговязый парень собою, как позже выяснилось, и прославил.

Но заводская молодежка не родилась бы, не случись такой человек, как Владимир Чечеров.

В своих воспоминаниях Яшин ставит его необычайно высоко — рядом с Михаилом Ильичом Овсянкиным из так называемого ульяновского детства.

«Бессребреник»… А как еще назвать 25-летнего мужчину, у которого, понятное дело, присутствовала личная жизнь и который после смены на оборонном предприятии ежедневно (!) оставался возиться с глазастыми, мосластыми, костлявыми, неуклюжими (а где других найдешь?), но, по совести, славными пацанами.

К тому же каждое воскресенье — игра. А это значит трястись черт-те куда даже по сегодняшним временам. Они же из Тушина. В конце 40-х — почти Москва. Добираться же приходилось в Шатуру, Наро-Фоминск, Ногинск, Кимры и т. д. — велико Подмосковье. Выходит, в воскресенье поначалу — туда, потом — матч, и, тем же манером, обратно.

Чечеров, кроме всего прочего, — даже не футболист. Мастер спорта по настольному теннису. На войне ранили в руку — пришлось переквалифицироваться в футбольные наставники. Когда он обходил строй одетых незнамо во что (спецовки, куртки, лыжные штаны, ситцевые шаровары) ребят, обратил внимание на парня, выделявшегося ростом. «Будешь вратарем», — приговорил Яшина. Тот хотел возразить. Мол, привычнее действовать в поле, во дворе много забивал, — но оробел, промолчал. Потому как могут и вообще отправить восвояси: желающих заниматься у Чечерова предостаточно.

Итак, амплуа первый тренер избрал для Льва исходя из роста. «Высоким» его называли и М. И. Якушин, и Н. П. Старостин. Так

каков же был рост великого вратаря?

186 сантиметров, и только! Всего на два сантиметра больше, чем у нынешнего голкипера сборной Игоря Акинфеева, которого справедливо считают невысоким (конечно, для вратарей). Так что никакой современный тренер не подумал бы поставить Яшина в ворота, руководствуясь лишь сантиметровыми характеристиками.

В общем, пора подытожить. Во-первых, в Москве XXI века Яшин попросту не смог бы показать себя. Прежде всего, ввиду почти полного вымирания любительского футбола. (Газета «Спорт-экспресс», спасибо ей огромное, организовала турнир дворовых команд. Однако, по сравнению с соревновательным пиршеством советских времен, это, согласитесь, — капля в море.) Во-вторых, таких людей, как Чечеров, сейчас нет — значит, не существовало бы и команды, и никто бы Льва Ивановича в ворота не определил. И, наконец, акселерация: ныне молодые люди стали расти быстрее, и означенных 186 сантиметров для автоматического назначения на футбольный пост № 1 всё же не хватает. Одним словом, Яшин накрепко привязан к своему времени. Что, конечно, очень многое определяет. И в его книгах — особенно в «Записках вратаря» 1976 года (литературная запись Евгения Рубина) — это проявляется. Налицо сложные, мучительные размышления донельзя заслуженного, знаменитого человека, который пытается понять последующее поколение, найти с ним контакт. А не получается. Почти совсем.

Вот он, уже будучи начальником команды «Динамо», входит в автобус, везущий дублеров на игру, и решается пошутить: «Ну что, обед отработаем?» В ответ те, кто повоспитаннее (каковых явное меньшинство), вежливо улыбаются, основная же масса и вовсе не реагирует. Кто в окно смотрит, кто музыку слушает. И это еще 1970-е годы! А что теперь?

Действительно: какой там обед отрабатывать? Обед положен. Деньги, совсем неплохие, — тоже. Форма — также. Мячами и вообще всяким инвентарем обязаны обеспечить. Конечно, и они, игроки, кое-что должны: отдаваться, в общем, игре, к победе стремиться, про общество, цвета которого защищают, помнить. Однако здесь, если честно, как получится. Поле ровное, мяч круглый, соперник сильный. А тут этот Яшин со своим обедом. Надоел.

И Лев Иванович понимает, что, как ни жаль, реальность на стороне молодежи. Несомненно, время, когда скидывались на мяч, заливали каток, сами стирали форму, ушло безвозвратно. Что, по идее, закономерно.

Беда в том, что пропала и какая-то трудновыразимая духовность. А вдвойне плохо: не объяснить суть ее парням с

модными стрижками. Вот почему, удивлялся Яшин, ребята по пути на матч не поют? Молчат, каждый сам по себе. (Эх, знал бы начальник команды 70-х сегодняшние компьютерно-телефонные привязанности!)

А они, когда отправлялись играть за завод, всегда пели хором. Игра же — праздник. Хотя и форму им выдали совсем не сразу. Сперва покупали экипировку на собственные средства. Потом донашивали бутсы, которые, по совести, стоило бы отправить на помойку, за игроками взрослой команды. Мячи молодежи доставались залатанные, тоже отслужившие свой век. Потому и камеры лопались постоянно. Только на эти мелочи никто внимания не обращал. К тому же через несколько месяцев новую форму выдали.

И еще одна радость: в 1944 году семья переехала в тушинскую заводскую квартиру. Это прежде всего положило конец путешествиям на буфере трамвая через весь город. Ну а главное: стадион, теперь уже настоящий, без кавычек, находился прямо под окнами нового, тушинского, жилища. То есть опять, как в Богородском, вышел из дома — и играй в футбол на здоровье.

Яшинские биографы обращают внимание еще на одного человека. Голкипера мужской заводской команды Алексея Гусева. Считается, что он был одним из первых футбольных учителей будущего обладателя «Золотого мяча» — наряду с тем же Владимиром Чечеровым, дядей Володей, как называли его в «молодежке».

Что ж, Гусев, без сомнения, являлся старшим товарищем Яшина, немало ему подсказывал, стоя за воротами во время матчей. Да и сам великий вратарь о нем вспоминал тепло и с уважением. Невозможно принять лишь одно: умильный тон, с которым некоторые представители старшего поколения рассказывают о втором фибровом чемоданчике с вратарскими причиндалами, что носил юный Лёва Яшин наряду с собственным. То был чемоданчик Гусева. Вот тем, вспоминают ветераны, и исчерпывалась тогдашняя спортивная «дедовщина». Точнее — почти исчерпывалась. Ибо зрелый мастер мог еще послать «желторотика» за водкой. И «салажонок» с наслаждением, значит, выполнял ответственное поручение взрослого дяди.

Думается, моральный аспект комментировать тут не придется. Тот, для кого бодро бегают за «горючим», кумиром и примером для подражания никогда не станет. Но и еще один чемоданчик у дублера — представляется абсолютно лишним. Молодой и здоровый Алексей Гусев личные вещи должен был носить сам. Лакейство футбольному и всякому иному уму-разуму

не научит.

Скажут, времена такие были. Порядки. За Хомичем — уже в «Динамо» — дублер Яшин тоже чемоданчик носил. В молодости он не шел против традиции. Так ведь это и не определяющий фактор!

Важно-то иное. Как сам Лев Иванович вел себя, когда стал тем, кем стал. Проиллюстрируем примером. Из книги Анатолия Бышовца «Не упасть за финишем» (2009): «Когда я был футболистом, в первый раз приехал в Москву, за сборную, играли с командой ГДР (в 1966 году. — *В. Г.)*. После тренировки остались с Банишевским побить по воротам. Кому уносить мячи? Конечно, молодым. Мы на эту тему не ссорились: дескать, давай ты сегодня, я — завтра. А нет, так бросали на пальцах. Но тут что-то задержались, перекидывались мячом, перемигивались, выкручивались друг перед другом. Пока валяли дурака, Лев Яшин собрал мячи, перекинул сетку через плечо и пошел. Для нас это было таким откровением! Этот эпизод я запомнил на всю жизнь, а пример Яшина научил тому, что никакая работа человека не унижает. Поэтому, возникни такая ситуация сейчас, я спокойно возьму мячи и пойду. Даже если рядом будут 11–12-летние ребята».

Заметим, Яшин к тому моменту завоевал Кубок Европы, стал олимпийским чемпионом, получил заслуженный «Золотой мяч». Наконец ему попросту под сорок. И мячи не он разбросал, а два юных Анатолия. А вот молча собрал и пошел себе. И видите, как проняло это большого футболиста и позже отменного тренера Анатолия Федоровича Бышовца: он и через сорок с лишним лет опомниться не мог.

Таким образом, традицию Яшин переломил. И не только рассказанным эпизодом. Совсем молоденький тогда днепропетровский хлопец Владимир Пильгуй, пришедший в московское «Динамо» в качестве будущего наследника прославленного ветерана и принявший от него эстафету в прощальном матче 27 мая 1971 года, вспоминал: «С какими-то его предложениями я не соглашался, утверждая, что привык уже играть по-своему. Он не возражал: „По-своему — значит, по-своему, лишь бы не пропускал мяч“. Ни разу за все время нашей совместной работы он не ставил вопрос ребром: делай так, а не иначе. Только советом и не более того». А еще, по окончании той последней майской игры в 71-м, он утешал в раздевалке Володю, пропустившего во втором тайме два гола.

Правда, был момент, когда кто-то в команде из молодых да ранних назвал Яшина Лёвой. Седеющий ветеран взорвался: «Я тебе не Лёва, а Лев Иванович!» Однако тут уже можно говорить о

банальном отсутствии воспитания. Что, к сожалению, всё чаще перестает выглядеть редкостью.

* * *

Впрочем, вернемся в яшинскую юность. Там много еще загадочного. В частности, о его уходе из дома Л. Б. Горянов, литзаписчик книги «Счастье трудных побед» (1985), предпочел не упоминать (возможно, впрочем, вмешались цензоры). Все-таки великий человек для советской власти, почти икона — и вдруг… Хотя Евгений Рубин при стотысячном (!) тираже «Записок вратаря» сумел сохранить важнейшее свидетельство Яшина: «Моя жизнь складывалась безоблачно, и время летело незаметно. Работа, учение, футбол, хоккей (в него я играл не в воротах, в нападении) — всюду дело клеилось. Одолел семилетку. В свои неполные восемнадцать был уже и слесарем, и строгальщиком, и шлифовальщиком, имел рабочий стаж и правительственную награду — медаль „За доблестный труд в Великой Отечественной войне“. А потом накопившаяся за годы усталость начала давать о себе знать. Что-то во мне вдруг надломилось. Никогда не слыл я человеком с тяжелым или вздорным нравом. А тут ходил какой-то весь издерганный, всё меня на работе и дома стало раздражать, мог вспыхнуть по любому пустяку. После одной такой вспышки я собрал свои вещички, хлопнул дверью и ушел из дому. Ходить на завод тоже перестал».

Что случилось, отчего такое состояние у парня — этого мы не узнаем никогда. Безусловно, одну из причин депрессии Лев Иванович указал сам: «Накопившаяся усталость». Эхо войны, иначе говоря. Что-то, похоже, надломилось.

Так как мальчик не должен в 13 лет работать взрослую смену целиком. Тем более две или, хуже, три. Человеческий ресурс заложен на долгие годы, и безболезненно использовать его, даже за пару страшных лет не удастся никому. Так что дистанционное воздействие супернагрузок — налицо.

О других истоках срыва можно лишь гадать. Не исключено, например, то, что впервые за долгие годы он захотел что-то решить сам. В войну его мнением никто не интересовался. И затем даже добрейший дядя Володя выбрал за него место на поле. А Лёве к тому моменту давно не 13 лет.

В любом случае после ухода из дома (здесь-то как раз ничего страшного: родители точно знали о его местожительстве) и, главное, с завода Яшин оказался в опаснейшем положении. Время-то какое! За самовольный безответственный уход с

оборонного предприятия поплатиться — для начала свободой — было необычайно легко. Если бы не совет очередного старшего друга (всё же Яшину везло на мудрых людей), никакой лучший в мире вратарь не случился бы. Коллега по работе из взрослой футбольной команды (кстати, покинув завод, Лев продолжал тренироваться с молодежным коллективом — парадокс получается) настоятельно посоветовал юноше отправиться в армию. Добровольцем, так сказать. Следует добавить, что призывали тогда с девятнадцати, а не с восемнадцати лет. Яшин призыв опередил. И правильно сделал.

Курс молодого бойца он прошел точно. 17 часов от подъема до отбоя заполнялись весьма плотно. И даже когда предложили заниматься в футбольной секции и он стал тренироваться и выступать в первенстве городского совета «Динамо» (так как попал во внутренние войска), — от общих войсковых занятий его и остальных футболистов никто не освобождал. Просто приходила машина, их забирали на необходимое время для тренировок или матча, а затем возвращали в часть. Для дальнейшего прохождения службы. Если учесть, что служить он пришел где-то в середине 1948 года, то получается: «в сапогах» кумир миллионов отходил около года. Почти как обычные современные служивые.

Только он-то необычный. И судьба вовремя о том напомнила. Правда, началось всё, как часто у Яшина, с непредвиденных неприятностей и их преодоления.

Выступал он за третью команду внутренних войск. Отыграл матч, а тут травмировался голкипер второго коллектива динамовского общества. Яшина, собственно, и не спрашивал никто, может или не может он встать в «рамку» снова. Армия.

Соперники смотрелись посильнее. И на 10-й минуте Яшин пропустил гол. По его мнению, которому мы, понятно, доверяем, особой вины вратаря не было. О том же, что началось потом, Лев Иванович вспоминал через годы:

«…Но защитники второй команды были иного мнения на этот счет.

— Эх ты, разиня! — крикнул один.

— И откуда такой взялся? — добавил другой.

Я не отвечал и слушал гадости, которые они мне говорили, с невозмутимым видом. Но, конечно, это была только видимость, только внешнее спокойствие. А на самом деле несправедливые упреки меня очень разозлили. И может быть, именно злость помогла мне сыграть так, как никогда до этого я еще, вероятно, не играл. Во всяком случае, забить мне больше ни одного мяча не смогли, и мы даже выиграли — 2:1».

Будущая футбольная жизнь Яшина отразилась здесь весьма ясно и отчетливо. Ничто не давалось ему сразу и просто. Обязательно через преодоление. «Я к категории феноменов не принадлежу. Никогда ноги не хотели подбрасывать меня в воздух сами, наоборот, всякий раз, отталкиваясь для очередного прыжка за мячом, я ощущал, как велика сила земного притяжения. Никогда мяч не лип к моим вратарским перчаткам сам, наоборот, нас с ним всегда связывали отношения, какие связывают дрессировщика с коварным и непокладистым зверьком», — утверждал он в «Записках вратаря». Но труд, упорство и упрямство должны вознаграждаться. Хотя бы иногда. И таковое после матча за вторую команду произошло. Судьба подарила двадцатилетнему долговязому, нескладному парню встречу с Аркадием Ивановичем Чернышевым.

Это имя большинство связывает с хоккеем. И правда, именно Чернышев в паре с Анатолием Владимировичем Тарасовым девять раз подряд (!) в 1963–1971 годах приводил сборную СССР по хоккею с шайбой к золотым медалям мирового первенства. Причем старшим в тандеме, не все знают, был не взрывной, эмоциональный Тарасов, а спокойный, интеллигентный Чернышев: по крайней мере, установки на игры давал он.

Однако Яшин абсолютно справедливо напоминает, что начинал Аркадий Иванович с футбола. Выступал за московское «Динамо», в составе которого был двукратным чемпионом страны, обладателем Кубка СССР. В 1948 году стал заслуженным мастером спорта — за футбольные, а не хоккейные заслуги.

И вот такой человек подошел к Лёве Яшину после того жестокого поединка и спросил: «Хочешь играть в молодежной команде „Динамо“?»

На несколько мгновений парень потерял дар речи, потом выпалил: «Еще бы!»

Вопрос о дальнейшем прохождении срочной службы в 1949-м решался не так гладко, как, скажем, десять лет спустя, но Чернышев всё взял на себя и ситуацию уладил. Да и вообще как-то устроил, что называется, «остальную жизнь» воспитанника. В свои 35 лет он стал для Яшина чуть ли не вторым отцом. А учил терпеливо, вдумчиво. Любимый Чернышевский вопрос: «Ты понял меня?» — память Яшина сохранила навсегда. Ибо если кто не понял, Аркадий Иванович покорно начинал сначала.

И тут сто́ит сделать одно замечание. Да, Чернышев был замечательный педагог, настоящий человек. Так ведь и ученики ему достались поразительные. Не в плане особой одаренности — тут скорее наоборот. Имеется в виду их неукротимое желание совершенствоваться. «Уж что-что, а работать мы умели», — позже

уверенно скажет Яшин.

И даже на таком фоне новый вратарь молодежного «Динамо» выделялся. Вот случай, это подтверждающий.

После одной из тренировок Лев попросил Чернышева побить ему по воротам. Только начали, как прибежал посыльный с известием, что тренера желает видеть начальство. Аркадий Иванович ушел, но обещал вернуться. Минул час, другой. Дело, которым занимался Чернышев, оказалось весьма трудоемким. Наконец он закончил и, забыв об оставленном голкипере, засобирался домой. И здесь кто-то из «молодежки» с усмешкой напомнил: «А вас там Яшин дожидается». Чернышев помчался на поле. Прибежав, с ходу извинился и предложил продолжить начатое. Яшин отреагировал с редким хладнокровием: «А ребята говорят — не придет. Чудаки». После чего Чернышев до темноты, которая одна и могла их разлучить, бомбардировал терпеливого ученика фирменными хитрющими ударами.

Оба были счастливы.

* * *

Чемпионат столицы 1949 года был устроен весьма интересно. Так, в полуфинале турнира встретились первая мужская команда «Динамо» и молодежный коллектив того же общества.

Первая мужская представляла собой уникальное сообщество. В ней сосуществовали настоящие ветераны: известный нам Аркадий Чернышев, довоенный «Король голов» фронтовик Василий Смирнов, один из лучших фланговых нападающих советского футбола Сергей Ильин — и вместе с ними еще выступающие в союзном первенстве Иван Станкевич, сумевший сдержать в британском турне самого Стенли Мэтьюза, и потрясающий дриблер, правый крайний Василий Трофимов. Говоря откровенно, непонятно: зачем действующим игрокам выступать еще в одном турнире, явно ниже рангом? Неужели мало практики? А вот играли — и с удовольствием.

Итак, с одной стороны, мудрость и опыт при не тех уже физических кондициях у некоторых исполнителей[4]. С другой — молодость и задор, помноженные на амбиции.

Молодежь выиграла — 1:0. Яшин отстоял превосходно.

В принципе, этот матч можно считать его дебютом. Равно как и тот, что он провел за вторую команду части. Однако сам Лев Иванович так не считал. Не нужен ему был счастливый дебют, удачно «приклеенный» к биографии. Вот про игру со сталинградским «Торпедо» (до 1948 года — «Трактор») не мог

забыть всю жизнь.

Но обо всём по порядку.

В марте 1950 года команда мастеров московского «Динамо» отправилась на предсезонный сбор в Гагры. Яшина взяли в качестве третьего вратаря — после Алексея Хомича и Вальтера Саная. Что означало значительное повышение в статусе: вчерашний солдат фактически вошел в дублирующий состав действующих чемпионов Советского Союза. Конечно, свою роль сыграло близкое знакомство еще по довоенным баталиям Аркадия Чернышева и старшего тренера бело-голубых Михаила Иосифовича Якушина.

И вот дублю выпал контрольный матч со сталинградцами. Начали в полдень. Погодные условия — неважные. Как в песне: «Ветер с моря дул». Такое обстоятельство серьезно влияло на траекторию полета мяча и, не исключено, стало причиной теперь уже знаменитой яшинской ошибки. Впрочем, винил он, как всегда, лишь себя.

А произошло следующее. Вратарь соперника далеко ногой выбил мяч. Тот перелетел почти всё поле (ветер!) и приблизился к динамовской штрафной. Яшин, всё, кажется, рассчитавший, выбежал из ворот отбивать и… столкнулся с собственным защитником Евгением Аверьяновым. В итоге упали оба, а мяч издевательски перескочил их и вкатился в сетку.

Яшин потом сокрушался, что тот случай «был первым и последним в футбольной истории». Мол, вот и увековечил себя.

Между тем ничего первого и последнего в той истории не было и быть не могло. Знатоки вспомнят хотя бы игру в английской премьер-лиге 2007 года, когда один страж ворот британской сборной запулил таким образом коллеге по главной команде страны. Да и более смешные мячи, случалось, залетали. Просто раньше многое оставалось неизвестным: Интернет еще не обрел власть над миром.

Что толку? Яшин так никогда и не смог забыть проклятые солнечные ветреные Гагры. И как бежал, и как упал вместе с защитником. Как мяч медленно катился. И как хохотали на трибунах мастера из динамовской основы: Карцев и Бесков, Малявкин и Блинков, Леонид и Сергей Соловьевы. Вправду ведь — смешно. Кто ж из них знал, что этот нескладный неудачник десятилетие спустя по мировой славе станет на порядок выше любого из них?..

В перерыве дебютант, давясь от слез, бросил в угол вроде как ненужные перчатки, то же проделал с бутсами. Всё, кончилась карьера, не начавшись. Начал стаскивать свитер. А не получилось. Не дали. И перчатки с бутсами также вернулись к

законному обладателю. Тренер дубля Иван Станкевич мягко попросил успокоиться и взять себя в руки. Подошедшие нападающие дубля пообещали противника во второй половине «порвать». В общем, знакомая картина. Отдавая должное такту динамовцев и их выдержке, не забудем: про еще одного вратаря дублеров ни в одном источнике не сказано. Выходит, снял бы Яшин форму, остался бы в раздевалке — и кто «раму» закроет? Как бы то ни было, товарищи сдержали слово: во втором тайме и бить противнику особо не давали, и у чужих ворот поработали как следует. Разорвали-таки — 5:1.

В дубле всё же Льва оставили. И по инициативе Станкевича поселили в одном номере с Алексеем Хомичем. Инициатива Ивана Ивановича, надо сказать, оказалась удачной. Чемоданчик за Хомичем Яшин, как уже упоминалось, носил, однако передать из накопленного опыта Алексей Петрович мог, безусловно, намного больше, чем когда-то Гусев из Тушина.

Справедливости ради стоит сделать еще одно отступление. Дело в том, что Яшина нельзя впрямую назвать преемником Хомича. В истории футбола они пребывают как подлинные художники — но всё же разных направлений. Хомич, например, разработал собственную теорию броска за мячом, по которой из левого угла мяч следовало выбивать правой рукой, а из правого — левой[5]. Так это для Хомича и похожих на него фактурой подходит! Их разницей с Яшиным в 14 сантиметров в росте пренебречь невозможно. И кроме того, в «Динамо» чуть позднее будет работать известный в 1930-е годы мастер Евгений Фокин — фактически тренер вратарей. Так что речь идет прежде всего о психологической поддержке и передаче опыта. Лучше коллеги по амплуа вратаря всё равно никто не поймет. И когда надо выйти на перехват, а когда остаться на месте, где встать при штрафном или угловом и пр. — всему этому они смогут научиться лишь друг у друга. И, уж извините, смеяться над допустившим ошибку товарищем голкипер не станет.

Хомич с Яшиным много времени проводили рядом. Форму в начале 50-х стирали централизованно. Но динамовская вратарская пара делала это самостоятельно, на море. Чтобы заодно еще раз поговорить о футболе.

Хомича и пришлось менять Льву Ивановичу в очередном матче, который в его биографии претендует на звание дебютного. В поединке со «Спартаком» 2 июля 1950 года отлично игравший Алексей Петрович на 75-й минуте не смог подняться с газона. Травма. А Вальтер Саная, как назло, накануне заболел, и другого кипера, кроме выступавшего доселе исключительно за дубль Яшина, у динамовцев не было. Тогда и раздался зычный голос

ветерана Леонида Соловьева: «Ты что стоишь? Иди в ворота!» Лев и сам понимал, что в «раме» стоять больше некому, да не мог пошевелиться. И ведь хотел, мечтал занять пост № 1, верил и не верил в чудо. А тут… Сразу как-то и расхотел. Ноги ватными стали.

Потом — куда деваться — вышел-таки на замену. Чтобы унять дрожь в коленях, стал (со стороны смотрелось, мягко говоря, чудно) бесцельно расхаживать от штанги к штанге. А «Спартак», видно, что-то почуяв, принялся наседать. Красно-белые уступали 0:1 и явно решили воспользоваться предоставленным шансом — неопытностью и нервозностью дублера. Волна атак накатывала со всё возраставшей настойчивостью на яшинские ворота. И вот — кульминация (а может, и развязка — это, увидим, как для кого): верховая передача Алексея Парамонова на выход Никите Симоняну. Яшин, как и в Гаграх, вроде и вовремя рванул навстречу — увы, вновь столкнулся со своим. В этот раз с опытнейшим полузащитником Всеволодом Блинковым. Опять совместное падение. И гол. На этот раз мяч не сам закатился, его добил в пустые ворота Николай Паршин. Итог — 1:1. Надо сказать, товарищи повели себя весьма деликатно. Молодого человека никто не упрекнул. Напротив, нашли за что-то и похвалить.

А Михаил Васильевич Семичастный, ставший новым динамовским рулевым вместо М. И. Якушина, поставил Льва аж в основной состав во встрече с тбилисскими одноклубниками. Первый тайм прошел успешно. Москвичи повели — 4:1, к стражу ворот претензий не было. Беда пришла после перерыва. Форвард гостей Тодриа принялся мешать Яшину выбить мяч. Стоял перед голкипером и блокировал все его движения. Вообще-то — явная и беззастенчивая провокация. Судья же промолчал. И тут уставший от безнаказанной наглости юный воротчик оттолкнул Тодриа. Вот здесь арбитр счел нужным вмешаться. Пенальти. Бьет Тодриа. 4:2. Как пропустил еще два гола, Яшин не помнил. Случается: «поплыл», занервничал. Но очевидцы утверждают: третий мяч пропущен был после опрометчивого (опять!) выхода из ворот. А потом великий Борис Пайчадзе, перед которым годы оказались бессильны, блестящим ударом счет сравнял. Яшина хотели заменить, что смотрелось логично[6]. Однако лидер команды Константин Бесков в тот момент некоторым образом поддержал Льва, потребовав оставить его на поле. А затем повел товарищей за собой и забил победный мяч.

Всё, кажется, закончилось для команды хорошо. Но неожиданный генеральский, начальственный голос пророкотал: «Кого вы выпустили? Сосунка, размазню! Тоже мне вратаря

нашли. Чтоб я его на поле больше не видел».

При чем здесь, собственно говоря, «сосунок» и «размазня» — остается загадкой. Яшин же не прятался от мяча — наоборот, выходил на него. Действовал на выходе. Запомним сей знаменательный факт. Что же касается логики гражданина с милицейскими звездами, то она, вероятно, у него была собственная. Нам не понять.

И двери в основу для Яшина, как говорится, оказались закрыты. Теперь — всё, исключительно дубль, старый автобус, на котором они с ребятами ездили на игры. И — абсолютно никакой перспективы для повышения. Шанс, дескать, тебе дали, а ты не оправдал. Так будет длиться не дни, не недели, не месяцы. Годы.

Сказать, что дебют Яшина получился неудачным, — не сказать ничего. Это был провал, после которого человек, казалось бы, обязан сломаться…

Здесь хотелось бы сделать новое отступление. А именно обратиться к биографиям тех вратарей, которые достойны стать рядом с Яшиным. По масштабу дарования и успехам стоило бы назвать чеха Франтишека Планичку, испанца Рикардо Замору, австрийца Руди Хидена (о которых поведал в книге «От Заморы до Яшина» Курт Частка) и наших соотечественников Анатолия Акимова, Владислава Жмелькова и Алексея Хомича.

Так вот, Планичка начал выступать совсем в юном возрасте. Четырнадцатилетним он защищал цвета «Слована VII», а по достижении пятнадцати лет от роду перешел в клуб высшей чешской лиги «Бубенец», за который провел 108 матчей. Вывод ясен: допусти мальчик ошибку на ранней стадии, его бы просто отправили доучиваться. Получается, вундеркинд сразу доказал свою уникальность. Между прочим, столь рано начав, пан Франтишек сыграл почти в тысяче матчей, и будучи старше Яшина на 25 лет, пережил его — скончался в 1996 году.

Случай с Заморой попросту потрясает воображение. Рикардо дебютировал в 16 лет матчем за студенческую команду против мастеров-профессионалов. Первый тайм завалил круче Яшина: пропустил четыре гола. Но в перерыве на него не только не наорали, а угостили рюмкой коньяку! Который чудотворно повлиял на паренька, и тот во второй половине оказался непробиваем.

Вратарь легендарной австрийской «вундертим», которая в 1931 году разгромила 6:0 самих немцев в Берлине, Руди Хиден играл за молодежный состав клуба ГАК нападающим. Однажды в матче со «Штутгартом» травмировался вратарь, и записного центрфорварда Хидена попросили его заменить. Зрители встретили появление нападающего на главном оборонном посту

весьма скептически. Да лишь поначалу: уже через несколько минут раздались аплодисменты. Руководители ГАК сообщили Руди, что с этого дня он в воротах и останется. Хиден провел еще несколько утренних игр — за юниоров, в нападении. А уж вечером — сначала за дубль, потом за взрослую основу — стоял в воротах. Потрясающее здоровье было у австрийского подданного! С того 1925 года и началась его блестящая карьера.

В нападении, коль не забыли, Яшин тоже играл. И в ворота его поставили, как и австрийца, в приказном порядке. А вот с аплодисментами вышло не сразу. Слишком уж долго Лев Иванович ждал аплодисментов.

Обратимся к отечественным корифеям вратарского искусства. Владислав (Владимир) Жмельков, защищавший красно-белые цвета, пожалуй, единственный, кто, если бы не война, мог добраться до яшинских высот. Блестящий мастер отражения пенальти, лучший спортсмен СССР 1939 года метеором промелькнул на спортивном небосклоне: после Победы ввиду ранения выйти спартаковцу на прежний уровень было не суждено. А дебют Жмелькова вышел вроде как голливудским. Как-то в одной из тренировочных игр на юге против москвичей подкупающе легко сыграл молодой вратарь из Подлипок. Пригласили. Приехал некто Кузнецов и не показался. Вдруг заявляется еще один юноша и сообщает, что играл-то он, Жмельков, а Кузнецов его дублер. И без всяких трудностей подмосковный талант влился в спартаковский коллектив.

Опять же, даже по зрелом размышлении, возможно ли представить одну, пусть и подкупающе изящную игру Яшина, после которой он твердо заслужил бы место в составе? Кажется, что бы ни случилось, ему всё равно пришлось бы доказывать неизвестно кому собственное право на футболку с первым номером. Судьба.

Жмельков, кстати, выступал за «Спартак» в смену с другим прекрасным мастером Анатолием Акимовым. Судьба этого старшего современника Яшина сложилась, несомненно, удачнее жмельковской. Хотя «проклятая война» в любом случае отняла лучшие годы. Вот как сам Акимов описывал свой первый матч — в 1934 году, в 19 лет, за «Промкооперацию» против ЦДКА — в книге «Записки вратаря»: «Действия мои в начале состязания были, я бы сказал, безотчетными. Я брал навесной мяч Никитина, который мог и должен был брать защитник, выходил из ворот, когда можно было не выходить, наконец, прыгал на месте и, видимо, был очень смешон. Но после того, как я взял несколько мячей, ко мне пришло состояние, которое можно назвать уверенностью. Именно в этот день я почувствовал, какую

большую роль для вратаря играет уверенность. Каждый пойманный, отбитый или даже хорошо подобранный мяч — укрепляет ее».

Тут общего, по первому впечатлению, больше. Однако лишь по первому. Да, понятное волнение и прыгание на месте (юный Лев, помните, не прыгал, а ходил), да, не всегда оправданные выходы из ворот. Но разнится главное: исход. Акимов не пропустил. Значит, сложилось всё более чем удачно. Бесспорно, провал еще произойдет, и автор честно о нем расскажет. Однако то будет уже после триумфального выступления во Франции против «Рэсинга». Равнять с яшинскими неудачами никак нельзя.

Ближе всех к Льву Ивановичу в смысле трудного начала карьеры оказывается Алексей Хомич. Он вообще-то занимался волейболом, легкой атлетикой, акробатикой. Да случилась неприятность: молодежная команда с местного мясокомбината осталась без вратаря. Тот закапризничал и отказался выйти на поле. А соперники с завода «Серп и Молот» во главе, кстати, с молодым Константином Бесковым уже прибыли. Вот Алексея и уговорили выручить.

И здесь важнейшая деталь: он согласился с условием, что *спроса с него не будет.* Чувствуете разницу? А в остальном грядущие яшинские ляпы почти предварены. Хомич также столкнулся на выходе, только не со своим, а с противником — Бесковым. Оба упали, а мяч добил другой игрок. Но главное не в этом, а в том, что пристыженного Алёшу никто не ругал. Винили основного вратаря-предателя. А с Хомича спроса нет, как договорились.

С Яшина, как мы убедились, спрашивали требовательно и беспощадно. Вне всякого сомнения, судьба подарила ему на заре карьеры встречу с Аркадием Ивановичем Чернышевым. Этим милости Фортуны и ограничились. Всё остальное — тяжелая работа и, несмотря на нее, неудачи, каждая из которых должна, по идее, завершить любую вратарскую карьеру. Кроме того, существовал своеобразный множитель, доходчиво объясняющий его состояние в то время. Имеется в виду его гипертрофированное чувство ответственности. За любую ошибку он судил себя сам в бессчетное количество раз сильнее, нежели самые придирчивые критики.

И всё-таки Яшин выдержал и в конце концов победил. А преодолеть тяжкий 1950-й помог (никто, наверное, не удивится) Аркадий Чернышев. Он предложил Льву попробовать силы в хоккее с шайбой. Любимейший в скором будущем вид спорта на всем пространстве огромной страны делал тогда у нас первые шаги. Всего-то три года назад в СССР с ним познакомились.

Чернышев предложил Яшину выступать в нападении: в хоккее с мячом Лев был форвардом. Но он в данном случае сам выбрал ворота.

Поначалу и тут не очень ладилось. Надо еще понимать, что амуниция тогдашнего хоккейного голкипера значительно отличалась от современной. Масок не изобрели, ноги не защищались так плотно, как сейчас. И самое неприятное: отсутствие ловушек. А уловить сильно и коварно летящую шайбу необычайно трудно. Выскакивает. Яшин пытался проклятый диск двумя руками фиксировать. Как в футболе. Да только руки в кровь разбивал.

Вновь спасибо Чернышеву: не бросил воспитанника, спокойно учил новой технике — в частности, действиям клюшкой. Хотя и в хоккее Лев довольно долго находился за спиной основного вратаря, эстонца Карла Лиива. Как и с Хомичем недавно, они делили одну комнату. Многие поражались, как Лев уживается с прибалтом: тот ведь за день мог не сказать ни одного слова. Яшин же быстро понял, что Карл — молчун не от высокомерия, а от стеснительности и деликатности. Человеческий контакт таким образом наладился, а уж учиться у старших и опытных новоиспеченный шайбист умел всегда. И пошел прогресс, видимый невооруженным глазом. Вот и серебряная медаль союзного чемпионата завоевана. А 12 марта 1953 года исполняющий обязанности главного тренера Василий Трофимов (Чернышев повез сборную на Всемирные зимние студенческие игры) поставил Льва на финальный матч Кубка СССР с ЦСКА. Победили бело-голубые — 3:2, Яшин был безупречен. Знаменитый хоккейный бомбардир Алексей Гурышев даже предрек вчерашнему дублеру «большое будущее». Связанное, понятно, с воротами на ледовой площадке.

Интересно, что оптимистический прогноз вполне мог сбыться. Ведь Чернышев обкатывал на студенческих играх в Вене главную команду Союза перед грядущим через год чемпионатом мира, где мы собрались дебютировать. Яшин, благодаря Чернышеву и Лииву, уже многое постиг в новой игре и за медаль в чемпионате и Кубок СССР удостоился звания мастера спорта. Ворота сборной в 1954 году защищали Николай Пучков и Григорий Мкртычан. Не исключено, что если не первого, то второго Яшин мог из состава вытеснить.

Сам факт выбора между футболом и хоккеем в 1953 году весьма показателен. Казалось бы, ничто не сравнится с мячом и зеленым прямоугольником, а шайбой-то всего три года занимался. Но сомнения оставались. В футболе вон из дубля не вылезаешь — в хоккее сборная светит.

Так что переживания были.

А затем сказал — как отрезал: «Я выбрал футбол». И футбол вознаградит за верность.

«ДИНАМО»

В «Динамо» Яшин попал, можно сказать, случайно. О его детских и юношеских пристрастиях к обществу, где «сила в движении», до сих пор ничего не известно (в отличие, например, от много раз упомянутого Аркадия Чернышева, с юных лет мечтавшего носить букву «Д» на майке). Когда же пришлось идти в армию, то попались внутренние войска. Это и обеспечило динамовское будущее. Если бы любые иные — вероятнее всего, случилась бы армейская футбольно-хоккейная карьера.

С этим ясно. Вопрос в ином: почему он из «Динамо» не ушел? Нет, не в 53-м и тем паче не позже, когда уже сформировался первоклассный состав, великолепный коллектив во главе с одним из лучших советских тренеров М. И. Якушиным. Тут уж, конечно, от добра добра не ищут. Так ведь в 50-м, скажем прямо, и вовсе никакого добра не было! И не дубль сам по себе главное, не дряхлый автобус, штурмующий родные дороги, рискуя рассыпаться на запчасти (именно такое транспортное средство доставляло на матчи резервный динамовский состав), — ужас состоял в беспросветности. Остальные молодые, задорно поющие дублеры собственного шанса ждут, может, дождутся. А он его уже имел. И не воспользовался. Его убрали насовсем. Генерал же недвусмысленно проорал, что больше не хочет его видеть.

Причина для того, чтобы сменить клуб (или хотя бы попробовать сделать это), — налицо. И что удержало? Хоккей? Так с ним он всё одно вскоре расстался. Или уходить некуда и никому дебютант-неудачник не нужен?

В книге «Счастье трудных побед» сообщается об определенных реальных предложениях других клубов. Каких — не говорится. А утверждается однозначно: «Динамо» Яшин бросить не мог. И точка.

А если всё же порассуждать? Ситуация у молодого футболиста трудная. В любом случае покидать Москву ее уроженцу смысла нет. В столице в то время насчитывалось шесть клубов. Получается, была возможность выбрать из пяти. В ЦДКА дублера и вправду не ждали: вратарская линия укомплектована. ВВС собирали самые сливки: только что подопечные Василия Сталина заполучили из «Торпедо» превосходного Анатолия Акимова. «Локомотив», да не обидятся сегодняшние почитатели железнодорожников, на тот момент был слаб и малоперспективен. Оставалось «Торпедо», ослабленное акимовским уходом. И… «Спартак», в котором аккурат в 1949 году завершил карьеру Алексей Леонтьев. Думается, в этих двух

московских клубах шансы заиграть у Яшина были. Потому что заменившие известных мастеров Чернышев у красно-белых и Лесковский с Берлизовым у автозаводцев к вратарской элите всё же не принадлежали.

В 30-е и 50-е годы вообще господствовала преданность одной команде. Такого, как сейчас, калейдоскопа переходов в те времена не наблюдалось. Хотя и «лебединая верность», как у Яшина — «Динамо», Нетто — «Спартаку», Иванова — «Торпедо», встречалась не часто. Бывали и переходы — от обиды, отчаяния, невостребованности.

Это всё вполне подходит к случаю Яшина. А он, как писал Лев Филатов, «не пал духом, остался в „Динамо“». Сознавал, значит, мэтр отечественной журналистики, как трудно Яшину было «остаться, не пасть духом». Не поддаться соблазну. И победить.

Так отчего же? Коротко говоря: Лев Яшин не мог уйти из команды, совершившей триумфальное турне по Англии в ноябре 1945 года, — причем большинство героев тех славных баталий находились рядом. И на них можно не только восторженно взирать — их случается и послушать. И — вообще сказка! — потренироваться с ними или под их руководством. А ты, хоть пока молодой и несмышленый, принадлежишь к тому же обществу, что и эти герои, и защищаешь те же цвета.

Про британские подвиги «Динамо» написано архимного. Повторяться нет смысла, да и не по теме, посему скажу так: осенью 1945-го состоялась главная на тот момент победа советского футбола. Динамовцы показали доброжелательной и сверхкомпетентной публике, что в СССР умеют управляться с мячом так же здорово, как и с любыми видами оружия. Льву Яшину, знакомому с войной не понаслышке, такая близость поля брани и футбольного поля была очень даже понятна.

И «Динамо» станет для него больше, чем обществом, больше, чем клубом. «Моя единственная» — так говорят, сами понимаете, не про команду. Здесь уже то, к чему прирос, что стало частью тебя самого. Всю жизнь он останется динамовцем и будет последовательно, до конца, отстаивать интересы родного общества. Помнится, как в 1980-м, перед Олимпиадой, Яшин, высоко оценивая потенциал сборной К. И. Бескова, настоятельно советовал добавить к приглашенным футболистам вратаря Пильгуя и защитников Новикова с Никулиным. А уж как переживал, когда «Динамо» погрузилось в долгий, какой-то сонный кризис! Право же, ради одного Льва Ивановича молодые небедные люди могли бы показать нечто путное.

Однако пора вернуться в начало 50-х. Хоккей и футбол в те

годы совмещали многие — графики обоих чемпионатов позволяли. За дубль футбольного «Динамо» Яшин заиграл отменно. Работать, то есть выручать, там приходилось много: защита не блистала. Здесь уже не до страха ошибиться или показаться смешным, не до самокопаний и переживаний после матча. Ибо если не ты спасешь, то кто же? Характерно, что в матчах за динамовский дубль Яшин отразил 12 одиннадцатиметровых ударов. Хотя самым большим мастером в этом компоненте игры не считался в продолжение всей звездной карьеры. По подсчетам А. М. Соскина, за всю последующую футбольную жизнь Лев Иванович отбил восемь ударов с «точки»: два в чемпионате Союза и шесть в международных встречах. А вот по молодости как прорвало: брал и брал почти всё. И на выходах действовал всё более и более уверенно. На глазах рос, наливался силой большой вратарь. В превосходной, как всегда, статье 1970 года «Предисловие к Яшину» Л. И. Филатов не случайно скажет про «три года невидимого миру труда, которые, скорее всего, и сделали Яшина великим вратарем».

2 мая 1953 года состоялся, если так можно выразиться, «повторный дебют» вратаря. Случилось это еще при главном тренере М. В. Семичастном.

С этой праздничной даты биографы обычно начинают рассказ о новой счастливой футбольной жизни Яшина. Факты, однако, не позволяют сделать столь жизнеутверждающий вывод. Откуда эти самые факты? А из газеты «Советский спорт» — в данном случае за 1953 год. Предвижу скепсис. Дескать, как можно верить советской газете? Которую еще со времен М. А. Булгакова читать не надо, пусть и нет другой.

Резон есть. В «Советском спорте» тех времен, как правильно объяснял историк спорта А. Т. Вартанян, много лишнего. Доклады, пленумы и т. п. Но как пройти мимо полновесных, тактичных, квалифицированных комментариев Г. Д. Качалина, специальных обзоров А. М. Акимова, статей А. В. Тарасова? А через год-другой подключатся едва закончивший выступления К. И. Бесков и вернувшийся из сталинской «зоны» Н. П. Старостин. Уровень корреспонденций тех мастеров никак не ниже, а, уж извините, недосягаемо выше сегодняшних.

Всё это к тому говорится, что восстановить картину шестидесятилетней давности, которую и счастливые долгожители вряд ли смогут четко и полно себе представить, доподлинно не получится. Но тому, что писалось в центральной газете, надобно верить. Хотя бы потому, что для Яшина то были первые сезоны. Он будто бы представлял собой чистый лист, на коем ничего не написали и не изобразили. Ни хорошего, ни плохого. А значит,

судили его максимально объективно.

* * *

Так что же писал «Советский спорт» о матче 2 мая «Динамо» с «Локомотивом», который бело-голубые обыграли — 3:1? И как конкретно оценили действия Яшина? Пожалуйста: «Свою первую игру в Москве футболисты „Динамо“ провели с подъемом. В команде можно отметить молодого, несомненно, талантливого вратаря Яшина. Однако ему следует еще много поработать над устранением недостатков — опрометчивых, нерасчетливых выходов из ворот».

Обзор охватывал сразу три московских матча, поэтому подписан сразу четырьмя фамилиями. И всё же — это предположение, не более, — видится, что именно о Яшине написал конкретно один из авторов.

Гавриил Дмитриевич Качалин. Будущий многолетний тренер сборной СССР, с которым она и завоевала главные трофеи: золото Олимпиады-56 и Кубок Европы 1960 года.

Ибо Качалин — достойнейший динамовец. Играл вместе с Чернышевым за родной клуб в 30-е годы, стал двукратным чемпионом Союза. А коли так — Яшина, безусловно, знал, следил за ним. По одному-то матчу невозможно говорить о несомненной талантливости.

В сущности, Яшину было показано, куда и как двигаться дальше. А это было действительно необходимо.

Ибо они с Вальтером Саная, скажем прямо, в апреле-июне 1953-го старшего тренера М. В. Семичастного своими действиями устроить не могли. Первые два апрельских матча Яшин пропустил. Вальтер вроде бы не напортачил, но 2 мая решили попробовать Льва. К тому же игроки основы, в частности, фронтовик-разведчик, а в 50-е правый полузащитник Владимир Савдунин и хороший нападающий Иван Конов убежденно высказались за включение молодого голкипера в основу. С «Локомотивом» и поставили.

Обошлось без провала. Но при счете 3:0 в пользу бело-голубых Яшин не перехватил передачу с фланга Сидорова, железнодорожники забили гол престижа. Пожалуй, не выручил. Не более.

Вернули Саная. 7 мая он результативно ошибается на выходе в Харькове. А 23-го возвращенный Яшин непростительно, по мнению армейского тренера Г. Пинаичева, выпускает мяч из рук в схватке с тбилисскими одноклубниками. 7 июня вновь

нерасчетлив Саная, он же 14-го числа того же месяца проскакивает мимо мяча. Всё — голы.

Что делать? Кого выбирать? Так и хочется через шесть почти десятков лет протянуть прекрасному футболисту и хорошему тренеру Михаилу Васильевичу Семичастному нечто современное из лекарств от сердечных болезней. Саная, без сомнения, опытнее. И считался не просто дублером Хомича, а человеком, способным в любой момент полноценно заменить Алексея Петровича. Так что если бы Семичастный окончательно остановился на кандидатуре грузинского вратаря, сей факт не вызвал бы никаких комментариев. Однако здесь добавилось еще одно обстоятельство.

Стоит признать: режим в ту пору нарушали частенько. Потом отрабатывали за двоих-троих и к матчу подходили вполне боеспособными. Ведь главное — не подвести товарищей. Так вот: Вальтер стал именно подводить. Что вызвало оправданное недовольство. Яшин в этом смысле всегда был образцом надежности. И рассуждения вроде: он, как и все россияне, при случае «мог себе позволить» — должны корректироваться степенью близости календарной игры. Остальное нас не касается.

И всё же главная причина выбора Семичастного в пользу Яшина в ином. Маститый футбольный специалист, старший тренер «Динамо» не мог не видеть, что молодой Лев представляет собой будущее игры вратаря при всех пока промахах. А про вовсе не старого Саная (в 1953 году ему исполнилось всего двадцать восемь), при всем к нему уважении, такого сказать нельзя.

Потому сначала Лев сравнялся с Вальтером по числу выступлений в основе, а затем прочно занял место в стартовом составе. Уже июльские матчи подтверждают справедливость тренерского выбора.

2 июля с «Динамо» (Киев) «очень хорошо проявил себя Яшин. Он несколько раз спасал ворота, отбивая трудные мячи или снимая их прямо с ноги нападающих киевлян». А вот как отозвался о действиях динамовского голкипера во встрече с «Локомотивом» второго круга будущий президент клуба «Кожаный мяч» М. П. Сушков: «У победителей стоит отметить хорошую игру вратаря Яшина, смело выходившего на перехват мяча у самой линии штрафной площади». Фирменный стиль дает результаты! Правда, 10 июля с вильнюсским «Спартаком» опять случается оплошность: «Яшин вовремя не сумел перехватить мяч, и он очутился в сетке ворот». Но уже в следующий раз, 16 июля (противник — ленинградское «Динамо»), Яшин заработает иную оценку: «Уверенно действовал прогрессирующий от игры к игре вратарь московского „Динамо“ Яшин».

А затем в том же «Советском спорте» подоспеет весьма серьезная, вполне реальная поддержка. 1 августа 1953 года появляется большая аналитическая статья недавно завершившего карьеру А. М. Акимова. Знаменитый голкипер, ставший прототипом Антона Кандидова из фильма «Вратарь», отозвался об игре Яшина, проведшего к тому моменту всего восемь календарных встреч, исключительно доброжелательно. Сначала Анатолий Михайлович выдвигает далеко не всеми принимаемый тезис: «Вратарь должен уметь активно играть вне пределов ворот, что во многом исключит ненужные падения в ноги и избавит от ушибов в столкновении с игроком». После чего идет подкрепление из непосредственной практики: «Отрадно наблюдать, как молодой вратарь московского „Динамо“ Л. Яшин, обладая в основном необходимыми навыками для такой игры, смело и успешно их применяет. А бояться ошибок и даже грубых просчетов не следует — они неизбежны при освоении нового».

И это, не забудем, 1953 год! Такое впечатление, что с нами говорят не из прошлого, а из будущего.

Итак, на стороне Яшина оказался, пожалуй, самый главный эксперт по вратарскому мастерству. Хотя место в воротах Лев не потерял бы и без акимовской статьи. М. В. Семичастный летом вполне определился с кандидатурой на последнем оборонительном рубеже. Яшин играл постоянно. На Саная уже не рассчитывали (и в следующем сезоне он перейдет в тбилисское «Динамо»). В финальном поединке на Кубок СССР Яшина, получившего травму на 59-й минуте, заменил двадцатилетний Владимир Беляев.

Да, динамовцы возьмут Кубок, но в чемпионате останутся четвертыми. На рубеже 70–80-х или, скажем, в 90-е такой итог сезона признали бы успешным (амбиции бело-голубых 2010-х годов последовательно и логично объяснить непросто) — тогда же, в 53-м, выступление однозначно назвали неудачным. Слишком свежо было в памяти эпическое противостояние «Динамо» и ЦДКА во второй половине 40-х, когда два этих могучих коллектива на порядок превосходили всех остальных. И если уж кто-то из них не становился первым, то вторым — обязательно. Так что даже Кубок страны не устраивал руководство.

Между тем для Яшина этот трофей стал первым в футбольной карьере. Но не дебютным в спортивной жизни вообще: вспомним Кубок Союза того же 1953 года, завоеванный в хоккейных баталиях. Получилось уникальнейшее достижение, которое превзойти нельзя, можно лишь повторить (что представляется сегодня полной фантастикой: игроки уже лет сорок как

занимаются или зимним, или летним видом спорта). Причем и зимой, и летом Яшин внес в успех решающий вклад.

Однако динамовские футбольные начальники жаждали золота. И за кадровые перемены взялись еще на финише не слишком складывавшегося сезона того самого 1953 года. Но обо всем по порядку.

После поражения 7 августа от тбилисцев (2:3) решили вернуть в Москву М. И. Якушина. Аккурат из того самого тбилисского «Динамо», с которым он только что и поверг столичный коллектив.

Знали бы грузины, к чему приведет победа, — быть может, и не старались бы так. Шутка, конечно, грустная. Ведь Якушин создал за три года блистательную команду, которая всерьез претендовала на золото. И выдергивать полководца перед решающими сражениями — мягко говоря, некрасиво.

Уже в августе Михаил Иосифович вновь оказался в столице. И если в чемпионате страны за месяц до финиша поправить дела не представлялось возможным, то к Кубку «новый старый тренер» оказался очень даже причастен. Уже с финала он находился у динамовского руля и, получается, привел команду к успеху.

Для нашего же рассказа назначение Якушина необыкновенно важно. Судьбоносно. Дело в том, что тренер Михаил Иосифович будто бы специально создан для вратаря Льва Ивановича. Недаром в своей книге «Вечная тайна футбола» старый тренер посвятил Яшину целую главу. И назвал ее «Вратарь моей мечты».

О каком же голкипере мечтал Якушин? В 1946 году он увидел в деле стража ворот софийского «Локомотива» Апостола Соколова, который практиковал храбрые выходы из ворот, уверенную игру ногами за пределами штрафной площади — фактически болгарин являл собой последнего защитника, страхующего партнеров.

Ясное дело, что сердце у Якушина, по его выражению, «екнуло», когда он увидел Яшина. Это был тот мастер, о котором он грезил. И что замечательно: вратарь абсолютно самостоятельно пришел к такой манере игры, он и не думал подстраиваться под будущего наставника. Получается, два больших художника, не зная того, много лет шли навстречу друг другу и, наконец, воссоединились в динамовском коллективе образца осени 1953 года.

Естественно, общность их футбольных взглядов состоит не только в признании за вратарем права на дерзкие выходы из ворот. Суть глубже. Голкипер выступает как организатор обороны команды. Отсюда — руководство защитной линией и при исполнении «стандартов», и вообще при любой атаке противника.

Когда же удалось успешно отбиться, наступает черед контрдействий. И вновь всё начинается с вратаря.

Сегодня ввод мяча руками видится привычным, само собой разумеющимся приемом. Во времена Яшина мяч выбивали в основном ногой. Дальше — борьба в центре поля. (Ныне многие вновь вернулись к такой практике. Какое-то движение по спирали — только в обратную сторону.)

Можно спорить, точно ли Лев Иванович первым стал бросать своим рукой[7] или его всё же стоит считать «одним из первых». Однако непреложно одно: так, как Яшин, бросок не выполнял никто. Полет шел по уходящей траектории, с подкруткой. То есть мяч вроде как безвозвратно улетал от адресата, а затем, словно на веревочке, удобно возвращался к нему в ноги. И далеко не обязательно пас шел на ближнего игрока — тут большого ума не надо, — атаку могли свободно продолжить и полузащитник, и даже нападающий.

Еще один прием — стабильный вынос мяча в поле кулаком, — по утверждению М. И. Якушина, ввел в обиход тоже Яшин. Действительно, ловить мяч не всегда сподручно, а выбить можно, и притом точно.

Впрочем, и здесь речь идет о технико-тактических действиях, пусть и привязанных к общему для наставника и футболиста пониманию игры голкипера и скрытых ее резервах. Но взаимопонимание Якушина и Яшина находилось не только на спортивном уровне.

«В футбол играют головой!» — одно из любимых изречений Михаила Иосифовича. Он с собой и коробку от монпансье носил, в которой лежали фишки разных цветов, дабы имелась возможность в нужный момент выложить их перед питомцами на клеенку с расчерченным футбольным полем и спросить любого из них, как тот будет действовать в предложенной ситуации.

Яшина можно было не спрашивать. Он занимался этим постоянно: «Футбол занимал не только почти все мое время, но и целиком все мысли. К каждому игровому эпизоду с моим участием я возвращался мысленно снова и снова. Атаку, которая заканчивалась голом в мои ворота, память расчленяла на мельчайшие детали». Иного исполнителя, если и заставишь «вернуться» к отыгранному эпизоду, — так чуть ли не карательными методами. А Яшин? «Мне и в голову не приходило убеждать себя, что вратарь в силах дотянуться до мяча, сильно пущенного вблизи в угол ворот. Ну а если бы я заранее вышел навстречу удару? Или, сумев предугадать, куда этот удар последует, сместился поближе к тому углу? Или неожиданно для противника встретил бы его у передней границы штрафной

площадки? Или вовремя крикнул защитникам, кому и куда бежать, чтобы перекрыть все пути атаки?»

Ошибки, как и объяснял А. М. Акимов, конечно, случались. Игра на выходах — «на тоненького», риска много. «В то время, когда мы начинали с ним работать, — вспоминал Михаил Иосифович, — Яшин порой был еще нерасчетлив в действиях. Сорвется, бывало, с места, убежит за линию штрафной, а мяча не достанет. Глядишь, соперник нам гол в пустые ворота и закатит. На трибунах свист и смех». Реагировали не только на трибунах. Председатель Всесоюзной секции футбола (сегодня — Российский футбольный союз, до того — Федерация футбола СССР) В. А. Гранаткин, сам бывший вратарь сборной, требовал от «Михея», как он называл Якушина по старому знакомству, «прекратить цирк», то есть действия Льва Яшина вне штрафной. Реакция объяснимая: в гранаткинские 20–30-е такого голкиперы себе не позволяли. Однако Михаил Иосифович ответил корректно, но твердо: «Нет, Валентин Александрович, кончать не будем, и не цирк это вовсе, а новая современная игра вратаря, она и команде полезна, и перспективна». Гранаткин, чуть позднее, кстати, восторженно признавший Яшина, махнул рукой и отошел.

Характерный, сочный диалог, в котором и упрямый, принципиальный Якушин предстает во всей красе и вместе с тем виден хороший, искренний руководитель, явно разбирающийся в футболе и уважающий его работников. Всё же один вопрос возникает. А именно: когда состоялся разговор? В каком году? В 53-м? Но Михаил Иосифович принял команду в августе, за месяц до конца чемпионата. Правда, поиграть под его руководством Яшин в том году успел: кроме двух завершающих первенство матчей, были кубковые поединки и товарищеские встречи. Но пропускал он в них мало (а что до Кубка, то после переигровки с ленинградскими одноклубниками в 1/8 финала вообще остался «сухим», включая и решающую игру за трофей, где, напомню, был заменен из-за травмы) и поводов «смешить народ» совершенно точно не подавал. Народ мог хохотать и улюлюкать, если неймется, однако… раньше, весной и в первой половине лета, когда Якушина в команде еще не было. Тогда, выходит, беседа состоялась в 1954 году?

Здесь стоит отметить: сезон-54 стал одним из лучших в блистательной карьере Яшина. Случались ли ошибки? А как же! По отчетам удалось отыскать три промаха.

10 июня динамовцы принимали французский клуб «Жиронда». И вот «Яшин неосмотрительно покинул ворота, но Крижевский, занявший его место, спас команду от верного гола, выбив мяч головой с линии ворот». Заметим, ворота спасены.

Затем 10 июля в поединке с харьковским «Металлистом» произошло нечто малоприятное. Дадим слово очевидцу, мастеру спорта А. Калинину: «В этой встрече вратарь динамовцев Л. Яшин вновь нередко покидал ворота, устремляясь на перехват мяча. Иногда он выходил даже за пределы штрафной площади и действовал как защитник. В большинстве случаев Яшин правильно оценивал игровую обстановку и его действия были точны. Однако нельзя обойти молчанием необоснованный выход Яшина во второй половине матча к боковой линии. В этот раз только неумение харьковчан точно бить по воротам спасло команду „Динамо“ от неминуемого гола». И опять гола нет.

И, наконец, 10 августа в матче с «Локомотивом» «Яшин нерасчетливо выходит из ворот, и только неточный удар спасает динамовцев от верного гола». В остальных случаях «от верного гола» спасал лично Лев Иванович. Мы обязательно вернемся к его подвигам 1954 года и с удовольствием процитируем восторженные отклики, а пока засвидетельствуем следующее: *за весь сезон он не совершил ни одной результативной ошибки.* То есть даже если риск не оправдывался, мяч в ворота не залетал. И на что было гневаться В. А. Гранаткину? Быть может, произошло определенное смещение: голевые ошибки сезона 1953 года неким воспоминанием «наложились» на игры следующего чемпионата? Ведь Яшин в 1954-м действовал столь же смело, однако во много раз успешнее. Гранаткин же, бывший превосходный голкипер, за «товарища по цеху» переживал: мол, вдруг опять пропустит, и народ вновь примется смеяться и издеваться. Вот и страдала вратарская душа Валентина Александровича. А Яшину зла он никогда не желал.

Тем не менее от ошибок на выходах нужно было избавляться. Лишь при максимальной эффективности можно говорить о новаторстве. В ином случае перед нами авантюра.

И старший тренер «Динамо» принимает важнейшее решение: вратарь Яшин помимо специфических тренировок должен участвовать в общекомандных занятиях. Как полевой игрок.

Михаил Иосифович вряд ли знал о детском бомбардирском прошлом голкипера, о том, что и в ворота он поначалу не рвался и с мячом возиться любил. Но это было попадание «в точку». Яшин наравне с остальными работает в традиционных «квадратах», где главное — сохранить мяч, четко передать его партнеру, а противника близко подпускать к себе нельзя. Так ковалось оружие против прессинга, которому вратари и тогда подвергались достаточно часто. Кроме того, вырабатывалась культура первого паса: коль не вышло филигранно выбросить рукой — действуй ногами, начни атаку адресной передачей. А вот

обводить вратарю запрещено. «Если даже ты обведешь соперника, гол мы забиваем? Нет. А вот если не обведешь и мяч потеряешь, нам уж точно забьют», — втолковывал наставник.

Участвовал Яшин и в двусторонках. Играл зло. Как он сам вспоминал, «появилась привычка выполнять на тренировках всё, что делали полевые игроки, отчего я не уступал им в выносливости». И не поспоришь с Якушиным в том, что «разнообразные тренировки такого характера и помогли Яшину до сорока с лишним лет выступать в большом футболе».

Подобного успешного долголетия от современных стражей ворот никто, безусловно, не требует. Не всем дано. Удивляют появившиеся и уже укоренившиеся характеристики: тот голкипер «умеет играть ногами», а этот — как-то не очень. То бишь руками еще ничего — ногой же, если вообще не промахнется по мячу, выбивает в аут. Понятно, вратари — товар штучный, да ведь они в футбол должны уметь играть. Надо думать, Лев Иванович и в XXI веке, после того, как правилами запрещено было принимать мяч руками от своего игрока, смотрелся бы качественнее большинства отечественных коллег непосредственно в работе с мячом.

Пока же, в 1954-м, начинался, по мнению некоторых специалистов, самый блистательный этап его карьеры. По сути, в «Динамо» он, отвечая всем мечтаниям М. И. Якушина, часто выполнял роль либеро. Что давало, по несложным подсчетам, преимущество в целую боевую единицу на поле. На дальние навесные передачи Яшин, не в пример казусу трехлетней давности, выходил точно и безошибочно. А играть приноровился не только ногами. За границей штрафной стал как заправский защитник выбивать мяч головой. По собственной инициативе, без согласования с тренерским штабом. Естественно, потом, в раздевалке, после первого новаторского опыта вратарь не без тревоги ожидал реакции наставника. «Кепочку надо снимать», — невозмутимо отреагировал ироничный Якушин. Тогда почти все известные вратари выступали в кепках: Акимов, Хомич, Саная. Шили их у специальных мастеров и очень берегли. И Яшин потом так и делал: выскочит, головной убор снимет, а как мяч отобьет — водрузит на место. Словно поздоровается с публикой, которая тому страсть как рада была.

Трюк с кепкой — единственное, наверное, проявление его артистизма. Лев Иванович никогда не исполнял эффектный, рискованный бросок ради аплодисментов: лучше сыграть за счет выбора позиции, просто и незаметно. Но «раскланивания» с болельщиками свидетельствуют о скрытом в нем недюжинном артистическом таланте. Надо сказать, что Яшин отменно танцевал, ценил и любил хорошую песню, знал толк в доброй

необидной шутке — вообще умел расположить к себе. И всё это необходимо было удерживать внутри. «Мое дело костями стучать о землю», — мрачно чеканил лучший вратарь мира. Что же здесь веселого?

В «Динамо» он должен был стать и стал оплотом надежности. И наработанное им и тренером использовалось на полную катушку. Верховой мяч, обязательный перехват Яшина — и левый защитник Борис Кузнецов, заблаговременно освободившийся от опеки, мгновение спустя получает мяч. Пошла быстрая контратака.

Выходы один на один также нередко ликвидировались Яшиным. Голкипер 30-х годов Евгений Васильевич Фокин являлся в «Динамо» не только начальником команды, но и тренером вратарей. Еще до войны на основе изучения лучших нападающих республики он составил целую теорию броска в ноги форварду. В смысле: когда кидаться, каким образом и надо ли вообще. Так что Яшина было кому и здесь учить.

Что же касается действий непосредственно на линии ворот, то отличная реакция всё чаще подкреплялась четким видением обстановки на поле, позволявшим просчитывать ситуацию и занимать верное место в воротах.

В сезоне 1954 года команда обладала исключительно прочной оборонительной линией. Якушин как всякий крупный тренер шел от слаженности и надежности обороны. Безусловно, про атаку не забывали (без голов не выиграешь), однако тренеру и футболистам была необходима уверенность в собственных тылах.

Фигуру Яшина в создании такой уверенности невозможно переоценить. Как видим, к двадцати пяти годам он уже сложившийся мастер практически без слабых мест. Близкие к «Динамо» люди отмечали: только с Яшиным авторитетный старший тренер мог советоваться по выбору состава или тактики.

Когда-то в солдатской динамовской команде Льва прозвали Швейком. Вроде как из-за сходного с персонажем Ярослава Гашека головного убора. Вообще-то маловато для культового прозвища: в частности, круглым Яшин никогда не был — а уж в юности смотрелся, прямо говоря, худее худого. Да и в зрелые годы выглядел просто статным мужчиной — не более. Зато всё время улыбался, был добродушен и отзывчив. В якушинском «Динамо» Яшин, конечно, оставался самим собой. Однако на разборе матча мог и взорваться, если считал, что партнер недоработал в поле. Именно так — слодырничал, недобежал, недопрыгнул. Тут пощады от Льва не жди. Потому что ошибиться может каждый. Бывает. А вот сознательно поберечь себя — это,

выходит, воевать против своих. Прощения такому нет. Больше того, разгоряченный вратарь иногда высказывал претензии и наставнику: «А вы что, Михаил Иосифович, молчите, глаза закрываете на то, что он бездельничал на поле?» Якушин в таких случаях действительно активности не проявлял. Сам он объяснял это тем, что если всем разом наброситься на одного, то его легко и сломать. Лучше подождать, а после в спокойной обстановке проанализировать имевшиеся недочеты.

Но, думается, имелась и другая причина. Мудрый тренер давал ребятам и конкретно энергичному, страстному Яшину выговориться, почувствовать себя участниками огромного совместного дела. В конце концов, он им всё про себя объяснил, когда в жуткий тропический ливень на первом же сборе в Гаграх не отменил тренировку, а, наоборот, возглавил запланированный кросс, хотя тот же Яшин, увидев бушующую за окном стихию, вновь залез было под одеяло.

После вылета за призовую черту в 1953-м «Динамо» было обязано в новом сезоне взять первенство. И сложившийся мобильный честолюбивый коллектив истово работал над трудной задачей.

Справедливости ради надо признать, что не один Лев имел право на критику. Если кто-либо считал, что вратарь сыграл плохо, ему говорили это в глаза. Футболисты по собственному желанию (тренеры не вмешивались) выпускали стенную газету «Штрафной удар», название которой красноречиво и без комментариев. И если любой из них, по общему мнению, не отдал всего себя для победы, товарищи клеймили такого персонажа остро и нелицеприятно.

Разумеется, одной только здоровой атмосферой, сплоченностью, настроем в чемпионате Союза добиться победы нельзя. Надобно и умение играть в футбол. И с этим, безусловно, главным компонентом у динамовцев в 1954-м всё обстояло нормально. «Состав у нас, — вспоминал М. И. Якушин, — в конце концов подобрался ровный. Игроки были все хорошего уровня, и ансамбль сложился неплохой». Ну и «подобрал», и «сложил» состав, естественно, Михаил Иосифович с помощью второго тренера В. К. Блинкова. Про роль Е. В. Фокина мы уже знаем.

В защите закрепились пока только два «К»: Борис Кузнецов слева и Константин Крижевский в центре. Игравшего же справа Анатолия Родионова через два года сменит третий «К», Владимир Кесарев. Два хавбека по тогдашней схеме «дубль-вэ»: Владимир Савдунин (правый) и Евгений Байков (левый). Атаке очень пригодился бакинец Алекпер Мамедов — центр нападения. Провел он, правда, 15 матчей из 24, а особенно раскрывшийся в

чемпионском сезоне Владимир Ильин — все. При одиннадцати голах против пяти Алекпера. Кроме них в атаке выходили Геннадий Бондаренко (21 игра, 8 мячей), еще не вернувшийся в «Спартак» Сергей Сальников плюс крайние нападающие Владимир Шабров и Владимир Рыжкин. Еще успел четыре раза выйти на поле закончивший в тот год карьеру Константин Бесков.

Все эти мастера достойно провели сезон и заслужили «золото». И всё же положа руку на сердце кого из них помнит сегодняшний любитель футбола? Бескова, который по понятным причинам не успел помочь, Сальникова и, пожалуй, некоторые еще Крижевского с Борисом Кузнецовым. Всё.

Яшина назовет всякий.

И Якушин, написав про «неплохой ансамбль» «игроков хорошего уровня» (что, безусловно, справедливо!), дальше будет говорить о футболисте, заметно выделявшемся среди всех. Льве Яшине.

* * *

Сезон 1954 года он провел потрясающе. Пора уж перейти к обещанным реляциям о его победах.

4 апреля, игра с киевлянами: «Следует сильный удар, но Яшин в броске успевает парировать мяч». 13 апреля, матч с «Трудовыми резервами» из Ленинграда: «…Но расчетливо выбравший позицию вратарь Яшин спас свою команду от гола». 1 мая — великое дерби 50-х со «Спартаком»: «Татушин остался один против пустых ворот. Но вратарь динамовцев успел помешать нападающему точно пробить по воротам». 13 мая на очереди земляки-железнодорожники: «На седьмой минуте Малов сильно и точно бьет в нижний угол ворот. Однако Яшин в отменном броске берет, казалось бы, безнадежный мяч». И 15 мая в не слишком зрелищном, по мнению очевидцев (тогда нулевые ничьи не жаловали), поединке с армейцами он находит возможность отличиться: «Так, Яшин на 28-й минуте в блестящем броске забрал мяч после удара Фомина… За минуту до конца встречи вратарь „Динамо“ вновь спас свою команду, отразив труднейший мяч, пробитый Коршуновым».

Во всех этих случаях речь идет о спасениях («сейвах»), *определивших результат.* Причем в отчетах отражены совсем невозможные подвиги — всё, что вратарь, как считают знатоки, брать обязан, в качестве темы для похвалы не рассматривается. Что до ошибок, то мы, помнится, наскребли их три. И, между прочим, в упомянутой июньской игре с «Жирондой», помимо той

нерезультативной неточности, было и спасение: «Гирдьен пытается забить гол, Яшин в акробатическом прыжке снимает мяч у него с головы». Воспоминание о московской встрече с французами позволяет плавно перейти к международной тематике.

Еще в июле 1954 года динамовцы трижды сыграли в Австрии, а затем, осенью, поехали с ответным визитом во Францию («жирондистов», для справки, опять немилосердно разгромили, теперь — 3:0), откуда отправились в Швейцарию, где также показали себя с лучшей стороны.

«Заграница» увидела Яшина в работе. И вот впечатления: «Вратарь Яшин не допустил ни одной ошибки». Это венская «Ди Прессе» после встречи с «Аустрией». А теперь репортаж из Франции (Яшин в Лилле против сборной города 28 октября): «На трибунах неоднократно раздаются дружные аплодисменты после уверенных стремительных выходов из ворот и акробатических бросков за мячом». И, наконец, отклики на поединок со сборной клубов «Реймс» и «Рэсинг» (фактически национальной командой страны) 13 ноября: «Смелыми выходами он ликвидирует опасные моменты в своей штрафной площадке». А в конце «отбивает неотразимые, казалось бы, мячи».

Да, сколько их будет, зарубежных восторгов. Там-то его, как видите, сразу и безоговорочно приняли. Хлопают, восхищаются. А не свистят и не оскорбляют. И писать о Яшине стали раньше и больше «за бугром», чем у нас.

Как бы то ни было, в 1954 году Лев Яшин сделал гигантский скачок в профессиональном плане. И вправду — «львиный». А приглашение в сборную СССР стало наградой за превосходные выступления в составе московского «Динамо».

Главную команду страны в 1954-м, по существу, возрождали. Неудачное, по мнению Сталина, выступление футболистов на первой для Советского Союза Олимпиаде 1952 года привело к расформированию официальным указом ЦДКА и тихому убийству национальной сборной: после поражения в драматичной четвертьфинальной переигровке от югославов она уж около двух лет не собиралась и, естественно, не выступала. Но вот, не без труда пережив безвременную кончину вождя, спортивные руководители порешили, что сборной всё же — «быть». И запланировали поединки с добротной шведской командой и великой сборной Венгрии — несомненно, сильнейшей в те годы. Для спарринговов привлекли болгар и поляков. В целях конспирации наши решили назваться сборной Москвы.

Всего вышло по два матча с национальной командой Болгарии и сборной Варшавы: друзья по соцлагерю тоже (как бы

чего не вышло) шифровались. Яшин защищал ворота во всех четырех встречах. Причем в официальный реестр нашей национальной команды они, по понятным причинам, не занесены: Москва — столица, но не вся страна. Тем не менее вратарь-дебютант к политическим художествам отношения не имеет. И мог бы, бесспорно, сожалеть о том, что те игры не пошли в зачет его будущих многолетних выступлений за сборную Союза. Да и претензий к Яшину лично не было, пусть и пропустил он пять голов в четырех матчах: три влетело от поляков, два — от болгар. С которыми отыграл наиболее удачно оба раза, а один из мячей ему забили с одиннадцатиметрового.

В любом случае решающей оценкой действий голкипера стало его включение в основу на матч со Швецией — в то время как состав той, «московской», команды изрядно перетряхнули.

Сегодняшний болельщик, возможно, задастся вопросом: а к чему столь резкие движения? В смысле, что волноваться-то? Игра со скандинавами, как, впрочем, и последующий поединок с Венгрией ни к какому отборочному циклу не относились. Товарищеские они. Если бы и уступили, чего страшиться? Рейтинга сборной все равно нет. Да и был бы — так что с того, коли понизится на несколько пунктов?

Действительно, по нынешним меркам, вопросы вполне вероятны. Однако нам необходимо понять разницу между современными «товарняками» (до которых столь охоча сборная России последних лет), где пробуют молодежь, провожают ветеранов, едут бог знает куда, по уверениям чиновников, «заработать» (?) и часто неприкрыто валяют дурака, — и тогдашними поединками обязательно лучших футболистов двух стран, коим о национальном престиже не приходилось напоминать. Ведь в 50-е еще не существовало чемпионата Европы, а в финальной пульке мирового первенства выступало лишь 16 команд. Соответственно, игр между сборными проводилось намного меньше. И каждая — как финальная. Тем более — в СССР.

Так что безоговорочное появление Яшина в стартовом составе 8 сентября на «Динамо» против Швеции значило одно: сборная получила основного вратаря, чья кандидатура прошла одобрение на всех уровнях. И никто из одобрявших представить не мог, сколько лет он будет биться на доверенном ему посту. И сколько ему придется пережить в тех тяжелейших боях…

А матч со скандинавами сложился для наших неожиданно легко. Отменная победа — 7:0. Яшин отразил два удара Эрикссона. Больше наши углядеть заслуг голкипера не смогли. Чего не скажешь о зарубежных экспертах. Ими выступили (тогда,

видно, такое практиковалось) судьи, обслуживавшие игру. Как указывает в своей «Летописи…» на страницах газеты «Спорт-экспресс» А. Т. Вартанян, на Яшина обратили внимание сразу два линейных арбитра. И если финн Нюберг просто назвал Льва Ивановича среди трех лучших советских футболистов, то чех Мартин Мацко пошел дальше: «Превосходный вратарь. Он держит под неослабным контролем всю территорию штрафной площадки».

На очереди был самый серьезный экзамен для всей советской сборной и для Льва Яшина персонально — звездная венгерская дружина. Совсем недавно она в равной борьбе со взаимными шансами уступила в финале мирового чемпионата западногерманской команде — 2:3. Разгромив до того будущих обидчиков в группе аж 8:3 и показав, по мнению большинства экспертов, более привлекательный футбол, нежели чемпионы. Советским же людям — не ограничимся лишь футболистами — весомо повезло, что венгры принадлежали тогда к социалистической системе: договариваться о ежегодных товарищеских встречах с руководством «братской» республики было куда проще, чем с обычным соперником. А зрители под партийную «нерушимую дружбу» (ей, правда, два года осталось, до 1956-го) получали возможность увидеть незабываемый спектакль: венгры тогда были почти как бразильцы. Только лучше.

Разумеется, к общей радости, в Москве 54-го обе стороны собирались по-спортивному биться за победу, политическая союзническая составляющая на накал поединка повлиять не могла.

Занявший пост № 1 на переполненном 26 сентября динамовском стадионе Яшин, скажем прямо, не подвел. Вступать в действо пришлось уже на 8-й минуте после мощного выстрела Пушкаша (Ференц, к тому времени наколотивший за сборную Венгрии 68 мячей в 57 матчах, Льву забить не сумел в той встрече — ну а в 60-е начнется их долгая добрая дружба). На 59-й минуте бьет головой еще один виртуоз, Шандор Кочиш. Яшин спасает. А в конце встречи, удавшейся на славу и прошедшей на великолепном гроссмейстерском уровне, наш вратарь отбил мяч, пущенный третьей мадьярской звездой — Нандором Хидегкути. Кочиш, правда, после быстрой контратаки свой гол всё же забил, сравняв счет (так и закончили — 1:1), однако не один, наверное, А. Т. Вартанян посчитал, что именно Яшин наряду с невероятным Кочишем стали лучшими исполнителями в классном футбольном спектакле.

Подводя футбольные итоги 1954 года для Льва Яшина,

необходимо употребить слово «прорыв». От едва закрепившегося в основе стража ворот с неоднозначной репутацией он прошел путь до основного голкипера первой команды страны, стал чемпионом Союза, дебютировал на международной арене, получив отличную прессу.

Но жизнь футболиста, понятно, одним футболом не ограничивается. В декабре 1954 года, в самые новогодние праздники, Лев Яшин женился на Валентине Шашковой. Избранница училась в полиграфическом институте и работала на заводской радиостанции. Познакомились они на танцах. Танцы Лев любил, как и вся молодежь того времени, и готов был отплясывать допоздна. Понятно, что не в одиночестве. А потому к двадцати пяти годам были, конечно, и знакомства, и романы. Однако женитьба для молодого человека, выбравшего дорогу в большой футбол, — особенно серьезный шаг. Не секрет, что спортсмены, особенно футболисты, в 50-е годы — люди заметные, публичные. И ошибка в выборе спутницы жизни могла стоить разбитой карьеры.

Так вот: Льву Яшину с женой повезло. Да, на тренировке динамовцев она побывала лишь раз. Правда, досмотрела ее до конца, а не ушла через полчаса, как гласит неправдивая легенда. Так ей чего стоило весь этот ужас вытерпеть: представляете, дорогого вам человека буквально расстреливают жуткими по силе ударами. А он не уворачивается, что надо бы, по идее, сделать, — сам бросается на снаряд. И что бы там кто ни говорил о позднейших причинах болезни Льва Ивановича — Валентина Тимофеевна всегда имеет право на собственное мнение. И вечно будет права — как любящая жена, для которой выстрел в мужа останется выстрелом, причинившим ему реальный вред. Пусть для остальных это и обычная тренировка.

А на матчи она, конечно, ходила, переживала. Чуть не первое услышанное мной по телефону было (молодым, задорным голосом): «А вы видели, как он играл?» Сколько восхищения, радости, хотя уже годы прошли.

Лев Иванович получил не только дорогую супругу, но и верного, надежного, спокойного друга. Между прочим, такой штрих: квартиры Яшину и другим динамовцам дали, лишь когда они стали трехкратными (!) чемпионами СССР, что случилось в 1957 году. Можно ли представить себе подобную ситуацию в семье футболиста нового века?

Однако так жили все. Это является основным постулатом Валентины Тимофеевны. Она и сегодня, когда уже выросли две дочери, Ирина и Елена Львовны, внуки Василий, Александр и внучка Наталья (да и те, слава богу, не последние в роду: к

восьмилетней правнучке Маргарите в 2013 году присоединились ее сестренка Варвара и, порадуемся особо, мальчик, Лев Васильевич!), по-прежнему сочетает в себе скромность, интеллигентность и чувство собственного достоинства. В курсе всех динамовских дел — в том числе и фанатских. Замечательно, чисто, трепетно хранит память о великом супруге. Выпустила буклет с фотографиями, посвященный его жизненному пути. И откликается на каждое новое высказывание о Льве Ивановиче. Кому же, если не Валентине Тимофеевне его лучше знать? И Яшин это понимал. Льву Филатову он на излете карьеры (когда десятка биографических книг о нем, как сейчас, в нашей стране еще не появилось) откровенно признался: «Вот жена моя, Валя, всё про меня точно знает. Написал бы кто-нибудь так, как она знает…»

Здесь, впрочем, высказана мысль невозможная. Совершенства нельзя достичь. Вероятно одно к нему приближение.

А значит, придется вернуться к футболу. Иначе ничего не выйдет. Яшин работал футболистом.

* * *

4 апреля 1955 года произошло событие, особым образом осветившее отношение Льва Ивановича к обществу «Динамо». В тот день на общем собрании команды Яшин потребовал пожизненной дисквалификации Сергея Сальникова, который решил вернуться в московский «Спартак». В «Динамо» один из техничнейших советских нападающих перебрался в 1950 году. По семейным обстоятельствам — тайны здесь никакой не существовало. Просто нужно было спасти от репрессий тестя, а бело-голубые относились к самому авторитетному отечественному ведомству. Нельзя сказать, что Сергей Сергеевич выступал за «Динамо» в полноги или хоть как-то давал слабину в играх с красно-белыми. В частности, Николай Паршин много лет спустя вспоминал, как трудно, почти невозможно было удержать без нарушения правил этого незаурядного мастера. Да и «золото» образца 54-го года динамовцы добыли при добросовестном участии Сальникова. Но времена имеют свойство меняться. 1955 год в Советском Союзе кардинальнейшим образом отличался от 1953-го, не говоря уж о недоброй памяти 1950-м. Как известно, еще до XX съезда КПСС пошли реабилитации абсолютно невинных людей. Пересмотрели и дело братьев Старостиных, в котором, как водится, не оказалось состава преступления. Старший из них, Николай Петрович, получил возможность

вернуться к профессиональной деятельности. Которая для него, основателя клуба, и должна была проходить в «Спартаке» — где же еще? И любимый ученик Старостина Сергей Сальников пожелал вновь трудиться под руководством воскресшего, по сути, из небытия учителя. Логично?

Не совсем. И точно — не для Яшина. В том-то и дело, что в минувшем сезоне после пятилетнего перерыва бело-голубые стали чемпионами. Начинающий вратарь и опытный нападающий (хотя разница в возрасте лишь четыре года) прекрасно понимали свое значение в созданном М. И. Якушиным ансамбле. Обратим, кстати, внимание: тренер не препятствовал возвращению Сальникова. Так на то он и многомудрый наставник! Яшин же рубит с плеча в силу того, что он игрок, не оборачивающийся назад и не вглядывающийся вперед. Он честно добыл победу и готов драться, «костьми ложиться» за новую. А уход Сальникова ослабляет команду и усиливает прямого конкурента. Яшин — динамовец. Нельзя его перекрасить, переубедить, переменить. И совсем дикость: намекнуть на нечто, обещающее материальные блага. А тут, получается, попользовался человек клубом, когда нужда пришла, затем развернулся и отправился особой, нединамовской, дорогой. Предатель — и рассуждать нечего.

Конечно, не стоит сбрасывать со счетов тот факт, что собственной семьей Лев едва обзавелся.

Наверняка лет через пять, когда родится первая дочь и когда слово «семья» зазвенит сокровенно и неповторимо, он вряд ли был бы так категоричен. Однако из «динамовского» состояния вывести Яшина всё одно никому не удавалось.

Что же касается неожиданного и парадоксального свидетельства Н. П. Симоняна о том, что по жизни Лев Иванович тянулся к спартаковцам, то на самом деле противоречия здесь никакого не содержится. Любил, ценил, уважал людей, к тому же достойных, вне поля — да, несомненно. Но при чем тут спортивное состязание? Болел в детстве за «Спартак»? Возможно (хотя Богородское всё же не Сокольники, где, считалось, каждый мальчишка симпатизировал красно-белым). Но если не покинул «Динамо» в тяжелые для себя годы и забронировал за собой место в основном составе, то о чем теперь-то рассуждать? Нет, Яшин из «Динамо», для «Динамо» и во имя «Динамо».

А с Сальниковым, возвращаясь к истории, врагами они не стали. У спортсменов мирового уровня слегка иной масштаб личности. Будет, правда, один эпизод из конца сезона, да то ведь игра.

Врагов у Яшина среди мастеров футбола вообще не было. А семьями дружили и с Исаевыми, и с Симонянами, и с Ивановыми.

Жили не так далеко друг от друга, встречались с удовольствием. На поле каждый защищал родные цвета. За сборную выступали вместе. И с чего враждовать им и, тем более, их поклонникам? Жаль, что такие простые истины объяснять всё труднее.

Чемпионат 1955 года Яшин начал так, будто продолжал прошлогодние подвиги. 24 апреля в Минске «в отличном броске парирует мяч». 2 мая в Москве с киевлянами в сущности закрепляется фирменное и отработанное: «Очень четко играет вратарь хозяев Яшин. Он часто выходит на перехват мяча, неизменно разрушая комбинации соперников. Так, Яшин отбивает сильный удар Зазроева, а затем перехватывает мяч, ликвидируя прорыв всё того же Зазроева».

Интересно. По тону репортажа чувствуется, что В. А. Гранаткин к маю 1955 года вряд ли считал яшинские новации «цирком».

Затем 9 июня следует встреча с «Торпедо». Здесь сразу два знаковых момента. Первый: отчет в «Советском спорте» пишет возвратившийся из сталинских лагерей Н. П. Старостин. Второй: дискуссия великих Яшина и Стрельцова. По информации Николая Петровича, голкипер пусть и «с трудом», но «отбивает несколько сильных ударов» юного торпедовского дарования. В итоге Эдуард не забил, а автозаводцы уступили — 0:2.

Пути замечательных советских футболистов, вратаря и нападающего, будут неоднократно пересекаться. В сборной, в конце концов, если бы они и захотели, не смогли бы миновать друг друга. Однако, как и в случае с Сальниковым, сталкивать гигантов, подсчитывать, кто из гениев «гениальнее», по-моему, нехорошо. Можно найти массу подтверждений их взаимного уважения. Да надо ли? Для соотечественников они всегда рядом. Там, наверху.

А в чуть оставленном нами 55-м у Льва Ивановича 17 июня случились неприятности. В общем-то, случились они у всего «Динамо», которое было разгромлено «Спартаком» 4:1. Якушин, между прочим, никогда не скрывал, что по составу красно-белые смотрелись сильнее. Потому опытный тренер и строил игру бело-голубых от обороны. Не глухой, с бестолковыми откидками абы куда, а пружинной, готовой развернуться в молниеносную, убийственную контратаку. Это получалось, если тылы не подводили. А тут Анатолий Ильин пробил с 30 метров и… И время послушать А. М. Акимова: «Яшин не рассчитал броска, и мяч вновь оказывается в воротах „Динамо“». Стало 3:1. Спартаковцы опять атакуют, «используя неточную игру Яшина, который после третьего пропущенного гола потерял обычную уверенность».

Цитата приведена, сами понимаете, не из желания уязвить. И даже не в угоду пресловутой объективности: дескать, и у заслуженных людей неудачи бывают. Просто нужно осознавать, до какой степени успех динамовцев зависел от их первого номера. «Обычная уверенность» Яшина — не всегда достаточное, но необходимое условие победы его команды. По крайней мере, в союзном первенстве 1950-х годов.

Ибо на международном уровне о достаточном и говорить не стоит — необходимого же нужно было во много раз больше.

Это и показал 7 июля так называемый товарищеский матч с итальянским «Миланом»[8]. «Дело Босмана», полнокровно населившее европейские клубы иноземцами, как мы понимаем, еще не прогремело, однако легионеры в составе грозного соперника имелись. Они-то всё и решили. «Соерсен мимо выстроившихся игроков направляет мяч в ближний угол ворот. Не ожидавший такого удара Яшин даже не сделал попытки отразить мяч, так как не сумел правильно выбрать место в воротах». Третий гол забил Нордаль ударом в дальний угол. «И в данном случае вратарь динамовцев не попытался перехватить мяч, считая, видимо, что он идет мимо ворот». В общем, проиграли 2:4.

Вышеизложенное и называется международным опытом. Которого у наших было тогда необычайно мало. Но что отличало Яшина, так это желание и умение учиться. Соерсен и Нордаль не выступали в чемпионате СССР. Лев Иванович не знал, чего от них ждать. Теперь узнал. И стал сильнее.

Чтобы доказать выдвинутый тезис, придется, пожалуй, нарушить хронологию. Так как ранней осенью московское «Динамо» нанесло ответный визит в Италию. И если проигрыш 0:1 «Фиорентине» нас сейчас не слишком интересует, то встреча с «Миланом» 4 сентября весьма показательна. Мастеровитые хозяева наседали весь первый тайм, счастливчик Нордаль головой после подачи углового открыл счет. Однако стоит заметить, что забить миланцы в эти тяжелые для москвичей минуты могли гораздо больше и помешал им не кто иной, как вратарь Яшин. Во второй же половине картина изменилась: динамовцы быстро отквитали гол, а затем в красивой борьбе полностью переиграли соперника. Тот пытался изменить ход матча, выпустив двух свежих форвардов. Ничего не получи лось: Лев не желал пропускать, в чем и преуспел. А поймавшие кураж нападающие довели счет до разгромного 1:4!

И всё же вернемся к последовательному изложению событий. Международные испытания продолжились летом на уровне сборных. Да каких! Для начала в Москву приехала команда ГФР

(Германской Федеральной Республики — так тогда именовалась более нам привычная ФРГ). Чемпионы мира. Немцы.

О том поединке написано много. Повторяться не хочется. Выскажу лишь одно суждение: да, на трибунах сидели люди со споротыми погонами, которые воевали насмерть с соотечественниками вышедших в белых майках игроков (а Фриц Вальтер сражался против наших непосредственно и попал в плен), да, нам «была нужна одна победа», да, напряжением последних сил СССР победил 3:2 — и всё-таки состоялся великолепный футбольный матч, а не бой без правил. И обращен он был в будущее, а не в прошлое.

Как сыграл Яшин? Обратимся к документу, счастливо обнаруженному всё тем же А. М. Соскиным. Брошюра называется «Международные встречи советских футболистов в 1955 году». Авторы труда А. А. Соколов и Б. Я. Цирик. Итак, о вратаре: «Провел игру удовлетворительно. Смело играл в штрафной площади и вне ее. Ликвидировал несколько возможных прорывов, играя за штрафной площадью. Единственный в обороне (в первом тайме), кто все время руководил, подбадривал, подсказывал. Взял трудный мяч от Харпера. Организацию атаки затягивал больше, чем нужно, посылая иногда мячи в глубину обороны немцев высокой передачей. Допускал технические ошибки (отскоки мяча при ловле). Совершил грубую ошибку, повлиявшую на результат. При выходе № 11 с мячом к линии ворот, в то время как он еще не дошел до линии два метра (в четырех метрах от стойки), Яшин вышел из ворот на перехват, открыл угол, и № 11 забил мяч».

Он пропустил дважды. По обыкновению винил себя: «И в обоих случаях, когда мяч побывал в наших воротах, была моя вина. И тогда, когда после удара Вальтера мяч, задев кого-то из наших защитников, влетел в сетку, и тогда, когда, воспользовавшись моим неосмотрительным выходом, Шефер забил гол в ближний от меня угол». Однако специально назначенные аналитики первый мяч (немцы сравняли счет) ошибкой не считают. Удар у Вальтера, кто бы сомневался, вышел хорошим, но рикошет от Башашкина привел к германскому локальному успеху. Так рикошет есть рикошет: при сильно пущенном мяче среагировать на него практически невозможно. То есть с А. А. Соколовым и Б. Я. Цириком можно согласиться.

Со второй пробоиной, от Шефера, — сложнее. Бывает, что коса находит на камень. В нашем случае состоявшийся гроссмейстер на нюансе переиграл всё же еще начинающего, бесконечно талантливого, идущего на смену мастера.

Сохранилась видеозапись эпизода. Яшин выходит из ворот, ожидая прострела. И в союзном чемпионате любой краек как раз

и ударил бы вдоль ворот. А Шефер невыразимо закрутил в ближний угол. Попал.

Это совсем не гол от «Милана», когда вратарь остался на месте, решив, что мяч в ворота не попадет. Здесь иной уровень. Яшин не стоял — действовал на встречном курсе. А немецкий гол подвиг на новые размышления, и вновь он в компьютерной своей памяти прокручивает эпизод по тактам. Его поймали на выходе! Значит, дело принципа — работаем над ошибками.

Проверить качество работы — и вновь на мировом уровне — пришлось очень скоро. Через месяц, 25 сентября, советской команде предстояла ответная встреча с венграми на их поле. О том поединке написано много меньше, нежели о противостоянии с чемпионами мира, а ведь он стал первым из вратарских подвигов Яшина в выступлениях за сборную.

Игра в Москве 1954 года проходила в упорной спортивной борьбе труднодостижимого уровня. Грубости не было, обе стороны увлеклись футболом. Но за год изменилась политическая обстановка. Отношения между двумя государствами решительно портились. Точнее сказать, советских руководителей всё сильнее раздражало желание венгров покинуть социалистический лагерь. Указанное желание вылилось в 1956 году в восстание соответствующей направленности. Однако и в 1955-м советских, мягко говоря, не любили. Волну неприкрытой ненависти приняли на себя ни в чем не повинные футболисты, а не политики, к которым и следовало предъявить претензии. Венгры действовали очень грубо. Английский судья Эллис потерял управление игрой. А в таких случаях сильнее всего достается вратарю: его бить удобнее. Вышел на перехват — ну и получи прямо в воздухе как бы в борьбе за мяч. Яшина так и охаживали оба тайма схватки, в которую хозяева превратили футбол. Вратарь же, поднявшись с газона, вновь отбивал, брал, опять отражал. Затем — Лев не успел подняться — его ударили по голове. Он потерял сознание. На мгновение. Потом встал и хладнокровно (советские люди на венгерском газоне в тот день вообще не отвечали на провокации) продолжил игру. Иного решения он не мог бы принять. Тогда бы это был кто-то другой. Его же дело привычное: спасать.

Забил ему Пушкаш лишь с выдуманного деморализованным Эллисом пенальти. Лев Иванович и тот удар — после явного-то сотрясения мозга — почти взял.

Да, если это не героизм, то что?

Впрочем, пора вернуться на родину. Там у динамовцев всё складывалось просто замечательно. Опередив спартаковцев на очко, они второй раз подряд завоевали первое место. С роскошной разницей мячей 52–16. Последняя цифра просто-таки

вопиет сама за себя, учитывая, что Яшин провел все 22 матча. Процент пропущенного посчитать нетрудно. А играли в ту пору в пять нападающих и три защитника.

Немного, надо признать, огорчило второе поражение 2 октября от «Спартака» (1:2). Именно в тот день и произошел случай с Сальниковым, о котором мы упомянули выше. Изложим факты.

Спартаковцы получили право на пенальти. Перед исполнением которого предусмотрительный Сергей Сергеевич (он и потом такой «запрещенный прием» применял) отправляется к судье доложить, что Яшин любит дернуться (а кто не любит?) до удара. Дабы арбитр реагировал, если что.

Удар. Яшин берет.

Судья просит повторить. Протесты не принимаются.

Второй удар — гол.

Разных мнений по сию пору не счесть.

Народный артист СССР Лев Константинович Дуров, старый и верный болельщик «Динамо», рассказывал в «Спорт-экспрессе» от 12 ноября 2012 года: «Вот у Яшина с Сальниковым на моих глазах произошло странное. Зрители ничего не поняли, а я потом разведал, в чем дело. В ворота „Динамо“ Латышев назначил пенальти. Сальников подошел и что-то на ухо прошептал судье. Лева после удара мяч взял — а Латышев показывает: перебить! Яшин, скрестив руки, пошел на Сальникова. Идет, идет, тот всё пятится… От Латышева отмахнулся: мол, подожди, сейчас вернусь. Гнал Сальникова до спартаковских ворот! Затем вернулся, пенальти перебили — Яшин демонстративно не шелохнулся. Голову не повернул!» — «В чем секрет?» — это корреспонденты интересуются. «Летит самолет, — продолжает замечательный актер, — вам он до фонаря, но все равно глядите на небо. Так же и судья — в момент удара смотрит туда, где звук. На ногу бьющего. А Яшин этот фактор использовал — делал несколько шагов, срезал угол. В сборной отрабатывал трюк как раз с Сальниковым. И тут Сергей его заложил. Год после этого не разговаривали, насилу их помирили».

Думается, по прошествии стольких лет о чьей-то правоте рассуждать не стоит. Сальников отстаивал права атакующего, пенальтиста. Яшин — право последнего спасителя. Важнее иное. Лев Иванович совершенно открыто, не стесняясь, объяснял: одиннадцатиметровый, если он грамотно исполнен, взять нельзя. А при замершем при этаком «расстреле» до удара голкипере мяч может миновать ворота лишь в случае явной ошибки бьющего. Для нас с вами сегодня значимо, что пусть через десятилетия, но к мнению безукоризненного профессионала международная

футбольная общественность в известной мере прислушалась. В текущем веке вратарь на линии ворот может совершать любые телодвижения до, во время и после удара. Главное — не выбегать на бьющего. Ну, такое Яшин и сам бы никогда не поддержал.

* * *

История, завершающая данную главу, быть может, и не заслуживала внимания, так как мы обратимся к кубковому финальному матчу, динамовцами проигранному. Однако заданная вначале тема «одной-единственной» команды, без которой, как в песне, «не жить», — не позволяет пройти мимо той схватки с армейцами и, главное, инцидента, что произошел на поле.

16 октября 1955 года при переполненных трибунах состоялся в некотором роде ремейк легендарного поединка десятилетней давности, который многие считают самым великим матчем между отечественными командами всех времен. Красно-синие одолели тогда, в 1945-м, бело-голубых — 3:2, а Бобров добил в ворота решающий мяч. К 1955-му Всеволод Михайлович уже блистал с шайбистами, однако традиции сквозь десятилетие оставил приличные.

По крайней мере, в заинтересовавшем нас кубковом финале едва взятый в армию из «Спартака» молодой форвард Владимир Агапов заиграл сразу же по-бобровски остро и боевито (при ином, конечно, уровне мастерства). Забил первый гол, затем, после быстрого ответа Владимира Рыжкина, — вновь вывел армейцев вперед с пенальти.

После чего и было зафиксировано его памятное столкновение с Яшиным. Безо всякого сомнения, нападающий «первый начал». Судья свистнул офсайд, армеец почему-то продолжил движение и врезался во вратаря. Тот же, как он утверждает (напомню, литературная запись Л. Б. Горянова, «Счастье трудных побед»), «оттолкнул… этого самого Володю Агапова обеими руками самым неделикатным образом». Динамовцы — чью позицию до сих пор отстаивает А. М. Соскин — считают последовавшее падение форварда «театральным». А. Т. Вартанян напоминает о солидном, тридцатиминутном перерыве в игре, когда Агапову оказывалась помощь (замены не разрешались), а это свидетельствует о серьезном повреждении.

Третий (третейский!) фактор — судейство в поле Николая Гавриловича Латышева. Лучшего советского арбитра. А он Яшина сразу удалил. Да и Лев Иванович после судью не корил.

Так надо ли ныне ворошить прошлое? Пожалуй, да! «Динамо» проиграло, хоть и вставший в «раму» во второй половине полузащитник Евгений Байков отыграл отменно и ничего не пропустил. Зато знакомая нам газета «Штрафной удар» вышла с посвящением одному персонажу — Яшину.

Кубок должен был быть нашим,
Да подвел товарищ Яшин.

И карикатура: Лев в перчатках. Если верить означенной литзаписи Л. Б. Горянова, Яшин всю ночь проплакал.

Оценим излишнюю жесткость, не сказать, жестокость партнеров Льва. Одно дело — критиковать на разборе игры, по горячим следам. Что и Яшин делал с переменным успехом. Другое — свалить всё на одного человека и в такой форме. Кроме того, как, в принципе, возможно посчитать кубок «нашим», если «горишь» 1:2? Да и к линейному арбитру остаются вопросы: почему, в частности, не была пресечена агаповская провокация?

Впрочем, мы задержались в осени 1955 года вовсе не из-за поиска запоздалой справедливости. Просто сам факт, что столь давний случай Лев Яшин помнил до конца жизни после массы призов, трофеев и успехов, иллюстрирует, до какой степени он неразделим с командой «Динамо». Его единственной.

ОЛИМПИАДА

26 января 1956 года стартовала первая для советских атлетов зимняя Олимпиада в итальянском Кортина-д'Ампеццо. А еще 3 января «Советский спорт» опубликовал первую — всего их будет несколько, с частотой в неделю, — аналитическую статью о… футболе. Не о набравшем неимоверную популярность хоккее с шайбой, где мы в 55-м уже отдали чемпионство, не о лыжах и не о коньках — а о виде спорта, привлекательном исключительно для погожего времени (если позабыть о нынешнем переходе на «осень-весну»).

До летних игр в Мельбурне оставался почти год: в Австралии собирались соревноваться в ноябре — декабре. Однако январские размышления о декабрьском турнире с последующим ежемесячным, еженедельным нарастанием градуса обсуждения выглядят в данном случае безусловно уместными. Размышлять — причем широко и бесстрашно — надобно до, а не после. Пока есть время, пусть получат слово самые разные любители большой игры. А на перекрестье мнений останется незыблемое, всем необходимое.

Так, если бы вовремя и крепко задуматься, то решаться на участие в летних играх нужно было еще в 1948 году. По крайней мере, из-за футбола, хотя и в других дисциплинах наши не оказались бы статистами. Футбол же в исполнении советских посланцев смотрелся бы просто шикарно. Имелась возможность выставить сдвоенный центр Бобров — Федотов! Да и Бесков был на четыре года моложе, нежели в 1952-м. Когда и дебютировали сборной сходящих звезд. Плюс нервотрепка, тренерский штаб под постоянным давлением. В 1956 году во время подготовки к Олимпиаде капитан югославской команды Александр Тирнанич назовет выступление советской сборной в Финляндии 52-го «сравнительной неудачей». И правильно сделает. Для советских игроков то был первый турнир такого уровня и значения. Да, к нему готовились, чемпионат сделали в один круг и провели его страннейшим образом в Москве. Кажется, всё подчинили Олимпиаде: и спарринги качественные — с венграми, поляками, и было, вроде бы, из кого набирать состав, и старший тренер Б. А. Аркадьев — прекрасный специалист, а дальше четвертьфинала пройти не получилось. И, думается, по причине отсутствия четкой концепции подготовки в том числе.

Это происходило совсем недавно. Лев Яшин, твердый динамовский резервист в 1952-м, в дальнейшем, что характерно, почти девять лет отыграет за клуб вместе с участником

хельсинкской Олимпиады Константином Крижевским (в 58-м они вновь пересекутся в сборной на мировом первенстве), а золото Мельбурна завоюет, имея достойными партнерами Игоря Нетто и Анатолия Ильина, также выступавших в Финляндии. Так вот всё оказалось взаимозавязано. О Мельбурне не то что думали — о нем не забывали. Цель смотрелась хоть и издалека, но ясно и отчетливо.

Первую проблемную статью о сборной 3 января написал, между прочим, участник Олимпиады 1912 года Л. Смирнов (игравший в российской сборной, униженной тогда Германией со счетом 16:0). И он совершенно справедливо и ничуть не опережая события, жестко оценивает возможности каждой из советских футбольных линий. Досталось от ветерана почти всем. Одна лишь позиция вне критики: «Лучший вратарь, конечно, Яшин».

Такое немногословие красноречивее чего бы то ни было говорит о признании. Которое идет не от начальственной директивы, а подтверждено твердой репутацией и безукоризненным авторитетом. Причем не только у специалистов, журналистов и болельщиков, но и у непосредственно противников. Знаменитый спартаковский бомбардир Никита Симонян в воспоминаниях верно заметил: «На соперников, по-моему, действовало само имя — Яшин». И далее о собственном опыте: «Я бил ему, как обычно, как всем вратарям, а забил всего один гол. Теперь при случае напоминаю: „Видишь, какой я верный друг — всего один гол забил“. Хотя говорить надо, наверное, не так — не „всего один“, а „все-таки забил“». Два больших футболиста действительно дружили (что не мешало им остро соперничать на внутрисоюзном уровне), с удовольствием встречались в сборной — в книге «Футбол — только ли игра?», откуда взята цитата, об этом много и подробно рассказывается. Или обратимся к мемуарам другого замечательного форварда — уже упоминавшегося Эдуарда Стрельцова. Чтобы не вторгаться в бережно сохраненное соавтором Александром Нилиным интонационное поле, приведем рассказ целиком:

«Ну, вот за пас пяткой меня чаще всего хвалили. Столько лет он получался у меня неожиданным для обороняющихся и своевременным для партнера — пас, например, Юре Савченко, когда он решающий гол „Пахтакору“ забил в финале Кубка шестьдесят восьмого года.

А как он возник у меня, появился этот пас? Неожиданно — я его и не практиковал до игры с „Динамо“ в первом круге первенства пятьдесят шестого года.

Нам с московскими динамовцами в те годы очень трудно игралось. Мы с Кузьмой (Валентином Ивановым. — *В. Г.)* считали,

что Лёве Яшину забить просто невозможно.

Про себя, конечно, считали. Вслух не говорили — забивать-то надо, мы форварды, на нас надеются. Но как забить — не знаем. Доходим до его ворот, начинаем мудрить. Не можем никак принять окончательное решение: когда бить…

…Иду я с мячом вдоль линии штрафной. Лёва, как всегда, стал смещаться. А вся защита двинулась за мной. Кузьма остался сзади, за нами не пошел (с таким партнером всегда знаешь, что он в той или иной ситуации сделает, абсолютно ему доверяешь и смело идешь от обстановки к своему, к нашему, то есть общему, решению — и я сейчас не вижу, но точно знаю, что Кузьма остался…). Я довел защитников до дальней штанги и мягко так откинул пяткой — мыском здесь не сыграешь, правда? — мяч Кузьме…

Он прямо и влепил в „девятку“ динамовских ворот.

Я к нему бросился, говорю: „Вот как только можно Лёве забивать“ (во втором тайме — мы 2:0 выигрывали — Яшин сам был уже виноват, расстроился и ошибся).

С тех пор я и почувствовал, что пяткой дела делать можно, но с умом, конечно…»

Знаете, что напоминает ситуация? Эпизод с Антоном Кандидовым из романа Льва Кассиля «Вратарь республики» — пусть прототипом для него и послужил Анатолий Акимов. Там, правда, нападающий Фома Руселкин вышел один на один с голкипером, а когда тот бросился в ноги, успел долей секунды раньше — пяткой, заметим, — отдать мяч назад партнеру Бухвостову, который и пробил. После чего чудо-вратарь всё равно успел среагировать и едва не дотянулся до очередного спасения. И положительные гидраэровцы отомстили в такой форме своему бывшему товарищу, изумительному самородку с Волги. Стрельцов с Ивановым, как мы успели убедиться, никого не перевоспитывали, однако суть та же: командная игра против вратаря.

И в романе, и в жизни симпатии мои — вне зависимости от клубных — на стороне голкипера. Потому что нападающих много, а он один. Без защитников и прочих одноклубников. И неплохо, чуть потревожив память, напомнить: произведение Льва Абрамовича завершилось очаровательным единением друзей — Льву же Ивановичу Бог дал еще неоднократно поиграть против мастеров калибра пары из «Торпедо». Так здорово больше не вышло ни у кого. Да и у них самих — тоже. Оттого и помнил Стрельцов тот гол через 25 лет так, будто едва закончился матч.

Итак, забить Яшину в середине 1950-х представлялось очень трудным делом: если уж одареннейшие автозаводские юнцы, не

испытывавшие никакого почтения к авторитетам, считали, что это «почти невозможно», мыслимо ли представить сомнения остальных?

Корни же стабильной надежности — не только в каждодневном упорном труде на тренировках. Это само собой разумеется. Но надо обратить внимание на то, как расстроился Лев Иванович и как пропустил второй, берущийся, мяч от торпедовцев. Отчего печаль? Так ведь они *переиграли* его, пусть спонтанно, на импровизации. А он — человек творческий.

Не зря выступавшие с ним Валентин Бубукин, Никита Симонян и другие отмечали, что он *жил футболом.* И, стоя в воротах, играл за каждого «своего» и предвосхищал действия «чужого». Просчитывал варианты. А тут двое молодых, Иванов со Стрельцовым, создали нечто «нерешабельное». Впрочем, как мы уже убедились, это — пока.

Но пора переходить к сезону 1956 года. Дополнительная трудность состояла в том, что никто не собирался, как раньше, в 52-м, и позже, в 76-м, жертвовать полноценным первенством в высшей лиге. Предстояло провести 22 матча (Яшин принял участие в 19 из них) в обычные два круга с разъездами. И дарить конкурентам золото, которое стало бы третьим подряд, московские динамовцы и не думали. Так что особенность Олимпиады Мельбурна еще и в том, что наши футболисты вынуждены были выступать в Австралии после окончания тяжелейшего сезона и в совершенно некомфортное время — ноябре-декабре. У нас-то в ту пору отпуска.

Итак, чемпионат стартовал.

* * *

И не очень здорово для бело-голубых. Поражение 14 апреля от ОДО в Свердловске смотрелось вовсе не обязательным. Есть ли вина вратаря в итоговых 2:3? Как посмотреть. С одной стороны: «Яшин не смог удержать мяч, и набежавший Иванов вторым ударом забил гол». С другой — а где защитники обретались? Вряд ли Крижевский и компания позволяли подобное в два чемпионских года.

1956-й вышел для динамовцев, скажем сразу, не столь триумфальным, как предшествовавшие 54-й и 55-й и в особенности последующий 57-й. Не заладилось что-то с самого старта: после пяти туров всего пять очков. А тут и «Спартак» исполнял один из лучших своих сезонов. В 50-е на красно-белых и бело-голубых вдохновение накатывало по очереди. При этом

личные встречи, очные поединки являли собой украшение чемпионата. В олимпийском году оба советских «классико» завершились с результатом 1:1 — при невыразимо напряженной, эстетски красивой игре обоих коллективов, где каждый был достоин каждого. Вот и Яшин 29 мая в первом круге (это после «номера» вундеркиндов из «Торпедо» 17-го числа того же месяца) выступил против спартаковцев «безошибочно», как привычно выразился «Советский спорт».

3 июня состоялся матч «Динамо» — «Локомотив». Закончилось ничьей — 1:1. Яшин пропустил сильный удар с близкого расстояния от Виктора Ворошилова, по прозвищу Клим[9]. Рядовая игра вышла. А вот повторный поединок тех же участников будет долго тревожить людскую память. О нем — подробно попозже.

На Олимпиаду надо еще было отобраться. Соперник по «стыку» оказался не очень грозным — сборная Израиля. В 1950-е израильтяне смотрелись командой, пожалуй, чуть ниже среднего европейского уровня — гораздо слабее, чем сейчас. Но на поле всякое бывает. Поэтому к июльскому отбору решили подготовиться, выбрав для тренировочных встреч другого середняка — датчан. Со скандинавами у нас стоял Борис Разинский, а вот в ответной встрече в Копенгагене — как раз Лев Яшин. Дважды победили: 5:1 и 5:2 соответственно. Причем оба результата, что интересно, руководство не устроили. Из-за пропущенных голов. Хотя пропускались они оба раза, когда успешный исход был абсолютно ясен. Тем не менее начальственное недовольство, получается, распространялось и на Яшина, и на его честолюбивого сменщика. Об этом качестве Разинского, дублером себя не считавшего, поговорить придется в дальнейшем — что же касается претензий по забитым в ворота сборной мячам, то объяснить их можно лишь грядущей Олимпиадой.

Отборочный поединок в Москве с Израилем 11 июля сложился для нас легче легкого. Пять мячей в сетке гостей — и ни одного в наших воротах. Помнится, после разгрома шведов в 1955 году иностранные наблюдатели, в качестве которых выступили арбитры встречи, все равно, при подавляющем преимуществе наших, смогли оценить высокую готовность и мастерство Яшина. С Израилем годом спустя это никому бы не удалось. Не подпускали хозяева соперника к своим владениям. Хотя ответная игра 31 июля в Тель-Авиве порадовала местных зрителей и, ясно, игроков голом престижа. «Мяч, посланный головой, пролетел мимо Яшина в верхний угол ворот», — писал «Советский спорт». Состоялся именно гол для публики — гости,

забив дважды, вновь победили, несмотря на тяжелые климатические условия: влажность и сорокаградусную жару. Но, главное: путевка на Олимпиаду была завоевана.

К Мельбурну продвижение шло, «по всем приметам», грамотно и планомерно. Да, отменили Кубок СССР на один олимпийский год. Так как марафон к хрустальному чуду состоит из массы тяжелых поединков с разъездами. В то время как олимпийский турнир куда более скоротечен и компактен. Посему проведение Спартакиады народов СССР на построенном благодаря героическому, без преувеличения, труду советских людей стадионе имени В. И. Ленина в Лужниках являлось достойной репетицией перед австралийскими стартами. А уж для футболистов — попросту соревнованием в почти идентичном формате.

Сборную Москвы, думается, представить было не очень сложно. Ничем существенным она не отличалась от национальной команды страны. Республиканские сборные являли собой соответствующие клубы высшей лиги — у тех республик, естественно, где они имелись. Проверка сил перед австралийским смотром выдалась очень удачной. В смысле хотя бы силы противников. В 1/8 финала сборной Москвы (читай: страны) встретились литовцы (чем, кстати, не олимпийская германская команда, с которой судьба сведет менее чем через полгода на той же стадии). 2:0 в пользу фаворита, в воротах — Борис Разинский. В 1/4 важнейший пост занимает Лев Яшин. Белорусы, бесспорно, не индонезийцы, как в декабрьской Австралии, однако и победа москвичей 5:1 естественнее, нежели сенсационный результат первой схватки с островитянами на Зеленом континенте. Полуфинал свел две столицы, Москву и Ленинград. И вновь, будто предупреждая о грядущих испытаниях, «Зенит», выступавший за город на Неве, дал хороший бой сильнейшему сопернику — как и болгары нашим на Олимпиаде. Выиграли 3:2 при Яшине.

Вообще-то, учитывая основной статус динамовского голкипера и его отменные выступления за главную советскую команду, на заключительную игру с грузинами (живо напомнившими оппонентов Советского Союза в будущем мельбурнском финале югославов) тренеры должны были поставить его, Яшина. Но они рассудили по-своему. Финал доверили Разинскому.

Резон вроде бы был. На Олимпиаде потребуются, не исключено, два голкипера (так, между прочим, и произойдет). Почему бы не проверить *строго второго* из них? Тбилисские динамовцы, составлявшие сборную Грузии, переживали не самые

лучшие времена. Сомнений в победе нет. Ну и пусть дублер сыграет. Однако Разинский по-спортивному упрямо боролся за место в основе. И законно *вторым* себя не считал. Да и грузины сумели оказать сопротивление и сражались на равных. В знатном бою и победа весомее. А Разинский победил — выиграли 2:1.

Наличие выбора из двух классных мастеров — нормальное дело. К тому же Яшин конкуренции никогда не страшился. Интриговать, подсиживать не просто не любил, а органически не умел. Потому выискивать конфликт Льва и Бориса — занятие бесполезное и беспочвенное. Да и разрешилось намеченное противостояние как нельзя благополучно: в Австралию отправились оба, с четким пониманием, кто основной вратарь, а кто запасной. И отменно готовый Разинский сумел подменить Яшина в переигровке с Индонезией.

6 сентября московских любителей футбола ожидал еще один праздник — поединок второго круга спартаковцев с динамовцами. По идее, был он интересен и с сугубо прагматической точки зрения: на молодую лужниковскую арену при ста тысячах зрителей вышли почти все футболисты сборной. И специальные наблюдатели не оставили этот факт без внимания. Однако болельщиков дерби радовало иным. Как там пелось лет двадцать назад: «Футбольный матч „Спартак“ — „Динамо“, и переполнен стадион…» А дальше очень изящно сообщается про красивую даму, с которой сидит на деревянной стадионной лавке симпатичный стиляга Вася. Да, в середине 50-х можно было сходить с девушкой в Малый театр или уже открывшийся «Современник» — а можно и в Лужники. Если, конечно, на «правильный» матч двух коллективов, несомненно, спортивных, но и актерских одновременно, так как каждый исполнитель поднимался до высоты настоящего творчества и играл в реальной пьесе с непредсказуемым финалом.

…А тогда начальный успех выпал «Спартаку». На 6-й минуте «внезапный удар Нетто достигает цели: Яшин, закрытый своими и чужими игроками, не видит мяча», как пишет в «Советском спорте» заслуженный мастер спорта В. Мошкаркин. Вины вратаря, кажется, нет. Тем не менее он, как всегда, стремится реабилитироваться за относительный неуспех: «Следует штрафной удар, и Яшин в прыжке выносит мяч на угловой». Потом: «Вот Яшин смело ныряет в ноги прорвавшемуся Исаеву». Еще: «Нетто бьет штрафной, но Яшин на месте и ликвидирует угрозу». После случатся и отраженные два угловых, «добытых спартаковцами». Так что похвалу автора отчета, ответственного секретаря Секции (Федерации) футбола СССР, за «хорошую игру» можно считать признанием начальства. А поскольку с обеих

сторон выступали почти сплошь сборники, то и такая же оценка действий спартаковцев Огонькова, Исаева, Сальникова и динамовца Кузнецова закрепляет право на «обойму»: выход в основе или пребывание в ближайшем резерве национальной команды в грядущем матче-реванше с немцами на их поле 15 сентября.

После поражения годичной давности противник однозначно стал сильнее. Советские футболисты не были для него теперь «темными лошадками». Каждый из них — Яшин в первую очередь — изучался с научной доскональностью. Игра вновь, как и в 1955-м, вызвала ажиотаж — теперь уже в Германии. Как рассказывает А. Т. Вартанян, только в самой стране ее пожелали воочию наблюдать полмиллиона человек, а ведь зрителями хотели быть и другие европейцы: австрийцы, англичане, бельгийцы, голландцы, шведы. Стадион в Ганновере, который не без труда выбрали из семи претендентов, пришлось срочно реконструировать, увеличив число посадочных мест с 76 до 87 тысяч. Почти вся Европа наслаждалась телетрансляцией поединка. Нам пока было рановато пользоваться такой роскошью: технически не доросли.

Советских футболистов встретили безупречно: никаких организационных сложностей. Что до состава, то по вопросу, нас интересующему, старший тренер Г. Д. Качалин высказался неожиданно: сообщил Борису Разинскому, что тот, *возможно,* выйдет в основе. «Возможность», разумеется, не является непреложным фактором, то есть твердым обещанием поставить в состав. В котором в результате оказался Яшин. Обижаться Разинскому поэтому не стоило. Он, в общем-то, и не обиделся — ни на Качалина, ни, естественно, на Яшина. Зато с какой-то стати предъявил претензии к руководителю делегации В. А. Гранаткину. Валентин Александрович, к слову, скандал раздувать не стал, так как осознавал сложность момента. Как знать, у кого заладится 15 сентября в «раме».

В Ганновере вышел Яшин. Не выступавший год назад Стрельцов на 3-й минуте открыл счет. Хозяева сразу же отыгрались: левый защитник Огоньков допустил оплошность, Вальднер промчался по правому краю, прострелил, вратарь наш мяч не удержал, а подскочивший Шредер провел ответный гол — шла всего-то 5-я минута!

Лев Иванович позже, как обычно, винил себя, хотя А. Т. Вартанян указывает на специфику мяча, непривычного для советского кипера. Приспосабливаться пришлось по ходу игры. Удалось. Еще в первом тайме Валентин Иванов вновь вывел сборную СССР вперед.

И чемпионы мира пошли отыгрываться. После московских 2:3

и дефицита в один мяч дома немцы не могли отдать инициативу, уступать в единоборствах, позволить себе отдохнуть и т. д. Другое дело: сражались отчаянно, но честно: обошлось без предупреждений и, тем паче, удалений.

А затем наши устали. Как там говаривал незабвенный англичанин Гарри Линекер: «В футбол играют 22 человека, а побеждают всегда немцы»? Зажав гостей на их половине поля в очередной неимоверной концовке, они, что не единожды бывало и будет, вновь добились бы успеха.

Однако не вышло. Потому что у нас был Яшин.

«Я лично, — вспоминал он, — в эти четверть часа не имел ни одной секунды передышки, то совершая вынужденные броски, то выходя на перехват, а порой бросаясь в ноги форвардам».

Между прочим, в «Советском спорте» Г. Д. Качалин в отчете сразу после матча высказался: «В последние 15 минут немцы нас задавили. Нас не хватило физически… В воздухе висела ничья. Мы не контратаковали и не очень умело оборонялись. Повезло». Везёт, понятно, тому, кто везёт. В данном случае это был вратарь. Местный корреспондент АДН дал собственную оценку, назвав среди лучших Яшина и капитана команды Игоря Нетто. То признание дорогого стоит. Рискну утверждать, что на сентябрь 1956 года сборная СССР одержала самую главную свою победу. И добыта она была благодаря замечательной игре вратаря. Если бы не Яшин, даже ничьей могло не случиться.

Через неделю предстояла очередная запланированная игра с венграми. Так что если кто вдруг сегодня решит, что две победы за один год над действующим чемпионом мира не столь значимы, потому что после завоевания титула немцы и вправду многовато проигрывали в товарищеских матчах, хотя все равно оставались великолепной командой, то вот вам, пожалуйста, «на второе» — кумиры всех континентов из Восточной Европы и нашенского лагеря. Надо сказать, это был их последний матч. Больше венгры в том звездном составе не выступали. Кровавые события: антикоммунистическое восстание и его жестокое подавление — унесли не только жизни людей, но и венгерскую чудо-команду. Пушкаш и Кочиш за родину уже не сыграют, останутся в Испании. Впрочем, всё это — потом. А пока, 23 сентября, они все вместе: и два великих форварда, и верные их соратники — Грошич, Божик, Хидегкути, Цибор. Что не имя, то звезда.

Многие, в том числе присутствовавший на матче А. Т. Вартанян, считают, что он проходил с явным преимуществом советских спортсменов. И соотношение ударов: 32–14 в нашу пользу это суждение подтверждает. Да и вообще, с какой стати не верить уважаемым очевидцам. Среди которых очень кстати

оказался и А. М. Соскин, не так давно обнародовавший собственные записи, сделанные во время игры. Характерно, что это заметки не привязаны тематически к действующему лицу, а просто являют собой зафиксированные впечатления от происходившего на поле. Однако начнем с неприятного, поскольку и случилось оно непосредственно в самом начале.

На 16-й минуте Цибор (также вскоре очутившийся в «Роме», а затем и в «Барселоне») открыл счет: «…получив передачу партнера, пробил примерно с угла штрафной площади с лёта в дальний верхний угол» (А. Т. Вартанян). А. М. Соскин, в свою очередь, подметил, что гости «сотворили „быстрый“ гол на 16-й минуте, сдвоившись на правом фланге, откуда Цибор и нанес сокрушительный удар в дальний верхний угол». Стоит заметить, что тот фланг — зона ответственности защитника Михаила Огонькова, выступившего неудачно: итоговая «двойка» от старшего тренера Г. Д. Качалина.

Ну а теперь увидим, кто стал «отличником», познакомившись с выдержками из дневника А. М. Соскина.

«Зевок защитников, и Хидегкути бьет головой. Яшин огромным усилием достает одной рукой мяч, который отскакивает в штангу. Ворота спасены».

«Острейший выпад венгров. Защита деликатно пропускает Цибора. После его удара Яшин блестяще вытаскивает мяч из верхнего угла».

«Венгры беспокоят защитников точной распасовкой и изобретательными маневрами Цибора. С ним успешно вступает в борьбу Тищенко, но вдруг теряет мяч. Яшин, надеясь на него, выбегает в штрафную. Цибор не попадает в пустые ворота».

«Яшин прекрасным броском забирает в нижнем углу мяч от Пушкаша. Через мгновение прерывает новую атаку, закрывая ворота телом».

Еще один чудо-бросок первого номера советской сборной в беглых записях А. М. Соскина отражения не нашел (видно, события развивались столь стремительно, что обычным образом не хватило времени), зато сохранился, несмотря на дистанцию в пятьдесят с лишним лет (!), в памяти А. Т. Вартаняна: «Кочиш откликнулся на верховую передачу, легко, словно птица, преодолел земное притяжение и пробил головой в упор метров с шести, как умел только он, — мощно в „паутину“. Яшин, вытянувшись во весь свой прекрасный рост, предотвратил беду. Как он это сделал, ума не приложу. Среагировать на такой силы и точности удар даже с 11 — метровой отметки невозможно. Тем более с дистанции вдвое короче. Выходит, как только Кочиш оторвался от земли, Лев Великий, предугадав, куда венгр пробьет,

уже оказался в полете — иного объяснения не нахожу. Кончиками пальцев он достал мяч, и тот, стукнувшись о перекладину, вернулся в поле. Смотрю футбол более шести десятков лет, но ничего подобного не видел».

Теперь, думается, понятно, почему в проигранном (так и закончили 0:1) поединке вратарь получил отличную оценку.

Что же касается процитированного выше отрывка А. Т. Вартаняна, то в нем подтверждение находит следующее: Лев Яшин неуклонно, неудержимо прогрессирует. Он научился думать мгновенно, реагировать не на удар даже, что и остальные могут при желании и одаренности, а на намерение бьющего, которое, не исключено, и у него самого в голове не сформировалось. Интуиция? Да, но помноженная на постоянную аналитическую работу. И в игре это накопленное, наработанное «выстреливало» почти автоматически.

После матчей «Динамо» 7 и 10 октября в Стамбуле против «Фенербахче» (Яшин оба раза остался «сухим», а москвичи, довольствовавшиеся первый раз ничьей, во втором поединке разгромили хозяев — 4:0) предстояло новое выступление — и оно же контрольное перед Олимпиадой — за сборную. Наши собрались нанести ответный визит во Францию.

Что в Париже, помимо городских красот, непременно хорошо — так это, как выразилась пресса по окончании матча, «дружеский дух состязания». Действительно, с теми же пока социалистическими венграми оба последних матча прошли нервно и грубо: гости и в Москве не отличались джентльменским поведением. А с французами — всегда игра на первом месте: эффектная, корректная, классная. И еще Яшина французы очень любили. Да и было за что. Получалось у него в этой стране.

И теперь он оказался одним из лучших на поле. То есть, коли брать советских футболистов, — лучшим безоговорочно. Потому еще, что действовали гости плохо. Худшее исполнение за последние годы вышло. А значит, вратарю работы хоть отбавляй. Отчет в «Советский спорт» писал сам Г. Д. Качалин: «Вот Яшин вновь отлично отражает сильный удар». На 39-й минуте «Пьянтони заставляет уже Яшина показать свое мастерство». В двух пропущенных голах наставник голкипера не винит: хозяева, «используя ошибки Башашкина, а также Сальникова и Тищенко, дважды (на 46-й и 56-й минутах) добиваются успеха». А в итоге — «…хорошо провели игру Яшин, Огоньков, Рыжкин».

Французские журналисты пошли дальше. Лев Иванович их восхитил. Газета «Комба», заголовок: «Поразительный Яшин сумел предохранить русских от еще большего поражения». Газета «Либерасьон»: «Французы заслужили победу, которая могла быть

более убедительной, если бы не исключительное мастерство русского вратаря». А всех перещеголял репортер «Орор»: «Яшин — это черт!» В позитивном смысле, надо понимать. Мол, собственно человек не дотянулся бы, не достал, не вытащил. А этот на что угодно способен. И «пятерку» из всех советских получил только вратарь — впрочем, и у французов высшего балла удостоился лишь нападающий Пьянтони.

Казалось бы, пора отправляться в Австралию. Однако нельзя пройти мимо одной истории. Ибо, если пройдем мы, кто-то пристрастный оценит случившееся предвзято и в дурных целях. Чего не хотелось бы.

27 октября 1956 года «Локомотив» в заключительном туре первенства СССР разгромил «Динамо» со счетом 7:1. Все голы пропустил Яшин.

Уже — сенсация. Ведь только что Никита Симонян, Эдуард Стрельцов и другие компетентные люди объясняли, как трудно, почти невозможно забить Льву Ивановичу. Буквально несколькими строками выше приводились восторженные отзывы зарубежной прессы. Наконец, и в Мельбурн динамовский вратарь отправлялся безоговорочно первым номером. И вдруг — семь «пробоин».

Кроме того, побоище, учиненное железнодорожниками бело-голубым, на определенном этапе стало обрастать слухами. Смысл которых бесстрастно выразил А. Т. Вартанян в заголовке статьи «Неужели Яшин мог „сплавить“ игру?». Чудовищные эти слухи происходили от того, что «Локомотив» вроде как покидал элиту, а динамовцы, обеспечив себе второе место (после провального старта удалось более или менее поправить качество игры, но достать поймавший кураж «Спартак» представлялось в 56-м утопией) и не претендуя на первое, решили, дескать, подсобить землякам. А высшую лигу покинули-де несчастные армейцы Свердловска.

Надо сказать, что тот же А. Т. Вартанян убедительно разрушил эту конструкцию, возведенную на песке сплетен и домыслов, и, с трудом убирая эмоции, доказал абсолютную невозможность сговора: «Локомотив» и так, без всякого разгрома, оставался в «вышке». Но как же все-таки получились семь голов?

Вот что писал «Советский спорт»: «В середине тайма Ковалев неожиданным ударом метров с 25 заставляет Яшина вынуть мяч из сетки». Затем — внимание: «Один за другим следуют удары по воротам. Но в двух случаях динамовцев от гола спасает штанга, а в двух — мастерство Яшина». То есть класс он демонстрировал. А вот что делали защитники и вообще полевые игроки, позволявшие бить в створ противнику столь комфортно, —

непонятно. Второй мяч Ворошилов провел с пенальти. Потом кошмар продолжился: «Они (локомотивцы. — *В. Г.)* обстреливали ворота хозяев поля часто и с близких расстояний». Затем «блестяще забивает Бубукин, а через минуту упавший духом Яшин пропускает под рукой четвертый мяч, посланный Ворошиловым».

Бравые динамовцы на этом не остановились. Пятый гол Евгений Байков забил в свои ворота. После чего Бубукин легко обыграл Крижевского (игрока сборной!) — шестой мяч в сетке. А вот и финал: «Кесарев помог железнодорожникам завершить атаку седьмым голом». (А. М. Соскин называет в этой связи Бориса Кузнецова.)

Ключевое слово в газетном обзоре: «помог». В шахматной композиции — искусстве составления шахматных задач — есть понятие «кооперативный мат». Белые стремятся его дать, черные всячески способствуют тому же. Так вот, не покидает ощущение, что динамовцы вышли на поле с благотворительной акцией. Речь не о сговоре или подкупе. Бывает (а тут и конец сезона подоспел), когда работать не хочется. Динамовцы и не сработали. Но Яшин-то здесь при чем?! Вышло же форменное издевательство над человеком, который один бился против чужих и, извините, своих. И ему, вышедшему, между прочим, на игру с жуткой ангиной: болела поясница, двоилось в глазах, — не должно было быть стыдно за 27 октября.

Только он опять очень сильно переживал. Таким уж уродился.

* * *

Хотя к 22 ноября испытанные ранее волнения и переживания советским спортсменам нужно было отставить в сторону. В тот знаменательный день стартовала летняя Олимпиада. Нас, естественно, будет интересовать футбольный турнир.

Несколько вступительных слов о нем обязательно нужно сказать. Для начала — какие команды приехали в Австралию? Потом — справедливо ли называть любителями выступавших в них игроков? И, наконец, так ли значима победа СССР после выяснения указанных подробностей?

Так кто участвовал? Должно было быть 16 сборных, дабы стартовать с 1/8 финала и по классической олимпийской системе с выбыванием определить сильнейшего. Однако вмешалось несколько факторов. Первый — расстояние. Лететь — дорого, плыть — далеко и тоже накладно. Посыпались отказы. Проявились и политические причины: допустим, Китай не

прибыл, потому что не отказали не признаваемому в Пекине Тайваню. Да и венгры не решились на масштабный вояж не из-за неготовности футболистов, как гласила официальная версия, а ввиду идеологического и психологического разлада внутри страны. Таким образом, вместо 16 команд заявились 11.

Теперь поразмышляем о любительском статусе олимпийцев. ФИФА к тому времени запрещала использовать в составах профессионалов. Так, не могли играть те, кто выступал на мировом первенстве 1954 года. То есть чемпионы-немцы привезти противостоявших нашим в Москве и Ганновере мастеров не имели права. Они, правда, с максимальной серьезностью отнеслись к ситуации и наигрывали так называемую вторую сборную, которая гостила в 56-м в СССР и уступила хозяйской также так называемой второй сборной (где задействовали будущих олимпийцев Кузнецова, Рыжкина, Бецу, а также маститого Крижевского) именно 15 сентября, когда состоялась игра в Ганновере. Между прочим, за немцев в нападении вышел тогда двадцатилетний Уве Зеелер — будущая звезда мирового футбола, а также — попозже — добрый верный друг Льва Ивановича Яшина. Товарищи Уве по тому коллективу, казалось бы, подходили под олимпийские мерки: по основной работе каменщики, булочники, а спортом занимались в свободное время. Но в Австралии Зеелера и его друзей не оказалось. За Германию выступали другие хорошие спортсмены, примерно такого же уровня. Команда считалась объединенной, и, по идее, за нее могли играть и социалистические немцы. Но не играли — все футболисты представляли Западную Германию.

Англичане, оказавшиеся в финальной пульке благодаря вышеупомянутым отказникам, точно уж прислали непрофессионалов: больно слабо выглядели.

Что же касается таких государств, как Индия, Индонезия, Австралия, Япония, то чиновникам из Международной федерации не пришлось беспокоиться: путь к профессиональному мастерству там лишь начинался.

Оставались страны социалистического лагеря, которые постоянно уверяли весь мир, что спорт в избранной политической системе — однозначно любительский. Верили им? Нет, конечно. Но если пойти по закону, то ни от какой олимпийской семьи ничего бы не осталось. Потому функционеры деликатно закрывали глаза. А мы и болгары привезли, безусловно, первые сборные. Югославы могли последовать примеру «солагерников», однако приняли иное, несколько нестандартное решение, о котором расскажем после.

Пока же нелишне остановиться на составе команды

Советского Союза: для чего, в принципе, и было необходимо такое солидное вступление. Итак, наши были объявлены сплошь любителями. В заявке значились и специальности отечественных любителей игры в футбол. И кто есть кто?

Борис Кузнецов — обувщик, Анатолий Башашкин — механик, Анатолий Масленкин — техник-механик, Михаил Огоньков — художник, Борис Татушин — портной, Анатолий Исаев — токарь, Сергей Сальников — студент, Иосиф (Йожеф) Беца — зубной техник, Валентин Иванов, Алексей Парамонов, Владимир Рыжкин, Эдуард Стрельцов и Лев Яшин проходили по документам как слесари.

Стоит отметить, что вранья тут вроде бы и не так много. Сальников, например, и вправду успешно занимался на заочном отделении факультета журналистики МГУ. Все же остальные явно были записаны, исходя из учебного заведения, куда пришлось поступать и которое, вероятно, удалось окончить, или непосредственно практики на производстве.

Стопроцентно убежден, что Стрельцов с Ивановым или Парамонов с Яшиным, дай им в руки инструмент, как говорится, обедни бы не испортили. И детали также. Кто-то успел поработать во фронтовых условиях, кто-то трудился в немногим более комфортное послевоенное время, — но все ребята озвученное руководством дело знали. Особенность их состояния была в ином. Может быть, Яшин действительно был отменным слесарем, но и он сам, и все остальные великолепно понимали, что лет уж семь как он работает вратарем. Условный же индонезиец или там индиец занят абсолютно другим трудом, а сюда добрался выступать за свою страну. Затем они вернутся и снова займутся специальностью. А ты, Лев Иванович, продолжишь «костями стучать о землю» (его же выражение) как голкипер. Отсюда вывод: *ты обязан победить, и вариантов быть не может.* И никакие специалисты по идеологии — потому Яшин их и не терпел — в данном случае не нужны. Взрослый порядочный мастеровой человек понимает всё сам — и намного лучше.

А час настал. 24 ноября в Мельбурне против Германии советские футболисты провели стартовый матч. Отзывы об игре значительно разнятся. На первый взгляд странновато: свидетели, мало того, участники, выходят с собственными впечатлениями, которые не так уж и совпадают между собой. Потом только, подумав, приходишь к логическим выводам.

Начнем с книги «Счастье трудных побед». Там утверждается просто и кратко: «Первая наша игра в олимпийском турнире — с объединенной германской командой — сложилась для нас легко. Счет, правда, получился — 2:1, но мы сохраняли инициативу от

начала и до конца». Капитан Игорь Нетто высказался гораздо мрачнее: «Нам сразу пришлось столкнуться с оборонительной тактикой соперников. Впрочем, это было естественно. Мы, бесспорно, владели инициативой. Немцы цепко защищались и делали редкие попытки наладить контратаки.

Играть с немцами было нелегко. Мы переигрывали их, но забить много мячей в их ворота не удавалось. В какой-то момент матча, который проходил при нашем большом преимуществе, мы слишком увлеклись атакой и даже пропустили гол в свои ворота.

Счет 2:1 в нашу пользу и некоторая неудовлетворенность своей игрой — таков был результат первого олимпийского матча.

Нам говорили, что тренер немецкой команды весьма доволен исходом встречи своих питомцев с нами. Тем менее было оснований быть довольными нам…»

Так все-таки легко или трудно сложилась игра? Не станем торопиться. Послушаем еще знающих людей. Эдуард Стрельцов, «Вижу поле…»: «Первыми нашими противниками оказались футболисты ФРГ. В их составе никого из тех, кто играл против нас в Москве и Ганновере — все новые, молодые (это и Нетто отмечал. — *В. Г.),* но команда очень сильная. Сильная в основном цепкой, хорошо организованной обороной.

Инициативу они нам отдали, только контратаковали. Но атакующая такая тактика в олимпийском турнире, где любая случайность может стать роковой, тоже может вымотать нервно, если у нападающих игра не пошла.

Выиграли 2:1 (Стрельцов второй и забил. — *В. Г.),* но не скажешь, что довольны остались своей игрой».

А теперь время обратиться к книге «XVI Олимпийские игры в Мельбурне», вышедшей в 1957 году тиражом в 20 тысяч экземпляров. Для советских времен — не очень много. Особенно если учесть, что посвящен был масштабный труд полгода назад завершившейся Олимпиаде. Н. И. Любомиров, В. А. Пашинин, В. В. Фролов за достаточно короткое время сумели проделать серьезную работу, однако наиболее значимым является непосредственная интонация, не до конца отретушированная редакторами. Перед нами, в сущности, впечатления репортеров с места событий: «Советские футболисты начинают игру в стремительном темпе, часто беспокоят вратаря Гертца. Немецкая команда избирает явно оборонительную тактику. Немцы плотно опекают наших нападающих, особенно Стрельцова. Впереди у немецкой команды остается один Цейтлер — быстрый и очень опасный нападающий, доставивший, откровенно говоря, немало хлопот Тищенко».

Любопытно: из футболистов никто про немецкую «девятку»

не упомянул. И Яшин, рядом с владениями которого форвард «шустрил». Ну, наверное, о Цейтлере точно бы рассказал Николай Иванович Тищенко, коли бы оставил воспоминания… А самое интересное началось при счете 2:0: «Теперь футболисты Германии всей командой бросаются вперед. И этот натиск дает возможность левому крайнему Хабигу отквитать один мяч. Случилось это после того, как Башашкин необдуманно вышел вперед, а Яшин находился у линии штрафной площади. Хабиг быстро оценил обстановку и метров с тридцати послал мяч в сетку незащищенных ворот.

Итак, 2:1. Первая победа досталась после исключительно трудной борьбы».

Еще один очевидец, председатель Комитета по делам физкультуры и спорта при Совете министров СССР (по-нашему — министр спорта) Н. Н. Романов в воспоминаниях 1993 года высказывается очень резко: «В одной из контратак левый крайний немцев издалека ударил по воротам. Выдвинувшийся вперед Л. Яшин непростительно „зевнул“. Гол». Про «зевок» написала и «Комсомольская правда». «Советский спорт» нашего вратаря не винил, превознося его германского коллегу Гертца, за которым, по сведениям верных агентов, давно охотились профессиональные клубы.

Так что имеем «на выходе»? Прежде всего: именно данный матч, а не последующие «индонезийские приключения», надо считать наиболее показательным для советских мастеров в Австралии. Они же вели и, по ходу действия, никак не могли проиграть. Так с какой радости Яшин оказался на линии штрафной? А с такой же, как Башашкин, оплот обороны, вдруг убежал вперед. Ибо не было немецкого штурма и натиска: это журналисты наши приняли определенную активность противника за кардинальное желание поменять счет любой ценой. Недаром сокрушавшиеся собственным качеством игры Нетто и Стрельцов ни словом не упомянули про угрозы со стороны соперника. Нет, когда добились превосходства в два гола — стал необходим третий. Чтобы крупно выиграть. А то, действительно, отборных их представителей по делу побеждали — здесь же, казалось, непонятно кто на газон вышел. Вот Яшин с верным Башашкиным и рванули нужную разницу обеспечивать: защитник — куда-то в полузащиту, голкипер — на покинутое место.

Тут Хабиг и попал. И почудилось дыхание, не приведи господи, ничьей. Мало ли что нежданно-негаданно опять залетит? Но обошлось. Поэтому, видимо, Яшин и считал одну восьмую финала Олимпиады неким «легким» испытанием. Главное — в следующий круг вышли. Пусть и без разгрома.

Противостояние с индонезийцами, растянувшееся аж на два матча, известно в литературе намного лучше. Ведь немцы в любом составе — всегда немцы. А вот островитяне, даже отрядив сильнейших футболистов, неизбежно предстанут командой в первую очередь экзотичной, а не классной. Ну не связаны они с футболом, что делать!

Предварить рассказ об игре — а мы остановимся только на матче, в котором выступал Яшин, — стоит вот чем.

Счет 0:0 в первом, говоря по-театральному, действии иногда называют позором. Клеймят футболистов за недостаточную самоотдачу, которая органично, по мнению критиков, вытекает из недостаточного настроя, зазнайства, шапкозакидательства — а означенные пороки, хочешь не хочешь, приводят к пробелам в политической подготовке. Не осознали, не прониклись.

К сборной 1956 года всё это никакого отношения не имеет. Попрекать тех людей сверхзаработками, льготами, государственной милостью в каком угодно виде — попросту грешно. Помните, когда динамовцам дадут отдельные квартиры? Правильно, в ознаменование третьего чемпионства в 1957-м. А ведь и Лев Иванович, и Владимир Алексеевич Рыжкин, и Борис Дмитриевич Кузнецов годом ранее завоюют олимпийское золото. Да и историю со Стрельцовым 1958 года не забудем…

Так что не в избалованности, наплевательском отношении к тренировкам там была суть. А в чем? Вновь — масса объяснений. Не разобравшись с ними, не поймем и поступок Яшина во втором тайме.

Первым делом — внимание противнику. Известно, что австралийская газета «Сан» вышла утром с заголовком отчета о матче «Чудо-защита Индонезии». Кажется, какое там чудо? В том же 56-м дружественные индонезийцы (они шли по некапиталистическому пути развития) гостили в Союзе, провели шесть встреч с клубами класса «А» и «Б», проиграли все, кроме матча со сборной Иванова, в котором победили 2:0. И, значит, уж лучшими силами мы их раскатаем, разобьем, размажем и т. д.

Да нет. Результаты того турне, имевшего подчеркнуто товарищескую направленность, принимать всерьез не представлялось возможным. Потому что Олимпиада есть старт всей жизни, и люди будут готовы к нему не просто на другом уровне, этого мало — они подойдут к игре именно как к матчу жизни. И прежде всего — с выработанной тактикой, планом на бой. В данном случае такого слова не надо бояться. Тем более что противник советских футболистов действовал вовсе не грубо. Он просто бился, показывая гораздо больше, чем в его силах. На одну схватку тех сил вполне может и хватить. Так, кстати, и

получилось.

Замечательный немецкий тренер Дитмар Крамер, наблюдавший за поединком воочию, с улыбкой вспоминал в разговоре с Н. П. Симоняном: «Не забуду, как юркие, маленькие ребята-индонезийцы по трое-четверо бросались к каждому вашему нападающему».

Неожиданно комплиментарно высказался о сопернике суровый, жесткий, как мы успели убедиться, Н. Н. Романов: «Трудно было смотреть эту игру. Она вызывала уважение ко всем индонезийцам за невероятную самоотверженность в защите. Все их игроки дальше нескольких метров от своей штрафной не уходили». А зачем — в самом деле? А. П. Старостин в воспоминаниях «Большой футбол» передает эмоциональное мнение участника матча о стиле островитян: «Бетон, — кричит Сальников, — сверхбетон! Встали всей командой на штрафной площадке — и ни шагу вперед. Мы отойдем назад к центру поля, желая их оттянуть от ворот, а они не идут. Между нами нейтральное пространство. Улыбаются, смотрят на нас, как бы говоря: „Пожалуйста, забирайте без боя!“ А как только мы входим в опасную для ворот зону, они так в ноги под удар и валятся. Никак по воротам не пробьешь».

Пробили, по некоторым данным, 63 раза, подали 27 угловых. И — 0:0. Самое примечательное, что могло сложиться и хуже.

Думаете, мы забыли про Яшина? Ничего подобного. Австралийцы написали о нем на следующий день запоминающимся образом: «Двадцать один утомленный игрок и один очень замерзший вратарь Яшин покинули поле после 120 минут безрезультатной игры». Хозяевам Олимпиады вторит Игорь Нетто: «Бедный Лев Яшин замерз в воротах».

Правду сказать, не так он и окоченел. Двигался же. Иное дело — где, на какой пяди поля. Пора голкиперу рассказать о непосредственном участии: «Мне нетрудно было наблюдать за действиями товарищей по команде: ведь я выполнял роль не столько участника, сколько зрителя — мяч почти не пересекал средней линии, и я несколько раз уходил от своих ворот чуть не к центру поля». Там *это* едва и не стряслось: «После очередного удара одного из наших форвардов мяч срикошетил почти к центру поля, где, кроме центрального нападающего индонезийцев, никого не было, а тот, подхватив его, без всяких помех устремился в мою сторону. А я в этот момент как раз вышел далеко вперед. Что делать? Бежать назад? Ждать, когда соперник сам сблизится со мной? Я выбрал третий путь: как заправский защитник, бросился ему навстречу. И не ошибся. Индонезийский форвард растерялся, отпустил мяч, и я поспел к

нему первым.

„Ну, всё в порядке, — сказал я сам себе, — теперь бы только ударить посильнее…“

Сам не знаю, почему так поступил. Может быть, наше подавляющее преимущество заворожило меня, а может, усыпила та легкость, с которой я опередил нападающего. Так или иначе, только бес попутал, и на глазах изумленной публики, приведя в трепет товарищей по команде, я стал… обводить индонезийца».

Для интриги остановимся на самом интересном месте. Помните, как Якушин убеждал в 54-м в том, что вратарь никого обводить не должен? Гол-то мы вряд ли забьем, а коли неудача, то мяч может оказаться и в наших воротах. Михаил Иосифович в Австралию не ездил, зато много впечатлений осталось у Гавриила Дмитриевича. Вратарь продолжает: «Уж потом мне рассказали, что запасные, сидевшие на отдельной скамейке под главной трибуной, замерли от ужаса, а Качалин, наш невозмутимый тренер, побелел, как мел, и закрыл лицо руками. К счастью, всё обошлось благополучно: задуманный финт удался, я обошел соперника и отдал мяч партнерам».

Второй раз — мы не успели забыть 1/8 финала с ФРГ — далекий выход из ворот. И риск. Вовсе не характерный для его манеры, сильнее сказать — чуждый ему. Одна особенность: действие в поле, за штрафной, и даже попытка обыгрыша ничего общего не имеют с игрой на публику. И перед кем, по совести, красоваться-то: австралийцы в 56-м в футболе слабо разбирались, а на отечественной скамейке — понятно, какая реакция. Качалин в строю, и слава богу. Нет, проще говоря, он обязан был помочь, по его мнению, потому что мысленно бежал с каждым родным полевым игроком в атаку, обводил неуступчивого соперника, бил по воротам и, в зависимости от результата, радовался или сокрушался. А когда в обоих предварительных поединках дело пошло не очень, Яшин выдвинулся вперед как последний, наиглавнейший резерв. Никакой наставник, будь то Качалин или Якушин, не мог контролировать, предусмотреть, разрешить или запретить порыв Льва. Потому как в любой обстановке он сильнее всего желал нашей победы. И, видится, то святое желание, а не пресловутый «бес» руководил им при успешных финтах против неудачливого, на наше счастье, нападающего индонезийцев.

Если же рассуждать не о глобальных вещах, а вернуться к конкретной ситуации, то, пережив нулевую ничью, Яшин, безусловно, вскоре пришел в себя. Осознал, что могло произойти, если бы их форвард… и т. д. А когда это самое осознание овладело им целиком, Лев Иванович чуть было не дошел до качалинского состояния во время одной четвертой финала, когда

седой тренер закрыл лицо руками в момент исполнения вратарем филигранной обводки. На переигровку основной голкипер попросил его не выпускать. Ко всему прочему, представлялось абсолютно ясным, что «второе действие» мужественным ребятам из дружественной страны не по силам. Так и вышло. 4:0 без вопросов и с Разинским в «раме».

В результате получилось как нельзя лучше: перед болгарами в полуфинале Яшин лишний день отдохнул, да и нервы привел в порядок.

Что ценно. Матч оказался тяжелейшим. Да, болгары — не гранды. Возможно, принадлежат к «средневесам» — не венгры. Но они лучшим составом сражаются за выход в финал! Если уж германские и индонезийские любители пластались до конца, то спортсмены из соцлагеря прониклись ответственностью — серьезнее не бывает. Плюс команда была по-настоящему крепкая, опытная (шестеро выступали против СССР в Финляндии четыре года назад). Правильно отмечал Н. П. Симонян: «Болгары оказались потруднее. Болгары сейчас (в 1950-е годы. — *В. Г.)* высококлассная команда».

В книге «Счастье трудных побед» Яшин вспоминал, как советские футболисты настраивались на полуфинал. Г. Д. Качалин, человек не просто интеллигентный, а еще и музыкально образованный, владевший отменно гитарой и балалайкой, предложил команде вечером накануне спеть нечто душевное хором. И часа два отель в Мельбурне имел возможность наслаждаться русской классикой: «Гори, гори, моя звезда», «Вечерний звон» и т. п. Зато «когда мы ложились спать, — переносился вратарь почти на 30 лет назад, — думалось только о хорошем и на душе было необыкновенно легко и спокойно». Не вспомнил Лев Иванович о приступе язвенной болезни, которая тогда скрутила его…

Опять дадим высказаться Н. Н. Романову: «Игра со сборной Болгарии получилась очень трудной. В первой половине матча доминировали болгары, много бившие по воротам Яшина. Наши же футболисты допускали большое количество ошибок и в технике, и в тактике. Но они выстояли в первой половине, и это было важно».

Первый тайм из-за потрясающего второго в литературе действительно подзабыт. А вот что справедливо напоминает А. М. Соскин в 2007 году: «Во все советские футбольные хрестоматии матч заслуженно вошел как один из самых героических в истории сборной СССР. Лев Яшин остался за кадром геройства, и напрасно. Недомогание не помешало бесконечно выручать команду: на 6-й минуте парировал удар

Георгия Николова в „девятку“, а через минуту за мяч, вытащенный из нижнего угла, Анатолий Башашкин расцеловал его, хотя такие нежности тогда не были приняты».

Действительно, получается, что наши болгарские «братушки» до перерыва поддавливали. Потом, показалось, сбавили обороты. Во второй половине сборная СССР заиграла ощутимо лучше, быстрее и техничнее. Болгары устали, стали сбивать темп. Воспользоваться этим нашим не удалось. «Наверное, не хватило вдохновения, а возможно, и злости», — отмечал Н. Н. Романов.

Хотя надо сделать скидку на травмы. Судя по всему, именно они не позволили реализовать наработанное преимущество. Про перелом ключицы у правого защитника Николая Тищенко можно не напоминать — история весьма известная. Неудачно упав после столкновения с Иваном Колевым во втором тайме, советский футболист вернулся в игру с забинтованной, приторочennой к телу рукой. А затем усугубилась травма колена у Валентина Иванова. Учитывая гол Колева на 5-й минуте дополнительного времени, положение нашей команды стоило признать почти безнадежным. «Всё, — рассказывал А. П. Старостину Игорь Нетто. — Шансов не было. В наши ворота забили гол. До конца семь минут. Впереди никакого просвета. Нападающие пытаются прорваться, но „часовые“ со всех сторон стерегут каждый шаг».

Представляете, что случилось бы, забей болгары еще? А они могли. При счете 0:1 Яшин отразил великолепный удар неугомонного Ивана Колева. Этот ли момент вдохновил, другой какой эпизод, однако за те самые семь минут до конца «поразительный темп игры, предложенный русскими, буквально ошеломил защитников, — писала местная газета „Аргус“. — Два гола, забитые русскими, привели публику в такой восторг, что подобного шума стадион не знал даже в момент побед австралийских спортсменов…».

Мячи, проведенные Стрельцовым после прорыва и корявого удара, оказавшегося неберущимся для вратаря Найденова, и Татушиным в результате многоходовой комбинации, стали возможными благодаря активному участию Тищенко. Конечно, эти спортсмены стали героями и примером для молодежи. Но Н. Н. Романов выделял среди главных фигур и тех, кто не забивал: «В игре с болгарами при длительном штурме наших ворот Яшин и Башашкин (центральный защитник. — *В. Г.)* сыграли очень надежно, на грани возможного. Они своей выдержкой и мастерством воодушевили команду, сделали то, что должны были, и даже больше. Ведь если бы не они, то нашу команду ожидали бы голы и проигрыш».

Афористичнее всех высказался Стрельцов: «Лёва нам эту игру

выиграл».

Всё же, объективности ради, приведем и последующие слова Романова о Яшине и защите, так сказать, полный текст: «Но я не хочу употреблять очень неправильное для оценки игры команды слово „спасли“. Этим словом слишком легко иногда злоупотребляют. Они не спасали. Они исполняли свой долг и обязанности. Они ведь поехали на Олимпиаду потому, что были лучшими, что и должны были доказать.

В спортивных играх есть не только долг и честь команды. Всегда особо ценятся долг и честь каждого в отдельности».

Здесь уж, как говорится, высказывание — на суд читателя. Одно ясно: называй совершенное вратарем и всей сборной долгом, подвигом, спасением или как иначе — трудностей пришлось перенести, сил извести, болячек наполучать, поверьте, ничуть не меньше, чем в элитном противостоянии с чемпионами и вице-чемпионами мира. Олимпиада есть Олимпиада. После Мельбурна, кстати, футбол хотели из программы исключить: дескать, участников мало, уровень оставляет желать лучшего, народ не ходит…

Хорошо всё-таки, что люди до чего-то недодумываются. Особенно если это что-то — глупость.

* * *

Возможно, футбол уцелел, потому что был финал СССР — Югославия. По мастерству исполнителей зрелище, несомненно, не уступало баталиям первенства мира. И местные граждане, уже проникшиеся лучшей игрой с мячом, тот факт оценили.

Самое время обратиться к составу наших противников. Дело в том, что они в известной степени опередили время. Как мы знаем, ныне в олимпийском турнире, по правилам, выступают игроки не старше двадцати трех лет, к которым, согласно квоте, могут быть добавлены несколько «старших товарищей». Соперник по финалу-1956 решился на эксперимент аж на 50 лет раньше и прислал подлинно молодежную сборную. А собственно национальная команда в то время совершала коммерческое турне.

Однако силу тех, кто 8 декабря вышел против Советского Союза, нельзя недооценивать. Через два года в Швеции состоялся чемпионат мира. Там в основе выходили трое олимпийцев: Крстич, Веселинович и, конечно, восходившая (и взошедшая!) звезда — правый край Шекуларац. А из состава прошлого первенства, 1954 года, уцелело пятеро, не больше. Таким

образом, уместно говорить об экспериментальном составе югославов. Отнюдь не слабом — наоборот, молодом, боевом, амбициозном. Есть к тому же мнение, что так называемую первую сборную страны, не очень блиставшую последнее время, стоило несколько встряхнуть.

Так как же проходил матч с достойным противником? Начнем с того, что корректно, в спортивной борьбе, без грубости и жестокости. Об этом нужно напомнить ввиду самого разного характера многочисленных встреч между двумя сборными. Что же касается непосредственно игры, то дебют вновь вышел не в нашу пользу. Из книги Н. И. Любомирова и др.: «Состязание сразу захватывает зрителей. Несмотря на то, что поле мокрое, игра ведется в быстром темпе. Югославские футболисты радуют высокой техникой. Они хорошо обрабатывают мяч, умело применяя обводку. У югославов очень точная передача. В игру сразу же приходится вступать Яшину. В хорошем броске он достает мяч, направленный в угол ворот Муйичем. Но и это не всё. Югославы дважды подают угловые. У ворот советской команды несколько раз создаются острые ситуации. Чувствуется, что югославские спортсмены стремятся открыть счет. Однако защитники нашей команды на высоте. Первый натиск югославских футболистов отражен». В книге «Счастье трудных побед» Л. И. Яшин очень похоже описывает начало встречи: фигурируют и угловые, и югославская техника, и отменная игра советской обороны. Правда, почему-то не упомянут выход один на один левого полусреднего Папеца на 17-й минуте (о нем и остальные наблюдатели подзабыли). Полусредний ударил в итоге мимо, но, может, действительно перенервничал, оставшись с глазу на глаз с отлично зарекомендовавшим себя в полуфинале Яшиным? Одним словом, по общему мнению очевидцев, уже вторая половина первого тайма прошла с перевесом сборной СССР. И вскоре после перерыва подоспел «золотой» гол Анатолия Ильина.

А что потом? И. А. Нетто: «В оставшееся время югославские футболисты играли энергично. Но не менее энергично стремились и мы не только удержать счет, но и увеличить его». Н. П. Симонян: «Югославы еще более рьяно, чем прежде, рвутся к нашим воротам. А мы стараемся гасить их натиск, подолгу держа мяч, передавая его друг другу, вперед, назад, влево, вправо, тем самым дезорганизовывали, изматывали соперника, бегающего без мяча». В книге «XVI Олимпийские игры» приметы активности соперника вообще не прослеживаются, наоборот: «Советские футболисты продолжают нападать. Вратарю югославской команды часто приходится отражать мячи, летящие, как

выразилась одна из австралийских газет, „буквально со всех направлений“». Н. Н. Романов скорее солидарен с Н. П. Симоняном: «Следующие 40 минут игра носила больше тактический характер. Наши футболисты в центре поля подолгу держали мяч, не показывая решимости увеличить счет. Югославские футболисты не очень рисковали при отборе мяча, боясь быстрой атаки». Наконец, сам Л. И. Яшин не расходится с остальными очевидцами в оценке последних минут: «После этого (гола. — *В. Г.)* соперники приложили немало усилий, чтобы спасти игру, но счет не изменился. Этому во многом способствовала избранная нами тактика: команда и не думала уходить в глухую защиту, а при каждом удобном случае переходила в контратаку».

Эти компетентные мнения приводятся, дабы предварить абсолютно неожиданное ви́дение финала В. К. Ивановым в воспоминаниях «Центральный круг». Сам нападающий после полученной травмы, естественно, не выступал. Но за матчем следил внимательно: «Наша сборная играла с громадной нагрузкой. Сказать, что Яшин играл хорошо, отлично, блестяще — значит ничего не сказать. Это была одна из великолепнейших игр лучшего вратаря целой эпохи мирового футбола.

Команда может быть благодарна своему вратарю, если он выручит ее в безнадежной ситуации раз или два. Яшин в том матче спас наши ворота десять, а может, пятнадцать раз. Мы потеряли счет его подвигам. Мы потеряли представление о „мертвых“ мячах; все их — в верхние и нижние углы, с пяти и трех метров, пробитые откровенно сильно подъемом и закрученные „сухим листом“ — он брал или отбивал. И делал это так, словно ничего особенного тут нет, словно это занятие привычное и не очень сложное».

Цитата известная: она приводится и в книге «Счастье трудных побед», и у А. М. Соскина. Читать восторженный отзыв прекрасного форварда и человека о замечательном голкипере и, опять же, человеке — всегда приятно.

Вопрос в том, *когда* набралось 10–15 неберущихся ударов? В начале встречи? Бесспорно, удар Муйича вышел мастерским: А. М. Соскин вспоминает, как в радиорепортаже с финала после сообщения об угрозе советским воротам повисла пауза — так происходит перед известием о голе… И вдруг — взрыв: взял Яшин! Еще, мы помним, тогда подавалось несколько угловых. Опасно, конечно, однако неужто затем Огоньков, Башашкин, Кузнецов позволяли пробить с трех или пяти метров? Тем более что все дружно выделяли четкую работу обороны.

Несомненно, в конце игры у югославов не могли не пройти

приличные атаки, но как в таком разе быть со свидетельствами Н. П. Симоняна, И. А. Нетто да и того же Л. И. Яшина?

Неувязка? Противоречие? Да нет, пожалуй. Нетто и Симонян сами бились в том финале. Всякий раз оглядываться на тылы — не их работа. Журналисты же и руководители наблюдали футбол с трибуны. Со стороны. А Иванов со стороны смотреть не мог. «Вот если бы я мог выйти на поле сам — выйти и показать, как надо бороться за победу, — мучительно размышлял он, — выйти и либо победить, разделив со всеми радость, либо проиграть, взяв на себя долю общей вины, — тогда другое дело. Но я был бессилен в этот решающий день. И нет ничего для спортсмена страшней, чем чувство собственного бессилия. И я страдал, страдал, считая себя самым несчастным человеком в команде».

И Иванов, и Яшин — одной крови. Футбольной. Когда живешь борьбой, где бы ни находился. На скамейке — особенно. Переживаешь за каждого. А за главного заступника, ибо, кроме него, никого более нет, — запредельно и невыразимо. Идет ведь минута за минутой, и наши ворота неприкосновенны, и, если *они* не попадут, мы точно победим. Мечта продвигается к осуществлению с каждым мгновением — и не без помощи, понятно, и в самом деле отменно игравшего Яшина.

…Такие люди всегда правы в оценке, потому что они вышеупомянутое право заслужили жизнью и судьбой. Потому эмоциональный отрывок из «Центрального круга» можно считать не правдой, а высшей правдой.

А потом была победа. «Одна на всех», как в песне. На многократно описанном корабле «Грузия» олимпийцы добрались до Владивостока. «Принято считать, что людей роднит общее горе и пережитые лишения. Но, оказывается, счастье тоже роднит», — размышлял позднее Яшин. И это «оказывается» — дорогого стоит. Горя и лишений, что сплачивают, ему к 1956-му хватало с лихвой. И к двадцати семи годам он увидел, насколько здорово быть банально счастливым. Ведь после двадцати дней веселого морского путешествия (несмотря на то, что укачивало, — замечательно дошли до «порта приписки») последовало путешествие сухопутное, через всю страну на поезде из Владивостока. Их встречали на станциях и полустанках с ничуть не меньшим воодушевлением, нежели героев недавно, в общем-то, закончившейся Великой Отечественной войны. И они, дети ее, понимали то, что мы уже, надеюсь, не поймем никогда.

«…Декабрь 1956 года, — рассказывал Андрей Петрович Старостин. — Экспресс Владивосток — Москва. Олимпийцы возвращаются из Мельбурна. На небольшой железнодорожной станции в Сибири появился семидесятидвухлетний старик. Он

пришел пешком за сорок километров, чтобы пожать руку Яшину!

Растроганный мастер футбола крепко обнял старого деда и пообещал выполнить его просьбу: еще тщательнее оборонять ворота сборной СССР.

Всего три минуты продолжалось это свидание, поезд тронулся, старик приветственно махнул рукой и отправился в обратный путь. Вот оно, признание!»

В воспоминаниях Яшина присутствует еще и ароматный омуль, которым дед одарил любимого футболиста, наказав ему поделиться с друзьями.

Хотя разве в омуле дело! Тогда же телетрансляций не существовало. И, выходит, байкальский старожил из радиорепортажа уловил, кто лучший. Получается, народ не обманешь. Любовь одна: или есть, или нет. Она — главная награда.

Ну и орден Трудового Красного Знамени, врученный Яшину за Олимпиаду в 1957 году, — тоже правильно и очень по заслугам.

Однако долго праздновать не пришлось. Впереди маячил новый барьер. Чемпионат мира 1958 года. Первый для нашей страны.

МИРОВОЙ УРОВЕНЬ

По итогам 1956-го Яшин, помимо советского ордена, получил пятое место в опросе «Франс футбол» на тему «Золотого мяча». Это был первый такой опрос. В 1963-м, нелишне напомнить, Яшин тот драгоценный приз получит. Но и достижение олимпийского года (учитывая, что саму Олимпиаду смотрели скупо, а самому футбольному турниру в Австралии не хватало класса) безо всяких прикрас надо признать подлинным достижением отечественного футболиста.

Ведь лучшим признали тогда легендарного сэра Стенли Мэтьюза, великого британского правого крайнего, близкого, кстати, Льву Ивановичу в смысле спортивного долголетия («Золотой мяч» получил в 41 год!), а главное — человеческой порядочности и футбольного джентльменства. Впереди Яшина оказались также незабвенные Альфредо ди Стефано, Раймон Копа и неоднократно упомянутый нами Ференц Пушкаш.

Причем с тремя из них, исключая Мэтьюза, Яшин встретится в 1963 году, выступая за сборную мира.

Так что старушка Европа всё видит, знает и понимает. Нам бы, значительную часть ее составляющим, хоть чуть бы соответствовать…

Впрочем, в 1957-м никого не волновал Кубок Старого континента. Не было его. А вот к чемпионату мира мы готовились. СССР решил участвовать.

17 января «Советский спорт» помещает вольный пересказ статьи западногерманской газеты «Ди Вельт». О наших в 1956 году — сухие факты: 14 игр, 11 побед, 1 ничья, 2 поражения.

Многие задумались: как там советские футболисты? Не зазнались? Работают? Готовятся? Не праздный вопрос, скажем прямо. После декабрьских успехов надо было восстановиться. Отдохнуть. И лишь затем набирать форму. Схема обычной предсезонки трещала по швам. Народ потребовал ответа по коррективам. От «Динамо» получил.

Михаил Иосифович Якушин для начала сообщил: «В основном составе изменений почти не будет». А затем по-тренерски великолепно отразил «укол» по поводу несчастных сборников. «Многих читателей, — передает „Советский спорт“, — интересует подготовка Яшина, Рыжкина и Бориса Кузнецова. Михаил Якушин просил передать, что у всей команды, в том числе и у названных футболистов, боевое настроение».

Не отделил то есть заслуженных от всех остальных. Хотя вот «Спартак» сетовал потом на предмет тяжкого послеолимпийского

сезона. Ибо вся красно-белая дружина Олимпиаду выиграла, а потом и день — не день, и год — не год.

Дело обстояло не совсем так. Финал Мельбурна вышел спартаковским — по правде. Девять из одиннадцати на поле — не шутка. Так ведь то финал. До него еще добраться нужно. В предварительных боях и Разинский, и Беца и, разумеется, Рыжкин со Стрельцовым и Ивановым, как известно, пригодились. А Яшин? А он, выиграв, добыв, перетерпев всё, что можно и нельзя, вошел в новый сезон в превосходных кондициях.

Принципиальнейший Лев Филатов, беспощадно отругав олимпийского чемпиона Бориса Разинского, готовившегося к сезону с армейцами (отзыв о предсезонных играх недавнего яшинского конкурента — «из рук вон плохо»), спокойно отметил: «Интересно, что за три контрольных матча Яшин не пропустил ни одного мяча».

И сезон орденоносец, олимпийский чемпион начинает в родном клубе безусловно первым номером. В двух стартовых поединках, 6 и 11 апреля соответственно, ворота «Динамо» охранял именно Яшин.

Почему об этом стоит дополнительно сообщить? Ведь, собственно, с 1953-го, ну уж, по крайней мере, с 1954 года, «львиное место» в стартовом составе никто не оспаривал?

А в том суть, что в 1957-м уже 16 апреля «пост принял» Владимир Беляев. Дублер. Который в результате проведет за бело-голубых в сезоне почти столько же игр, сколько и Яшин, и в сборной страны успеет отметиться, успешно заменив нашего героя. И вообще проведет великолепный спортивный год, лучший в карьере.

Это что же получается: простодушный и доверчивый Лев сотворил себе самому конкурента?

Правильнее совсем по-другому. Незаметно и предметно он воспитал хорошего вратаря. И что, быть может, главнее — помог состояться достойному человеку.

Высказывание Владимира Пильгуя более позднего периода уже приводилось. Яшин никогда не давил — просто по природе не умел — на менее опытного сменщика. Не требовал: делай как я! Однако обаяние его личности, естественность, искренность, бескорыстие и то, что называют врожденной интеллигентностью, влияли неизбежно и необратимо. И всякий нормальный человек — а Беляев к таковым относился — не мог не попасть под очарование личности Льва Ивановича. Что означало: тренироваться, как он, не ныть, как он, быть верным и честным. Как он.

Беляеву же придется чуть позже пережить очень многое. Как,

опять же, Яшину. А покинуть «Динамо» в том 57-м или начале 58-го вратарю сборной, до которой Владимир заслуженно дорос, представлялось простым и логичным шагом. «Спартак» с удовольствием принял бы этого вроде как дублера в свои ряды.

А он не ушел. Однолюб. Как Яшин.

В любом случае еще один надежный вратарь пригодился и клубу, и сборной. Правда, вот что приходит на ум: а с чего вообще Льва Ивановича менять? Три года-то никакой проблемы не было. И возраст пока еще самый боевой. Двадцать восемь лет, самый расцвет.

То и обидно. В такие молодые годы о язве желудка обычно не беспокоятся. А тут пришлось. Справедливости ради стоит отметить, что, по свидетельству знаменитого спортивного доктора О. М. Белаковского, серьезные боли мучили голкипера еще в Мельбурне. И унимать их перед играми было для врача трудной профессиональной задачей. Впрочем, каково было состояние Яшина, знал лишь он сам. Но о таких мелочах не рассказывал. И мы всё узнали из воспоминаний старого доктора годы спустя.

А в 57-м, значит, боль стала совсем невыносимой. В ином случае он бы еще потерпел. Для команды.

Откуда беда пришла? Многие скажут: курение до добра не доводит. И будут правы. Однако, видится мне, вредная привычка явилась лишь катализатором процесса. Который шел неумолимо и давно.

Ульяновская степь в войну не могла не сказаться. Как спали они под «пустыми небесами». Что ели, точнее, чаще-то и не ели. В лучшем случае в рацион входила картошка с брюквой, вымененные на одежду, без которой, в принципе, тоже нельзя, но голод — такой беспощадный царь, что никуда от него не деться, — и приходилось мерзнуть при иллюзии сытости.

А три смены у станка? Война же еще тем страшна, что для отдельного человека не кончается. Кажется, мир давно, а она догоняет. Может и убить.

Валентина Тимофеевна Яшина вспоминала о друзьях Льва Ивановича по заводу. С которыми пришлось работать в ту страшную годину. Так эти люди безвременно стали уходить из жизни к шестидесяти годам. Как раз к пенсии, здоровьем заработанной. Яшин тоже не дожил до шестидесяти одного. «Чудовищное перенапряженье», как сказал поэт, не отпускало и не отпустило…

Да, в том сезоне Владимир Беляев успешно выступал не только за клуб, но и за главную советскую команду. Допустим, встал в ворота в триумфальном матче против финнов, которые

были разгромлены в Хельсинки 10:0! И вообще ни разу не подвел: что в чемпионате Союза, что на международной арене.

Однако Яшин оставался Яшиным. К узловым встречам превосходно, между прочим, складывавшегося для бело-голубых первенства «хитрый Михей» приберегал всё-таки Льва Ивановича. Тот соответствовал.

2 мая «Динамо» проиграло прошлогоднему победителю «Спартаку» 0:1. А если бы не Яшин, рисковало уступить куда крупнее. Тот спас после пенальти от… Сергея Сальникова.

Противостояние двух маэстро не завершилось, перейдя в радостную для зрителя (а для кого играли?) стадию. Бывший вратарь красно-белых Алексей Леонтьев сообщает из «Лужников»: «Бьет Сальников, но Яшин парирует мяч на угловой». Немного буднично, не так ли? Обозреватель и к маю 57-го не забыл: «Некоторые знатоки объясняют это, что, мол, Яшин знает, куда бьет Сальников». Бог мой, так о том факте и в 55-м твердили. Ныне же, то есть через два года: «Нет, причина в другом. У Сальникова нет уверенности в точности своего удара — и это главное».

Помилуйте, а два года назад Сергей Сальников был менее искушен и мастеровит? Или хуже знал манеру Яшина реагировать на удар? Правила-то пока остались те же.

Тут, наверное, всё глубже и творчески сложнее. Яшин же, нелишне напомнить, и не скрывал: одиннадцатиметровый при идеальном исполнении не берется. Но голкиперу никто не запрещает думать, анализировать, дабы в конкретный момент «выстрелить» не по статистике, а необходимо для своей команды. Тут работа на больших глубинах. Значит, Яшин в ней преуспел серьезнее оппонента.

Через неделю, в следующий праздник, девятого числа динамовцы противостояли молодому и дерзкому «Торпедо». Еще один своеобразный реванш: автозаводцы не забили. Среди тех, кто заслужил аплодисменты, «Яшин, который спас ворота от нескольких, казалось бы, верных голов». Это точно: Константин Бесков, писавший отчет, слов на ветер не бросал.

Затем, вплоть до 25 мая, задействован Беляев. Не сказать, конечно, что выезд в Минск или встреча с земляками-железнодорожниками являли собой нечто тренировочное, однако заметим: через две с небольшим недели на традиционное, пусть и несудьбоносное уже дерби с красно-синими выходит всё же Яшин.

А в грядущих отборочных к мировому форуму поединках в соперниках у сборной СССР — финны с поляками. И если первые не превосходили мастерством прошлогодний Израиль, то братья-славяне выглядели куда более грозно. Не исключено, что к 1957

году они смотрелись в футбольном смысле вполне сопоставимо с обескровленными венграми.

А значит, в воротах обязан быть Яшин. Симптоматично: в том сезоне, когда Льва Ивановича впервые подвело здоровье, вдруг реально проявилась его безусловная незаменимость. Однозначно выяснилось, что нужен только он.

Иначе не видать нам мирового чемпионата. А мы же, понятно, не хотели ограничиться одним участием. Вот что вещал «Советский спорт» в передовой от 30 марта: «И хочется думать, что наши футболисты — обладатели титула чемпионов Олимпийских игр — будут успешно оспаривать также и звание чемпионов мира».

Правильно, одно золото взяли — давай и дальше в том же духе. Что соперники иного пошиба — не беда. Мы из лучшего на планете Союза, и этим всё сказано. И «звезды» у нас имеются собственные. Свои, но нераскрученные. Например Лев Яшин. На него, как известно, за рубежом успели глаз положить. А в отечестве он не подверстан не то что к чиновничьей номенклатуре, жившей у кормила власти несколько по-другому, — само-то футбольное сообщество о динамовском вратаре, по большому счету, помалкивает. Он не обласкан, но облечен доверием. На него надеются, но тихо, без огласки. Он очень нужен, но не должен об этом думать.

Потому, наверное, Беляев и получил в мае практику: Льва стоило приберечь для отбора на чемпионат мира. А затем дать возможность набрать, точнее, вернуть форму. После победы над ЦСК МО 25 мая со счетом 1:0 последовало, кстати, поражение в гостях от «Зенита» при непосредственном участии Яшина. Однако, судя по всему, его выход на поле в «Лужниках» против поляков был предопределен гораздо раньше.

Что ж, тот матч 23 июня стал, без сомнения, одним из лучших в истории сборной СССР. Крепкого соперника победили по всем статьям: 3:0. Причем связка Симонян — Стрельцов выглядела неудержимо. Если бы не этот сдвоенный центр — не случилось бы голов и, естественно, победы. Только, как всегда, невнимательная, близорукая дама история забывает о героях внешне не столь заметных, но вложивших в итоговый успех ничуть не меньше. «Сухим счет сохранил нервничавший поначалу Яшин, — напоминает А. Т. Вартанян, — отразив два удара Кемпны из разряда „мертвых“». А. Леонтьев и В. Павлов в «Советском спорте» подтверждают это: «У победителей отлично выступили Яшин, Огоньков, Нетто, Симонян, Стрельцов». Голкипер, мы убедились, назван в одном ряду с блеснувшими центрфорвардами.

А через месяц, 21 июля, в Софии Яшин примет участие в еще одном разгроме вечно верных друзей-соперников: болгар приложили аж 4:0. Почему не поставить на товарищескую, подготовительную игру Беляева — ведомо начальникам, включая тренеров. Одна из версий: помнилась олимпийская схватка в полуфинале. Уступать старому, достойному противнику не хотелось. И Льва Яшина заодно проверить: как он там накануне ответного сражения на польской территории?

Указанный персонаж проверку выдержал прекрасно. Капитан сборной Игорь Нетто и при разгромной победе обратил внимание на «эпизод, когда Кузнецов промахнулся по мячу и вперед вырвался Колев. Гол казался неминуемым, но в последний момент Яшин успел опередить соперника».

Лев «опередил», но тянуть с его лечением было больше нельзя. Потому что он человек, которому очень худо. А надо, чтобы было лучше. И быстрее. Ибо предстоял ответный бой с сильным противником. А в воротах понятно, кто должен быть.

21 августа «Советский спорт» опубликовал материал «Пишут болельщики…» А. Чистова. Про сами письма говорить не будем (вряд ли они отличаются от нынешних оригинальностью — разве что тоном и лексикой), однако интересен комментарий начальника команды Евгения Фокина: «Письма адресуются как всей команде, так и отдельным игрокам. По количеству получаемой корреспонденции на первом месте у нас вратарь Лев Яшин и капитан команды Константин Крижевский. Авторы писем, направленных в адрес команды, обязательно получают ответы…»

Ответы Алекпера Мамедова со товарищи, например, приводятся. Ответы Яшина — нет.

Вероятнее всего, не хватило печатного места. Ничего особенного. Но сам факт непрерывной переписки сообщает многое. Да, в общем, — всё! Люди — и наверху, и внизу — ждут наших на чемпионате мира. С Яшиным. Без которого туда и не попасть.

В отсутствие Яшина Владимир Беляев опять сумел проявить себя замечательно. В первенстве уверенно вел «Динамо» к первому месту, обеспечив надежность тылов. Сыграл за сборную против непримиримых венгров в Будапеште — и вышел победителем (2:1 в пользу СССР). Низкий поклон.

Но 2 октября в матче с армейцами состоялось возвращение Яшина. И «Советский спорт» констатирует, что «команды выставили свои боевые составы».

Итак, в Хожув на второй отборочный поединок — решающий в борьбе за путевку в Швецию — отправились и Яшин, и Беляев. Первый и второй номер, соответственно.

Стоит заметить, что забитые и пропущенные мячи в двухраундовом противостоянии тогда не учитывались. Строго говоря, поляков в «Лужниках» можно было и не громить — хватило бы просто победы. А вот в Польше, как мы понимаем, хозяев устраивал выигрыш с любым счетом.

20 октября на стадионе «Шлёнск» в присутствии 100 тысяч зрителей соперник сразу ринулся на штурм. Далее используем хронику событий, составленную корреспондентом «Советского спорта» В. Пашининым.

«Уже на 15-й секунде Яшин в блестящем броске выбивает мяч после сильного удара Кемпны».

«11–15 минуты. Угловой у наших ворот. Цезлик (А. Т. Вартанян в своей „Летописи…“ утверждает, что правильное произношение и написание фамилии польского форварда — Чешлик. — *В. Г.),* стоявший вдали, неожиданно бросается вперед и головой направляет мяч в угол ворот. Вновь блестящий бросок Яшина, и опять угловой».

«21–25 минуты. Атакуют польские спортсмены. Дважды Яшин парирует удары Гавлика и Лентнера».

«36–40 минуты. Доминируют польские спортсмены».

Последнее свидетельство прямо к вратарю не относится, однако приведено не зря. Польское преимущество, читатель убедился, видно невооруженным глазом. Конечно, и у советских мастеров получались иногда контрвыпады, и всё же хозяйская доминация в первой половине игры — неоспорима. В общем-то, гол назревал. А если бы не Яшин, бело-красные открыли бы счет и раньше. Сейчас же о грустном.

«41–45 минуты. Янковский проходит вперед и перекидывает мяч через Масленкина на переместившегося влево Кемпны. Тот передает мяч Цезлику, который с лета посылает мяч в угол ворот. Гол. 1:0».

А. Т. Вартанян на основе польских источников считает этот мяч «помарочкой» советского вратаря. Приведем цитату из «Пшеглонд спортовы»: «Лентнер сделал нацеленную передачу на Чешлика. Секундное замешательство советских защитников, и наш капитан легко оторвался от Парамонова. Оставался еще Яшин. Чешлик ударил низом. Яшин на долю секунды запоздал с броском, и мяч под его рукой прошел в ворота».

Некоторые расхождения очевидцев (так с лета бил нападающий или нет?) не могут скрыть двух вещей: прекрасной комбинации нашего соперника и невнятных действий отечественных оборонцев. И еще: посмотрите, какая вера в Льва Ивановича даже у журналистов чужого стана! «Оставался еще Яшин». Так ведь удар по-любому наносился из пределов

штрафной площади: если никто не мешает (а защитники отстали), то классный игрок обязан забивать.

А всё равно страшно: *Яшин еще не отыгран.* На мой взгляд, польское описание первого гола есть прежде всего глубоко выношенный комплимент, а потом уже всё остальное.

Несмотря на вполне логичное обращение Г. Д. Качалина к своим питомцам в перерыве: «Ребята, вы предпочитаете выиграть сегодня или проводить третий матч?» — второй тайм начался новым наступлением противника. Вновь слово В. Пашинину:

«46–50 минуты. Мяч у Брыхчы. Он проходит по правому краю, рядом с ним Янковский. Вдвоем они обыгрывают Масленкина. Кузнецов отстал. От углового флажка следует подача, и набежавший Цезлик забивает второй мяч».

На этот раз «Пшеглонд спортовы» согласна с «Советским спортом»: «Брыхчы прошел по правому флангу чуть не полполя, обыграл Кузнецова и навесил в штрафную площадь. Мяч летел над головой советских защитников. Они с тревогой следили за его полетом. Выпрыгнул Чешлик и ударом головой во второй раз вынудил Яшина вынуть мяч из сетки ворот». Всё-таки интонация варшавского журналиста по сравнению с московским коллегой чуть иная (тонкая ирония так и сквозит — это насчет «с тревогой следили»: ничего, получается, не предпринимали для перехвата мяча), но не рушит их единства в главном: оборона гостей вновь проявила себя не с лучшей стороны. Если так много позволять толковому, заряженному на победу атакующему игроку, то на что же потом обижаться?

Надо отдать должное: советские футболисты собрались без внутренних разборок. Перехватили инициативу, в результате чего Валентин Иванов и провел один ответный мяч. Второй такой же означал для поляков фиаско. И всё же они, утеряв последние силы в заключительные 15 минут, отбиваясь от атак ожившей сборной СССР, смогли организовать контратаку, и — «за две минуты до конца только фантастическая реакция Яшина уберегла от третьего гола», как напоминает в своей «Летописи…» А. Т. Вартанян.

Яшин, несмотря на малоприятное поражение, сделал всё, что мог. Старший тренер Г. Д. Качалин — тоже.

Обоим после игры дали слово. Местные корреспонденты услышали от наставника по окончании действа: «Я верил, что после перерыва пойдут вперед и отработают долги. Но неожиданно для них и для меня Яшин пропустил второй гол. Это окончательно их добило».

Как Яшин пропустил, мы уже видели. И что побитые вроде люди непостижимым образом поднялись на бой — тоже. И Лев

Иванович, как и год назад, вместе со всеми. Хорошо, что не в центре нападения решил поиграть. На своем месте выручил — такое стократ главнее.

Далее Качалин в какой-то мере противоречит себе: «К Яшину и защитникам претензий не имею. Проиграли из-за нападающих».

С чем и Яшин согласился. Правда, по-своему и с указкой в противоположную сторону: «Чешлик — настоящий дьявол! Подвижный, неуловимый, стрелял, как из катапульты».

Правильно. Как и то, что наших и не наших форвардов хватило не на весь матч. После чего хозяева унесли земляков на руках. С народными песнями в хоровом исполнении.

Предстояла последняя, решающая схватка в Лейпциге, которая должна была определить: кому ехать на следующий год в Швецию — СССР или Польше.

К главному поединку года Яшин готовился в более или менее спокойной обстановке. По крайней мере, потому, что его «Динамо» в блистательном стиле завоевало титул чемпиона страны. «Ни одна команда, — справедливо замечал в „Советском спорте“ В. Фролов, — не выступала в нынешнем сезоне так уверенно и ровно, как московское „Динамо“». Да и старший тренер бело-голубых М. И. Якушин в книге «Вечная тайна футбола» через тридцать с лишним лет с удовольствием вспомнит: «У „Динамо“ я бы выделил сезон 1957 года, когда нам удалось показать удивительно цельную и гармоничную игру, что позволило команде преуспеть как в атаке, так и в обороне».

Состав новых чемпионов, надо сказать, претерпел некоторые изменения. Сменилась, в частности, пара полузащитников: вместо Евгения Байкова и Владимира Савдунина в основе закрепились Александр Соколов и Виктор Царев. А линию защиты, помимо Владимира Беляева, укрепил на правом фланге Владимир Кесарев.

На троице оборонцев полезно остановиться особо. Потому что, если внимательно читать Якушина, можно найти немало интересного. Итак: «Быстрый и резкий Борис Кузнецов играл на левом фланге обороны. Был он азартен, в меру техничен, одним из первых в нашем футболе освоил, кстати, известный теперь повсеместно прием „подкат“. Вместе с Яшиным Кузнецов в 1956 году стал олимпийским чемпионом». Но ведь и Владимир Рыжкин тоже завоевал золото Мельбурна, однако, когда речь шла о нападающих, «вместе с Яшиным» почему-то не прозвучало.

Потому как фланговый форвард Рыжкин — сам по себе, из другой линии, с вратарем взаимодействует минимально, а вот крайний бек Кузнецов входит в замечательный тыловой симбиоз, который основан и, как бы кто ни сомневался, воспитан Яшиным.

Вот тот же Кесарев появился в команде мастеров 24-летним — ранее выступал за «Динамо» клубное — фактически на любительском уровне. «Данные его, — пишет М. И. Якушин, — мне понравились: высокий рост, скорость, атлетическое сложение. Пригласили мы его к себе в дубль, и в беседе с ним я сказал: будешь добросовестно тренироваться — через полтора-два года станешь игроком основного состава. Он принял мои условия, и мы принялись за дело. Всё вышло, как я и сказал. Разговор наш состоялся осенью 1954 года, а в 1956 году Кесарев стал играть правым защитником московского „Динамо“, а вскоре и сборной СССР, так что план оказался даже перевыполненным! Технику он за это время повысил заметно, что позволяло ему при подключении к атаке свободно играть с партнерами в пас и „стенку“, показывать хороший дриблинг и завершать рейды ударом по воротам».

Конечно, роль главного тренера в становлении Кесарева нельзя переоценить. Бесспорно, без договора с Якушиным и собственного трудолюбия никакого игрока сборной за полтора (!) года не вышло бы. Но и о постоянном, ежедневном творческом и человеческом общении с Яшиным забывать, на мой взгляд, не стоит. Дабы контактировать на равных (а в игре защитникам и вратарю такое необходимо) с большим мыслящим профессионалом, надо до него «дотягиваться». Надо не только тренироваться, как он, — нужно думать столь же много и интенсивно. Прокручивать в голове возможные матчевые ситуации, анализировать собственные действия в уже состоявшемся поединке, работать над взаимопониманием внутри создаваемого оборонного механизма. Чтобы тот как часы действовал.

И это удалось. Несколько лет три «К» потрясали взаимопониманием, супернадежностью, невероятной сыгранностью.

Время, кстати, вспомнить и о центральном защитнике — Константине Крижевском. Его судьба на первый взгляд опровергает некоторые вышеизложенные утверждения. Действительно, Константин Станиславович участвовал еще в Олимпиаде 1952 года, когда Лёва Яшин выходил за дубль.

Так ведь никто и не собирается доказывать недоказуемое, выставляя маститого игрока яшинским учеником. Однако посмотрите: Мельбурн Крижевский пропустил. Не по травме, а потому что был вытеснен из состава. Ну и всё вроде бы. Бывает. Дорогу молодым и т. п.

И вдруг в 1958-м он едет на первый наш мировой форум! В 32 года вернуться так, чтобы железно застолбить себе место в

стартовом составе, пропустив предыдущее грандиозное состязание, — где это у нас видано? А ведь в Швеции центр обороны было невозможно представить без «летающего защитника».

Как-то многовато совпадений, не находите? Один в невозможном для профессионального дебютанта возрасте расцветает, другой в еще более солидные года возвращается в сборную, третий «вместе с Яшиным» растет, прогрессирует, получает «золото» Олимпиады.

Так и задумаешься о роли личности. В смысле — светлой личности, человеческой.

А 8 ноября, уже обеспечив себе окончательный успех, динамовцы переиграли «Торпедо» 1:0. Характерно резюме «Советского спорта»: «Недаром тренер „Динамо“ после матча поставил в протоколе после фамилии Яшина „пять“».

19 ноября центральная спортивная газета публикует знаковую, как видится, корреспонденцию А. Чистова. Речь идет о тренировке сборной перед решающей, третьей схваткой с поляками в Лейпциге. «С обычной легкостью и прыгучестью, — отмечает журналист, — Яшин парирует самые разнообразные удары — сильные прострельные, стремительно летящие низом в дальний угол или коварные резаные. Чувствуется, что вратарь сборной страны находится в хорошей спортивной форме». И затем: «На смену Яшину в ворота становится молодой, но уже заслуживший признание у нас и за рубежом страны его одноклубник В. Беляев».

Заметьте, рассказывается не об официальном матче и даже не о спарринге. Просто обычное занятие, каких много. Нет, никто и не сомневался, что Лев Иванович чувствовал себя нормально и трудился в охотку, — однако в восхищении газетчика есть что-то от заклинания. Всё, мол, будет хорошо, никак иначе. *Он* всё равно спасет, выручит, отразит. Уж очень хотелось в Швецию. Чемпионат-то дебютный для нашей страны. А без Яшина — ничего не получится. Беляев, хотя и заслужил признание у нас и за рубежом, — всё-таки только «на смену».

24 ноября 1957 года советские и польские мастера сошлись на немецкой земле, чтобы определить, кто более достоин поездки на финальный турнир мирового первенства. Соперник начал мощно: «Кемпны, — свидетельствовал в „Советском спорте“ В. Пашинин, — прорывается к воротам, и Яшин в смелом броске снимает мяч с его ноги». Вратарь всё время в игре. Вот «парировал сильнейший удар Брыхчы». Противник некоторое время еще давил. «Наши защитники, — рассказывал корреспондент в том же отчете, — часто отдавали мяч вратарю,

стараясь разрядить обстановку». То есть игру приходилось «подсушивать».

А что делать: поляки также желали в Стокгольм и, пока были силы, сражались самозабвенно. Но, объективности ради, надо сказать: наши смотрелись лучше. Злого яшинского гения Чешлика наглухо прикрыл Юрий Войнов. Ну а с Кемпны и Брыхчы Лев Иванович и сам, как мы убедились, сумел сладить. Короче говоря, игру от своих ворот удалось отодвинуть. А затем забил проводивший чуть ли не лучший матч в карьере Эдуард Стрельцов. Потом он же блестяще отпасовал Генриху Федосову, динамовец провел второй мяч.

То была победа. Долгожданная и заслуженная. Мы попали на праздник жизни! И все молодцы. Однако задержись Лев Иванович с треклятой спутницей-язвой чуть подольше и… Впрочем, в жизни и так много грустного. Значит, оставим печальные предположения. Слава богу, сборная в 1958-м едет в Швецию.

Но, что поразительно, для московского «Динамо» насыщенный, нервный сезон в конце ноября 1957-го не завершился. Это в России метели и морозы, а в Южной Америке и в декабре вполне можно поиграть в футбол.

Вот динамовский коллектив и решил воспользоваться указанной счастливой возможностью. Начали с Бразилии. 4 декабря против советских футболистов вышли игроки «Васко да Гама», уступившие динамовцам более года назад в Москве 1:3. Надежды на реванш под аккомпанемент своей торсиды выглядели небеспочвенными. И правда, матч прошел с территориальным превосходством хозяев. Яшин потрудился на славу. Отбились бело-голубые — 1:1. Исход в Рио расценили как сенсацию. Пошли упорные разговоры о реванше. На что москвичи не могли согласиться даже при желании (которого, честно сказать, и не было): их ожидали запланированные игры в Уругвае и Чили. И, в общем-то, довольные динамовцы могли готовиться к грядущим испытаниям, а вот Яшину пришлось дать дополнительный бой в Бразилии. В книге «Счастье трудных побед» он раскрывает непростую специфику и вправду опасного сверхурочного мероприятия: «Здесь существует традиция: приглашать вратарей сильнейших зарубежных команд, успешно сыгравших с хозяевами, на своеобразный телевизионный конкурс. Условия его таковы. В студии устанавливаются ворота. Три добровольца из числа футболистов-любителей, приобретя за солидную сумму билеты, получают право пробить вратарю-чужестранцу пенальти. За удачу — вознаграждение, в десять раз превышающее стоимость входного билета».

Пока прервемся. А почему бы, собственно, не отказаться от

телешоу? Тем более что на нем рекламировалась «не наша» кока-кола. Да и не в газировке дело: может человек устать после работы или нет? Травмы, болезни, о которых уже знаем, — тоже аргумент. Кроме всего, обыватель будет глазеть, а голкипер стоять перед расстрелом. И, наконец, мы знаем, Лев Иванович по пенальти особым спецом не являлся.

Это к тому, как пошло дело дальше. Продолжим повествование: «Когда я увидел первого из своих соперников, признаюсь, что-то в груди екнуло: передо мной стоял атлетически сложенный, с отлично развитыми мышцами негритянский юноша, нетерпеливо, словно скакун перед скачкой, перебирающий ногами. По всему было видно, что он не собирается упускать своего шанса. Появился судья. Свисток. Юноша ударил сильно и точно, но я успел угадать направление мяча и в броске „вынул“ его из угла.

Второй и третий бьющие выглядели еще более устрашающе. Удары у них были страшные, но один попал в штангу, а второй и вовсе пробил мимо, мяч, пущенный им, разнес в пух и прах стоявшие за футбольными воротами пюпитры для симфонического оркестра, который должен был выступать вслед за нами».

Последний «выстрел» мог вызвать и радость от наступившего, кажется, финала, и ностальгию по советскому детству: так вот в юные годы врежешь мимо «рамы», а попадешь в стекло…

Однако наступила самая значимая минута. Оказывается, имела место лотерея с особыми правилами: советский вратарь законно выиграл очень серьезные деньги. Так как все его предшественники что-нибудь пропускали — он же остался непробиваемым.

Что ж, вручили честно заработанное. Спросили (это же телевидение), как собирается тратить огромную сумму.

Ответ потряс: «Жертвую ее полностью в пользу нуждающихся детей Бразилии». Наутро местная газета прямо-таки захлебывалась: «Вратарю московского „Динамо“ Льву Яшину была предоставлена нами возможность вывезти пол-Бразилии. Но странный русский добровольно отказался от этой возможности, пожертвовав огромную сумму в пользу наших детей. Благородно, но… непонятно».

В принципе, и через полвека с лишним ясности немного. За деньги принято биться. Он же от них отказался.

Так называемые «болельщики со стажем» сумеют выдвинуть сразу два объяснения яшинского поступка. Первое: деньги — по крайней мере, все деньги — Яшин всё равно бы не получил. Ввиду особенностей уравнительной советской системы. И, как ни

обидно, это так. «Отнять и поделить» заслуженное другим соблазнительно и до сих пор. Тогда же это являлось государственным принципом.

Однако обратим внимание: он ответил бразильцам не раздумывая и не прикидывая. Среагировав мгновенно, по-вратарски. О том, что и как получится позже, размышлений не было. Он не успел задуматься. Ну и адрес, куда направить средства, бесспорно, впечатляет.

Убежден, люди с советским прошлым выдвинут вторую версию произошедшего. Прозвучит она банально: его научили, проинструктировали, каким образом выступить. Имелся же у динамовцев и руководитель делегации, ездил с командой (а как без него) и человек из компетентных органов. Так что разъяснительную работу было кому провести. Отмахнуться от такого варианта, несомненно, нельзя. Хотя возникает масса сомнений. Для начала: тогда выходит, что с бело-голубыми отправились просто-таки государственного ума начальники и специалисты. Потому что история с отказом Яшина от «половины Бразилии» облетела весь мир и реально укрепила репутацию гигантской ядерной державы в глазах людей из самых разных государств. Налицо — блистательный пропагандистский ход. Если бы он, конечно, присутствовал в действительности. Потому как веры в руководящую гениальность нет никакой. Представить Яшина, послушно повторяющего инструкцию, которую он не забыл под бразильской бомбардировкой, — тоже не получается. Ведь ко всему прочему три удара необходимо было не пропустить. И ежели такое не получалось ни у кого ранее, то с какой стати русскому Льву оказаться первым в списке? Пенальти-то, уж говорилось, не совсем его стезя.

Теперь пора напомнить, что 20 марта у них с женой родилась дочь Ирина. Несложно представить счастливое и беспокойное состояние молодого отца — со всеми отъездами и перелетами особенно. Они с Валентиной Тимофеевной наперед знали, что их дети никогда не будут голодать, нуждаться, спать под открытым небом и трудиться в 14 лет по три смены. Они, вдвоем, такого не позволят. А вот Бразилию Яшин увидел, похоже, по-своему. Не всегда из парохода, самолета и автобуса. Рассмотрел кое-что. Кое-кого, если поточнее. Их молодняк, живший хуже нашего образца сороковых, не мог, согласно его богородскому мнению, пребывать в столь непотребных условиях. Он и объявил о личном решении на весь мир.

О том, как распорядились бразильцы этой суммой и была ли она направлена неимущим ребятишкам, — история благоразумно умалчивает. Страны у нас близки не только огромной

территорией…

Да и на первенстве планеты оказались рядом, в одной группе.

Год мирового чемпионата, как и год олимпийский, начали почти по обычному календарю — в январе. В том понимании, что первая футбольная публикация «Советского спорта» датирована 11 января.

Целая полоса зимой о летнем турнире вышла под не теряющей актуальности «шапкой»: «Крепче — в защите, острее — в нападении». В. Мошкаркин и В. Фролов в статье «Молодость, опыт, мастерство» конкретизируют: «Встречи в Стокгольме явятся для наших футболистов самым серьезным испытанием из всех, которым они когда-либо подвергались. Успешно выдержать это испытание можно лишь в том случае, если тренеры сборной успешно сумеют сочетать молодость, опыт, мастерство».

Кто же и когда против обозначенного подхода? Иное дело: как понимать упомянутые составляющие? Тему молодости развил А. Леонтьев в материале «Успех решает дисциплина», посвященном превосходному достижению динамовцев в ушедшем 1957 году. Разумеется, говоря о талантливых сменщиках, бывший голкипер не забыл и коллег: «Но вот выбыл на некоторое время Яшин — на его место стал Беляев, и, что греха таить, он показал себя достойным преемником лучшего вратаря страны».

Греха никакого скрывать не было необходимости в силу его полного отсутствия. Владимир «показал себя достойным преемником» (хотя, по совести, всё же отменным сменщиком), да Лев-то остался «лучшим».

Всё правильно. И четверостишие Евгения Ильина перед суровыми битвами уместно привести при всей его, осторожно говоря, незатейливости:

Давно известно всем, что Яшин
Силен, стремителен, бесстрашен,
Что Лев, опасности презрев,
На мяч бросается, как лев.

Решено и, считай, подписано: Яшин, несмотря на временные трудности со здоровьем, был и остается лучшим и талантливейшим нашим вратарем. Твердо первым номером.

На родине ждали только победы. «Против нашего стиля на футбольных полях не могут возразить не только южноамериканцы с их филигранной техникой, но и англичане со свойственным им точным и холодным расчетом» — это передовая «Советского спорта» от 23 марта. А ведь соперников по группе к тому времени мы уже узнали: Бразилия, Англия и Австрия (бронзовый призер

предыдущего первенства). Хуже некуда. Подлинная «группа смерти».

Готовиться сборная начала в Китае, тогда очень дружественном. Яшин с Беляевым провели попеременно ряд тренировочных матчей.

Затем, как раз 23 марта, стартовал союзный чемпионат. Против тбилисцев на их поле вышел Яшин. Потом его несколько раз меняет Беляев. Однако чувствуется: к 18 мая, московской товарищеской встрече с англичанами, наигрывался именно Яшин.

Современный читатель наверняка обратит внимание на то, что СССР с Британией в одной группе! И что это за матчи проводятся за две с половиной недели до определяющей «сечи»?

Глупо для обеих сторон, а так вышло. Договорились-то в 1957 году — не отменишь!

Хотя жителям столицы всё едино — радость невозможная. Пожаловали родоначальники футбола, потому «Лужники» заполнились под завязку. Работать плохо при такой великолепной аудитории — дурной тон. Отчеты же и воспоминания о той воистину никому не нужной игре сквозят разочарованием, которое трудно сегодня разделить. Ибо национальная сборная за 54 года вымучила такое количество товарищеских встреч, что есть с чем сравнить. Итак, отчет корреспондентов «Советского спорта»:

«21-я мин. Кеван, уйдя из-под опеки Крижевского, остался один перед воротами. Смелым броском в ноги Яшин спасает положение».

«45-я мин. По правому краю быстро проходит Дуглас. Хорошая передача в центр, Крижевский занял неправильную позицию, и подоспевший Кеван головой направляет мяч в ворота. Счет открыт». Алексей Хомич ту же ситуацию на той же странице объяснил так: «Вратарь сборной СССР после игры рассказал мне, что он „выдавил“ мяч из рук. Удар был несильный, но на какую-то долю секунды Яшин не успел положить руку перед летящим мячом». Свидетельство вратаря сборной 1958 года особо ценно, конечно. Однако стоило ли вещать на весь, по сути, мир о его самокритичном высказывании? Алексею Петровичу всегда виднее.

Л. Б. Горянов в книге «Новеллы о вратаре» 1973 года приводит добытое им свидетельство самого Дерека Кевана: «Набегая на эту передачу, я успел увидеть, что Яшин сделал попытку рвануться вперед, но, видимо, побоялся опоздать и остался на линии. Кто-то из ваших защитников прыгнул, но промахнулся, и мяч теперь шёл прямо на меня. Встретив его стремительный полет, я резким ударом головой направил белый

шар прямо туда, где скрещиваются боковая и поперечные балки. Увидел, как он затрепетал в сетке. И как досадливо махнул голкипер, словно проклиная себя за нерешительность».

Что же касается игры, то продолжим:

«59-я мин. Финни уходит из-под опеки Огонькова. Следует сильный удар, Яшин с трудом берет мяч». Английский же голкипер после точного удара Иванова несколько позже пропустил. А на 83-й минуте гости вновь могли забить, и после свалки перед штрафной эпизод закончился для нас благополучно.

Ничья 1:1. Не такая, согласитесь, и нудная. Но во многом определяющая, если говорить о выступлении наших в Швеции. На 8-й минуте травмировался капитан команды Игорь Нетто. Жуткая потеря. Почти как без Яшина играть.

Конечно, подкосило команду и так называемое «дело Стрельцова», в результате которого центрфорвард — главная, наверное, советская надежда в Швеции — оказался надолго за решеткой, а правый крайний Борис Татушин и левый защитник Михаил Огоньков были отлучены от футбола. Здесь не время и не место касаться этой больной и большой темы[10], замечу только, что перед важнейшим стартом сборная лишилась четырех ведущих игроков. И, в общем-то, как мы сейчас понимаем, распрощалась с радужными надеждами еще до старта турнира.

Обида на покинувших коллектив товарищей была у всех, в том числе и у Яшина. Однако стоит заметить, что высказывать претензии ни Татушину, ни Огонькову, когда те в последний раз появились в сборной, он, в отличие от других, не стал.

Вообще, тема его принципиальности не так однозначна. Да, Лев Иванович входил в круг наиболее авторитетных и уважаемых людей в сборной. Иногда выводил ее на поле капитаном. И когда в 57-м Стрельцов и Иванов опоздали на поезд, отправлявшийся на решающий поединок с поляками, то на жесткую беседу с нарушителями, догнавшими состав в Можайске, Г. Д. Качалин позвал Симоняна, Нетто и Яшина. Но с возрастом он, пожалуй, чаще выступал не внутри, а от имени команды. Среди своих-то ребят противников нет, все один хлеб едят, а вот находящиеся вовне чиновники — те будто с другой планеты. Будет потом возможность подтвердить это умозаключение примером, пока же вернемся к хронологии.

1 июля прилетели в Швецию, поселились в маленьком городке Хиндосе. А 8-го числа — игра с англичанами. Давно, как говорится, не виделись.

В первой половине матча сборная СССР действовала лучше. На 14-й минуте Симонян забил заслуженный, закономерный гол — первый наш на чемпионатах мира. На 56-й минуте зенитовец

Александр Иванов, неплохо сыгравшийся с однофамильцем, эффектно, на паузе, удвоил результат. Но англичане и не думали бросать биться. Собственно, в советской штрафной битва шла оба тайма. Главные действующие стороны: Кеван, Крижевский и Яшин. Центр защиты заметно уступал оппоненту в габаритах, посему сражение превращалось чаще в противостояние голкипера и форварда. Вспоминает Лев Яшин: «О моей полуторачасовой дуэли с Кеваном после этой игры много писали в газетах. Его манера диктовала и мою тактику. Я выходил навстречу и играл на опережение, стараясь завладеть мячом на миг раньше, чем он опустится на голову Кевана. Ростом и весом природа не обошла и меня. Встречаясь в воздухе, мы оба, признаться, не очень беспокоились о том, чтобы не помять друг другу бока, и я чувствовал, что ему не меньше достается от моих локтей, коленей, плечей, чем мне от него. Но англичанин не искал сочувствия у судьи, не катался по траве, взывая к его жалости. Всякий раз Кеван лишь сжимал свои челюсти, молча поднимался и через минуту опять врезался всей своей массой в Крижевского или меня».

И на 65-й минуте рыжий гигант (под два метра) всё же забил: «…выйдя на навесную передачу, Кеван головой послал мяч в правый верхний угол» (В. Пашинин, Л. Филатов, «Советский спорт»). Участник матча Н. П. Симонян так вспоминал это: «Боря Кузнецов неудачно срезал мяч к воротам, Лёва Яшин, наш уверенный и надежный вратарь, немного поспешно вышел вперед, столкнулся с кем-то из защитников, и центр нападения англичан Кеван легко „сбросил“ мяч головой в сетку». Травмированный И. А. Нетто с трибуны увидел, вероятно, только финал эпизода: «Кеван, центральный нападающий англичан, быстро и неожиданно посылает мяч в наши ворота мимо Яшина». Сам вратарь про столкновение с защитником не вспоминает: «Всего один-единственный раз мяч раньше коснулся рыжеволосой головы Кевана, чем его достал Костя Крижевский, и именно тогда мяч пулей влетел в дальний от меня угол ворот». Ну и пора дать слово Дереку Кевану (напомню, в изложении Л. Б. Горянова): «Только Яшин сыграл по-другому (чем 18 мая, когда в итоге остался на линии. — *В. Г.):* рванулся ко мне навстречу, вытянулся в высоком прыжке. Но я тоже прыгнул. На какую-то сотую секунды опередил его. И мяч оказался, как и в Москве, в правом верхнем углу». Потом следует очень интересное наблюдение: «Я увидел, что ни одна ошибка не проходит для этого человека бесследно. Совершив однажды промах и поплатившись за него голом, он следующий раз в подобной ситуации действует уже по-иному, ищет новые ходы. Хотя, может быть, не всегда их сразу

находит».

После гола соперник, естественно, оживился, однако, по общему мнению, наши должны были удержать перевес. Как вдруг…

Сетовать на судейство — дело обычное для проигравших. Но тут случилась настолько некрасивая история, что весь футбольный мир оказался на стороне далеко не самых любимых им Советов. Столкновение Хейнса с Крижевским имело место как минимум в полутора метрах от линии штрафной площади. Даже если правила нарушал Константин (что спорно), то получался штрафной удар. А венгр Жолт назначил именно одиннадцатиметровый. И по-русски сказал: «Не спорить!» А еще, по неподтвержденным данным (это один Владимир Кесарев слышал), напомнил советским футболистам о беспределе, творившемся в его стране осенью 56-го. Боже, опять политика! Наши побежали доказывать правоту. И тут Лев Иванович «отличился». Сгреб любимую кепку с головы и бросил ее в проклятого Жолта. Хорошо, что тот не увидел (почти через 30 лет Яшин вспоминал об этом факте с облегчением), а то и удаление бы случилось, благо повод имелся.

Пенальти Финни забил на 85-й минуте. 2:2.

В принципе, не так и плохо. Кроме одной неприятности: минут за пятнадцать до конца Яшина ударили коленом по голове. Не нарочно. Но очень сильно. Об уходе с поля, я думаю, все понимают, и речи быть не могло. Лев Иванович исподволь, незаметно приучил окружающих к высочайшему уровню мужества, свойственному ему лично. И окружающие к тому факту не без удовольствия привыкли и перестали считать это вот нереальное исключительным. Окружающим так удобнее.

Яшин ни разу, кстати, не упомянул об ударе по голове. Похудевший в результате за чемпионат на семь килограммов, он восстанавливался и готовился к матчу с австрийцами. Который станет одним из лучших в его футбольной биографии.

Однако сначала о сопернике. А то современный читатель живо представит себе нынешнюю сборную Австрии — рядового европейского середняка.

В 1958 году нам противостоял бронзовый призер предыдущего первенства. И за четыре года слабее австрийцы точно не стали. Тройку форвардов — Сенекович с Хораком по краям и двадцатилетний Буцек в центре — остроумный Валентин Иванов не зря назвал «тремя Кеванами». Все мощные, быстрые и к тому же техничные нападающие. Что же касается поражения от бразильцев в дебютной встрече 0:3, то, во-первых, в Швеции им рано или поздно уступят все, а во-вторых, по сообщению наших

«разведчиков» К. И. Бескова и М. И. Якушина, европейцы имели с кудесниками мяча территориальное преимущество.

По совести говоря, та же картина наблюдалась и в матче австрийцев против Советского Союза. Между прочим, сообщение «в центр» от руководителя делегации Д. В. Постникова, которое обладало известной степенью секретности, не выглядело сверхоптимистичным. Надо согласиться: соперник давил. В Вене давно уже отказались от фирменных «кружев» и перешли к атлетичной, жесткой, скоростной игре. Ее противник нам и предложил.

Потом Н. П. Симонян написал про яшинскую стену, о которую разбивались атаки противника. Это, понятное дело, — удачный образ. Стены-то не было — был человек, показавший чудеса непробиваемости и вдохновивший партнеров на победу.

«На 10-й минуте, — писал 19 июня в „Советском спорте“ В. Пашинин, — он бесстрашно снял мяч с ноги Буцека, через полминуты после углового выбил мяч далеко в поле, а на 12-й минуте он снова в блестящем прыжке парирует удар Коллера».

Правда, на 15-й минуте Анатолий Ильин открыл счет. Стало полегче. Австрийцы помчались восстанавливать равновесие. «Кузнецов опоздал, — пишет корреспондент, — а Крижевский не успел подстраховать товарища. Ворота спас Яшин. Он играл и в воротах, и в штрафной площади как защитник».

Да, как раз после этого матча появились высказывания о том, что на самом деле у СССР на поле 12 футболистов: Яшин ведь одновременно и вратарь, и последний защитник.

Между тем испытания во втором групповом поединке подошли к апогею. В ворота Советского Союза вновь поставлен пенальти. И. А. Нетто припоминает впечатления: «Хотелось нам, может быть, посчитать и это наказание не слишком справедливым, как это иной раз случается сгоряча. Мы, сидящие на трибунах, даже переглянулись было, пожали плечами.

Но если быть объективным, — тут было, пожалуй, всё правильно».

Потом в книге «Это футбол» идут совершенно справедливые рассуждения о том, что пенальти — почти верный гол, а нереализованный одиннадцатиметровый связан, скорее, с ошибкой бьющего. Затем автор возвращается к удару Ханса Буцека: «Но наш Лёва Яшин еще раз подтвердил, что из железного правила бывают исключения и даже в какой-то степени закономерные.

Не знаю, как он это сделал, как успел среагировать на мяч, но он взял пенальти!»

На вопросе «как взял» и остановимся. А. М. Соскин

рассказывает, что перед ударом руководитель нашей делегации (но, главное, вратарь в прошлом) В. А. Гранаткин вскочил с места и рванул к полю с пронзающим душу криком: «Лев, поправь позицию!» Так как Яшин чуть заметно сдвинулся влево от центра. А у них, вратарей, принято стоять перед ударом посередине.

Дальше послушаем очевидца, В. Пашинина: «Удар. Сильный удар. Мяч стремглав полетел вправо от Яшина в метре от земли. И вдруг все увидели, как Лёва, свернувшись клубком, лежит на земле, прижимая мяч к груди».

Неформальное и нетипичное для центрального советского органа печати «Лёва» выдает огромное волнение журналиста и подтверждает разницу между 1958 и, скажем, 1953 годами.

Выходит, юный Ханси попался «на прием», то есть бил вправо — Яшин же открыл ему площадь. «Австрийская пресса, — объяснял Буцек у Л. Б. Горянова, — довольно единодушно прокомментировала этот эпизод так, что я, дескать, пробил мяч прямо во вратаря. Я не собираюсь оправдываться, тем более что сейчас это бессмысленно, но твердо знаю, что мяч шел, по крайней мере, метра на полтора-два в сторону от Яшина, причем с очень высокой скоростью». Он, получается, ударил вправо, соблазнившись ситуацией, но не в самый угол (зачем, места-то свободного много), а ближе к центру. Бил изо всех сил и, естественно, не в Яшина. Лев же Иванович, повторим, взял пенальти намертво.

Дальнейшее течение второго тайма отдохнуть нашим не позволило. Даже после гола Валентина Иванова на 63-й минуте соперники не опускали рук. Яшин постоянно трудился. Ближе к концу «один мяч он взял, — писал „Советский спорт“, — такой, который стоил 11-метрового. Это произошло после сильнейшего низового удара Хорака».

Достояли. Победа 2:0. «Многие журналисты, говоря о Яшине как о герое встречи с австрийцами, уже тогда называли его одним из лучших вратарей чемпионата», — напоминает Н. П. Симонян. Кстати, австрийцы повели себя по-джентльменски: после игры тренер Мольцер, вратарь Шмид и несчастный Буцек пришли в советскую раздевалку, поздравили победителей, а лично Яшину подарили бутсы с автографами.

Пример, между прочим, для подражания. Остались, получается, друзьями.

Добрые человеческие отношения у наших сложились и с бразильцами. Жили они неподалеку, так что удалось и пообщаться. Вот только грядущей третьей игры в группе никто не мог отменить. А она многое решала.

После тяжелой победы, первой, для памяти, на финальных

состязаниях чемпионатов мира, команда получила выходной день. Каждый использовал его по-своему: Нетто разбирал партии гроссмейстеров (играть с ним непосредственно никто не решался: Игорь Александрович был лучшим шахматистом среди футболистов), у теннисного стола образовалась очередь, хотя чаще оставались в игре голкиперы Беляев и Маслаченко, которые смотрелись посильнее остальных. А Лев Иванович предпочел одиночество. Нет, не рыбалку. «Вот Яшин с дорожной палкой в руках, как заправский подмосковный грибник, ушел бродить по лесу», — повествуют из Хиндоса В. Пашинин и Л. Филатов.

Действительно, место дислокации выбрали превосходно. Чистый воздух, лес, озеро рядом. В иные дни Яшин в компании Крижевского, Апухтина, Ильина с удовольствием рыбачил. Затем они приходили на базу и страстно рассказывали, кого поймали и кто от них (но только в этот раз!) ушел. Спокойная, размеренная обстановка, отличная атмосфера в команде. И вообще: «как похоже на Россию»… «Только всё же не Россия»: предстояла игра с Бразилией. Заключительная в группе. Дружелюбные белозубые ребята стояли на нашем пути. А мы, соответственно, — на их.

Рассказ об игре начнем с самого неприятного — с результата. СССР проиграл 0:2. Стоит признать: счет по игре и стыдиться нечего. Наоборот, очень возможно, что в этот раз ту фантастическую бразильскую команду заставили впервые выложиться для победы на все 100 процентов. По крайней мере, радовались после финального свистка и вправду симпатичные, непосредственные парни так, будто взяли золотые медали: устроили целую кучу-малу, что в те времена не практиковалось.

А как же, спросят, предыдущая ничья с Англией? Британцы-то 0:0 отстояли. Два привнесенных фактора сгубили нас и помогли им. У них есть конкретные имена: Пеле и Гарринча. Так уж вышло, что оба неподражаемых игрока, возможно, лучшие в истории футбола вообще, — дебютировали против сборной СССР. Говорят об ультиматуме Гарринчи: мол, если не поставите — насовсем уеду. О походе футболистов к главному тренеру Винсенте Феоле с требованием включить обоих в стартовый состав. И о том, что тренер поддался на уговоры в последний момент.

Нам-то теперь какая разница. К. И. Бесков и М. И. Якушин наблюдали на правом краю бразильцев за славным малым Жоэлем и пришли к выводу, что Борис Кузнецов с ним справится. Выход же Гарринчи явился пренеприятнейшим сюрпризом, тем более что динамовцы знали колченогого и кривоногого гения по турне 1957 года и представляли его ничем не ограниченные возможности.

Характерная деталь: в разных рассказах о матче почти не упоминается Яшин. Ни в «Советском спорте» 1958 года, ни в воспоминаниях участников и очевидцев. Только Н. П. Симонян, восхищаясь, что интересно, Диди, упоминает мастерский удар бразильского диспетчера со штрафного, который советский голкипер отвел кончиками пальцев. А в историю футбола вошли первые три минуты встречи, когда сначала Гарринча, обыграв Кузнецова, попал в ближнюю штангу, как из миномета, и мяч отлетел к центру поля, затем был снова проверен каркас ворот. Третий же удар на третьей же минуте нанес Вава. Это был гол.

Кинохроника сохранила этот сногсшибательный дебют. Потом, по утверждениям мемуаристов, южноамериканцы несколько ослабили хватку: в таком темпе не под силу действовать даже волшебникам. Однако всё равно полностью контролировали ход поединка. Защита под давлением сбилась на отбой, и в нападении у Симоняна с Ивановым поэтому ничего не получалось, а недолеченный Нетто — и это, может быть, основной фактор — не мог противостоять в центре здоровому Диди.

Еще один гол Вава забил на 77-й минуте после изящной комбинации, в которой участвовали Диди и Пеле.

И. А. Нетто выразил общее мнение: «Мы проиграли бразильцам и, честно говоря, не могли у этой команды выиграть. Проиграли оттого, что они оказались сильнее».

А. Т. Вартанян использует в своей «Летописи…» образ Джомолунгмы (Эвереста), высочайшей вершины мира, которая возвышается «над холмиками, сопками и горами». Таким недоступным пиком видятся исследователю бразильцы образца 1958 года.

Да, наверное, лишь две команды — и то впоследствии — достигали подобного совершенства: те же бразильцы в 1970 году и западные немцы в 1972-м (но не в 1974-м, когда голландцы с ними соперничали на равных).

И всё же. Конкретный матч длится 90 минут или немного больше. Необязательно быть сильнее вообще — надо показать себя за полтора часа. В той схватке с недосягаемой безупречностью мы имели один козырь — Яшина. А слабых мест — море. И неказистый правый фланг без Татушина, и больного Нетто в середине, и отсутствие Стрельцова на острие атаки. А великолепные оппоненты вытащили в последнюю минуту двух джокеров в прибавок ко всем имевшимся достоинствам.

Так что не зря бурно радовались победе над СССР веселые смуглые красавцы в желто-зеленой форме. Не исключено, что поняли: пройден опасный, достойный противник. А того не

понимали, что большому вратарю Яшину, не заслужившему и тут ни одного упрека, не стать призером мирового чемпионата в 58-м. При получившемся раскладе «добрести» даже до бронзы никому не под силу.

Прежде всего, предстоял поединок с англичанами. С которыми в 58-м явно имели возможность сдружиться «на потом» и обменяться фотографиями детей. Набрали обе сборные по три очка[11]. Это честные и благородные австрийцы показали вновь, как надо себя вести: не уступили британцам в третьей игре — 0:0. Что означало переигровку между СССР и Англией.

18 июня немецкий судья Душ вывел команды на поле. Первые 35 минут доминируют советские игроки. Англичане стараются, однако ничего путного у ворот соперника изобразить не могут. Зато мы с вами можем насладиться выступлением Льва Яшина, потому что запись матча существует и доступ к ней имеется. Так вот: лучше один раз увидеть, чем 100 раз услышать. Посмотрите, в частности, *как* он выбрасывает мяч рукой. Правы очевидцы: выброс идет от плеча, а не из-за головы и не сбоку и, что характерно, мягко, точно. Причем не банально в ноги — такое и остальные умеют, — но с учетом необходимого перемещения полевого игрока. Вот Валентин Иванов чуть замешкался, не понял, может, импровизации вратаря, англичане осуществляют перехват в центре поля (туда попробуй доброс рукой-то!), и тут же следует окрик из вратарской. Не злой — скорее, разъясняющий на будущее. Вместе с тем Лев Иванович не исключает из обихода и ввод мяча ногой. Почему нет? Если адресно и с умом — можно использовать.

Англичане потом скажут, что он стал хозяином штрафной площадки. И это легко заметить. Яшин не выключается из процесса, а потому всегда готов к любым неожиданностям. Так что почти весь первый тайм — удовольствие для отечественного зрителя.

А вот оставшаяся до перерыва десятиминутка, если бы счет не знать, очень взволновала бы болельщика. Как-то наоборот стало получаться. Точнее, не получаться у футболистов в красной форме. И основоположники футбола принялись угрожать чужим воротам с наивозможной серьезностью.

Хороший удар Бродбента Лев Иванович взял без броска, хотя намертво: правильно выбрал позицию. А уж после выстрела в упор Бреброка и он оказался бы бессилен, однако краек Питер поскользнулся и попал во… вратаря, имея перед собой всю оставшуюся площадь ворот.

После перерыва англичане окончательно завладели инициативой. Но пора дать слово тем, кто непосредственно, а не

у монитора образца XXI века переживал за своих. Вот что писал «Советский спорт»: «Вторая половина матча началась яростным штурмом английских футболистов. Вновь высоким мастерством блеснул вратарь Яшин». Течение поединка позволяет В. Пашинину и Л. Филатову конкретизировать: «Яшин всё время в игре. Вот он в броске поймал мяч в правом верхнем углу ворот после штрафного, мастерски пробитого Хейнсом, потом ликвидирует опасный прорыв того же Бребрука. Англичане подают несколько угловых».

Добавить нужно следующее. Бребрук к тому же и во втором тайме попал в штангу, причем дважды, а затем запорол выход один на один с Яшиным. По идее, сам или, не исключено, Лев Иванович на него по-особому поглядел. А когда на Питера, вероятно, захотели бы взглянуть земляки чуть ли не как на советского агента, он забил гол. Подыграв, правда, в последний момент себе рукой. Так что обошлось без оргвыводов с обеих сторон.

Но оставался еще неукротимый Кеван. В своей завершающей встрече с Яшиным на поле он выглядел превосходно. Действовал разнообразно, не только в штрафной. И на фланг уходил, и даже атаки помогал разгонять из глубины. Однажды, из песни слов не выкинешь, решился и на провокацию: мощно толкнул плечом владевшего мячом Яшина. Который проявил, в свою очередь, замечательную выдержку, не обратив никакого внимания на внушительный тычок. Правильно, он же уже Лев Иванович, и на дворе 58-й год, а не 50-й, когда его сумел заставить нарушить правила незабвенный тбилисец Тодриа.

А на 68-й минуте англичанина и русского ожидал кульминационный момент. Чисто игровой. За минуту до того Ильин забил победный, как потом оказалось, гол. И вновь внимание «Советскому спорту»: «А в следующую минуту Лев Яшин, как бы вдохновленный успехом, совершает бросок, о котором после матча только и было разговоров в команде. Кеван, этот мощный бомбардир, уйдя на мгновение от Крижевского, сильным ударом метров с восьми направляет мяч в правый нижний угол ворот. Но Яшин вновь блеснул своим мастерством».

Справедливости ради стоит отметить: англичане осязаемо устали лишь в заключительные пять минут. А до того самозабвенно терзали советскую оборону. Яшин активно действовал на выходах — особенно запомнился бесстрашный бросок в ноги Хейнсу. Ну и, конечно, до сих пор поражает умение Льва Ивановича играть ногами. И вправду — хозяин штрафной!

Итак, победа. Мы в четвертьфинале. Правда, нам придется провести пять тяжелейших поединков за 11 дней. Для сравнения:

шведы за тот же период провели основным составом три встречи: у них и группа была много слабее, переигровки не потребовалось — наоборот, в последней, ничего не значащей игре хозяева выставили не меньше половины резервистов.

Да и не только в лишнем матче суть. Весомо и с кем бились. Англичане — известные всему миру бойцы, и победить их, оставив что-либо «про запас», не израсходовав всего себя психологически и физически, — нельзя.

Обратимся к воспоминаниям Н. П. Симоняна: «Знаю, что вы устали, но очень надо добиться победы, хотя бы с минимальным счетом, — сказал Качалин перед игрой со шведской сборной». Конечно, всё правильно. Если сил нет, включаются знаменитые «морально-волевые», потом — забить хоть один, затем — стоять насмерть. Г. Д. Качалин максимально точно понимал состояние подопечных. Так ведь в СССР тренера всегда есть кому поправить: «Тут вмешался один из руководителей делегации, горячий по натуре человек:

— О каком минимальном счете речь? Мы, помнится, громили шведов под Полтавой. Обязаны разгромить их и сегодня! Вы устали, но постарайтесь. За эту игру мы вас премируем.

Слова резанули, а Лёва Яшин не выдержал: „Мы приехали играть не за деньги, не за премиальные. Приехали защищать спортивную честь страны и сами понимаем, что должны сделать“».

Хороший отрывок. Для начала осознается разница между спортсменами, тренерами и теми, кто, по особенностям нашего бытия, ими руководил. Начальник (В. П. Антипенок), выходит, помнит, как вместе с царем Петром Алексеевичем шведов колошматил — вот какой молодец… И до чего же, думается, надо докатиться, чтобы избитых, измученных, переломанных людей, соревновавшихся с лучшими, без преувеличения, мастерами футбола в мире и вышедших, вопреки всему, в следующий этап, обязать к выполнению непонятно из чьей умной головы явившегося плана!

А теперь — главное. «Резанули» слова всех, а «взорвался» один «Лёва Яшин». Выше говорилось, что, став постарше, он пыл честной своей души расходовал не на партнерах. А на тех, можно теперь добавить, кто, псевдоруководя, мешал им вместе жить и работать. И напрасно кто-то посчитает, что яшинская реплика останется рядовым эпизодом или что она совершенно ничего крамольного не содержала. Здесь и «сами понимаем» (а руководство на что?), и про премиальные, которые им (а кто они такие?) от родной страны не нужны (всё у них есть, заелись, зазнались), и, наконец, принципиальное возражение

должностному лицу «при исполнении».

Избави боже называть Яшина «борцом с системой». Скорее по-другому: он сам часть некой другой «системы», которая не создана и, будем надеяться, появится в будущем. Майский прощальный матч 1971 года эту надежду несколько укрепил.

А покуда до него далеко. Рассказ о четвертьфинале со Швецией можно емко назвать «Когда не хватает сил…», используя заголовок отчета о матче Л. И. Филатова от 20 июня 1958 года. Наши умотались. И единственный день отдыха хозяева советским футболистам испортили. Яшин потом удивлялся: «Швеция — страна небольшая, и ее можно за день проехать поездом или автомобилем из конца в конец. Но для нас почему-то выбрали воздушный путь. Самолет улетал около двух часов ночи, а до этого длительное время нас продержали в крохотном аэровокзале, где и сидеть мы могли только по очереди. В столицу мы попали, когда уже было светло, а спать улеглись, когда трудовой день огромного города уже начался. И тут выяснилось, что отель (вежливо сказано: В. Н. Маслаченко вспоминал об общежитии с двухъярусными кроватями. — *В. Г.),* куда нас поместили, находится в весьма шумном месте. Одна его сторона выходила на железную дорогу, другая — на стройку, где вовсю стучали отбойные молотки».

В. Н. Маслаченко добавляет, что, когда кто-то из наших в доступной всей планете форме попросил строителей прекратить безобразие: шесть часов утра как-никак, — шведский рабочий человек вытянулся и сообщил: «Рот фронт. Совьет Юнион!» Не бить же его после такого приветствия. «Поднялись мы, — вздыхает Лев Иванович, — измученные, невыспавшиеся, и в таком состоянии вышли вечером на матч со шведами». Что ж, прямых обвинений предъявить нельзя. Яшин и не предъявляет, лишь сомневается: «До сих пор не знаю, чем была вызвана цепь названных мной неудобств, но выглядело это всё крайне непонятно в стране, которая славится своим умением создать комфорт приезжим, в городе, который знаменит своим туристским сервисом». К тому же и свои тоже «подсобили». На архиважную идеологическую установку пришлось идти чуть не час пешком в посольство, потому как в любом ином месте у проклятых капиталистов находится прослушка.

Словом, всё вышло против сборной СССР. И шведы, как назло, выступили отменно. Вратарь К. Свенссон сыграл просто-таки по-яшински, отразив опасные удары Валентина Иванова и Юрия Войнова. И первый гол в наши ворота получился случайным: «На 40-й минуте Хамрин, обыграв Кузнецова (в действительности это был оказавшийся на чужом фланге Кесарев. — *В. Г.),*

беспрепятственно прошел к воротам и сильным ударом в ближний угол открыл счет» (Л. Филатов, «Советский спорт», 21 июня). Точнее — в том и случайность — мяч от нашего защитника вновь отскочил к шведу, попросту попал в него, и здесь уж никакой голкипер не помог бы. А второй мяч незадолго до финального свистка после быстрой контратаки Симонссон буквально вкатил в ворота, когда игроки в алой форме и двигаться-то уже не могли.

И всё-таки, пересматривая ныне драматичную игру, можно заявить определенно: не стыдно. А Яшину — в первую очередь. Сборную дома встретили, по его словам, «более чем прохладно». Замахивались-то аж на «золото» или, на крайний случай, на попадание в тройку призеров, а даже до полуфинала не добрались. И хорошо еще, что умные знающие специалисты особенно отметили вратаря. «Игра Л. Яшина, Ю. Войнова и некоторых других футболистов заслуживает похвалы» (К. Бесков, «Советский спорт», 17 августа). Что же касается техники игры, то «Лев Яшин стоит в ряду наиболее классных мастеров всего мира» (Г. Д. Качалин, А. Днепров, 27 августа, там же).

Он заслуженно не попал «под раздачу». И всё равно его нужно было страховать, защищать. Так жизнь была устроена в его родной стране.

Поздней осенью сборная СССР была разгромлена в Англии 0:5. Все мячи пропустил Беляев. Издевались над ним изощренно и бесконечно. А Яшин, навсегда лишившийся в лице Владимира надежного дублера в сборной, ничего не мог поделать. Тут и после успеха надо ходить да оглядываться.

Впрочем, лучше смотреть вперед. В 1959 году сборную ожидал отбор к Кубку Европы. На этот раз первому не только для Советского Союза, но и для всех остальных.

ЗОЛОТО ЕВРОПЫ

До сих пор народ удивляется: что ж так поздно Старый Свет взялся за свое первенство? И почему те же англичане или западные немцы проявили равнодушие к первому в истории Кубку собственного континента? Однозначного ответа не существует. Здесь и определенный «взгляд со стороны» (дескать, попробуйте, а мы, быть может, потом и присоединимся), и нерасторопность, присущая, увы, не только нам, и нежелание перезагружать игровой календарь — что, правда, приобрело особенную актуальность уже в наши времена, — в целом же следует сказать об общей недальновидности. Ведь, право слово, поглядите на сегодняшний европейский чемпионат: он и с мировым форумом по некоторым параметрам поспорить может!

Так то сейчас. На исходе 1950-х чемпионат планеты являлся основным турниром четырехлетия. «Шведские игры» 1958 года дали нашему футболу настолько много, что и через полвека оценить невозможно. Впервые отечественные игроки увидели себя на фоне и в сравнении с мастерами остального мира — причем в рамках сравнительно краткосрочного состязания. И советские люди, — что выступавшие непосредственно, что переживавшие у радиоприемников, — не ужаснулись, нет. Задумались.

По крайней мере, уже 16 января в «Советском спорте» появляется сдержанная, спокойная аналитическая статья А. Днепрова «Итоги большого года», резко контрастирующая с псевдободрыми публикациями той же газеты за прошлый год. Итак, послушаем толкового человека: «Мы первый раз участвовали в чемпионате мира, отправившись в шведскую экспедицию без всякого опыта трудных соревнований. Ясно, что по одной столь серьезной причине советские футболисты не могли рассчитывать на большие достижения».

Конечно, корреспондент центрального спортивного органа знал и про мерзости и неприятности внутрисоюзного значения, не позволившие показать в Швеции весь цвет полюбившейся в стране игры. Так ведь кто ж тебе позволит говорить всю правду. Спасибо, что удалось внятно констатировать: «Но они (футболисты. — *В. Г.)* многому научились в Швеции, поэтому наше участие в первенстве мира было полезным, оно заложило фундамент на будущее».

Справедливо и прозорливо замечено. Однако один участник вернулся не будущей, предполагаемой звездой, а признанным всеми маэстро. Зарубежные граждане Яшина оценили и запомнили. Всё-таки Стокгольм — не Мельбурн. Профессионалы

— не любители. Да и Лев Иванович, по совести, смотрелся в Швеции лучше, нежели в Австралии.

Буквально через два дня, 18 января, в той же газете это подтвердил Сергей Сальников. В «Клубе любителей футбола», любезно открытом спортивной газетой, возрастной по тем временам игрок и начинающий журналист решил поговорить о ветеранах и их роли на поле. И вдруг вернулся в 1958 год: «Беру на себя смелость утверждать, что из пятнадцати соперников только бразильцы превосходили нас. Они были настолько сильнее любой команды, что, если бы меня попросили дать вариант сборной мира, она выглядела бы так: вратарь — Яшин, левый край — Скоглунд, остальные — бразильцы».

Широко, по-русски сказано. Хотя чем отечественный Ильин хуже шведа? И потом, какие бразильцы должны заступить на должность «остальных»? Жоэля с Маззолой наши бы точно сдержали. Впрочем, что ж теперь…

Заметим, пишет не одноклубник и не друг, как все помнят, Льва Ивановича. А вечный его, по сути, соперник. И если уж он, беспристрастный до невозможности эксперт, ставит Яшина в один ряд с несомненными небожителями, это значит: так и есть!

А через неделю, 25 января, в том же самом славном клубе, обосновавшемся в «Советском спорте», опубликовано письмо читателя В. Коркача: «Нам, болельщикам, очень интересны суждения лучших мастеров кожаного мяча как о составе сборной страны, так и прогнозы, касающиеся чемпионатов Европы и мира. Мне, в частности, хотелось бы узнать мнение моего любимого футболиста Льва Яшина». С пространными рассуждениями именно в той еженедельной рубрике Яшин на тот момент не выступил. Однако уже 6 марта появляется материал Л. Григорьева под названием «Рассказывает Лев Яшин».

Дело же шло к началу сезона. И болельщикам, как всегда, хотелось узнать, как родной коллектив тренируется, кто травмировался, а кто вылечился, кого взяли, а с кем и расстались и, главное, почему и т. д. Он, болельщик, вообще по зиме — голодный. И, по обыкновению, необходимую пишу для новых глубоких размышлений поздней весной перед стартом первенства приносил старший тренер. Им являлся тогда М. И. Якушин. Или капитан команды. В динамовском случае — Виктор Царев.

И вот оба уважаемых человека ничего людям о предсезонке бело-голубых не поведали. Потому что, как выше изложено, «рассказывает Лев Яшин».

Прямо скажем, для «Советского спорта» нетипично. Выходит, кто-то лучше и компетентнее остальных? И, простите за прямоту, попросту «звезда»?

Речь еще вот о чем. На страницах главной спортивной газеты и других тогдашних изданий в 50-е годы вышла масса публикаций о зазнайстве, высокомерии, пренебрежении коллективными интересами отдельных представителей в основном безупречной молодой советской поросли. Разнести в пух и прах могли какого-нибудь «зарвавшегося» перворазрядника. А тут корреспондент пропагандистски выверенного органа печати с уважением передает мнение формально обычного вратаря, — пусть даже и сборной, — размышляющего о подготовке к сезону команды, которой он никак не руководит.

Что заставляет задуматься над еще одним парадоксом: каким образом народное сознание умудряется влиять на построенные государством соответствующие идеологические институты? Хотя и так ясно, что поклонник футбола В. Коркач был не одинок в желании послушать любимого игрока.

И мы послушаем. «Не сочтите это за нескромность, — сказал Яшин, — но я для удобства начну с себя. В конце прошлого года врачи прописали мне после болезни лечение и отдых. Именно поэтому я после турнира в Швеции не выходил на поле. Теперь мне разрешено выступать, и я надеюсь вновь защищать ворота своей команды».

Прервемся, чтобы поразмышлять. Итак, Швеция с потерянными семью килограммами явилась страшным испытанием. Ему и тридцати нет, а доктора предписывают отдых и лечение.

Никто никогда не задумывался о том, что Яшин в 1959-м мог оставить спорт? Ведь он не молодеет (рассуждения про меньшую, в сравнении с полевыми игроками, нагрузку и как следствие способность выступать дольше оставим дилетантам), а бок болит всё сильнее. В конце концов, Виктор Понедельник рано закончил из-за астмы, а Валерий Лобановский и Анатолий Бышовец — вследствие травм.

Так ведь у него и мысли подобной не возникает. Напротив, Яшин вроде как объясняется и извиняется: «именно поэтому». Язва, поймите, обострилась, а не что-то там иное произошло. Теперь подлечат — и снова в бой. Если, конечно, доверят.

Далее следует новый поворот в рассказе: «Вместе со мной тренируются вратари В. Беляев и В. Лисицын, ранее игравший за дублирующий состав ЦСК МО.

Мы с Беляевым много времени уделяем молодому коллеге. Помогаем ему шлифовать технику приема мяча, учим правильным, а главное, своевременным выходам из ворот».

Дважды сказанное «мы», безусловно, не случайно. Владимира Беляева после 0:5 в Англии унизили и оскорбили так, что,

казалось, недавно начатую карьеру пора завершать. А здесь спокойный Яшин: «мы», мол, трудимся совместно и даже передаем секреты мастерства юному Лисицыну. А то, что «передает секреты» как раз Яшин (это про игру на выходах), не столь существенно.

И ведь победил на узком участке фронта Лев Иванович. Да, в сборную Беляева не брали, но за «Динамо» он успешно выступал.

Сезон, впрочем, начал Яшин. 19 апреля с «Шахтером» в тогда еще Сталино (нынешнем Донецке). Отчет о матче сколь хорош, столь и характерен для понимания того, что справедливо называют «авторитетом его игры»: «На 65-й минуте, например, Сапронов резаным ударом направил мяч в самый угол ворот. Но „мертвый“ мяч оказался в руках вратаря. А за 9 минут до конца матча динамовский голкипер вызвал аплодисменты даже у самых ревностных болельщиков „Шахтера“. Метрах в пяти Анашкин в прыжке сильно пробил по воротам. Трибуны ахнули и… вздохнули.

— Ничего не поделаешь. Яшин есть Яшин».

Достойно всё-таки написали Н. Алексеев и В. Бондаренко шестьдесят с лишним лет назад. Талантливо передали людскую любовь к великому футболисту. И Донецк — не Москва. И «ревностность» переживаний ничуть не ниже сегодняшней, а вот чтобы так «ахнуть и вздохнуть» в восхищении, — какое-то иное сознание нужно. Ныне оно в дефиците. Хотя, не исключено, восторгаться мастерством яшинской пробы современным посетителям стадионов банально не пришлось. Может, потому они и стали другими.

А чемпионат 1959 года шел своим чередом. О Яшине стали упоминать несколько своеобразно. Вот игра 23 мая с «Зенитом»: «На 53-й минуте Яшин в совершенно непостижимом броске отбил на угловой мяч, посланный Дергачевым. Кстати, Яшин играл в этой встрече безукоризненно». А. Леонтьев (напомним, спартаковский голкипер 1940-х годов) и Г. Попов явно отвлекались на остальные красоты поединка, а про Яшина вдвоем вспомнили чуточку под конец. Возможно, и потому, что динамовский голкипер безукоризнен постоянно и привычно. А если пропускает, то так, как писал «Советский спорт» о матче 29 мая с тбилисскими одноклубниками: «Точный, сильный удар в нижний угол не смог отразить даже Яшин».

Значит, диапазон получается от «кстати, безукоризненного» Яшина до его же «даже» пропустившего. Вроде бы разброс в оценках, но в итоге всё сводится к одному выводу: в советском спорте, по признанию самых разных сведущих людей, появился футболист, достойный сборной мира.

Этот авторитет невозможно приобрести как-то «слева» и без очереди. Если есть — никуда он от тебя не денется. А нет — не будет. Молись не молись.

Так что-то же в динамовском вратаре поразило армейского талантливого игрока в календарной игре 30 августа? Из «Советского спорта»: «Стрешний испугался вступить в единоборство с Яшиным». Простите, чего бояться-то молодому человеку? Ударит его Лев Иванович, травмирует? Нет, конечно. А всё равно как-то, знаете ли, боязно. Авторитет как-никак. Опять же, забить ему, безусловно, можно. В том матче красно-синим удача улыбнулась дважды. Второй раз, справедливости ради, — с пенальти: «Яшин бессилен парировать удар Агапова» (вновь старый знакомый), а первый по времени — со штрафного. Но какого! Такого, что заслуживает описания: «К мячу подошел Линяев. Яшин, ожидая длинный навесной удар, двинулся на перехват, но армеец резаным ударом направил мяч в ближний угол ворот. Яшин на какое-то мгновение промедлил с броском, и мяч влетел в ворота».

Цитата, понятно, не подчеркивает ошибку голкипера, которой, пожалуй, и не было, а укрепляет во мнении: да, Яшина получалось «пробить», но лишь особо изощренным, многотрудным и, в известной мере, неповторимым способом. Помните «гол Иванова — Стрельцова» 56-го года? Больше-то у них против Льва Ивановича так лихо не выходило. Так и техничный капитан армейцев Линяев с «Динамо» повторить свой успех не сумел. Потому что это неимоверно трудно и должно являть проблески совершенства. На которые обычный хороший футболист не способен по объективным причинам. Иным же образом Яшину не забьешь. И в том августовском матче вездесущий Агапов «оказался один против ворот соперников, но Яшин сумел парировать удар, а через минуту вратарь динамовцев намертво взял мяч от Апухтина».

Авторитет — понятие многоплановое. В новой России появился у него и криминальный смысл. Даже если отбросить его, встает расхожее выражение: «пользуется авторитетом». Мало кто вдумывается в глубинное значение этого слова. Раскинув мозгами, нетрудно прийти к выводу: некто «авторитетный» бытует намного лучше остальных благодаря заработанной (пусть и так) репутации. Ему, выходит, можно нечто такое, что остальным — нельзя.

Так вот, это не про Яшина. Проиллюстрируем сказанное воспоминаниями начинающего в то время защитника московского «Динамо» Эдуарда Мудрика. Относятся они к последнему предсезонному матчу, состоявшемуся 12 апреля в городе

Леселидзе, с ростовскими армейцами. «Все шло к благополучному финалу, — рассказывал позднее партнер Льва Ивановича. — Однако в один из моментов, окруженный Понедельником и Смирновым, я принял решение: если мяч попадет ко мне, рисковать не буду, а отдам его вратарю, чтобы он начал новую атаку. Только подумал об этом, как мяч по крутой траектории летит прямо на меня. Не дав ему опуститься, я мягко перекинул его не вперед, как все ждали, а назад, своему вратарю. И вдруг замечаю, как ошарашенно-радостно вскидывают руки Понедельник и другие ростовчане. В чем дело? И лучше бы я не поворачивался — с недоумением вижу, как огорченный Лев бредет к воротам и ногой со злостью отшвыривает мяч от сетки. Не сразу и сообразил, что забил мяч в свои ворота…»

Спорная, честно сказать, ситуация. Через четыре года, в 1963-м, игравший вместе с Яшиным за сборную мира против англичан великий Ди Стефано тоже так, не глядя, отбросил мяч своему голкиперу — Лев не подвел, трибуны аплодировали. Однако Мудрик, при всем к нему уважении, всё-таки не аргентино-испанская звезда. И посмотреть назад, коли уж решился пробить в створ собственных ворот, — никогда не помешает. А вдруг вратарь вышел и творишь автогол? Мало ли.

История тем не менее получила несколько другое развитие. На разборе игры М. И. Якушин поинтересовался, предупредил ли голкипер защитника о том, что выходит из ворот. «Что же ты пропустил мимо ушей, — допытывался опытный тренер, — сигнал вратаря? Ведь Яшин тебе, наверное, кричал, что он выходит из ворот?» «Мудрила» (так тренер позволял себе называть Эдуарда: что ж, он еще отца его знавал) ответил вполне достойно: «Сигнала не слышал». Здесь «хитрый Михей» почуял жареное: «Лев, ты кричал Мудрику, что вышел из ворот?» Яшин покраснел, ответил не сразу. Но Якушина уже не остановить, прямо как на поле, в 30-е: «Лев, ты кричал или не кричал?» И Яшин в наступившей тишине прохрипел: «Нет, не кричал». Якушин был полностью удовлетворен установлением виновника и деловито перешел к разбору следующего эпизода.

Нам же с вами, думается, так спешить не стоит. Хотя расклад простой: любой маститый игрок и не задумается о доле чьей-либо вины. Махнул «молодой» по нашенским тылам (тем паче, по факту, и возразить трудно) — пускай и ответ держит. Яшину тоже тяжело, видно же. Да вот в том и отличие, похоже, маститого от великого. Кто-то радостно «пользуется» едва добытым «авторитетом». А кому-то лично он и не нужен, достаточно правды эпизода и простых человеческих отношений. Каковые и сложились у Льва Ивановича с Эдуардом Мудриком в

дальнейшем.

В плане вратарского искусства личное и профессиональное удалось совместить в работе с ранее названным Владимиром Лисицыным. 29 августа в «Советском спорте» весьма вовремя выступил тренер бело-голубых В. К. Блинков: «Возьмем, например, нашего молодого вратаря Лисицына. Никакие игры в классе „Б“, никакие теоретические навыки не заменят ему практических уроков такого мастера своего дела, каким является Лев Яшин». Нельзя не отметить, что усилия Льва Ивановича не прошли даром: Владимир Лисицын стал хорошим вратарем, однако проявил себя не в «Динамо»: выступал за «Кайрат» и московский «Спартак».

А мастерство должно быть востребовано в главной команде страны. Предстоял отбор на первый в истории Кубок Европы — так сначала называли чемпионат Старого Света. Ответный матч в Будапеште решал, кто окажется в 1/4 финала. А перед важнейшим поединком сборная 6 сентября прошла проверку с сильной командой Чехословакии (с которой, кстати, жребий сведет ее в полуфинале европейского Кубка через год). Наши победили — судя по счету 3:1, весьма уверенно. Но противник угрожал советским воротам достаточно часто и серьезно, что подтверждает в «Советском спорте» заслуженный мастер спорта Василий Соколов: «Вот Яшин парировал сильный удар полусреднего Шерера. Тут же полузащитник гостей Буберник в прыжке точно посылает мяч в верхний угол ворот, но Яшин в броске уверенно ловит мяч. Да, вратарь нашей сборной в этом матче показал по-настоящему высокий класс. Это одна из лучших его игр в нынешнем сезоне».

Особенно интересен отзыв не специалиста футбола, а человека другой, редкой творческой профессии.

Знаменитый стеклодув из Чехословакии Милош Гланач, создавший множество прекрасных работ, а прославившийся в СССР стеклянным початком кукурузы, который и был вручен огромному ее любителю Н. С. Хрущеву, высказался на той же странице газеты эмоционально, от души: «И Яшин, и Бубукин были просто великолепны. Я не видел Планичку в его лучшие годы, но если он брал мячи так, как Яшин от нашего Качани, то я теперь понимаю чехословацких ветеранов-болельщиков, когда они с благоговением произносят: „О, Планичка!“».

Мы же сегодня столь же восторженно можем сказать о нашем Яшине. Собственно говоря, уже тогда, в 59-м, он заработал безграничное уважение потомков. А ведь главные победы были впереди.

И путь к ним шел через игру 24 сентября в Будапеште. До

того, 18-го числа, вратарь сборной, готовясь к решающему сражению через боевую практику, выручил в чемпионате страны москвичей против киевских одноклубников: «На семнадцатой минуте сильнейший удар Войнова прекрасно парировал Яшин». Как изумительно бьет в створ Юрий, Лев знал еще по поединкам в Швеции, где они играли, слава богу, за одну команду[12]. Однако и в Венгрии после кризиса 1956 года подросли мастера не хуже. Да и ветераны вернулись: голкипер Грошич, полузащитник Божик, крайний форвард Шандор.

Насели отмобилизованные хозяева на наших со всей наивозможной страстью. За первые восемь минут — шесть угловых! Старший тренер М. И. Якушин вспоминал: «Первые минут двадцать сборной СССР пришлось нелегко. Хозяева поля обрушили на нас шквал атак. Но защитники и, прежде всего, вратарь Яшин проявили себя молодцами». Отбились вроде. Далее рассказывает легендарный комментатор Николай Николаевич Озеров: «21-я минута могла стать роковой для нашей команды. Нетто отдавал пас Яшину. И, о ужас! Передача неточна[13]. Тихи овладел мячом, перед ним один Яшин. Гол неминуем…» А теперь подключим А. Т. Вартаняна: «Стадион замер. Нам оставалось уповать на чудо и Яшина, что одно и то же. Компьютерный мозг вратаря прочитал ситуацию во времени и пространстве до доли секунды и миллиметра. Своевременный рывок и бросок в ноги поверг трибуны в уныние». «Ворота спасены!» — ликует Н. Н. Озеров, и мы вместе с ним.

Случай с Тихи симптоматичен. Это к развитию темы авторитета его, то есть Яшина, игры. В самом деле, прекрасному венгерскому нападающему никто не мешал. Времени подумать — полно. И в гроссмейстерской партии победил, выходит, сильнейший. За это (истина не стареет от напоминания) люди и любят футбол. И Тихи — полноправный соавтор шедевра. Просто ему не повезло, что на противоположной стороне был Яшин.

Наш вратарь, что характерно, и начал голевую атаку сборной СССР. Яшин — Нетто — Исаев — Иванов — Бубукин Войнов. Такая вышла голевая цепочка, закончившаяся великолепным ударом справа. В итоге победа — и четвертьфинал.

Старший тренер венгров Лайош Бароти: «Лучшие игроки матча Яшин, Войнов, Бубукин». Достойная оценка от достойного противника. Кстати, противостояние получилось (наконец-то!) исключительно спортивным: обстановка важнейшего матча была по-настоящему дружественной.

Однако успех сборной не отменял финиш союзного первенства. Конечно, после международного признания непросто возвращаться к «родным осинам» — а что делать?

22 октября Льву Яшину исполнилось 30 лет. Юбилей он встретил на работе: играли в Киеве. Украинцы от души задарили перед матчем москвича цветами, улыбались, приветствовали, поздравляли, а затем, в игре, «нагрузили» дорогого друга по полной программе и даже выше, бодро, по-советски перевыполнив план по опасным моментам и ударам в створ ворот. Может, думали, что расслабится в честь праздника. Ан нет. Не на того напали. Всё взял, всё отбил. «Именинник был на высоте», — констатировал «Советский спорт». Столичная атака смотрелась неважно, и игра так и закончилась 0:0.

«Динамо» в 59-м вообще тяжело добилось чемпионства. Вот 30 октября победили «Молдову» в Кишиневе 1:0, но хозяева по крайней мере трижды имели реальные возможности для взятия ворот, однако дважды свою команду спасал Яшин, а в третий раз Паршин с близкого расстояния послал мяч выше ворот.

14 ноября в «золотом» интервью «Советскому спорту» М. И. Якушин назовет вратаря руководимой им команды игроком мирового уровня, добавив к небольшому списку отечественных корифеев Нетто и Войнова.

По окончании сезона Яшин вновь возглавил список тридцати трех лучших. Оценка ветерана Анатолия Акимова (у них шел свой опрос), также поставившего Льва на первое место, значила не меньше. И уж вовсе справедлив (по свидетельству А. Т. Вартаняна) итог голосования читателей «Московского комсомольца»: «Самый отважный, мужественный — Лев Яшин».

Всё точно. Но почивать на лаврах не было времени. Наступал 1960 год, который принесет Льву Ивановичу невиданный триумф и заслуженную славу. Он-то в своем 59-м об этом еще не знает. Ну и ничего страшного. Следует заметить, что уже ушедший год стал для него счастливым, и не только на уровне международном. Профессиональные журналисты А. Васин и В. Юзов в «Советском спорте» от 20 января 1960 года составили весьма привлекательную сборную Европы. Обычно лучших на континенте объявлял авторитетный «Франс футбол». Наши же товарищи (вполне справедливо, кстати) «пошли другим путем» и сформировали «вундертим» Старого Света по материалам многих других изданий: ведь у каждого печатного органа имелся свой, неповторимый взгляд на сильнейших мастеров кожаного мяча. Так вот, совместив разнообразные варианты, удалось высветить достаточно объективную картину: в частности, атакующую линию составили ди Стефано, его соратник по «Реалу» Хенто и примкнувший к ним немец Хельмут Ран. Кто бы спорил. Верный выбор. И отличная компания.

Теперь же о том, ради чего затеян разговор: «Что же касается

наших участников символической сборной, то Яшин, бесспорно, признан лучшим вратарем, а Войнов наряду с Шиманяком и Бунджаком назван сильнейшим полузащитником Европы».

Вот как: «…бесспорно, лучшим» назван. Не спорили, то есть не сомневались европейские специалисты, кого в ворота родной части света поставить. Как, впрочем, и в нападение. А испанцы, не забудем, ожидались в качестве противника по четвертьфиналу первого Кубка Европы. Выходит, сборная-то символическая, виртуальная по-современному, а играть надо было с признанными блистательными мастерами, нападение которых котировалось, как нам ни обидно, намного выше отечественного. «Снаряд», получается, у них имелся помощнее. Зато броня наша крепка, как всегда. И имя ей — Яшин.

О том, что окажется эффективнее в очном противостоянии, безусловно, размышляли болельщики. Жизнь же шла своим чередом. 9 апреля в стартовом матче союзного первенства вратарю московского «Динамо», несмотря на отменные итоговые 4:0, вовсе не просто пришлось против ереванского «Спартака». «Яшина часто беспокоят — не успел отбить одну атаку, как Арутюнян с близкого расстояния послал мяч головой чуть выше штанги», — писал «Советский спорт». Закавказское турне продолжилось в Тбилиси. Вновь характерная цитата: «Еще один удар Месхи, но теперь уже Яшин спасает положение». На этот раз 1:0, но важнее всего, что броня демонстрирует фирменную прочность.

20 апреля «Советский спорт» поместил примерный состав испанцев с массой оговорок. Майский «час икс» приближался, и переживания советских любителей футбола 1960 года ощущаются и ныне, через пятьдесят с лишним лет — в другом веке и даже тысячелетии.

19 мая в «Лужниках» сборная при 90 тысячах зрителей провела последнюю репетицию перед четвертьфиналом. Противостояли Советскому Союзу непримиримые оппоненты всего-то трехлетней давности — поляки. Никто не забыл, как с ними бились за поездку в Швецию, — и в 60-м наш спарринг-партнер являлся крепкой европейской сборной. Однако генеральная репетиция имела и иной подтекст. Ведь в 1/8 финала испанцы дважды переиграли как раз поляков: 3:1 дома и 4:2 на выезде. В сумме, значит, 7:3 получается. Цифры запомним, пригодятся — пока же нелишне заметить, что в Белокаменную исторические противники пожаловали не за поражением с почетным минимальным счетом. За две недели до визита в «Лужники» ими, например, были внушительно биты на выезде шотландцы — 3:0. А эмоциональный корреспондент газеты

«Пшеглонд спортовы» Ежи Леховски вообще не скрывал веры в успех земляков, особенно уповая на их среднюю линию, которую считал не слабее отменной венгерской пары Божик — Закариаш.

…После игры поляки, если по-людски, заслуживали искреннего сочувствия. 7:1— такого не ожидал никто. Бесспорно, Зентаре с Михелем до звездных венгров оказалось очень далеко, и старый знакомый Брыхчы заигрывался, и в целом гости оказались медленнее, а хозяева — быстрее и выносливее. Да, несомненно, сборная СССР смотрелась намного мощнее — только всё же зияющая разница аж в шесть мячей и до сих пор смотрится нереально. Ведь старались же поляки! «Советский спорт» свидетельствует: «3-я минута. Башкевич проходит по левому краю, навешивает на вратарскую площадку, Яшин прерывает передачу в высоком прыжке». Затем, правда, три советских удара — три гола (Иванов, Бубукин, Понедельник), и к 14-й минуте счет соответственно вырастает до крупного. Тут пора обратиться к новому очевидцу и новому изданию. 29 мая вышел первый номер еженедельника «Футбол». Отчет о матче А. П. Старостина озаглавлен весьма символично: «Первая проба». «После того как счет стал 3:0, — пишет прославленный ветеран, — гости не прекратили сопротивления. Наоборот, они проявили большую активность. Резко изменил позицию Зентара — капитан польской команды. Он решительно подключался в линию атаки. Его рейды с мячом в глубину нашей обороны создавали заметное осложнение на штрафной площадке. Но все опасные моменты заканчивались очень удачным вмешательством в игру Яшина».

И вообще, за первый тайм гости били по воротам девять раз. Семь ударов нейтрализовал Яшин. Два прошли мимо. Подумайте: можно сегодня представить себе команду, разгромленную 1:7, которая за 45 минут (!) бьет в створ семь раз? Так что, наверное, понятно, к чему разговор шел: Яшин является полноправным вершителем триумфа 19 мая. Во втором тайме (56-я и 57-я минуты): «Острая атака гостей. Яшин дважды вступает в игру» («Советский спорт»), А на 68-й его под аплодисменты зрителей сменил Владимир Маслаченко, Лев так ничего и не пропустил. Впрочем, и дублеру на 85-й минуте забили лишь с пенальти.

В. Б. Бубукин, отменно, надо сказать, проявивший себя в «Лужниках», заметил в воспоминаниях, что Яшин потерял за ту победную игру в весе три килограмма. И объяснил это тем, что голкипер *участвовал* в каждой комбинации сборной: отдавал пас вместе с Ивановым, бил вместе с Понедельником, бежал вместе с Кесаревым. Согласимся. Но за мячом он бросался не «два раза», как показалось разгоряченному участнику поединка. Журналисту «сверху» по обыкновению виднее.

Так или иначе, то была блестящая, оглушительная виктория. Свершившаяся, что важно для дальнейших событий, на глазах старшего тренера испанцев, знаменитого Элению Эрреры. Тот приехал просматривать советских футболистов, а атакован был отечественными репортерами, которым удалось углядеть, как вражеский наставник что-то записывает в блокнот. Больше того, чужеземец, оказывается, не ведал фамилий игроков в красной форме и использовал для пометок номера, что также получилось рассмотреть. Такой пробел в познаниях, видимо, сообщал о советском информационном преимуществе.

Пишущие товарищи вряд ли уяснили: главное-то большой специалист понял. Подробностями, правда, к некоторому огорчению журналистов, делиться не стал, ответив любопытным коротко и достойно: «Результат для меня неожиданный, но весьма заслуженный вашей командой. Нам будет нелегко с вами играть».

В позднейших публикациях вполне уверенно проводилась версия о том, что испанцы в лице Эрреры банально испугались сборной Союза и, поразмыслив, решили не позориться. И надо сказать, что последующие события с поверхностным простодушием подтверждают столь оптимистичное суждение: соперник отказался приезжать в Москву, а уж встреча в Мадриде автоматически становилась невозможной. На международном уровне была зафиксирована вполне легитимная победа СССР, который и получил пропуск во Францию.

Однако суть дела, безусловно, сложнее. Конечно, наши 19 мая наколотили семь голов. А предполагаемый противник — столько же в двух поединках тому же сопернику. Но за день до лужниковской феерии мадридский «Реал» в финале Кубка чемпионов отметился магической «семеркой» против немецкого «Айнтрахта», пропустив в собственные ворота лишь трижды. Скажут — и справедливо! — там был «покер» венгра Пушкаша, не имевшего права выступать за сборную своей второй родины. К тому же в воротах мадридцев тогда выступал аргентинец Домингес, а в атаке — бразилец Канарио. Словом, «старая новая тема»: «легионеры». У нас в конце 50-х — начале 60-х так же, как и сейчас, болезненно обсуждали эту проблему, косвенно объясняя отказ от участия в еврокубках. Проще говоря: «они» понакупили иностранных звезд — и как у такой сборной мира выиграешь?

Что же, столичный «Реал» действительно приобрел первоклассных заграничных футболистов. Так ведь и игроков с гражданством Испании хватало! Альфредо ди Стефано в вышеупомянутом финале оформил хет-трик. А левый край Хенто, не забив лично, изумительно ассистировал и разгонял чуть ли не каждую атаку родной команды — как же захватывающе они

смотрелись бы на противоположных участках поля с советским коллегой Михаилом Месхи! И правые полусредние Иванов и Дель Соль тоже вынудили бы зрителей сравнивать, кто из них сильнее. Место же Пушкаша в испанской сборной спокойно бы занял Луис Суарес из «Барселоны», названный, между прочим, по итогам года 1960-го лучшим футболистом Европы (хотя страна его и в полуфинале не участвовала). Но, наверное, особое наслаждение гурманам замечательной игры доставило бы своеобразное противостояние вратарей: 36-летнего каталонца Симона Антонио Рамальетса и 31-летнего москвича Льва Яшина. Зрелые мастера — высокое искусство.

Словом, народ ждал праздника. А он не состоялся. Бесспорно, не из-за страха Эленио Эрреры перед «советской красной машиной». Играть, как видим, было кому. Тогда почему?

Самое интересное, что точно никто не знает. Простое предположение, что диктатор Франко потребовал от тренера гарантии победы над Советами, выглядит наиболее правдоподобным — хотя что-то не слышно о записи их разговора. В СССР известие об отказе испанцев в последний момент (сборная находилась уже в аэропорту) восприняли со справедливым возмущением. И, не исключено, с некоторым пониманием. Вышло-то всё несколько «по-нашему». Хотя, если вдуматься, Франко поступил как обычный диктатор, то есть человек, облеченный гигантской, непомерной, бесконтрольной властью. Что и привело к самодурству: умный Эррера ничего гарантировать, понятно, не стал. И родился безумный отказ образца 1960 года. А ведь в 1964 году, когда отношения между нашими государствами вряд ли стали теплее, финальный матч чемпионата Европы состоялся, причем советская команда играла в самом Мадриде на глазах постаревшего на четыре года «каудильо». Значит… Да ничего это не значит. Диктатор — он и есть диктатор.

Отечественное спортивное руководство отозвалось ожидаемо: «Поздно вечером 25 мая секретариат УЕФА сообщил в Федерацию футбола СССР, что встречи сборных команд в Москве и Мадриде не состоятся в связи с тем, что испанское правительство запретило испанским футболистам участвовать в играх на Кубок Европы с советскими спортсменами». И так далее: «…фашист Франко давно известен…» Официоз в действии. Впрочем, рядом (и в «Футболе», и в «Советском спорте») напечатали и обращение футболистов сборной Союза к несчастным, без преувеличения, испанцам. Там стиль попроще, хотя смысл (прав А. Т. Вартанян) тот же и отдельные обороты похожи. Да и немудрено: видно, одной рукой написано.

Сейчас не об этом. Под посланием сборников стоит, естественно, и подпись Яшина. И задумываешься: а желал ли он этого матча? Ведь команда Эрреры была очень сильна. Ответить однозначно из другого времени нельзя. Однако вот что приходит на ум. Коли уж он, больной, травмированный, не уходил с поля, то готовый к бою, полный сил (есть основания предполагать, что к Кубку Европы его подлечили) по определению не мог желать победы 3:0, присужденной нашим без самой игры. Потому как, лишь выходя на поединок, можно победить. И «Счастье трудных побед» — очень пристойное название для книги мемуаров Л. И. Яшина. Если, конечно, поразмыслить над каждым из трех привычных слов.

3:0 надобно заслужить, а не получить. 6 июля 1960 года советские футболисты это с блеском подтвердили. Именно с таким счетом была повержена очень хорошая чехословацкая сборная в полуфинале Кубка Европы.

Решающая встреча «навылет» состоялась в Марселе. Победитель переезжал в Париж, на финал, проигравший отправлялся домой. Чехословаки соблазнились корридой под палящим солнцем и потерей тренировочного дня, затем разнесли 8:0 сборную Прованса, представленную, разумеется, любителями.

Наши не торопясь работали на базе.

6 июля грянул бой. Лев Филатов в «Советском спорте» с наслаждением сравнивал атмосферу абсолютно спортивного сражения с впечатлениями от баталий мирового первенства двухлетней давности: «Тот же высочайший накал борьбы, та же игра с полной отдачей сил, то же кипение на трибунах, одним словом, большой футбол во всем его блеске».

Затем следуют важные для нас события. Сначала голкипер Шройф бросается в ноги Иванову, выручая свою команду. А потом «Масленкин неудачно срезает мяч, его подхватывает Бубник и выходит вперед. Яшин бросается ему навстречу, парируя удар» («Советский спорт»). А вот взгляд А. П. Старостина («Футбол», 10 июля): «Через минуту уже Яшин броском в ноги Бубернику спас нашу команду от неминуемого гола». Теперь обратимся к цитате из «Руде право», главной газеты ЧССР: «Две минуты спустя Бубник очутился перед вратарем. Но его удар достиг только тела Яшина».

Последние два свидетельства помещены в одном номере свежеиспеченного московского еженедельника. Возникает законный вопрос: а кто угрожал советским воротам: Бубник или Буберник? Записи-то матча пока, по крайней мере, не найдено. И мы должны опираться на мнения очевидцев или тех, кто очевидцев сумел услышать полнее и точнее. В данном случае

предпочтение надо отдать авторам чехословацкой газеты, которые, несомненно, лучше знали своих футболистов. Однако Андрей Старостин неповторимо «реваншируется» замечательной, уходящей от нас все далее вязью слов, прелестью которой и обязан отличаться футбольный репортаж: «Игра шла с переменными атаками. Мяч был частым гостем штрафных площадок обеих команд. Долгое время чехословацкие футболисты вели игру на равных. Не меньшее время они владели мячом и не меньшее время гостили на нашей половине поля. Едва ли на переполненном стадионе был хоть один человек, который, объективно взвешивая действия команд в первой половине игры, взялся бы предположить исход встречи. Пока заметно было лишь одно: футболисты в белых майках (наши соперники) вели игру мелкими передачами, постепенно завоевывая пространство, обнаруживая при этом хорошую технику и завидное самообладание: футболисты же в красных футболках делали меньшее количество передач, но преодолевали пространство быстрее.

Но уже к концу первой половины игры кое-что начало проявляться». Дальнейшее повествование о том, как Иванов стал переигрывать Масопуста, Бубукин — Буберника, Понедельник — Поплухара, а Месхи — Шафранека, опять же включено в гигантское количество публикаций. Да, физически наши оказались готовы лучше. И все-таки А. П. Старостин прав, заметив, что даже после первого гола Валентина Иванова на 35-й минуте «исход борьбы продолжал оставаться загадочным». Л. И. Филатов в «Советском спорте» свидетельствует: «Создается такое впечатление, что футбольное поле словно кто-то наклоняет то вправо, то влево. И игра равномерно перемещается с одной половины на другую». Иванов, проведший «матч жизни», забил и во второй раз. «Но и тут, — замечает корреспондент „Советского спорта“, — сборная Чехословакии не сложила оружия. Бубник справа пасует набегающему Буберник. Резкий удар с ходу, и Яшин, бросившийся в угол, накрывает мяч телом. Это был поистине изумительный бросок. Я видел, как наши игроки, приостановившись, аплодировали своему вратарю. Надо ли говорить, как отозвались трибуны! Когда я уже в гостинице напомнил Яшину о его броске, он вздохнул, покачал головой и сказал:

— Да! Это был моментик… даже вспоминать не хочется».

А. М. Соскин нашел воспоминания противной стороны о том, как «отдавший Буберник роскошный пас Властимил Бубник, больше известный у нас как капитан хоккейной сборной ЧССР, застыл в немой позе и начал аплодировать. Вслед за ним —

другие чехословацкие игроки, к ним присоединились и наши. Только вошли в раздевалку, чехословацкий нападающий Йозеф Войта выпалил в сердцах:

— Какая уж тут игра, если мои соудруги (товарищи [*чеш.*]. — *А. М. Соскин)* вместо того, чтобы атаковать голкипера, стоят, разинув рот, и хлопают в ладоши, как в театре.

На что вратарь Вильям Шройф, будущий триумфатор чемпионата 1962 года, ответил:

— Яшин и есть театр».

Войту можно понять: он, капитан, вернулся после поражения команды 0:3 в постылую раздевалку и еще лично пенальти промазал. Расстроился человек.

Однако, как ни крути, красивая вышла история с аплодисментами. Больше того, темпераментные марсельцы после финального свистка схватили Яшина и радостно понесли его на руках. Ощущение у него было странное: с одной стороны, конечно, приятно и почетно, а с другой — неизвестно, куда принесут и где оставят. В любом случае на сохранившейся плохой фотографии из «Футбола», плывя в объятиях французов, Лев Иванович улыбается, но как-то нервно. Причем он уже без кепки. Сняли кепку.

Дальнейшая судьба этого непритязательного головного убора сложна и противоречива. В книге «Счастье трудных побед» рассказывается, что полицейский после отчаянной просьбы вратаря догнал злоумышленника, принес любимую вещицу, но отдал лишь в обмен на значок Федерации футбола СССР. По А. М. Соскину, так оно и случилось, только разменной монетой послужил яшинский автограф. А по некоторым непроверенным данным, голкипер готов был расстаться даже с запасным свитером! Совсем по-другому рассказала эту историю Валентина Тимофеевна: фуражечку так и не вернули. И пришлось играть далее без нее. Правда, в финале с югославами Яшин точно в кепке. Однако, быть может, то был второй, запасной экземпляр? В интервью «Франс футболу», до которого еще дойдет речь, чемпион Европы определенно говорит о латаной-перелатаной кепочке, прослужившей ему десять лет, и сравнительно новой, пятилетней давности, ее сменщице. Так вот, вроде бы украли-то ту, древнюю, особенно дорогую…

К чему, спросят, длинные рассуждения о пустяшном, дешевом предмете? Не шапка же ондатровая, в самом деле. Так в том и соль: не сугубо материальное манило Яшина, а нечто труднообъяснимое, связанное с одному ему известными переживаниями. Примитивная, по идее, фуражка настолько срослась с ним, пропиталась превосходной человеческой сутью,

что стала неотделима от большой и могучей фигуры стража ворот. Вот в 1958 году на мировом первенстве она ему, по первому впечатлению, даже мешает: падает часто, надо поднимать, следить за ней. А ведь есть еще мяч, тоже требующий внимания. А Яшин тем не менее терпеливо и бережно поднимает слетевшую с головы кепку и возвращает ее на место.

Потому что, надо понимать, великие люди — суть вечные, трогательные, ранимые дети. Жаль вот, что такую несложную истину мы осознаем только после прощания с ними.

А во Франции в июле 1960 года подошла пора финала. Шансы сборной СССР оценивались весьма высоко. Матч с Чехословакией произвел серьезное впечатление.

«Газеты отмечают, — констатирует „Советский спорт“, — исключительно дружную и напористую игру сборной СССР, особенно выделяя „самоотверженность и спокойствие Яшина“, „атакующий порыв Иванова“, „быстроту и цепкость Нетто“».

«Ни разу, — отмечает В. Сине в „Экип“, — чехословаки не смогли преодолеть бдительность Яшина». А Робер Вернь в той же газете идет еще дальше: «…трудно было даже ожидать, что чехословаки смогли бы обмануть необыкновенного Яшина».

Нет, французы все-таки потрясающе относились ко Льву Ивановичу! Они, видите ли, «не ожидали» от него ничего иного, кроме как совершенной непробиваемости. То есть в прошлые приезды он их в этом качестве убедил, и теперь осталось лишь поддерживать обозначенный высочайший уровень. А если совсем серьезно, то Франция для советского вратаря, как уже упоминалось, стала по-настоящему особенной страной. Да, здесь будет взят Кубок Европы, главный наш трофей. И отсюда к Яшину прилетит «Золотой мяч». Однако, возьму смелость предположить, нигде, несмотря на невероятную популярность во множестве стран мира, его так не любили, как здесь. Свой он тут стал. Будто и ударение не на первом слоге, а на последнем.

10 июля на парижском «Парк де пренс» предстоял финал. СССР — Югославия. Такая же вывеска имелась и четыре года назад в Мельбурне. Но там выступала молодежная, перспективная, экспериментальная команда, которая уступила Советскому Союзу в равной, если честно, игре с минимальным счетом. Теперь южные славяне собрали под государственные знамена всех, без преувеличения, сильнейших. И получилась блистательная сборная — лучшая, возможно, за все время существования единой Югославии.

В полуфинале эти отчаянные ребята, проигрывая 2:4, «на самом флажке» сумели одолеть хозяев-французов (выступавших, все же заметим, без травмированных Копа, Фонтена и Пьянтони

— ударного атакующего кулака; впрочем, победители к тем травмам никакого отношения не имели). 5:4 в драматичнейшем поединке. После чего решили не ставить на финал звездного вратаря Шошкича (сыгравшего через три года с Яшиным за сборную мира против англичан). Посчитали, что четыре пропущенных мяча — многовато для финалиста европейского Кубка. И инсайд Кнез уступил место Матушу. А еще говорят, что победный состав не меняют. СССР вот не поменял — и выиграл.

Хотя мог и проиграть. Ни о каком подавляющем преимуществе отечественных футболистов и речи быть не могло. В Европе тогда вообще сложилась такая ситуация, что ни одна из сборных не могла считаться сильнее остальных на порядок, как, например, команда ФРГ 1972 года, которая и вправду была на тот момент непобедима. А вот в 60-м на первенство могли претендовать, кроме известных полуфиналистов, обиженная собственным правителем Испания, Англия, Италия и, вероятно, Западная Германия. И каждый из вышеперечисленных грандов мог обыграть каждого, став первым среди равных. Посему Югославия ни в чем не уступала и нашим, и тем же самым испанцам. И давайте, наконец, посмотрим, кто взялся противостоять Яшину.

Имеется в виду нападение. Защитники в ту пору подключались в наступление реже (хотя Анатолий Крутиков в финале, к которому мы постепенно переходим, прибежал к чужим воротам и здорово ударил — жаль, не забил).

Так вот, для начала — определенные статистические данные о тех, кто атаковал советские ворота 10 июля. Итак: Боривойе (Бора) Костич, за «Црвену звезду» в 1951–1966 годах провел 580 матчей, забил 539 голов. В еврокубках сыграл 35 раз (26 мячей), лучший бомбардир Югославии 1959 года (25 голов) и 5 В. Галедин 1960-го — 19. За сборную выступил в 33 поединках, 26 раз поразил цель — третье место среди голеадоров за всю историю страны. Далее: Дражен Еркович, выступая за загребское «Динамо» с 1955 по 1965 год, в 315 встречах провел 322 мяча. В еврокубках 20 матчей — 9 голов. В майке сборной выходил 21 раз, забил 11 мячей. Один из четырех лучших бомбардиров чемпионата мира 1962 года (в компании с нашим В. К. Ивановым, кстати): 6 игр, 4 мяча. Наконец, Милан Галич: за белградский «Партизан» сыграл 281 матч, отличился в 165 из них. За сборную, соответственно, 51 выступление, 37 голов. А в 35 еврокубковых поединках — 13 мячей.

Как видим, всякой обороне тяжко оппонировать таким молодцам. Так ведь и «патроны было кому подносить». Драгослав Шекуларац забил поменьше, хотя тоже немало (за «Црвену

звезду» 119 раз в 375 играх, в сборной 6 голов в 41 матче), однако славился не скорострельностью, а высочайшей техникой, тонким пониманием ситуации, отменным видением поля. Совсем юным он бился с нашими еще в мельбурнском финале. А за четыре года вырос, окреп, помудрел.

От таких вот личностей исходила угроза воротам Льва Яшина вечером 10 июля. И стоит заметить: всё вышесказанное и приведенное о наших соперниках нашло подтверждение в игре. Никто из югославов финал не провалил. И атакующая линия прекрасно себя проявила.

Трансляция этой игры появилась несколько лет назад в Интернете. Для современных любителей футбола финал Кубка Европы начинается с 12-й минуты. Вернуть первые 11 минут еще не удалось. Что очень обидно. Ибо сейв Яшина случился на 10-й минуте. Остается процитировать очевидца, которому, правда, нельзя не верить: «Вот Костич вывел на удар Галича. Мощнейший выстрел в дальний от вратаря верхний угол. Яшин в изумительном броске кончиками пальцев перебрасывает мяч через перекладину». Так писал Л. И. Филатов в «Советском спорте». Г. М. Пинаичев в «Футболе» увидел некоторую предысторию эпизода и даже определенную его закономерность: «Итак, с десятой минуты довольно прочно и надолго инициативой завладевают югославы. На левом фланге они разыгрывают быструю комбинацию: Матуш точно низом передает мяч Костичу, тот стремительно продвигается к лицевой линии, откуда адресует мяч в зону левого полусреднего, и Галич с угла штрафной площади сильнейшим ударом бьет в верхний угол ворот. Но Яшин хладнокровно парирует удар на угловой».

Тот подвиг иногда упоминается, оставаясь (пока?) за кадром. Кадры же, дошедшие до нас, подтверждают впечатление корреспондента еженедельника о том, что инициативой владели югославы. Хотя смертельно опасных ударов в створ больше нет, однако реактивный Галич после отменного прострела едва разминулся с мячом, который бы, коснись его нападающий, неизбежно оказался бы в воротах, кто бы их ни защищал. Явно проваливалась у нас центральная зона в те тревожные минуты. Вот и штрафной «юги» заработали. Позиция хорошая. По-нашему, честно говоря, «убойная». Бодрый, уверенный Костич подходит исполнять и бьет резаным образом.

Прямо в руки вратарю Яшину. Он и не прыгал, на месте стоял, мяч вроде как-то сам к нему прилетел. Через две минуты Бора опять перебрасывает выстроившихся советских игроков. С тем же неутешительным для югославов результатом. Опять Яшин на месте. И такое впечатление, что нападающий в голкипера и

целил. А про ворота на секундочку забыл.

Столь же непринужденно Лев Иванович принимает пас назад от Крутикова в створ и при прессинге противника: видимо, удалось довести до защитника необходимую информацию в отличие от случая с Мудриком. В итоге вышло отлично, хотя и рискованно.

В целом же к концу тайма незначительное преимущество соперника сошло на нет.

И тут югославы забили. Началось всё с превосходной передачи Жанетича на правый край Ерковичу. Дадим слово очевидцам и участникам. Лев Филатов: «Еркович на правом фланге обыгрывает Масленкина, а тот, полагая, что он нарушает правила, вдруг останавливается, Еркович продолжает свой рейд и делает сильный прострел вдоль ворот. Набегает Галич и головой посылает мяч в сетку». Григорий Пинаичев: «Масленкин поднял руки, показывая, что мяч ушел за боковую линию, а сам на мгновение остановился. Но свистка не было».

И правильно, что не было. Мяч оставался в поле: сегодня по записи видно. Да что-то вот показалось центральному защитнику, страховавшего левую зону, и он даже не на мгновение, а на невыразимую долю, частичку того мгновения выпал из игры — Еркович (между прочим, финт, им примененный, прост и победительно эффективен) по краю и проскочил. И изумительно, на неудобной для вратаря высоте прострелил. Галич принагнулся и забил головой. Игорь Нетто по горячим следам именно последний факт почему-то решил оспорить: «Здесь одна маленькая неточность: я бежал к нашим воротам бок о бок с Галичем. Мяч, скользнув у меня по бедру, ударился в бедро Галича и отлетел в сетку ворот». В воспоминаниях «Это футбол» Игорь Александрович поправляется: «В один из моментов Галич, используя прострельную передачу, головой с близкого расстояния забил гол». Касание советского капитана действительно имело место, однако югослав образцово подстроился под передачу. И тысячу раз прав В. Н. Маслаченко, в послематчевом блицинтервью говоря о Яшине: «В пропущенном голе он совершенно не виноват: ситуация была проиграна». И, в общем-то, если бы оплот нашей обороны и не остановился (за что Яшин потом его все же корил: «Что я могу сказать? Защитники, мои ближайшие партнеры, играли четко и самоотверженно. Почти идеально. Но если уж говорить всю правду, то за исключением только одного момента: это когда прорвался Еркович, а Масленкин перестал с ним бороться»), форвард всё одно прорвался бы и успел прострелить. Что же касается Милана Галича, то нынешним тренерам обязательно надо показывать подопечным на его примере, как

обязан действовать нападающий. Думается, именно автор единственного югославского мяча стал лучшим у них в финале, а не технарь и выдумщик Шекуларац. Тот всё-таки немного пижон, Галич же — великий труженик.

А всё-таки этих превосходных футболистов Яшин и его друзья победили. В принципе, и в первой половине кое-что выходило (мнение В. К. Иванова, высказанное им в книге «Центральный круг» о том, что «ничего не получалось», связано с упоминавшимся выше максимализмом того поколения, а также с природной сверхпорядочностью автора). Просто, может, не очень везло. Второй же тайм наши начали настолько браво, что противник и не ожидал. И на 49-й минуте Валентин Бубукин сильно низом врезал почти по центру ворот. Ведь дождь шел, поле мокрое. Расчет оправдался на все 100 процентов. Благое Видинич отпустил от себя мяч, дернулся его зафиксировать, поскользнулся, замешкался, и стремительный Слава Метревели молниеносно поразил незащищенную цель.

И здесь настала пора… оценить игру Льва Яшина в победном финале. Это непросто. Чтобы приблизиться к пониманию, необходимо не один раз пересмотреть игру. Будто перечитать великую книгу, в который раз увидеть знаменитый фильм, вновь вглядеться в знакомую с детства работу прославленного живописца или прослушать классический концерт. Потому как первое впечатление: всё, что он взял, — обязан брать каждый. И это-то явится основным заблуждением. Ибо «каждый» и не возьмет. Более того, и талантливому мастеру такое окажется не по силам. Как, в частности, Видиничу. Парадокс: он провел превосходную игру — и стал, смотря правде в глаза, главным виновником поражения. Ибо не удержался на ногах, упал, не успел встать, пополз — а тут, пожалуйста, и Метревели. У Яшина потом, при счете 1:1, был схожий момент. Мощный удар Костина, мяч непроизвольно отпущен, однако будь Галич или кто еще даже проворнее нашего дорогого Славы, — все равно ничего бы не выгорело. Лев не скользит и не падает. И коли никак нельзя отпустить, а нужно, кровь из носу, прижать мяч к груди, то так и будет. Так и было.

В том и различие между хорошим и великим спортсменом. Тот, кто подлинно велик, постоянно держит уровень, но в самый необходимый, пиковый момент — бесподобен и неповторим. Кто послабее, называет это везением.

Опять же — необходимое отступление. Григорий Маркович Пинаичев, правый защитник армейцев Москвы, затем, в 1954–1957 годах, старший тренер родного клуба, — человек заслуженный и в футболе блестяще разбиравшийся. Однако у

него не было возможности, как у нас с вами, много раз пересматривать случившийся эпизод. А писать-то надобно прямо в номер. Потому и показалось корреспонденту «Футбола», что югославы аж в первом тайме сбавили обороты: «Уверенная, хладнокровная игра Яшина (что чистая правда. — *В. Г.),* на наш взгляд, деморализовала нападающих югославской команды. Они начинают терять веру в то, что смогут забить гол выдающемуся советскому вратарю, и всё реже и реже ведут обстрел ворот с дальних дистанций, пытаются вывести мяч под удар, который наверняка принесет гол».

Не исключено, что конечный счастливый результат повлиял на эту оценку. Потому что, к большому сожалению советской стороны, соперник не собирался сдаваться и не смотрелся потерянным и опрокинутым. Л. И. Филатов подтверждает (пусть и имеется в виду дополнительное время): «Снова наш замечательный вратарь делает свой вклад в грядущий успех. Он парирует опаснейший удар Галича. Затем снимает мяч с головы Ерковича, и тут же переходят в атаку наши». И во втором тайме Яшину пришлось потрудиться на выходах, и упоминавшийся пушечный выстрел от Костича случился тогда же. А что же касается указанного «Советским спортом» момента от неугомонного Галича, то удивляет одно: откуда на пути мяча вообще объявился советский вратарь? И вышел он весьма далеко из ворот, а форвард бил импровизационно. То есть, проще говоря, как можно ответить на чужую импровизацию собственной? Загадка.

А потом был победный гол Виктора Понедельника с подачи Михаила Месхи. Хотя неукротимый противник до самого конца не соглашался с поражением. «Представьте, — вспоминал В. К. Иванов, — что творилось в нашей штрафной площадке, когда в ней сгрудился 21 футболист. Казалось, что мяч невидимой длинной веревкой привязан к боковым штангам наших ворот. Он катался по вратарской площадке, застревая в ногах, отскакивая от одного игрока к другому, поднимался в воздух, но упорно не желал удалиться, вылететь за пределы, отпущенные ему веревкой-невидимкой».

Всё же порвалась веревочка. Свисток оповестил. Победа!

О Льве Ивановиче лучше всех высказался Владимир Маслаченко: «Яшин? Блестяще! Судите сами, в такую сырую погоду ни разу не выпустить из рук мяч — это же предел мечтаний любого вратаря!»

Стихотворец Евгений Ильин выступил с очередным четверостишием:

Опять с восторгом говорят о нем,
Опять им образец высокий дан:
Блестяще он овладевал мячом
И овладел сердцами парижан!

Про сердца парижан и не только — это точно. Впрочем, французы верны себе. Жан Корню, «Экип»: «Яшин показал себя таким, каким его знают. Четкая, уверенная игра, железная хватка, умелый выбор места, своевременный выход из ворот». Жан Ферран, там же: «Французы знают Яшина, его необыкновенную находчивость, вездесущность, его прыгучесть, которой мог бы позавидовать любой циркач, знают силу и мощь его ударов от ворот руками и ногами. Никто не обманулся в ожиданиях». Агентство Франс Пресс: «Разумеется, на высоком уровне играет и Яшин, но в этом нет ничего удивительного, принимая во внимание его исключительно высокий класс».

Нельзя не привести честные и мужественные свидетельства из белградской газеты «Спорт». Сначала — характеристика первого номера чемпионов Европы (остальные пойдут в привычном порядке: защитники, полузащитники и т. д.): «Лев Яшин — один из лучших вратарей мира. Обладает необыкновенной реакцией, отлично вмешивается в игру на штрафной площади, а часто играет и как защитник». Еще одну цитату из того же издания опубликовал в своей книге А. М. Соскин. Вот что писал пятьдесят с лишним лет назад бывший вратарь Любомир Ловрич: «Наша команда играла изумительно. Если бы не было между штангами ворот советской команды этого чародея, вопрос о чемпионе Европы был бы решен бесповоротно еще в первом тайме. На пути работавшей как часы югославской атакующей машины стоял человек, зародивший сомнения в границах возможностей, рефлексов и инстинкта футболиста». Причем и через много лет человек, защищавший ворота сборной Югославии еще до войны, не изменил мнения о Яшине, безоговорочно поставив его выше Заморы и Планички, которых видел лично, на стадионе.

А вот слова Боры Костина (приведенные тем же А. М. Соскиным): «Этот Яшин — сущий демон. Я бил по воротам три штрафных, в которых вложил всю силу и умение, а он каждый раз был в нужном месте».

Да, хороший у нас был соперник. Во всех отношениях.

Заканчивая тему главной победы советского футбола, нельзя забыть еще одно интервью. В общем-то, в жизни Льва Ивановича их было немало. Но это…

Это интервью из далекого времени мы достаем с особым отношением. Дано оно небезызвестному «Франс футболу», а перепечатано в советском «Футболе». И чтобы наши читатели его не пропустили, на первой странице московского еженедельника помещен большой яшинский портрет — беседа же с французскими журналистами помещена внутри издания. Которому, без сомнения, честь и хвала: перенести их буржуазный текст на государственную бумагу и продемонстрировать всему советскому народу — такое дорогого стоит. Одно слово — «оттепель».

Возникает вопрос: а почему дома-то Яшина не расспросить? Неужели одни парижане, невероятно далекие от советских реалий, могут по душам поговорить с русским вратарем? Ответа нет и сегодня.

Однако сейчас важно не это. Западные репортеры спрашивали, по тем временам, отнюдь не предсказуемо. Но нарвались на адекватный ответ, который останется навсегда и вне времени. Потому что Лев Иванович Яшин, советский человек, коммунист с 1957 года, выступающий в Союзе за «Динамо», которое, как известно, курирует сверхсерьезная организация, отвечал правду. Спокойно, без рисовки, несколько характерной для определенной части современных «откровенных интервью».

Основной, думается, вопрос и ответ на него стоит привести полностью:

— Создается впечатление, что как вратарь вы неуязвимы. В чем секрет этого?

— Мой единственный секрет, которым я с удовольствием поделюсь с вами, заключается в том, что я самым внимательным образом слежу за игроком, владеющим мячом, не спускаю с него глаз. Здесь удивлялись тому, что я парировал или принимал штрафные, пробитые Костичем. Но я знал его манеру выполнять эти удары, познакомившись с ней в Швеции. Поэтому мне достаточно было занять правильное место в воротах. Бедный Бора Костич! Он и не знал, что за ним внимательно и пристально наблюдают!

Но оцените, по возможности, качество работы советского спортсмена: теперь понятно, почему мяч прямо-таки прилипал к перчаткам вратаря. А ведь Костин бил еще и с подрезкой. И всё без толку. Причем в Швеции два года назад мы с югославами играли в разных группах и вообще не пересекались. И с камерой за ними никто не бегал. И у аналитиков хватало насущных дел. А он, Яшин, смотрел и думал. Думал и смотрел. Пригодилось.

Вернемся к доброжелательным французам. «Любите ли вы водку?» — традиционный вопрос человеку из России от западных

интеллектуалов. «Нет, — ответствовал русский. — Предпочитаю вермут, но напомню свой ответ о режиме питания. Я ведь сказал, что пью только минеральную воду и молоко».

Не спешите скептически улыбаться. Вкус водки он, естественно, знал. А вот любить «беленькую» было совершенно не нужно. Для язвенника сорокаградусная — как соль на открытую рану. И к европейскому форуму Льва Ивановича, как говорилось выше, безусловно, подлечили. И рацион питания, о котором он напоминает, обязан включать в себя минеральную воду и молоко, которые вполне приемлемы при его болезни. Кроме того, сборы перед чемпионатом Европы, напряженные поединки союзного первенства с разъездами вообще предопределяют особый спортивный режим. Вермут он «предпочитает» (значит, и его, скажем так, употреблял). Но… нельзя!

Однако же и курить вредно! Профессиональные донельзя журналисты и об этом спросили. Услышали сенсационное признание: «Здесь я, признаюсь чистосердечно, показываю плохой пример молодежи. Да, я курю, причем выкуриваю примерно полпачки папирос в день».

Чтобы осознать цену сказанного, полезно обратиться к его заключительным словам «в самом конце разговора»: «Журналисты моей страны обычно задают мне не такие вопросы. Но я от вас ничего не скрыл».

Потом, в позднюю перестройку, он выскажет отечественным репортерам всё, что считает нужным. И тема курения станет одной из ведущих. Дело-то даже не во вредной привычке. Дело в том, почему о ней не хотят писать, говорить. А «Франс футбол» вот чуть не за 30 лет до того поинтересовался. А он и «не скрыл», заметив, походя, что их «Голуаз» ему крепковат. Мог, кстати, и промолчать. Хотя нет, не мог: он же взялся говорить правду. И удивительно: это самое трудное для нас дело выходит до такой степени естественно и органично, что неудобно, как говорится, за всех остальных. Например, «острый» полвека назад вопрос о возможном контракте с «Реалом», сильнейшим тогда клубом планеты, был парирован без ложного пафоса. Яшин охотно сообщил, что обожает путешествовать по разным странам, однако возвратиться желает только в Россию (сказано именно так, но, может, французы и не видели разницы между Российской Федерацией и СССР) и искренне жалеет тех, кто выступает далеко от родины.

Особенно же знаменательна проблема преемника. Парижане, при всей любви к Льву Ивановичу, постоянно и, видится, малоделикатно держали на весу тему возраста. Яшину тогда исполнился 31 год. На достаточно прозрачные намеки по поводу

окончания карьеры он сообщил, что мечтает доиграть до чемпионата мира 1962 года. То, что всё получится драматичнее и длиннее, еще никто не знал. Интереснее пока узнать, кому он, фигурально выражаясь, хотел «передавать оружие».

Кандидатура Владимира Маслаченко сомнений не вызывает: 24-летний голкипер превосходно зарекомендовал себя в последние годы. Но Яшин называет и Владимира Беляева! Того самого, проклятого на правительственном уровне(!) за 0:5 от Англии осенью 1958-го. Каким же человеком, даже человечищем нужно быть, дабы в радости, находясь на вершине славы, беседуя за рубежом с представителями чужого строя и зная, что тебя растиражируют на родине, невозмутимо заступиться за незаслуженно обиженного и униженного товарища по цеху.

Из таких штрихов и формируется облик Льва Яшина, личности непостижимой и прекрасной.

Смотрите, как он легко находит общий язык с теми, кто вовсе не знает русского языка. Им, казалось бы, не понять друг друга. И вдруг, реагируя на внезапный (нужно похвалить «Франс футбол» за внимательность и основательную подготовку) интерес к тому, зачем он мяч гладит перед началом игры, вратарь республики скажет так, что «поймет народ любой страны»: «Мне нужно дотронуться до мяча, так же как столяру погладить доску, прежде чем он начнет обрабатывать ее. Это привычка рабочего человека». Труженик — он не только во Франции, СССР или еще где — он везде и всегда. И что работягам особенно делить?

Вообще интервью производит предельно цельное впечатление и создает портрет не столько футболиста, сколько человека. Чье основное качество — интеллигентность. Ни разу он не изменил ровной, доброжелательной манере (а вопросы были разные — каверзные в том числе), не солгал, не закапризничал.

В 1960–1980-е годы в СССР весьма много рассуждали об отсутствии тождества между образованностью и интеллигентностью. В статьях, книгах, фильмах до граждан настойчиво, иногда талантливо доводилась мысль о том, что это две разные вещи. И если некто обладает солидной суммой специальных знаний и даже имеет диплом о высшем образовании, то он или она вовсе не обязательно принадлежит к собственно интеллигенции. И наоборот: простой и ясный представитель народа «университетов не кончал», но присуща ему глубинная, корневая, природная интеллигентность. Яшин, несомненно, относился ко второму типу. Но это совершенно не означает, что он не желал учиться. Напротив, он всегда хотел знать гораздо больше, стремился ликвидировать те пробелы в элементарных школьных познаниях, которые и возникли-то никак не по его

вине: война, две-три нормы в 13–14 лет у станка, потом армия, затем профессиональный, по сути, спорт.

И в 30 лет Лев Иванович по собственной инициативе садится за парту. Разумеется, не в вечерней школе (там его трудно представить). Нашлись добрые и неравнодушные люди и в команде.

Старший тренер М. И. Якушин всегда приветствовал желание футболистов заниматься. Учеба, разумно рассуждал он, кроме бесспорной практической пользы, еще и отвадит от соблазна нарушить режим. А тут еще и учителя «воспитали в своем коллективе». Комсорг «Динамо» Эдуард Мудрик взялся за порученную общественную работу с неподдельным энтузиазмом. И ученики ему попались достойные. «Он один из первых, — вспоминал динамовский педагог о Яшине, — подхватил мое начинание с диктантами и пошел на эту голгофу, зная, что ему не раз и не два придется краснеть на этих уроках. Однако он спрятал свое самолюбие и взялся за свое образование так, как привык делать в футболе, — неистово и трудолюбиво. Не буду скрывать, вначале его диктанты пестрели цветом тех чернил, что я применял при проверке написанного моими учениками. Но он втянулся, тем более что мне хватило такта и ума не выпячивать ошибки прилюдно, а работать с учениками, так сказать, индивидуально».

Хорошим человеком оказался комсорг. И, несомненно, прирожденным преподавателем. Результаты говорят сами за себя: «И Лева вместе с нашим тренером, „ехидным Михеем“, который непременно мне напомнит: „Ты не забыл, Мудрила, сегодня о диктанте?“ — с каждым днем все охотнее и охотнее стал ходить на занятия, а иногда подойдет ко мне и скажет: „Давай сегодня сверх нормы позанимаемся, ты не против?“». Настоящий ученик — и в Африке ученик.

Потому как занятия проходили в ноябре 1960 года, как ни странно, как раз в Африке (Гана, Нигерия), куда москвичи отправились в турне после окончания чемпионата СССР. Яшину после европейского триумфа дали немного отдохнуть, и на поле он вышел 11 августа во встрече с «Даугавой». Вышло 3:0 при серьезном преимуществе динамовцев. У латвийцев моментов почти не было. «А в тех случаях, когда мяч летел в цель, на его пути вырастала непреодолимая преграда — Лев Яшин, который играл с присущей ему уверенностью и блеском», — отмечал «Советский спорт». А вот еще одна характерная цитата из спортивной газеты — об игре 23 августа с будущим чемпионом «Торпедо»: «Сказать, что этот вратарь хорош, значит, ничего не сказать. И позавчера Яшин вновь подтвердил репутацию лучшего

вратаря страны. Он вытащил мяч, посланный Метревели в нижний угол ворот. Затем в течение одной минуты он дважды спасает команду от ударов Иванова. И, наконец, он в последний момент сумел перехватить мяч, едва не забитый в собственные ворота Рябовым». Как видим, играть приходится против золотых медалистов европейского первенства — друзей по сборной! Однако и они ему не смогли забить. Отстоял Лев победу: 1:0. А манера всё та же, фирменная: «Яшин был не только настоящим хозяином штрафной площади. Он небезуспешно выступал в амплуа защитника: за пределами штрафной площади вступил в единоборство с Метревели и отобрал у него мяч».

Метревели ведь тоже чемпион Европы, как и блиставшие в 1960-м торпедовцы. Один уровень — европейский. И 17 августа, кстати вспомнить, они вместе обыграли ГДР в Лейпциге 1:0, безоговорочно подтвердив чемпионский класс.

Но спортивная жизнь не позволяет почивать на лаврах. 4 сентября советская команда уступила австрийцам в Вене 1:3, причем после первой половины игры вела 1:0. Во втором же тайме австрийцы убедительно переиграли гостей и забили трижды в яшинские ворота. Такого до них в поединках национальных команд еще никто не добивался.

Сетовать нашим на жару в 42 градуса — глупо. Хозяева находились в тех же неприятных условиях. Другое дело, решили сыграть экспериментальным составом. Нетто отправили в центр защиты. Пару хавбеков составили Воронин и Маношин. Лобановский на левом фланге сменил Месхи. Не вышел на поле Валентин Иванов. О сыгранности и сказать нечего: нельзя рассуждать о том, чего нет. Играли гости вяло, отдали центр поля, затем на 47-й минуте пропустили с безусловного пенальти. И всё-таки игра катилась к ничьей. Как вдруг буквально в последние десять минут австрийцы ожили и включили иные скорости. «Известный на весь мир вратарь Яшин, — констатировала австрийская газета „Фольксштимме“, — долгое время „стоял без дела“. Однако именно его застали врасплох неожиданная активность и темп наших форвардов, когда казалось, что матч приходит к благополучному ничейному окончанию, пожалуй, некоторой небрежностью с его стороны можно объяснить то, что мяч вторично влетел в сетку защищаемых им ворот. Третий гол не на его совести. Взять его было невозможно, как и одиннадцатиметровый». Что ж, трансляции не было, а каждый имеет право на собственное мнение. В любом случае венское поражение пошло на пользу: Яшин получил новую возможность для дальнейшей работы над собой. Чем, безусловно, и воспользовался.

Хотя, конечно, концовка сезона вышла смазанной. Динамовцы в первенстве остались третьими. Плюс вновь дурацкое поражение от «Локомотива» — 1:4. Что-то под конец сезона оборонцы как раз с железнодорожниками проявляли непонятную расхлябанность.

А с другой стороны, в опросе по поводу «Золотого мяча» Яшин занял 5-е место — очень высокий результат. Учитывая, что триумфатор, несостоявшийся противник по четвертьфиналу, Луис Суарес оторвался от преследователей весьма солидно: 54 очка. А наш вратарь «финишировал», если по-велосипедному, в группе (28 баллов) — разрыв с соседями вышел в один-два пункта. До его собственного успеха в компании таких же героев оставалось еще три года. И чтобы в итоге победить, в такой компании надо держаться не один год. Европа очень редко награждает звезд, сверкнувших впервые. Ценится особая выслуга лет. Вот с этим у Льва Ивановича просто замечательно. Никто всей жизнью и судьбой не заслужил так успех, как он. Никто не пережил столько на пути к нему, как он.

ТРАГЕДИЯ И ТРИУМФ

8 января 1961 года в еженедельнике «Футбол» было опубликовано интервью нового старшего тренера московского «Динамо» — Всеволода Константиновича Блинкова.

«Прошлый сезон, — объяснял заслуженный мастер спорта, один из героев знаменитой „суперсерии“ московского „Динамо“ по Великобритании 1945 года, — динамовцы провели ниже своих возможностей и еще раз к почетному титулу „чемпион“ вынуждены были приставить сухое определение „экс“». Оптимизма наставник не терял: «Думаю, что динамовцы в 1961 году покажут разнообразную, содержательную игру, основанную на своих богатых традициях. Все возможности у нас для этого есть». Последнее утверждение совершенно справедливо. К тому же, подчеркивает Блинков: «Из нашей команды никто не ушел».

Однако читатель уже догадался, что это не совсем так. Да, все футболисты основы и ближайшего резерва сохранили (возможно, и напрасно) удобные места в легендарном коллективе. А вот главную потерю, если по-хорошему, бело-голубые не могут возместить и поныне.

После «бронзового» сезона 1960 года клуб покинул многолетний старший тренер Михаил Иосифович Якушин. И с его уходом завершился «золотой» век московского «Динамо», которое в 40-е прекрасно конкурировало с армейцами, а в следующее десятилетие составляло еще более достойную конкуренцию «Спартаку».

Что же случилось? Быть может, Якушин враз утерял квалификацию? Отстал, так сказать, от требований времени? Никак нет. В 60-е годы он успешно тренировал «Пахтакор», в 70-е — закладывал основы будущих побед не чужого ему тбилисского «Динамо». А сборную СССР (которую «просто специалисту» не доверяли) в 1968 году вывел в полуфинал чемпионата Европы. Где наши не проиграли будущим золотым медалистам итальянцам (0:0) и не вышли в финал лишь по воле жребия. Причем континентальный турнир получился через восемь лет намного представительнее того, который стал для СССР победным.

Тогда почему же самый успешный наряду с Б. А. Аркадьевым клубный тренер (они по шесть раз приводили руководимые ими коллективы к первенству, а эпоха Лобановского была еще впереди) ушел из родной команды?

Для начала послушаем его самого: «Семь лет я проработал во второй свой приход в московское „Динамо“, а по окончании

сезона 1960 года расстался с командой. Опять-таки по своей инициативе. Вновь начал контакт с футболистами терять. Что ни требую, в ответ ворчание. Да и нервно я истощился, признаюсь. Ведь всё время руководители первого места требовали. „А если второе?“ — спрашиваю у них. „Второго быть не должно“, — отвечали. А до моих трудностей дела не было. Игроков хороших в команде, правда, было немало, молодые, способные уже подросли — Численко, Короленков, Аничкин. Но дисциплина в команде начала резко падать, настало время жесткие меры принимать. Прикинул я всё и подумал: а ведь если останусь, дров могу наломать, лучше уйти. И тогда подал в отставку. Пятьдесят лет как раз мне исполнилось, отпраздновали мой юбилей, вазу команда мне на память подарила. И распрощался я с московским „Динамо“ как тренер уже навсегда».

А. Т. Вартанян размышляет: «Двенадцать полных сезонов (без небольших довесков) тренировал именитый клуб, приумножая его славу, Михаил Якушин. С пьедестала команда не сходила: шесть первых мест, пять вторых и только в 60-м — третье. А по окончании сезона Михаил Иосифович неожиданно написал заявление об уходе. Сам решил или сверху подсказали? Не знаю. Повод вроде бы ничтожный — возникшие в ходе турне по Африке трения с несколькими игроками. Удивительно, что руководители Центрального совета „Динамо“ и клуба не предприняли попытки разрулить ситуацию и любыми средствами удержать выдающегося тренера. Потеряв, залились в конце сезона горькими слезами».

Это точно. Зальешься тут «слезами», если привычный претендент на первое место не выходит в итоге в «финал десяти». И обречен сражаться за 11-е — 22-е места. Всеволод Блинков в январе такое и в ужасном сне не мог представить. А Лев Яшин, которому после марсельских и парижских оваций 1960 года пришлось играть фактически за право остаться в элитном дивизионе? То есть отыграть-то он отыграл, да чего стоило это по-прежнему первому номеру сборной? Ведь в тот же день 8 января, только в «Советском спорте» появился небольшой и, как всегда, насыщенный материал за подписью «К. Е.». Ну, Константин Сергеевич Есенин, сколько бы он ни маскировался, всегда будет замечен и искренне любим многомиллионной аудиторией. Так вот что заинтересовало великого футбольного статистика: «Кто из наших нападающих забил больше всех в ворота, защищаемые Львом Яшиным? Этот вопрос, вероятно, интересует многих любителей футбола». Выяснилось, что рекордсмены Ворошилов (6 мячей) и Бубукин (4 гола).

«Вообще же, — продолжал сын поэта и выдающийся знаток

футбола, — число футболистов, забивших знаменитому динамовцу больше одного мяча в чемпионатах СССР, едва-едва перевалило за десяток».

А между тем Лев Яшин защищал ворота московского «Динамо» в 140 матчах первенства страны. Чуть ли не в половине из них — в 59 играх — он не пропустил ни одного гола. Восемьдесят игр, в которых ворота девятикратного чемпиона защищал Яшин, закончились победой «Динамо».

Яшин в 1961-м вынес немало физической боли, но ту-то можно измерить и лечить, а как быть с тем, что нельзя уяснить, оценить и хотя бы уменьшить? Вопросы, вопросы — ответа не предвидится.

Впрочем, возвращаясь к смене рулевого в «Динамо», необходимо привести различные существующие версии этого события. Слишком уж грандиозная фигура — Михаил Якушин.

Итак, А. Т. Вартанян сообщает об «африканском конфликте» образца осени 60-го (это как раз когда диктант писали). Речь о нескольких игроках, не обо всех. Сам Михаил Иосифович говорит о постоянном ворчании, также не называя имен. «Жесткие меры» — это освобождение из клуба, что и случилось с некоторыми футболистами уже в ходе сезона-61. Однако возникает еще одна сила — руководство. Только оно вправе утвердить решение тренера о кадровых переменах, то бишь отчислении. А если поводов для расставания маловато на его, руководства, взгляд? Буркнул кто, огрызнулся — что, сразу «на выход»? Тут и вправду «дров наломаешь». В чемпионате-то, когда выпивки стали нормой, другого выхода уже и не было. А осенью — расстались мирно. Вазу ребята опять же подарили Михаилу Иосифовичу. Трогательный факт.

Нас же, без сомнения, интересует позиция Яшина в получившейся ситуации. Представить его недовольным, в любой форме оппонирующим тренеру, тем более Якушину и тем более по поводу нагрузок, — невозможно. Не забудем и про 31 год, и про то, что Льва Ивановича к началу 60-х официально стали величать ветераном.

Однако в книге «Счастье трудных побед» имеется отрывок, который надо привести, даже если хочется обратного. Рассказ там шел о 1953 годе, дебютном для Яшина в команде. Якушин, как вы помните, был возвращен волевым решением из Тбилиси в Москву. И характеристика тренеру во вратарских мемуарах буквально на нескольких страницах дается превосходная. И вдруг: «Но нет идеальных людей, и Михаил Иосифович, увы, тоже не без недостатков. Об одном я не могу не сказать, ибо этот недостаток очень вредил ему и нам. Этот опытнейший специалист,

настоящий профессор футбола, видел в каждом из нас только игрока — и ничего больше. Человек как таковой оставался вне поля его зрения. Наши домашние заботы, радости и печали, семейные дела и учеба — одним словом, всё, что оставалось за пределами кожаного мяча, за чертой игрового поля, — практически не интересовало его. И в конце концов такое отношение к делу подводило Михаила Иосифовича, возводя между ним и подопечными барьер отчужденности, непонимания, а порой и озлобленности.

Но всё это прояснилось с годами (курсив мой. — *В. Г.),* а тогда, в пятьдесят третьем, мы видели в нем то, что от него не отнимешь: тонкого и умного знатока футбола, человека, безраздельно преданного игре».

Прямо скажем: последние слова фразы находят масштабное подтверждение как на страницах данной книги, так и во многих иных источниках. А вот насчет того, что «профессор футбола» в динамовцах видел лишь футболистов, — с ходу наводит, по меньшей мере, на размышления. Учебой не интересовался наставник? А как же комсорг Мудрик, по тренерской инициативе организовавший в жаркой Африке фактически вечернюю школу? А красноречивый диалог после финала Кубка Европы, когда Якушин зашел в раздевалку и немедленно расцеловал грязного и счастливого вратаря? Да и подзаголовок в воспоминаниях тренера — «Вратарь моей мечты» — невольно настраивает на лирический лад.

Тогда почему, всё же абзац про неидеального Якушина вошел в мемуары Яшина? Конечно, можно напомнить: книга не писалась, а записывалась. И хотя на обложке справедливо стоит фамилия голкипера — литобработчик Л. Б. Горянов тоже много вложил сил в этот труд. Но, разумеется, объяснять изложенное лишь так — совершенно неправильно. Так как мы забываем: во-первых, Лев Яшин был и остался футболистом и судил с игроцкой, а не с тренерской позиции[14].

И даже закономерный уход нарушителей режима он рассматривал как их товарищ, а не начальник или критик со стороны. Во-вторых же… Наверное, Яшин хотел гармонии, в которой человеческая составляющая (при исполнении каждым положенного ему, несомненно) всё равно должна превалировать. В общем-то наставник не обязан интересоваться личной жизнью игрока и, тем паче, вмешиваться в нее. Однако как бы хотелось, чтобы люди в рабочем коллективе жили дружно, когда беда, боль или радость становились общими, — а роль старшего в таком случае бесценна. Он очень желал такого превосходного сообщества. Действительность же поворачивалась самой

невыгодной стороной.

А. М. Соскин справедливо писал, что Яшин в сезоне-61 пропустил два месяца: с 24 мая по 18 июля не выступал ни за сборную, ни за клуб. Так ведь поздней зимой и весной тоже складывалась странноватая ситуация. В том плане, что первым номером сборной он остается (о чем чуть ниже), а вот в Гаграх, на предсезонке, динамовцы наигрывают «неизменный», по выражению «Советского спорта», состав с Беляевым в воротах. И именно Владимир Беляев 8 апреля начнет чемпионат и вообще весь месяц отыграет — Яшин появится только 2 мая. Делами сборной такое не объяснить. Значит, Яшин по уже озвученным медицинским показателям (плюс колено периодически болело) выходил на поле, когда мог. А отсутствовал в случае самом крайнем.

Кроме того, не забудем самого главного: предстояли отборочные поединки чемпионата мира 1962 года. Соперники — Турция и Норвегия — не выглядели, правду сказать, так серьезно, как ныне. Но выходить-то надо с первого места, не иначе.

У сборной же, как назло, весной вообще ничего не клеилось. Вначале внимания не обратили, хотя 1 марта чемпионы Европы позволили средненькому ереванскому «Спартаку» — пусть и на его поле — ненужные вольности. «Теперь уже инициатива полностью на стороне ереванцев. Они атакуют почти непрерывно. В один из таких моментов Л. Яшин берет трудный мяч, посланный ударом головы Ж. Суприкяном», — сообщали в «Футболе» А. Аракелов и Н. Арутюнов.

Ладно, победили армянских друзей 2:1, всё равно спарринг, междусобойчик.

Однако затем в боевом составе с Львом Ивановичем в воротах 9 марта проиграли «Фейенорду» с тем же счетом. Тут и старушка Европа принялась вглядываться и любопытствовать.

И лицезрела новый конфуз: поражение в Москве от «Астон Виллы» 17 мая. Самое смешное, что 11-го числа того же мая «Динамо» с Яшиным во главе разобралось с английскими гостями без проблем: 2:0. А вот сильнейшие игроки с Маслаченко на посту № 1 уступили. Несложно предположить, кого еще раз и «покуда навсегда» руководители увидели первым номером.

На контрольный матч с поляками поехал Яшин.

Откровенно плохая игра сборной довела не одних начальников, а всех болельщиков до состояния грустного и тревожного. Поражение — по делу (0:1, Поль забил с пенальти) при беспомощной и вялой игре. Что ж такое, когда «центр защиты Ослизло, обыграв двух нападающих, пустился в длинный рейд к нашей штрафной площади и точно пробил по воротам»

(«Советский спорт»)? Да, «Яшин взял мяч». Вратарь в порядке. А остальные? Туркам-то с норвежцами нужно забивать.

Здесь и подоспело очередное обострение болезни. 18 июня в дебютном поединке с Турцией вышел Маслаченко.

Слава богу, опасения оказались излишними. Турки, особенно на чужом поле, смотрелись вовсе не так грозно, как 50 лет спустя. И с ними (1:0), и с норвежцами (5:2) справились (отыграв в промежутке вничью дома с Аргентиной) и без участия Льва Ивановича.

Но предстояли ответные поединки. К ним для спокойствия народа Яшину нужно было вернуться.

Сначала произошло возвращение на клубном уровне. Дела у «Динамо» складывались скверно: команда балансировала в подгруппе между пятым и шестым местом, а для выхода в финальный турнир десяти необходимо было оказаться минимум пятыми. И, казалось бы, подмога в лице лучшего голкипера мира подоспела вовремя (из-за травмы Владимира Беляева в воротах оказался девятнадцатилетний Лев Белкин, из которого не получился вундеркинд): 18 июля повержена крепкая «Молдова» в Москве (5:2), через пять дней разгромлены будущие чемпионы киевляне, проводившие изумительный сезон (5:0), а 30-го числа бело-голубые уверенно переиграли «Спартак» (3:1). Победе «Динамо» над принципиальным соперником «Советский спорт» посвятил немало газетной площади. В отчете от 1 августа заслуженный мастер спорта Николай Морозов (в будущем старший тренер сборной на последнем для Льва Ивановича чемпионате мира 1966 года) оценил игру победителей: «Динамовцы провели матч старательно (в команде нужно отметить нападающих — Короленкова и Численко, отчасти Сорокина, конечно, безупречно, в лучшем своем стиле проведшего матч Яшина)». Кроме того, опубликована фотография стража ворот — он показан в работе с красноречивой подписью: «Во встрече с московскими спартаковцами уверенную и четкую игру показал вратарь Лев Яшин. Он взял несколько очень трудных мячей». И ниже: «На снимке: Яшин в броске отбивает мяч в поле».

Что ж, народ радостно приветствовал выздоровление своего любимого спортсмена.

Но выйти из подгруппы подопечным Всеволода Блинкова так и не удалось. Проиграли на выезде «Беларуси» (0:2), которая и сама в финальную пульку не попала (да и не могла к последнему туру попасть), однако проявила обычную для того времени спортивную принципиальность.

Безусловно, можно сетовать на жестковатую систему розыгрыша. В конце концов, результат москвичей после

предварительного этапа выглядит вовсе не провальным: 8 побед, 7 поражений, 5 ничьих, разность 33:29. С таким капиталом после привычного первого круга еще рано посыпать голову пеплом: возможность рвануть во второй половине да с Яшиным на посту смотрелась бы весьма реально. И отстали-то от ереванцев и «Пахтакора» всего на два очка.

Но что поделаешь: положение утверждалось заранее и все клубы находились на старте в равных условиях. В итоге бело-голубые станут лучшими в группе неудачников, что принесет им 11-е место — худшее на тот момент в истории команды.

Одним словом, пора переходить к отборочным встречам сборной. Тут получилось всё как надо. 23 августа в Осло норвежцы в первом тайме показали предельно самоотверженную, темповую игру, действуя на поле, что называется, «не щадя живота», как писал в «Футболе» А. П. Старостин. Хозяевам даже удалась одна атака: сильнейший футболист скандинавов Енсен прорвался и ударил — Яшин отвел угрозу. А затем норвежские полулюбители устали, наши во второй половине трижды поразили их ворота. 3:0.

В Стамбуле, как и ожидалось, пришлось гораздо тяжелее. И поле непривычное, скорее земляное, а не травяное. И болельщики страстные и шумные. И, наконец, игроки турецкие котировались повыше норвежских. Впрочем, 12 ноября опытная советская команда захватила инициативу с самого начала и провела два быстрых гола: Гусаров (12-я минута) и Мамыкин (18-я). Уже после 1:0 стадион затих так, что слышен был звук поцелуя, которым наградили автора дебютного мяча. Доведи советские спортсмены до конца тайм с таким результатом или, того лучше, забей третий — исход стал ясен бы всем. А так на 45-й минуте защитник Шереф прорвался к воротам, ударил. «Лев Яшин в броске успевает отбить мяч в поле, — сообщал в „Футболе“ 19 ноября В. И. Дубинин. — Но набегавший Метин сильным ударом посылает его в угол ворот».

После перерыва приободренные турки, поддерживаемые очнувшимися трибунами, пошли на отчаянный штурм. Снова обратимся к впечатлениям В. И. Дубинина: «Трудно Льву Яшину, трудно его и моим друзьям. Но ребята успешно борются с валами турецких атак». Дальше — еще драматичнее: «Турецкие нападающие даже попытались сбить с ног Льва Яшина». А. Т. Вартанян приводит свидетельство писавшего для «Комсомольской правды» Н. С. Киселева, который значительно дополняет рассказ: «Порой обстановка крайне накалялась… Незадолго до конца игры Яшина атаковали несколько форвардов, пытаясь выбить у него мяч из рук… Вырываясь из опасного

окружения, Яшин столкнулся головой с Лефтером, и тот театрально упал как подкошенный. Немедленно на нашего вратаря налетел задиристый правый защитник Джандемир и схватил его за горло. С трибун прорвалась на поле группа разъяренных болельщиков. Турецкие игроки сами оттащили своего драчливого коллегу, а полиция быстро отогнала на трибуны зрителей».

Короче говоря, обошлось. Счет не изменился. Это означало одно: Чили-62 ждет нас! Основная задача на сезон — выполнена.

Только сам сезон не закончился. Так получилось, что после жаркой схватки в Стамбуле в наиболее неудобное для советских спортсменов время предстояло южноамериканское турне сборной. Аргентина, Чили, Уругвай.

18 ноября состоялась игра, законно вызвавшая огромный интерес: чемпион Южной Америки против чемпиона Европы. Буэнос-Айрес, Аргентина — СССР. Не совсем понятно, с какой стати, но хозяева постоянно трезвонили о собственной будущей победе с разгромным счетом: 4:0, 4:1, 5:0 (!). Соперник на самом деле был силен. А хавбек Луис Артиме и форвард Хосе Франсиско Санфилиппо относились к настоящим звездам.

Именно Санфилиппо оказался наиболее опасен. Он нанес в начале игры великолепный удар в правую «девятку» и вскинул руки, дабы возрадоваться успеху. А в следующий момент упал и несколько раз горестно стукнулся о родной газон головой: Яшин в потрясающем броске отбил мяч, летевший со скоростью ядра (есть превосходный кадр — все же запись записью, а отловленное мгновение особенно прекрасно). Не исключено, что тот сейв успокоил футболистов в красных майках, и они провели чуть ли не лучший к тому времени матч в своей истории. Края Месхи и Метревели затерзали оппонентов, а центрфорвард Понедельник, используя их передачи, дважды завершал атаки. Во втором тайме при 0:2 аргентинцы поднажали. «Если в первой половине, — констатировал „Советский спорт“, — основная нагрузка в нашей команде падала на нападающих, то после перерыва, когда аргентинцы приложили все силы, чтобы отыграться, пришлось показать мастерство защитным линиям и вратарю Л. Яшину». Которому и пришлось покинуть на 85-й минуте поле ввиду травмы: случилось столкновение (верим, игровое) с Марсело Пагани. Мяч был зафиксирован, аргентинец решил его выбить, попал по руке. Вышедший на замену Маслаченко пропустил на 89-й минуте в сутолоке от Белена. А победу не отдали. 2:1.

Повреждение Льва Ивановича оказалось не таким и пустяшным. С Чили играл Маслаченко. Не подвел, выступил блестяще, под стать старшему товарищу. Не пропустил. 1:0.

Оставался Уругвай, поклявшийся постоять за честь родимой Южной Америки. 29 ноября Яшин вновь занял привычное место. Противник ринулся в атаку, где особо преуспел правый край Кубилья, раз за разом переигрывавший Леонида Островского. Видя вдохновение товарища, партнеры стали постоянно награждать его мячом. Углядевший губительное однообразие мудрый Нетто вдруг отменно перехватил очередной пас направо, разогнал контратаку, после которой Геннадий Гусаров счет открыл. Правда, вскоре бенефициант Кубилья его сравнял. А. Т. Вартанян рассказал об этом интереснее всех: «Островский с мячом у угла вратарской площади. Перед ним Яшин. Он видит приближающегося к защитнику Кубилья и требует окриком и жестом отдать ему мяч. Островский, почувствовав спиной горячее дыхание своего мучителя, вдруг, как в трансе, разворачивается и пытается обвести уругвайца. Делает это неуклюже, мяч теряет, и Кубилья, выйдя в одиночестве на Яшина, ловит его на противоходе и несильно бьет в мертвую зону — 1:1». Тут уж ничего не попишешь. Спасибо Виктору Понедельнику — выручил, на 44-й минуте с 25 метров пробил точно. Мы вновь впереди.

Последние 45 минут стали завершающими для всего турне. «И вновь, — итожил 30 ноября „Советский спорт“, — защитники сборной СССР показали себя с наилучшей стороны, и вновь любители футбола горячо аплодировали искусству Яшина». «Вновь» — ибо соперник наседал с неимоверным желанием забить. Как и во всех вторых таймах этого насыщенного ноября. И опять — выстояли.

А Яшин лично произвел фурор еще до свистка на перерыв. Они же у себя в Америке не знали, что он за штрафной мяч головой выбивает. Московский гость выбежал за линию и артистично, чистенько отправил снаряд подальше. Естественно, головой, а не руками. Судья оторопел. «Ну не может быть такого, потому что не может быть никогда!» — подумал арбитр и … назначил штрафной в советские ворота — будто бы за игру рукой. Между таймами разобрался, подошел, извинился перед отечественным новатором. Правильно повел себя в перерыве рефери, кто спорит. Ну а если бы Уругвай забил с того штрафного? Так-то. Вот и делись с ними опытом…

Разумеется, то было не одно блистательное действо Льва Ивановича. Тренер бразильцев Карлос Нассименто высказался недвусмысленно: «Дайте мне Яшина, и мы еще раз выиграем первенство мира». Они, конечно, и так в 62-м золото завоевали, однако звучит, согласитесь, красиво.

А. М. Соскин приводит высказывание обозревателя газеты «Эль-Паис» Бернардо Гарроса: «Есть в советской команде и

настоящий виртуоз, заставляющий восторгаться публику. Но вместе с тем игрок чрезвычайно полезный. Это вратарь Яшин. Он мастер в своем индивидуальном специфическом деле и одновременно мастер общей игры. Вся оборона советской команды играет с Яшиным. Он выходит вперед, чтобы получить мяч, адресованный ему одним из партнеров, и посредством нескольких шагов и могучего броска рукой кладет начало новой комбинации. Яшин — часть сплоченного коллектива, который служит не только для того, чтобы уберечь свои ворота».

Заслуженная, объективная, профессиональная оценка очередного зарубежного специалиста — теперь с другого континента. Но наконец-то и на родине Льва Ивановича нашелся не менее компетентный человек, который смотрит и видит то же, что и иностранные обозреватели, однако всматривается и вглядывается глубже, чем они.

Один из братьев Старостиных — Александр Петрович, классный защитник сборной Союза 1930-х годов, — еще 20 августа опубликовал аналитическую статью в «Советском спорте» под названием «Черты современного футбола». Вот интересующее нас место: «Мы все отдаем должное передовой манере игры Л. Яшина. Став полноправным хозяином штрафной площадки, он утвердил новую тактику вратарской игры, от которой во многом зависит не только непосредственная оборона ворот, но и оборона ближайших к ним подступов. Больше того, вратарь стал участником организации атак.

В такой манере старается играть В. Маслаченко. А дальше? Что-то не видно, чтобы яшинская школа нашла последователей среди наших вратарей. Их из ворот пряником не вытащишь».

Термин «яшинская школа», вполне вероятно, употреблен впервые. Да, по совести, не в этом и дело. Главное, что четко определено: в сборной есть первый номер и единственный его дублер. Всё. Даже третьего персонажа не назовешь. А те двое-то — не железные. Не дай бог что случится. Ведь долгожданный чемпионат мира на дворе.

Означенные беспокойства проявят себя позднее. Сейчас же поговорим об интереснейшей статье Алексея Ивановича Леонтьева «Часовым ты поставлен у ворот…», опубликованной в «Советском спорте» 6 января.

В принципе, то был плановый материал о подготовке к грядущему чилийскому первенству. Николай Морозов рассказывал о положении с хавбеками, а Константин Крижевский — также немного позже — о состоянии защитных линий. Однако работа мастера спорта А. Леонтьева выходит за рамки привычного газетного обзора. Пожалуй, с 1953 года, со времен

А. Акимова, не выходило такого серьезного, профессионального исследования творчества Л. Яшина. К тому же в уже разобранном выше выступлении блистательного Анатолия Михайловича упор делается на напутствие и поддержку, а Алексей Иванович переходит к чистой аналитике. Предполагающей прежде всего внимание, для начала, к традициям, а затем уже — к непосредственному новаторству. Первый вывод: традиции превосходных мастеров прошлого, безусловно, вратарем сборной усвоены: «В его действиях синтезировалось всё лучшее, что отличало игру Николая Соколова и Михаила Леонова, Александра Бабкина и Антона Индзковского, Анатолия Акимова и Владимира Никанорова, Леонида Иванова и Алексея Хомича». Но находятся и качественные отличия: «…играет он в воротах проще, отточеннее и, я бы сказал, ярче. Изумительно тонкое чутье позиции позволяет ему выбрать место именно там, где пролетит мяч. Если в силу создавшейся ситуации ему не удается занять наиболее выгодную позицию, великолепная реакция позволяет преградить путь мячу при помощи броска». Далее — второе важное предварительное наблюдение: «Вопреки бытовавшему у нас утверждению, что вратарям высокого роста трудно брать низовые мячи, Яшин с одинаковым мастерством проводит броски как на мячи, летящие по воздуху, так и катящиеся по земле». И как следствие обоснованное утверждение: «Даже ограничив себя игрой в воротах, Яшин занял бы место в первых рядах наших выдающихся вратарей».

Но, бесспорно, не ради такого логичного суждения автор брался за перо. Далее он развивает тему несомненного новаторства Яшина. И замечание Александра Старостина о «яшинской школе» крепнет, наливается силой, получает подтверждение у А. Леонтьева: «Яшин смело выходил вперед, бросался в водовороты, кипящие в штрафной площади, разрушал комбинации при подготовке завершающего удара, перехватывал передачи с фланга, сам начинал контратаки».

И здесь начинается главное. Да, Лев Иванович «выходил, бросался, перехватывал, сам начинал», а кто же за ним ныне следует? Второй из братьев Старостиных не зря напоминал про пряники, каковыми советского вратаря из «рамы» не выманишь. А. И. Леонтьев с диагнозом согласился, добавив, правда, к яшинским последователям, кроме Владимира Маслаченко, еще и Гюндуза Джафарова из грозненского «Терека», чье имя достаточно громко звучало на просторах огромного советского пространства начала 1960-х. Сергей Котрикадзе, вошедший в окончательный состав сборной чилийского чемпионата 1962 года, не упомянут в большой аналитической статье. Вывод тяжел и малоприятен: уже

десять лет как тренеры команд мастеров не хотят учить воспитанников «по Яшину». Риск. Да и обучать некому: нет понятия «тренер вратарей».

Будем, впрочем, переживать неприятности по мере их поступления. Пока же о вещах, в сущности, приятных. Обратим внимание на публикацию в «Футболе» от 11 февраля.

Это ответ на статью в журнале «Смена» еще за прошлый, 1961 год. В двадцать третьем, почти предновогоднем номере В. Фролов выступил с материалом «Судьба золотой Богини». А в феврале 62-го, соответственно, «Футбол» ответил письмом болельщика. Подписал его рабочий Ленинградского электромеханического завода И. Брайнин с добавлением: «от группы товарищей». Реагировали на следующее: «О нашем лучшем вратаре Льве Яшине, которым гордятся любители футбола всего мира, В. Фролов пишет: „Вполне надежно заменен вратарь Л. Яшин. Но эта замена была как бы разумеющейся“. Интересно, а кто разумел? Ведь Яшин и теперь надежно охраняет ворота сборной СССР и вовсе не заменен. Слишком рано отправил его В. Фролов на пенсию».

Несомненно, с высоты сегодняшних познаний о том времени несложно списать ленинградский отклик (и «Смена», не забудем, в том же городе печаталась) на обычную номенклатурную реакцию: и Брайнина никакого якобы не существовало, и писем подобных в органах советской печати в те годы — навалом.

Что ж, возможно. Но читательская почта в достаточно либеральном зимой 1962 года еженедельнике присутствовала сама по себе, без участия профессионалов (достаточно посмотреть предыдущие номера). Кроме того, ответить «Смене» центральное издание могло и вполне официально — да хоть бы главный редактор М. И. Мержанов мог высказаться: кто ж ему запретит? И наконец, зачем же искусственно принижать интеллектуальный уровень настоящих почитателей футбола Советского Союза? Тем более что в «Смене» сказана и на самом деле глупость: Яшина, как мы помним, заменили в Чили по травме, а с Уругваем он опять блистал. И действительно, на тот момент из сборной его никто не собирался выгонять.

Наоборот. Он остается первым номером сборной — по оценке читателей «Футбола» в том числе. Еженедельник предложил обсудить состав главной команды страны широкой аудитории — да, выходит, самой стране и предложил!

И поразительно: народный выбор почти совпал с тренерским. Г. Д. Качалин прокомментировал: «Я удивлен такому умелому подбору игроков. Это свидетельствует о том, что наши зрители, а в данном случае читатели вашего еженедельника очень хорошо

разбираются в футболе». Так что за Яшиным в народном рейтинге строго следовал вторым номером Маслаченко и третьим — Сергей Котрикадзе. Так они и в заявку на чемпионат мира попадут. Счастливое, без иронии, единство получилось у публики и функционеров.

Упомянутые функционеры, к слову, также выказали положительное отношение к голкиперу, наградив его «Памятной спортивной медалью за выдающиеся спортивные достижения — участие в международных встречах по футболу». Таких встреч за сборную у Льва Ивановича накопилось 45 (больше лишь у тоже удостоенного Нетто — 55). А в краткой наградной характеристике было написано: «Яшин по праву считается основателем новой школы игры вратаря. Его смелые, инициативные действия в пределах штрафной площади не раз приводили в изумление нападающих. Быстрота реакции, прыгучесть, решительность, изумительная игровая интуиция — вот далеко не полный перечень игровых достоинств советского футболиста».

Приятно читать и сейчас. Причем постулат о «школе Яшина» утверждается в сознании всё надежнее.

Хотелось бы, правда, чтобы учеников в школе было побольше. Главного же из них (о чем поговорим попозже) — выбили аккурат перед началом первенства мира.

Пока же Яшин весьма уверенно отстоял с Люксембургом, пропустив лишь однажды, — 3:1 на выезде.

Затем удалось поквитаться 18 апреля со Швецией за 1958 год. Скандинавов переиграли на их поле. Яшин не пропустил. К тому же отразил пенальти, битый старым знакомым Куртом Хамрином. Неувядаемый нападающий четыре года назад забил в Львиные ворота гол. А вот теперь и одиннадцатиметровый не реализовал и еще потом момент с игры не использовал.

Матч-реванш — хоть и поздновато вышло.

А вот последующий ответный шаг запланирован был, видимо, сгоряча и к поздней весне 1962 года не подходил. Да ведь дал слово — держись…

Уругвайцы напросились в Москву еще в 1961-м. Отыгрываться за случайное, по их мнению, поражение. Но времена переменились. Попали мы с ними в одну группу на предстоящем мундиале. И лететь через океан им не хотелось — а что ж поделаешь? Правда, состав никто не оговаривал. Так они четырех лучших футболистов и приберегли. Наши проявили себя бодро и с огоньком. 5:0! И Яшин «два-три раза выручил», как справедливо заметил «Советский спорт». Зато южноамериканцы еще раз — и качественно! — изучили будущего противника по

группе.

Хотя, в общем, и СССР подходил к делу весьма профессионально. Спарринг со сборной ГДР был обставлен четко и по правилам. В том смысле, что играли якобы со сборной Берлина, будучи вроде как сборной Москвы. А выпирающая союзная составляющая в лице того же Михаила Месхи никого не должна интересовать.

Надо отдать должное: дружеская встреча удалась. Немцы, не попавшие, кстати, в Чили, отработали честно и чисто. Так что 3 мая (а, между прочим, 31-го числа предстоял дебютный поединок с югославами) сборная Союза проверила себя, как полагается.

По первому тайму к лучшим советским игрокам претензий быть не могло. А вот о втором рассказал в «Футболе» С. С. Сальников: «Действия всех игроков, исключая Яшина, стали натужными, комбинации — прямолинейными, лишенными эмоциональной выразительности. По существу у ворот гостей во второй половине не возникло ни одной голевой ситуации. В то время как немцы имели три верных момента (кроме забитого гола), только мастерство Яшина помешало им добиться успеха». И вдобавок: «У них как будто высвободилась дремавшая доселе скорость и энергия. Они создают острейшие положения у ворот Л. Яшина. Но Яшин с честью ликвидирует опасность».

Что-то неприятно пророческое звучит в этих строках, напечатанных 6 мая. За 25 дней до битвы с Югославией.

Тем более что меньше чем за две недели до того сражения (увидим еще: никакого преувеличения здесь нет — игрой случившееся 31 мая в полном смысле назвать нельзя) пошли первые потери.

В частности, в тренировочном, не вошедшем ни в какие реестры поединке с местным клубом «Саприсса» в Сан-Хосе, столице Коста-Рики, решили попробовать резервистов. А в итоге потеряли форварда Геннадия Гусарова, набравшего, кстати сказать, отличную форму, и, что особенно печально, вратаря Владимира Маслаченко.

И матч-то этот треклятый выигрывался (6:2 в итоге). И, быть может, Владимиру Никитовичу и не надо было бросаться лицом и руками вперед. Ну, и пропустили бы, всё одно контрольная встреча — впереди же долгожданный мировой форум. Поберечь себя стоит. Для сборной — хотя бы.

Так нет. Упомянутый разумный вариант и не рассматривался. Маслаченко такое на ум не могло прийти. Он же яшинский последователь (вспомним Ал. Старостина и А. Леонтьева) — а награжденный этим высоким званием обязан любым образом преградить путь мячу, идущему в ворота. И если придется с

открытыми глазами, зряче выброситься под занесенную ногу противника — значит, так тому и быть. И банальное «он не мог поступить иначе» — здесь не смотрится штампом. Хотя — для тех, кто понимает. Кому-то, быть может, и не объяснить.

Итак, Владимир получил страшный удар бутсой по лицу. Официальный диагноз — перелом челюсти. Еще он оглох на одно ухо. А уж о психологической травме и о том, как он возвращался к неблагодарной профессии, — стоило бы написать отдельно.

И, думается, тот бросок в ноги безвестному, бездумному костариканцу наглядно и жестко показал, насколько по сути близки Маслаченко и Яшин. Творчески и — кровно близки. Ведь сколько раз лупили и, как мы скоро убедимся, будут лупить Льва ногами — а на Владимира после той беды и посмотреть-то без успокоительного было нельзя. Это главное. А не то интервью Владимира Никитовича нулевых годов, где он пытался доказать право на собственное первенство в советской вратарской иерархии начала 60-х. И не вина его в том, а беда — что играл в одно с ним время никогда ни против кого не интриговавший Яшин. А место в воротах одно[15].

Что же касается интересующего нас первенства мира 1962 года, то остается подтвердить грустный и весьма тревожный факт: Советский Союз остался с двумя вратарями, причем Сергей Котрикадзе еще не сыграл (и, кстати, не сыграет) ни одного официального матча за сборную.

Между тем первые соперники, югославы, в настрое на игру с СССР не нуждались: два поражения в финалах Олимпиады-56 и Кубка Европы 1960 года недвусмысленно требовали реванша на чемпионате мира. (Да и их лидер Иосип Броз Тито прислал телеграмму с требованием «обыграть Советы».) Не исключено, что прекрасные мастера с Балкан, привычно выражаясь, «перегорели». Во всяком случае, ту групповую игру они никак не могут занести себе в актив. Не из-за результата. Просто разгоряченный соперник действовал откровенно грубо. В лицо от Ерковича получил Нетто, кулаком в глаз ударили Метревели — бровь рассекли герою парижского финала, выведя правого края из строя до конца соревнований. Кроме того, повредили голеностоп Понедельнику, которому, как и Иванову, пришлось оказывать помощь за пределами поля. Наконец, апогеем распущенности стал удар Муича по ноге Эдуарду Дубинскому, приведший к перелому берцовой кости[16].

Советские футболисты, стоит подчеркнуть, на провокации не поддались, а играли в футбол. Впрочем, и соперник не только хамил, часто демонстрируя привычно высокий класс. М. И. Мержанов в «Советском спорте» сообщал: «Матуш с

восемнадцати метров хорошо пробил по воротам. Но Яшин был начеку». Затем наш страж ворот берет опасный удар от защитника Юсуфи. Было до перерыва и несколько угловых, поданных югославами, «но мяч проходит или рядом со штангой, или положение спасают Валерий Воронин и Лев Яшин» («Футбол», 3 июня).

А после перерыва на 54-й минуте Понедельник со штрафного махнул от души в штангу, и расторопный Иванов головой безупречно добил. Далее шла игра со взаимными шансами, пока на 85-й минуте Виктор Понедельник, действительно отомстив за уже унесенного с поля Дубинского (доигрывали вдесятером), не провел второй, решающий гол. Вот как описывает его участник и очевидец Игорь Нетто: «В один из таких моментов, когда все они (югославы. — *В. Г.)* находились впереди, я получил длинную передачу мяча от Льва Яшина. Быстро прошел вперед с мячом.

Открыт Валентин Иванов. Не задумываясь, пасую ему. Тот, в свою очередь, правильно оценив обстановку, быстро отдает Понедельнику. Что будет делать Виктор? Пойдет вперед с мячом?

Так, видимо, думал югославский вратарь Шошкич: он явно не был готов к приему мяча. Психологически не был готов. И это мгновенно понял наш центр нападения. Он быстро ударил по воротам. Мощный, крученый удар!

Отлично, блестяще выполненная комбинация и замечательный удар в угол ворот!»

Восторг можно лишь разделить. Однако требуются уточнения. Одно — мелкое: пас капитан сборной отдал Понедельнику, затем прошло осмысленное взаимодействие с Валентином Козьмичом, и выстрел, пожалуй неотразимый, настиг кипера противника.

А вот вторая неточность попринципиальнее (автора мемуаров ни в коем случае нельзя винить: в тяжелейшем бою что-то увидеть да еще спустя годы припомнить почти невозможно). Причем кочует она из издания в издание.

Нюанс в том, что Яшин не выбрасывал мяч точно в ноги Нетто рукой. Выбил он его ногой, потом шла борьба в центре поля, потеря вышла, даже штрафной в наши ворота. После югославы что-то замешкались, мяч подхватил наш центральный полузащитник, сместился вправо — и далее всё по тексту. То есть: прямого участия в безусловно изумительной комбинации Лев Иванович не принял. Во многих иных, похожих, да, участвовал, в этой же непосредственно нет. Он, к слову, и в книгах о ней не упомянул.

Хотя его участие в победе пресерьезно. Ситуация ввиду потери Дубинского сложилась опаснейшая. «В эти трудные

минуты, — писал в том же номере еженедельника „Футбол“ М. И. Мержанов, — игроки обороны и Лев Яшин действовали особенно внимательно, собранно, дружно, и это позволяло форвардам, не боясь, идти в атаку». Так что условия-то для победного гола были созданы.

Тяжелейшая схватка с югославами закончилась победой. С потерями, правда. К тому же приходилось выступать через два дня на третий. Физически восстановиться трудно, психологически — тем более. В данном контексте интересно мнение В. В. Понедельника, выдавшего суперматч: «Просчет допустили и наши тренеры: после тяжелой игры с Югославией необходимо было дать отдохнуть Яшину, ведь в команде был еще один вратарь, Котрикадзе, и ему по силам было сыграть с колумбийцами». Цитата взята из книги «Штрафная площадка» 1977 года. Выходит, и через 15 лет нападающий, которому абсолютно не в чем себя упрекнуть, мучительно ищет, где была допущена ошибка. С его точкой зрения можно не соглашаться (никто Виктора Владимировича вроде и не поддержал), но он-то со всеми товарищами уже выстрадал матч с Колумбией. Мы же к нему только подступаем.

Нашего второго, по порядку, соперника в позднейших публикациях принято называть чуть ли не записным аутсайдером, заведомо слабейшей командой в группе. Между тем в весенних аналитических материалах «Советского спорта», где подробно рассказывалось об остальных пятнадцати участниках финального турнира, Колумбию штатным поставщиком очков никто не считал. Да, нет двух мировых чемпионств, как у уругвайцев, нет того опыта официальных встреч с нами, как у Югославии, — но всё равно ни о какой недооценке противника и речи быть не могло. Больше того, колумбийский нападающий Гамбоа был фактически назван главной звездой нашей четверки. А как еще выразиться, если темнокожего форварда в открытую сравнивали с Пеле? А уж масштаб будущего Короля футбола у нас, отдать справедливость, осознали сразу.

Так что Колумбия не смотрелась «мальчиком для битья». Скорее, опять же используя идиомы, «темной лошадкой».

Другое дело, что Югославия, в чем уже убедились, и явно усилившийся по сравнению с московским разгромом Уругвай виделись примерно одного с Советским Союзом класса. И чтобы попасть в двойку лучших, в четвертьфинал, неплохо было бы разжиться приличной разницей забитых и пропущенных мячей. Которая при победном, естественно, исходе и выводила наших в плей-офф. Побольше забить и, по возможности, не пропустить — об этом и попросил в мягкой, корректной форме подопечных

Г. Д. Качалин. Игроки вняли пожеланиям любимого тренера. И к 13-й минуте вели аж 3:0! Такой скорострельности футболисты сборной не демонстрировали на крупнейших турнирах ни до, ни после. А тут на 9-й и 13-й минутах отличился Иванов, на 11-й — Численко. Забивали — не скажешь, как на тренировке: гораздо проще. Будто бы шел спарринг с клубом полулюбительской лиги. Так что же, и вправду столь плохи южноамериканцы? В первые четверть часа — несомненно. Однако матч длится, кто забыл, 90 минут. И наши, понятно, помнили, сколько до финального свистка. Но согласитесь: 3:0 в дебюте при подавляющем превосходстве повлияют на любого спортсмена. Впрочем, ответный мяч от Асероса (Гамбоа, которого так боялись, вообще не выступал) вышел красивым: из пределов штрафной в верхний угол через всё правильно сделавшего Яшина. Хотя есть неофициальное мнение о судейской благосклонности: мол, арбитры не заметили у колумбийца офсайд. Бесповоротно по записи утверждать нельзя, но ощущение ошибки (всерьез считать, что судья желал избежать сопернику разгрома, очень трудно) остается.

Как бы то ни было, через 11 минут после перерыва бесподобный Понедельник восстановил разницу в счете.

А спустя еще 13 минут случилось несчастье. Именно так. Казалось бы, забили нам с углового — бывает, ничего страшного. Пока два мяча в запасе. Вышло же много страшнее.

Итак, на 69-й минуте колумбийцы подавали корнер. Сначала дадим слово И. А. Нетто: «Как полагается, мы разобрали игроков соперника в штрафной площадке. Я стоял в нескольких метрах от штанги, прикрывая возможный рывок к воротам своего подопечного Калле[17]. За мной у штанги расположился Гиви Чохели, а за ним в воротах Лев Яшин.

Мяч подан. Он идет низом, слегка закрученный. Я был совершенно уверен, что он, не дойдя до ворот, уйдет на свободный».

Яшин в «Записках вратаря» про высоту полета мяча не вспоминает — и правильно. В действительности удар вышел крученый (Нетто прав) и на полутораметровой где-то высоте. «Я пропустил мяч, — продолжает капитан сборной, — потому что, если бы и захотел отбить его, то мог сделать это, только послав мяч снова на корнер». Да, «увернулся», по выражению Яшина, а затем случился отскок от газона, не упомянутый в воспоминаниях. Теперь кульминация. Мяч летит на ногу стоящему у ближней штанги Чохели. Яшин: «Я крикнул: „Гиви, играй!“ Как оказалось после, Гиви показалось, что я кричу: „Гиви, играю!“ Так или иначе, Чохели повторил маневр Нетто, и мяч,

никого не задев, влетел в сетку». Игорь Нетто: «Самая досадная пенка, какую только можно себе представить».

В том-то и дело. Не на первенство двора приехали играть. Асерос-то «девятку» поразил, а тут… И добрый, воспитанный Лев Иванович стукнул верного, очень славного Гиви кулаком по спине — тот же схватился за голову в полном отчаянии. «Но что-то резкое сказал я в тот момент, — не забывает Яшин, — Нетто и Чохели ответили, в перебранку вмешался кто-то из форвардов: „Вот, мол, мы забиваем, а вы только пропускаете“. Мы отпарировали этот наскок. И вспыхнувший разлад не замедлил сказаться на игре».

А как же. Сначала переругались между собой оборонцы. Затем сплотились, чтобы дать отпор форвардам. Своим. Какая тут игра. А ведь Г. Д. Качалин на сборах так радовался, что команда «сдружилась». И вот рассыпалась, разрушилась обретенная крепкая дружба! Так, может, и не было ее вовсе?

Нет, была. И осталась. Просто очень много совместилось в момент злосчастного углового. Общий фактор: непередаваемое нервное напряжение, чувство ответственности плюс к тому — чарующий аромат близкой, рукой подать, победы. Затем губительные частности. Как подал Коль? Плохо, хорошо? Не то. Он подал *по-любительски.* Подумайте сами, у кого из профессионалов мяч ударится о траву при исполнении углового? А у данного товарища так и вышло, траектория пошла особая и, как назло, подлейшая для нас.

Что же до крика «Гиви, играй!», то рассказывает о нем впервые Мартын Мержанов на страницах «Футбола», а затем и Нетто с Яшиным в мемуарах. Сам факт этим замечанием вовсе не ставится под сомнение. Напротив. Бесспорно, Яшин желал Чохели помочь. Однако прав, похоже, А. Т. Вартанян: «Защитник, учитывая скорость полета мяча и небольшое расстояние от товарища, прореагировать, мне кажется, не успевал, как и на окрик вратаря». Опять совпало: Нетто, как профи, не хотел второго углового подряд, рассчитывая по-шахматному. Произошло же все «зевком в один ход», используя терминологию любимой Игорем Александровичем мудрой настольной игры. В самом деле, как *вратарь мог сыграть,* если защитник стоял на линии ворот в своем углу, а Яшин — в противоположном? Мяч-то противным колобком влетел между боковой стойкой и собственно Чохели.

Мы так долго размышляем над одним голом, потому что и в 1971 году, в зените славы (чему будет отведена специальная глава), Яшин без дополнительных вопросов, по собственному нелогичному для большинства желанию примется рассказывать

об этом годами надрывавшем душу матче.

То-то и оно. Болельщикам, в числе коих и журналисты, второй колумбийский гол, на их неострый взгляд, мог показаться курьезным. А у Льва Ивановича он всю жизнь был перед глазами. И не выключишь ведь изображение…

Ну а вроде как, по всем прогнозам, отстающие в квартете колумбийцы добились в Арике 3 июня почетнейшей ничьей. Разброд и шатание в советских рядах всякий бы почувствовал, а те техничные и заводные ребята толк в футболе знали. У наших же проваливались все. Рада третий гол провел метров с девяти в упор, по центру и без малейшего сопротивления обороны. Возьми Яшин — герой, пропустил — никаких претензий быть не должно. С четвертым мячом Клингера чуть посложнее. Бесспорно, полевые игроки вновь отработали отвратительно. Темнокожий форвард оказался один на один в штрафной и явно впереди защитников в красных майках. Вратарь рискнул, выбросился на нападающего, почти преуспел. Не вышло. Как ни крути, а доли секунды, пока Клингер, не без труда проскочив Яшина, доцарапывал мяч у ворот, давали шанс обороне ему помешать. Чуть не успели. 4:4.

Под конец советский голкипер спас команду от поражения.

Когда всё это закончилось, его самого нужно было спасать. Могучий мужчина, признанный маэстро футбола, сидел и смотрел в белесые дали Тихого океана. Иногда говорил. Редко. Игорь Нетто рассказал о состоянии сборной и ее вратаря буквально через два года, в 64-м: «Как же мы отнеслись к этой непонятной и досадной ничьей? Мы были огорчены и в первые часы подавлены. Были споры и взаимные упреки. Тогда казалось несомненным, что ошибки отдельных игроков привели нас к неожиданному результату. Нападающие, забив четыре гола, считали, что поработали, как надо, и склонны были во всем, что случилось, винить защиту, не сумевшую удержать счет».

Кошмар какой-то. Не говоря уже о том, что с ожившими колумбийцами обязаны были начинать действовать игроки передней линии, — речь же идет о национальной команде на чемпионате мира, когда победа и поражение — одни на всех. Да что объяснять — раньше то была, кажется, аксиома. Теперь же наступило время обвинений и оправданий.

«Защите, — продолжает невеселый рассказ капитан сборной, — ответить было нечего. Факт остается фактом. Нервничал Яшин. Первоклассный мастер, столько за свою жизнь выручавший команды, он тяжело переживал эти четыре гола. Требовательный к себе, беспощадный, он, я знаю, мысленно по многу раз пересматривал свои действия в этом драматическом матче, стараясь определить причины своих ошибок. Внешне Лев

был, как всегда, спокоен. Однако, глядя на него, на то, как он сидит, глубоко задумавшись, ничего вокруг не замечая, можно было легко понять — человек „не в своей тарелке“. Мужественный и волевой, не знающий в игре, что такое нерешительность, он, конечно, первым судил себя без всякого снисхождения.

— Нет, Игорь, я мог бы сыграть совсем не так в тот момент, когда выходил этот правый крайний».

Судя по описанию, он вспоминал проход Клингера. И остальное тоже.

Играть в таком состоянии было невероятно трудно. А третья встреча в группе получалась решающей. По информации А. Т. Вартаняна, Качалин собирался поставить с Уругваем Сергея Котрикадзе. Приводятся слова грузинского вратаря из интервью 1984 года: «После матча с Колумбией Качалин сказал, чтобы я готовился к следующей игре с Уругваем. Но уже непосредственно перед игрой руководство команды, связавшись с Москвой, настояло на том, чтобы место в воротах занял Яшин. Качалин отвел меня в сторону и, как бы извиняясь, сказал: „Прости, Сережа, не только я определяю состав на игру“».

Мнение В. В. Понедельника на этот счет, причем в более радикальном варианте, уже приводилось. И. А. Нетто возвращается к кандидатуре Сергея Парменовича автоматически, после рассказа о четвертьфинале с Чили, в известной мере подытоживая впечатления от мундиаля-62: «Все встречи в Арике просидел на трибуне наш молодой вратарь Сергей Котрикадзе. Может быть, ему нельзя было доверить защиту ворот в таких трудных и напряженных встречах? Это отпадает. Сергей — действительно первоклассный вратарь с мгновенной реакцией и уже немалым опытом. Тренеры могли и должны были поставить его на игру, сменив Яшина».

Эти свидетельства приводятся не в качестве иллюстрации к истине в последней инстанции. На самом деле каждая игра была очень важна. И риск поставить неопытного, если брать международные поединки, спортсмена был весьма серьезный.

Тем более что с Уругваем Яшин отыграл хорошо. Помарка на 13-й минуте, когда мяч после выноса Яшина вдруг очутился у Кубильи, к голу не привела. А вот пятиминуткой раньше голкипер по-настоящему выручил: «Уругвайцы пошли в контратаку. На 8-й минуте Кортес передал мяч в центр поля. Кабрера перехватил его и метров с пяти сильно ударил по воротам нашей сборной. И здесь свое веское слово сказал Л. Яшин, блестяще парировавший удар» («Футбол», 10 июня). А на 38-й минуте специалист по уругвайцам Алексей Мамыкин (он

им в Москве трижды забил) из-под защитника ударил и попал.

Противнику нужна была только победа. И вообще они приехали в Чили с реальными планами отомстить Советам за два обидных поражения. Вот и приступили. К мщению. Особенно отличились нападающий Сасиа и капитан, защитник Троче. Последний, пока судья не видел, ударил по лицу Воронина, в солнечное сплетение попал Хусаинову, досталось от его кулака и Понедельнику. Виктора помог колошматить и Сасиа, чуть было не порвавший нападающему ахилл. Причем последнее нарушение арбитр видел. Ноль внимания.

«Пожалуй, ни до, ни после мне не приходилось участвовать в столь жестком матче», — вспоминал Яшин. Вскоре ему пришлось испытать жесткость уругвайцев на себе. За очередное нарушение правил на нашем вратаре судья назначил штрафной. Разыграли его с Масленкиным, и вдруг к почти вновь зафиксированному мячу рванулся, как ошпаренный, нападающий Кортес. Не с целью отнять и забить, нет — всё гаже: ударить и спровоцировать.

Далее сведения разнятся: уругваец точно сделал движение ногой, а ударил или нет — до конца не ясно. Судья смотрел, по обыкновению, не туда. А когда повернулся, увидел, как Лев Иванович отмахивается от нахала. Опять же — не исключено, что задел. Не убил — это точно. Арбитр увидел лишь завершающую часть эпизода и назначил штрафной удар. Из пределов советской штрафной площадки. Дальше слово И. А. Нетто: «Штрафной бьет Кабрера. Бьет дважды, потому что судье показалось, что стенка стала слишком близко к мячу. После второго удара мяч от стенки отскакивает к Сасиа. Тот быстро бьет в ближний угол. Попадает в кого-то из защитников. Мяч меняет направление. Гол!»

Некоторые аналитики обвинили Яшина: ведь знал же, оплот обороны, что «надо давать как можно меньше поводов для штрафа» (А. П. Старостин), а вот не сдержался.

Несомненно, нехорошо получилось. Жаль. Только почему в хоккее с шайбой, в частности, голкипера полевые игроки в обиду не дают, а в футболе да на мировом чемпионате как-то не так? И драться-то не надо. А загородить собою первого номера стоило бы.

Хотя наши за тот не очень честный мяч отплатили игрой. На 89-й минуте вновь удар Понедельника — и Иванов снова тут как тут. Всё-таки молодцы они, нападающие.

А в четвертьфинале вышли опять, как и четыре года назад, на хозяев. Чилийцы представляли собой, уместно напомнить, приличную команду. Потом, в полуфинале, они достойно держались против бразильцев, попадали в штангу, забили, наконец, два гола: один — превосходным «шутом» в «девятку»,

другой — с заработанного пенальти. Да, закономерно уступили 2:4 (что делать, когда Гарринча разбушевался), однако то, что чилийцы явно превосходили Колумбию и вполне «в одной лиге» находились с югославами и уругвайцами, — не вызывает сомнений.

К тому же свои болельщики, особый настрой. В. В. Понедельник чувствовал ситуацию и через полтора десятилетия: «Стоит невообразимый шум. Взрываются петарды, вверх летят цепочки ракет. Ничего не слышно. Арбитру приходится останавливать игру не свистком, а жестами рук». А Л. И. Яшин, по понятным причинам, не мог выбросить из памяти, как на 9-й минуте Онорино Ланда «прорвался с мячом во вратарскую площадку. Пришлось кинуться ему в ноги, поймав мяч, я получил такой страшный удар ногой в голову, что минуты полторы пролежал без сознания» («Счастье трудных побед»). Замены, если бы и решились, всё равно запрещены. Поднялся. А тут и роковая 11-я минута. Воронин на правом фланге обороны проиграл единоборство Санчесу и нарушил правила. Причем, как справедливо подметил А. Т. Вартанян, в штрафной площадке. Пенальти надо назначать. Голландец Хорн не стал. В принципе, так и сегодня бывает: не желает рефери с ходу кому-то давать осязаемое превосходство, но, коли бы указал тогда нидерландец «на точку», — был бы прав.

Ну и с линии штрафной, пускай и под углом к воротам, можно врезать образцово. Расстояние — максимум 18 метров. То, что надо. Хотя то сейчас. Обстоятельства 1962 года досконально разъясняет И. А. Нетто: «Как водится, наши игроки устроили стенку. Но место, откуда должен был быть произведен удар, исключало, казалось, всякое вероятие непосредственного взятия ворот. Во-первых, мяч был далек от ворот, во-вторых, угол, при котором производился удар, был слишком острым.

Так рассчитал и Лев Яшин. И, пожалуй, ни у кого из нас не было сомнений в том, что сейчас со штрафного последует передача в центр. Мы разобрали игроков, готовясь ликвидировать нажим».

В том и соль. Мы, как ни удивительно, старше великих мастеров на полвека. Крученые удары в обвод стенки или через нее в то время, несомненно, применялись (о чем Игорь Александрович ниже и говорит), не войдя тем не менее в арсенал большинства и не став, по сути, нормой. Яшин также ничего необычного не ожидал: «Я посмотрел — казалось, всё вроде бы в порядке: стенка закрывает одну сторону ворот, я — другую».

Здесь необходимы уточнения. Запись не дает 100-процентного ответа на вопрос, где именно находился голкипер

сборной СССР перед ударом. В. Н. Маслаченко считал (и с ним в конкретном случае солидарен А. М. Соскин), что как раз у дальней штанги. Сложное высказывание А. П. Старостина из книги «Флагман футбола»: «Яшин находился в оптимальной точке противостояния, и никакой вины, что мяч влетел в ворота, на нем не лежит» — поддерживает указанную точку зрения. Однако после гола Яшин *стоит* совсем рядом с пропущенным мячом. Успел сделать шаг-два? Броска точно не было. А. Т. Вартанян непреклонен: «Мяч угодил под перекладину в ближний (а не в дальний, как утверждал вратарь) угол от не успевшего отреагировать Яшина».

Я бы занял «центральную» позицию: к дальней стойке вратарь, безусловно, не прижимался — как и к противоположной. Хотя к ней, видимо, оказался ближе.

Теперь об ударе. Впечатления участников похожи. Различия тоже есть и составляют определенную тонкость. Л. И. Яшин: «Свисток… Удар… Всё происходит почти одновременно, одно от другого отделяют считаные мгновения. Считаные, но всё-таки отделяют. И достаточно было кому-то стоявшему крайним в нашей стенке броситься навстречу удару, как чилийский нападающий успел заметить эту возникшую на неуловимый миг щель и тут же отправил в нее мяч, который и влетел в дальний от меня верхний угол наших ворот». И. А. Нетто: «И случилось, повторяю, малопонятное. Мяч, какой-то дугой пролетев над головами футболистов, стоящих в стенке, влетел в правый угол наших ворот, колыхнув сетку».

Так высовывался некто из дружной шеренги или нет? Тут с большой долей ответственности стоит заявить: если бы и хотел — не успел бы. Исполнение у Леонеля Санчеса получилось дивное. С левой, обратной стороной стопы через выстроившихся игроков противника — очень красиво.

Для чилийцев. Судя же по расстроенным жестам Яшина после гола, он апеллировал к своим игрокам. И правильно, кстати, делал. При условии, если бы мы перенеслись из 1962 года лет на двадцать пять вперед: стенку к тому времени научили подпрыгивать. Тогда — еще нет. И удачу соперника Яшин признавал. С важной, впрочем, оговоркой: «Слов нет, Санчес продемонстрировал высокое искусство, но готов держать любое пари: повтори он этот удар сто раз, в девяноста девяти случаях мяч пролетел бы мимо цели».

10 июня на стадионе в Арике действие едва, по идее, началось. Через 15 минут, реализовав некоторый территориальный перевес, советские футболисты после трудной, многоходовой комбинации счет сравняли. Преуспел Игорь

Численко.

И тут же, в общем, пропустили второй, позднее выяснится, завершающий мяч на чилийском первенстве мира, мяч, столь властно взявший на излом людские судьбы в скором будущем.

12 июня «Советский спорт» писал: «Иванов владел мячом в середине поля, но, пока он раздумывал, кому его передать, его „опекун“ Рохас „украл“ у него мяч прямо из-под ног. Что удивительно, ему никто не помешал. Он прошел вперед и метров с 35 сильно ударил по воротам. Яшин запоздал с броском».

Надо сказать, что по странной системе информационного обеспечения три журналиста, аккредитованные в Чили: Мартын Мержанов («Советский спорт», «Футбол»), Николай Киселев («Комсомольская правда») и Алан Стародуб (заведующий спортивной редакцией ТАСС), помимо авторских отдельных статей, отправляли совместные коллективные корреспонденции, так называемые «тассовки».

И в этой вот «тассовке» о четвертьфинале после слов «запоздал с броском» прозвучало (и по радио на всю страну в том числе): «Пропускать такие мячи для него непростительно». С последним суждением сообщение звучит совсем по-другому, согласитесь. Характерно, что 19 июня в «Футболе» М. И. Мержанов, повторив почти полностью «тассовку», про непростительность ничего не пишет. Потому, наверное, В. Ф. Асаулов, проведя специальное расследование в книге «Лев Яшин. Русский гений», доказывает, что уничтожающая «приписка» принадлежит вообще не журналистам, а тем чиновникам, которые просматривали переданное из Чили.

Так что вопрос этот (в смысле — «кто виноват») по-своему любопытен, но Яшина эта кухня заинтересовала в последнюю очередь. Как, надеюсь, и нас с вами.

Пока же обратимся к впечатлениям от просмотра видеозаписи и воспоминаниям участников. Вновь дадим слово Игорю Нетто: «Произошло это так. Валентин Иванов, получив мяч, остановился на какое-то мгновение. Он хотел взглянуть на поле, оценив обстановку, дать пас в направлении, наиболее выгодном для развития очередной нашей атаки. Одно мгновение остановки! А чего нам это стоило!

Иванов остановился, и в этот момент левый крайний чилийцев быстро, как у нас говорят, „украл“ мяч у нашего форварда. Отобрал мяч из-под ног и двинулся вперед.

Сама по себе ситуация не такая уж тревожная. Метров тридцать пять еще до наших ворот. Конечно, нападающий попытается выбрать момент для паса, передать мяч тому, кто сумеет освободиться от опеки, оказаться в наиболее выгодном

положении.

Подключается в помощь партнеру полузащитник Рохас. Сильный, точно пробитый издали мяч врезается в сетку ворот. Яшин, закрытый игроками, не успевает заметить начало удара и запаздывает с броском». Тут уж обязательно объяснение Валентина Иванова: «Я неудачно пытался обвести чилийского полузащитника, и он отобрал у меня мяч. Мне бы побежать за ним, постараться исправить ошибку. В другом случае я бы это и сделал, а тут — до наших ворот еще метров сорок, и на пути чилийца еще так много наших защитников. И я остался на месте. А он прошел немного вперед и пробил. Пробил издалека, метров, наверное, с тридцати пяти.

Пробил хорошо — сильно и метко. Но всё равно катастрофа бы не произошла, если бы Яшин ожидал этого удара. Но Яшин, как и все мы, его не ожидал.

Все мы — кто больше, кто меньше — виноваты в чилийской неудаче».

Два момента интересны. Один: расстояние, с которого бил Рохас. Нетто чуть осторожнее: «издали». А 35 метров, заметьте, — это до подключения автора гола. Иванов же повторяет фактически «тассовку» в этом месте. Второй вопрос: кто «обокрал», тот и забил? Или еще партнер присутствовал?

Однако очередь высказаться Льву Ивановичу: «Чилийский полузащитник Рохас подхватил мяч на своей половине поля и повел его вперед. Вот он прошел центральный круг и неторопливо приближается к воротам. Идет себе и идет, и никто ему не мешает. Остальные чилийцы прикрыты, мяч отдать некому, наши не беспокоятся. Я сразу почуял недоброе и крикнул Масленкину: „Толя, иди на него!“ А Толя, хоть и не выпускает Рохаса из поля зрения, вместо того чтобы атаковать, отступает и отступает. Когда чилиец беспрепятственно добрался почти до штрафной, он вдруг пробил без подготовки метров с двадцати пяти. Не ожидали этого удара ни я, ни другие. Другие-то ладно, а я обязан был ждать. Поздно спохватился, прыгнул за мячом, но достать его уже не смог, и мяч, летевший на метровой высоте, проскользнул в ворота рядом со штангой».

Итак, расстояние не 35, а 25 метров. Это соответствует действительности. И это — принципиально. Н. Н. Озеров, комментировавший турнир, но ничего не писавший в 62-м, смог высказаться лишь в книге 1976 года «Репортаж о репортаже», где справедливо заметил, что «эти метры устанавливают на глазок комментаторы, журналисты. И никто из них на поле с рулеткой не выходил».

Яшину те «десять метров сюда, десять метров туда» чуть было

не стоили карьеры. Или большего.

А наш сеанс воспоминаний не завершен. В советской прессе приведены (пусть А. Т. Вартанян и сомневается в их подлинности) слова автора гола, нападающего Эладио Рохаса: «Я отобрал мяч у Иванова, который мне не сопротивлялся, и вышел к центру поля. Меня никто не преследовал, я пересек середину и направился прямо к воротам Яшина. Все мои партнеры двинулись вперед на возможный прием мяча. Но они оказались плотно прикрыты своими персональными сторожами, которые быстро откатывались к своим воротам. Передо мной образовался вакуум. Что мне оставалось делать? Передерживать мяч было опасно, так как я заметил, что Масленкин сделал начальное движение, чтобы перекрыть мне путь. Я успел выбрать удобную позицию и послать мяч в угол ворот».

Гладко на первый взгляд звучит. Только начинает Эладио с неправды — а как затем верить человеку? Или тому, что именно он говорит?

Да, пора заявить: ни у кого Рохас мяч не отбирал. Совершил это Леонель Санчес. Он и прошел с непонятной легкостью центральный круг, еще дальше, потом отдал пас партнеру. Наш обидчик в действительности сделал всего два шага, а не двигался с мячом 15 метров. Этого не обязан был видеть Яшин, не углядел Иванов, однако сам-то триумфатор выступил практически сразу после первенства и не мог забыть, сколько он прошел-пробежал! А вот ударил Эладио и впрямь классно. И, конечно, с 25 (если не ближе получилось) метров.

Но основное, ради чего и затеяно обширное цитирование, — впереди.

А именно: до какой степени виноват Яшин? Дабы, призадумавшись, ответить… обратимся к еще одному свидетельству. Виктор Понедельник: «А ведь у него (Яшина. — *В. Г.)* в прошлом матче было сотрясение мозга после грубого нападения уругвайского форварда. Выдержит или нет? Яшин-то выдержал, а вот из-за ошибок защитников чилиец Рохас сумел забить второй мяч. 2:1».

Сотрясение случилось как раз в начале встречи с Чили, суть не в этом. А в том, что *Виктор Владимирович вины Яшина во втором голе вообще не видит.* И с точкой зрения футбольного человека возможно не соглашаться — но не считаться нельзя. Действительно, еще Нетто в 1964-м (в издании 1974 года то место опущено) размышлял на тему: «…если бы Иванов побежал вслед». Валентин Козьмич в ответ, как мы убедились, вполне справедливо сказал о количестве игроков в советской форме, что стояли за центральным кругом и обязаны были предотвратить

одиночный выпад дерзкого левого крайнего. И где это немалое количество? Почему пятится Масленкин? И с какой стати Леонель (забивший блистательно первый гол!) обрел столько свободы и независимости? Да и Рохас заполучил мяч в комфортных условиях. С чего бы и не пробить? Возразят: никто от них не ожидал такой прыти. Так ведь чилийцы больше половины тайма СССР не уступали, успешно доказав, что мы получили толкового, обученного оппонента по четвертьфиналу (их тренер Фернандо Риера через год возглавит сборную мира и пригласит туда, между прочим, от Советского Союза Яшина — и более никого).

Понадеялись друг на друга. Бывает это в нашем отечестве.

То есть налицо типичная системная ошибка. Не первая, к сожалению, у сборной Г. Д. Качалина на этом чемпионате.

Да только к чему все эти рассуждения вратарю Льву Яшину. «Другие-то ладно, а я обязан был…» Никакие, даже самые мерзкие хулители и гонители, не мучили его так, как он себя сам. И оттого, что человек он гигантский, масштабный, — и боль была невыносимой и непроходимой.

Врагам его и ненавистникам до такой страсти не подняться никогда.

Тем не менее их усилиями чуть не для поколений создавался образ постаревшего неудачника, погубившего всё в одиночку на нормальном вполне для представителей наиболее прогрессивной футбольной школы турнире. Ехали-то, что скрывать, за медалями. А фиаско в Арике заслонило громадой туч всё яркое и лучшее. И никто не видел — и не имел возможности — феноменальное, сугубо авторское спасение Яшина с теми же удачливыми хозяевами. В самом конце, когда сборная СССР оставшейся мощью насела на противные ворота, того приметного Ланда, что ударил Льва в дебюте ногой по голове, вывели один на один. И нападающий имел время на раздумье. И ударил «по уму», в левый от себя угол низом. А «неудачник» сложился и отбил. Не исключено, то было самое эффектное вратарское действие Льва Ивановича на мировом первенстве.

Вообще ничего не видевшие соотечественники полезли «расплачиваться» с олимпийским чемпионом, обладателем Кубка Европы, четырехкратным золотым призером первенств Советского Союза непосредственно по приезде. «Первые признаки, — писал уже во времена гласности легендарный журналист А. Р. Галинский, — реакции болельщиков на это сообщение („тассовку“) обозначились уже в аэропорту, когда команда возвратилась домой. Группа хулиганов порывалась чуть ли не расправиться с Яшиным».

Обошлось. Зато на стадионах означенные граждане погудели

вдосталь. Яшин появился на поле в чемпионате страны 22 июля. С одной стороны, ему буквально необходимо было отдохнуть от травм физических (к сотрясению мозга В. В. Понедельник, например, прибавляет удар, полученный в схватке с Уругваем) и, разумеется, психологических. С другой — после финальной трели в Арике миновало почти полтора месяца. За этот период бело-голубые проводили серьезные матчи на первенство СССР и в Кубке страны, из которого проигравший, напомним, выбывает. А играл Владимир Беляев. И все в Москве.

Что означает лишь одно: тот период в июне — июле вместил в себя фактический уход заслуженного мастера спорта, признанного во всем мире вратаря Льва Ивановича Яшина из большого спорта и удивительное его возвращение в строй.

Решился закончить он не после очередной игры в Москве (их летом попросту не было), но в результате соответствующего отношения земляков вне футбольного поля. О том печальном периоде Валентина Тимофеевна говорит коротко: «Журналисты раздули». И оказывается, как всегда, права. Конечно, раздули. Работа такая: заострять, укрупнять, задевать, привлекать внимание. Даже если Евгений Рубин при литературной записи «Записок вратаря» и преувеличил что-либо (хотя есть воспоминания уже упоминавшегося Эдуарда Мудрика, которые сказанное в книге 1976 года подтверждают весьма точно), — и малой доли прочитанного достаточно, чтобы ощутить жгучий стыд. Стыд из сегодняшнего дня, который заставляет краснеть всякого вменяемого человека. «Дома я находил обидные, издевательские письма, на стеклах машины — злобные, оскорбительные надписи. Несколько раз кто-то из самых агрессивных „любителей“ футбола разбивал окна в моей квартире, до смерти пугая домашних», — переживает он и 13 лет спустя. Ведь пугать было кого. 20 января родилась вторая дочь Елена, обожаемая Аленка. И старшей, Ирочке, всего пять. А он, один в семье мужчина, не в силах что-либо предпринять. Так как храбро бивший и гадивший тут же исчез в темноте переулков.

Кроме того, не забудем и про «сердечную» встречу в аэропорту: «Когда мы приземлились, я узнал, что чемпионат мира проиграл Яшин». Те скупые слова из воспоминаний недвусмысленно подтверждают радикальные намерения хулиганов в аэропорту. И зачем, спрашивается, и для кого тогда выступать? «Переносить всё оказалось выше моих сил, и однажды, не выдержав, я сказал старшему тренеру „Динамо“ Александру Семеновичу Пономареву:

— Больше играть не буду!

А он, человек сам всё в футболе перевидавший и

переживший, меня и не удерживал:

— Поезжай, Лева, отдохни, а там видно будет…»

И Яшин уехал в деревню недалеко от Москвы. Мобильной связи тогда не было, и он гулял, собирал грибы, рыбу, разумеется, удил. Думал. В кои-то веки он остался один. Постоянно же был кому-то нужен, необходим. Без него — никуда, никак. А сейчас? Вратарь оказался на распутье.

Безусловно, разом закончив карьеру, он не очутился бы, что называется, на улице: динамовское ведомство, отдать ему справедливость, своих не бросало. Однако хотелось бы, естественно, остаться в футболе. Тренировать.

Так не возьмут. И молод для наставника-то, и пост покинул, перенервничав. А тренер, как известно, всегда на пороховой бочке сидит. К тому же — и здесь, похоже, главное: «Но чем дальше отодвигало время меня от футбола, тем чаще я тосковал по мячу. И вот стали мне немилы ни лес, ни речка, ни вся с детства любимая подмосковная природа. Виделись мне во сне и наяву футбольное поле и летающий над ним мяч, и я на своем месте чуть впереди ворот — в черном свитере, в старой моей кепочке, побывавшей на всех материках. И слышались мне гулкие удары бутс по мячу и судейские свистки. И ощущался запах пахнущей городской пылью, помятой шипами травы… Видел, слышал, чувствовал и начинал сознавать: нет мне без этого жизни».

Приехал, словом, из деревни и сразу помчался к Пономареву: «Хочу играть!»

Впрочем, пора уже, наверное, напомнить современному читателю, кем остался в отечественном футболе Александр Семенович Пономарев.

Великий, без преувеличения, форвард, державший до появления Олега Блохина абсолютный рекорд результативности в советском футболе — 152 мяча, он оказался мудрым и прозорливым наставником. Льва Ивановича для грядущих высоких достижений он помог сохранить и не прогадал. Следующий сезон, 1963 года, с отдохнувшим Яшиным в воротах бело-голубые проведут на загляденье и станут чемпионами.

Покуда же необходимо понять драматургию лета — осени в 1962-м. К столичной публике его пока не подпускали.

Возвращение Льва случилось на выезде, в Ташкенте. Ничья — 2:2. Об узбекских голах рассказывает заместитель республиканской федерации В. Сизов: «Хозяева били два штрафных, и оба раза Красницкий находил щель в стенке динамовцев. Затем мяч отскакивал от рук Яшина, а подоспевшие пахтакоровцы добивали его в сетку. Сделали это Беляков и Абдураимов».

Конечно, акценты в этом кратком отрывке вольно поставить как угодно (действительно, режет слух глагол «отскакивал» — не от забора же), но стоит повнимательнее посмотреть на «стенку» и так называемые «щели» в ней. Известно, что Геннадий Красницкий обладал одним из самых мощных ударов в истории советского футбола. Посему те, кто «по долгу службы» обязан был встать на пути полета пущенного им мяча, инстинктивно начинали жаться, мяться, отворачиваться и, простите, иногда разбегаться в стороны. Футбол футболом, а жизнь, знаете ли, одна.

Яшин же, пусть мы и следуем за, в какой-то мере, пристрастным отчетом, из-под выстрела не ушел. И ничего от него не отлетало. Отбил он мяч. А кто там из мужественных полевых игроков изловчился не помешать ташкентским нападающим — останется невыясненным.

После «Пахтакора» снова следует месячный перерыв в выступлениях. В Москве ворота защищает всё тот же Владимир Беляев. Лишь 22 августа на выезде против ленинградских одноклубников занял законное место Лев Иванович. «На 5-й минуте, — сообщал „Советский спорт“, — Аксенов пробил низом из-за штрафной площади. Яшин парировал мяч ногой, и отскоком едва не воспользовался Карасев». Не забили и не воспользовались. Москва победила 2:0.

24 августа в «Советском спорте» опубликована большая аналитическая статья «Почему проиграли наши футболисты» со странной, по совести, подписью: Федерация футбола СССР. Сами понимаете, если колдует над материалом целый «отдел футбола», — такое вероятно представить. А вот как огромная организация, по численности равная иной европейской столице, сочиняла новый программный документ, — это что-то из области фантастики. Тем не менее уникальное коллективное творчество заслуживает объективно высокой оценки.

Тон — сдержанный. Анализ выступления сборной вполне профессионален. Никаких переходов на личности, никаких выпадов на предмет «непростительности» и т. п. Сказано же достаточно определенно: «Советский футбол располагал на этот раз более сильной командой, чем в 1958 году. Она могла выступить удачнее, если бы в ходе подготовки и участия в турнире не были допущены просчеты и ошибки, корни которых уходят в состояние работы футбольных команд мастеров». Затем говорится про отсутствие стремления нападающих к индивидуальным действиям (что верно отчасти), тактическое однообразие. А вот и особо нужное нам сейчас: «При комплектовании команды на матч с чилийцами не была учтена

нервная перегрузка Яшина и Воронина». И вывод: «В самый важный момент соревнования руководители команды не проявили достаточной решительности и смелости, чтобы ввести свежие силы. А они были, и обстановка требовала введения».

Тему Валерия Воронина оставим будущим исследователям. Яшин сейчас, что понятно, интересует больше. Ведь ясно: речь идет о введении «свежего» Котрикадзе. А трудность в бою всегда в том, *когда* ввести резервы. С Колумбией? С Уругваем? С Чили? Может, и вообще вводить не следовало и корни неудачи состоят в командных просчетах?

Неподъемные вопросы. Г. Д. Качалин, человек исключительной порядочности, после чемпионата ушел в отставку, посчитав, что на данном этапе ничего нового не даст сборной.

Но до этого на пресс-конференции он ответил на все острые и неприятные вопросы. О матче с Колумбией (берется остаток игры после трагичного для СССР второго гола): «Колумбийцы же, поддерживаемые зрителями, как бы обрели крылья. Используя высокую технику, они сумели сравнять счет. И только бросок Яшина спас команду от пятого гола». Всё верно, однако кто о том помнил 1 июля, когда «Футбол» явил миру этот незаурядный материал?! Тренер же знал, естественно, о сформированном в государстве отношении к вратарю. И, вопреки всему, «бросился» его защищать. Ибо спросили и о выступлении «главного виновника поражения». Русский интеллигент отвечал с присущей ему невозмутимой обстоятельностью: «Яшин приступил к тренировкам вместе со своей командой в январе. В марте он получил травму — растяжение мышц бедра. В связи с этим он не мог тренироваться в течение трех недель. После этого его подготовка носила форсированный характер. Уже в апрельской встрече со сборной Люксембурга Яшина выставили на игру. Несомненно, это обстоятельство повлияло на устойчивость его спортивной формы. В отдельных играх Яшин действовал не совсем уверенно».

Кстати, и 6 июля в найденном А. Т. Вартаняном протоколе совещания старших тренеров и начальников команд класса «А» руководитель советской делегации в Чили Евгений Иванович Валуев выступил очень достойно: «Не надо всё валить на Яшина. Ошибки были не только у него. Сейчас распространяют мерзкие стишки, их распространяют злобствующие, злорадствующие люди. Гордость нашего футбола превращают… Я даже не хочу произносить эти слова. Так нельзя…»

Еще бы. Странно как-то: и нормальные люди на самом что ни на есть верху правильно говорят, а выходит ненормально. Очень

плохо выходит.

Яшин по-прежнему гастролирует за пределами Москвы и ее области. Вот, в частности, в Тбилиси 2 сентября сыграли 1:1. Через два дня в «Советском спорте» заслуженный мастер спорта Шота Шавгулидзе описывает гол в столичные ворота: «Калоев, получив мяч от Баркая, головой отбросил мяч ему же на удар. Набравший скорость Варкая, не дав приземлиться мячу, послал его в угол ворот. И Яшин ничего не мог сделать. Мяч, как пушечное ядро, влетел в сетку».

Опять же ничего уничижительного в адрес голкипера. «Пушечное ядро», отменная, своеобычная игра в касание. Скорее уж знаменитый грузинский защитник 30-х годов выделяет игру земляков.

Выходит, немало умных профессионалов вполне адекватно оценивали ситуацию с вратарем сборной. Тогда откуда же взялись в таком количестве иные?

Еще раз подчеркнем: на выезде ворота до сентября защищал Яшин, пусть и не в каждой встрече, дома — вплоть до 8-го числа — Владимир Беляев. Неспроста, конечно. И мы не можем сказать ничего дурного про ташкентских, ленинградских, тбилисских болельщиков. А вот о московских — увы…

«На первом же московском матче (с „Крыльями Советов“. — *В. Г.),* едва диктор объявил составы играющих команд, назвал мое имя, трибуны взорвались оглушительным свистом. Он повторился, когда я вышел на поле, и повторялся каждый раз, стоило мячу попасть мне в руки. Уже ничто не могло удовлетворить трибуны, мстившие главному виновнику поражения сборной. Они свистели неустанно до конца игры. Я слышал надсадные выкрики: „С поля!“, „На пенсию!“, „Яшин, иди внуков нянчить…“», — как нетрудно заметить, горечь и через годы осязаема им в живой первозданности.

«У нас были болельщики — я сам видел на трибунах таких далеких от спорта молодцов, — которые освистывали его появление на поле после чемпионата в Чили», — свидетельствует Л. Б. Горянов.

А 8 сентября отыграли 1:1. Куйбышевцы забили красиво, ничего не попишешь: «Б. Казаков удачно выбрал место и, освободившись от опеки москвичей, сильно пробил. Мяч, попав в крестовину ворот, отскочил в сетку» («Советский спорт»). Вообще Яшин в это тяжелое время, несмотря на непристойные выкрики далеких от спорта «молодцов», если и пропускает, то нечто выдающееся. «Иванов мастерски имитирует передачу и несильным ударом под крестовину забивает ответный мяч», — будто подтверждает сказанное в спортивной газете известный

журналист Александр Вит в отчете о поединке с автозаводцами 13 сентября. А больше все-таки, понятное дело, спасений. «Через минуту Яшин парировал эффектный удар Севидова», — писал о дерби со «Спартаком» 19 сентября Геннадий Радчук. 4 октября в Ленинграде против «Зенита» «Яшин с трудом ликвидирует быстрый прорыв Васильева» и вносит таким образом весомый вклад в победу 2:1. В Донецке же 20 октября следует полноценный сейв: «В один из острых моментов у ворот гостей Савельев точно посылает мяч в „девятку“, но Яшин парирует его на угловой».

На домашней встрече с ростовчанами остановимся особо. И не собственно игра привлекает внимание, а то, что и, главное, как написал о ней 25 октября в том же «Советском спорте» Л. Костанян: «Во втором (тайме. — *В. Г.)* зрителям пришлось всего раз убедиться, что в воротах стоит Яшин. На прострельную передачу, адресованную Левченко, Яшин за пределы штрафной площади, головой перебросил мяч через форварда. А затем ногой послал его вперед». Ничего вроде особенного, простой пересказ, а как же необходимы были ему в тот момент обычные человеческие слова! Наверное, это понимал А. Р. Галинский, так написавший о пропущенном москвичами в Киеве голе: «Она (стенка) состояла всего из трех человек, но закрыла от вратаря мяч. Биба разбежался и ударил в ближний верхний угол. Яшин, взявший до этого несколько очень трудных мячей, удара Бибы не отразил, хотя и сделал попытку. Возможно, виною было не слишком хорошее освещение стадиона». И к тому же, подчеркивает знаменитый впоследствии журналист и писатель: «…если бы не Яшин, счет мог быть более внушительным». Москва проиграла в том матче 0:2.

А в широком смысле проиграла столица гораздо больше и больнее. Выходки агрессивного и шумного меньшинства, которое почему-то побоялось или постеснялось одернуть вполне адекватное большинство, привели к тому, что заслуженный человек, прославивший свой обожаемый город на всю планету, не желал в нем не то что играть — вообще находиться. Те летние месяцы 62-го, бесспорно, вернули его к футболу. Однако, без сомнения, стоили нескольких лет обычной, людской жизни.

Что же касается оскорблений на московских матчах, то они происходили уже *после* собственно возвращения Яшина и продолжались, надо понимать, весь остаток 1962 года — а после 8 сентября он постоянно в основе, где бы ни играли. В «Записках вратаря» Лев Иванович подчеркнет особенность столичного зрителя, так неохотно меняющего «гнев на милость» и так легко готового «променять милость на гнев». Два с небольшим месяца,

до 14 ноября, Яшин доиграл. И дотерпел. Это стоило иного титула.

Титул реальный — чемпионство — ожидал динамовцев во главе с вратарем-победителем в 1963-м. Но, начиная сезон 1 марта разгромом в болгарском Пловдиве местного «Спартака» 3:0, они, понятно, об этом не могли знать. Яшина в конце той тренировочной встречи заменил Беляев, и о них обоих в небольшом отчете Алексея Парамонова не сказано ни слова. Затем, по ходу сезона, это превратится, увидим, в тенденцию.

Хотя на старте первенства, во втором туре (в первом ростовские армейцы до створа яшинских ворот так и не добрались — 0:0), 5 апреля «Шахтер» в Донецке, по сообщению А. Р. Галинского, действовал весьма агрессивно: «Сапронов в высоком прыжке посылает мяч в левый дальний угол, и стадион награждает Яшина аплодисментами. Замечательный прыжок — и мяч прижат к груди». Кроме того: «Чистую возможность забить гол получает на 71-й минуте „Шахтер“. Мудрик упал, и Ананченко остался один на один с Яшиным. Но мяч у Яшина». В результате — 0:0. А важнее всего: «Яшину вручен приз Донецкого радио как лучшему игроку динамовцев». 16 апреля в том же «Советском спорте» тот же автор весьма изящно оценил действия московского вратаря против киевских одноклубников, начав с действий его украинского коллеги Виктора Банникова: «По крайней мере, пять-шесть раз он совершал решительные броски да и вообще играл безупречно, соревнуясь с Яшиным, стоявшим в воротах на другом конце поля». Правда, 21 апреля в «Футболе» А. П. Старостин, описав один момент из киевской игры, наглядно показал, с кем достойно соперничал Банников: «За несколько минут до конца Лобановский мог решить судьбу матча. С мячом в ногах он вторгся в пределы вратарской площади. В последнее мгновение Яшин среагировал на удар Лобановского и в падении ногами выбил мяч на угловой. В этом эпизоде вратарь продемонстрировал великолепное самообладание и, как говорят шахматисты, с абсолютной точностью оценил создавшуюся позицию и вышел победителем из труднейшего положения».

И всё-таки столь замечательная игра в союзном чемпионате 1963 года не слишком типична. Точнее говоря, в ней нет, во что трудно поверить, необходимости. Самым частым наблюдением в отчетах уважаемых специалистов является примерно следующее: «За весь матч „Пахтакор“ сумел создать по сути дела всего одну острую ситуацию, когда удар Тазетдинова вынудил Яшина к броску». Так писал Р. Сагасти 1 мая о матче, состоявшемся в Москве днем ранее. Интересна перекличка с В. Родионовым, автором корреспонденции об ответном поединке первенства в

Ташкенте (31 августа, опять же «Советский спорт»): «Обведя трех защитников, он (форвард Любушин. — *В. Г.)* вышел один на один с вратарем, но замешкался и с линии вратарской пробил в руки Яшину». То был единственный момент у хозяев, уступивших 0:4. Так и продолжалось почти весь чемпионат. Вот А. Башкатов 17 сентября рассказывает в спортивной газете о поединке с «Крыльями Советов» в Куйбышеве: «Особенно солидно выглядела оборона гостей. Лишь в самом начале встречи волжане серьезно потревожили вратаря динамовцев: он ликвидировал прорыв Кикина. После этого забота у Яшина была одна — ввести мяч в игру». Итог — 1:0 в пользу бело-голубых.

Причем очень часто, что уже анонсировалось, комментаторы и вовсе не называют фамилии динамовских голкиперов: незачем, мяч до них не доходит.

Так блистательно — иначе не скажешь — была организована оборона москвичей. Любой современный наставник обзавидуется. Ведь если позади всё в порядке — можно озаботиться чужими редутами. Что будущие золотые медалисты и делали, поразив ворота соперника 47 раз, а пропустив всего 14 мячей в 38 матчах. А конкретно Яшину забили 6 раз в 27(!) встречах. В 22 из них он сохранил ворота «сухими». В нужный момент показывал класс, как, допустим, 12 сентября дома с «Молдовой» (из отчета Г. Радчука): «Дважды выручал динамовцев Яшин. Особенно эффектным был его бросок в самом конце встречи, когда правый край „Молдовы“ Шиманович, обыграв Мудрика, пробил в верхний угол ворот. Удар был весьма сильный, но динамовский вратарь сумел дотянуться до мяча и перевел его на угловой». После чего «удачно выбрал позицию», «парировав удар Ковача».

Забить во внутрисоюзных соревнованиях Яшину представлялось необычайно трудной задачей. Лишь нестандартные, особенные действия могли принести успех. Например, в полуфинале кубка со «Спартаком» «Амбарцумян… неожиданно ударил по голу». «Яшин, — продолжают 7 августа в „Советском спорте“ А. Вит и О. Кучеренко, — не успевший занять правильную позицию, пропустил мяч». Хрустальный трофей в итоге так и уплыл к красно-белым: ну не всё же выигрывать.

Или в первенстве — тоже нужно придумать что-то редкое и штучное: «Кузнецов (Юрий, бывший динамовец. — *В. Г.)* быстро и хитро откинул мяч Туаеву, ворвавшемуся в штрафную площадь. Бросок Яшина не достиг цели». Это из отчета в спортивной газете заслуженного мастера спорта В. Лахонина об игре с бакинским «Нефтяником», которая состоялась 25 августа. Характерно, что азербайджанская удача стала «единственным эпизодом у динамовских ворот».

Да и оборона не давала множить опасные моменты. Еще до начала чемпионата, 24 марта, в «Футболе» Олег Кучеренко на основании опыта прошлого года констатировал: «Пара Виктор Царев и Георгий Рябов почти непроходима для соперника». А уже после начавшихся баталий, 27 апреля, в том же издании Г. Д. Качалин заметил со свойственной ему сдержанностью страсти: «Центральные защитники „Динамо“ Г. Рябов и В. Царев стремились действовать вдвоем „в плане одного“ и продемонстрировали довольно высокую степень согласованности и взаимопонимания».

Добавим, что справа центральную ось поддерживал ветеран Владимир Кесарев, а слева — возмужавший Эдуард Мудрик. И получалось у слаженной бригады 1963-го ничуть не хуже, нежели у прославленных «трех К», куда, кроме оставшегося в строю Кесарева, входили, если кто забыл, Кузнецов и Крижевский, а даже, судя по статистике, и лучше.

Возникает законный вопрос: а случайно ли «оборонка» московского «Динамо» вновь действует как хорошо смазанный механизм? И при Якушине ведь успешно со «Спартаком» бились за счет отлаженности в тылах.

Значит, хочешь или нет, а придется говорить о фигуре самого что ни на есть последнего защитника. То есть о голкипере. Об этом 30 ноября — еще до объявления Яшина лучшим игроком Европы, что немаловажно, — в газете «Футбол» поведал Н. П. Морозов. Статья называлась «…Это сила в движении» и посвящена была динамовскому чемпионству. Вот что сказано о первом номере золотых медалистов: «Мастерство и авторитет Льва Яшина не нуждаются в особой характеристике. Однако рассказать о нем как о дирижере и тактике я считаю своим долгом. Признаюсь, что нам, тренерам, при установках на игру с динамовцами всегда приходится начинать именно с Яшина. Вопрос № 1: как помешать этому великолепному вратарю организовывать большинство атак, которые он начинает вводом мяча в игру рукой сразу же после срыва атаки противника. Обычно тренеры вменяют в обязанности своим крайним нападающим отходить немедля назад, дабы не дать крайним защитникам „Динамо“ получить от Яшина мяч, лишить их подчас необходимой паузы для восстановления сил. В то же время крайние защитники соперников „Динамо“ обязаны преследовать крайних нападающих вплоть до штрафной площади, если они отходят на связь с Яшиным. Всё это требует от динамовских противников колоссального внимания и дополнительных затрат физической энергии».

Да. Перевернулся футбольный мир. Раньше надо было

нейтрализовывать центрфорварда, крайнего нападающего, диспетчера, от кого все беды.

А тут — головы люди ломают, как быть с опаснейшим вратарем. И силы нужны для борьбы с ним просто-таки недюжинные. Потому как с его стороны работает интеллектуальная сила: действительно, *кому именно, куда и как* он бросит мяч умной и умелой рукой? Тем более что оборонцы его клуба воспринимали Яшина превосходно. И, когда в какой-то момент не смогли играть Кесарев и Рябов, — их успешно заменили Владимир Глотов и Виктор Аничкин.

Яшин умел находить общий язык, в общем-то, со всеми. А с товарищами по «оборонному цеху» — особо. И рыбки, коли наловит на сборах, попросит приготовить и принести к их с защитниками столику. Остальные динамовцы несколько обижались. Напрасно. Взаимопонимание на последнем рубеже — вещь основополагающая и многосторонняя. Душевные отношения здесь просто необходимы. И оборона «Динамо» выдержала в том сезоне самые серьезные испытания. Характерен пример с итальянской командой «Фиорентина». 10 мая сборная в «Лужниках» уступила с Яшиным в воротах этому не самому сильному у себя в стране клубу 1:3, блистал у гостей всё тот же швед Курт Хамрин. Причем из бело-голубых был призван в главную команду один Георгий Рябов. А 4 сентября во Флоренции московское «Динамо» разгромило того же соперника аж 4:0! На последнем рубеже опять же Яшин — а сотрудничали с ним те самые друзья по обеденному столику. Вряд ли мы имеем дело со случайным совпадением.

Правда, объективности ради, не забудем товарищеский поединок 22 мая в Москве со шведами, когда сборная, атаковавшая много и безрезультатно, пропустила на 23-й минуте от Мартинссона в результате ошибки проводившего чудесный сезон Виктора Царева. И Яшин не смог помочь, и Кесарев с Рябовым, которые также были в составе. Будем считать это несчастным случаем.

Два других тренировочных матча главной команды страны напоминали выступления за динамовцев в первенстве: с норвежским «Фредрикстадом» (1:0; «Яшину только и было дела, что подхватывать мячи, долетающие до границ штрафной площади», — отмечал А. Вит в «Футболе» 7 июля) и датским «Болдклуббеном» (счет тот же, но там был момент, который, если судить по отчету С. С. Сальникова в указанном еженедельнике от 21 июля, «мог закончиться плачевно для Яшина. Однако он самоотверженно в последний момент вошел в ближний бой с прорвавшимся Хедеагером и ликвидировал угрозу»). А

пропущенные два мяча от сильного венгерского «Ференцвароша» 27 июля (успех сборной 6:2) не на совести Яшина: его к тому времени заменили.

Итак, подведем промежуточные итоги. В «Динамо» создана образцовая линия обороны. И роль вратаря здесь невозможно переоценить. И интересно, что постепенно закончат и Кесарев, и Глотов, и Мудрик. Яшин останется. И для обучения нового персонала в том числе.

Что же касается сборной, то радоваться советским любителям футбола, честно говоря, было нечему. Не ладилось у первой команды Союза игра. Особенно в атаке, хотя и действия сзади оставляли желать много лучшего. Между тем приближались поединки в одной восьмой финала чемпионата Европы, где жребий свел нас с грозными итальянцами.

Контрольная игра с Венгрией 23 сентября тревоги не развеяла. Некоторые специалисты связывают тот матч с так называемой ошибкой Яшина.

Что ж, рассмотрим тот эпизод, причем максимально объективно. Пока для начала: и без того гола Шандор и Тихи дважды сотрясали каркас советских ворот. Попади хоть один из них на десять сантиметров точнее — и что голкипер сотворит? Если, как мы убедились, полевые игроки позволяют его расстреливать столь прицельно. Нет, не получалось что-то у наших в сезоне 1963 года. И нужно было нечто сверхъестественное, что должно привести к победе. Озарение. Или провидение. Чудо, которое поднимется над всеми, а поможет исключительно Советскому Союзу. И оно придет в лице выращенного на родных просторах мастера.

До этого два месяца. И пора обратиться к венгерскому голу. Он стал ответным: Валентин Иванов с подачи Славы Метревели открыл счет на 69-й минуте, а на 72-й и случился тот удар Махоша.

Следует дать слово разным изданиям.

Начнем с «Советского спорта». «Однако капризная фортуна улыбнулась гостям на 76-й минуте (так в тексте. — *В. Г.),* когда Махош издалека неожиданно пробил по воротам. Удар казался безопасным. Но на излете мяч, вращаясь, стал уходить в сторону от Яшина и беспрепятственно вонзился в верхний угол», — писал в «Советском спорте» С. С. Сальников.

Неожиданно категоричен оказался Алексей Леонтьев, совсем недавно поразивший глубокой аналитической работой о яшинском творчестве: «Яшин прозевал мяч, нерасчетливо выйдя из ворот. Кстати, эту встречу наш уважаемый вратарь провел хуже обычного, допустив не одну оплошность». Про «не одну» ошибку

сообщил, получается, лишь один печатный орган, где дали возможность выступить Алексею Ивановичу. Называется он, как это ни обидно, «Правда».

Популярный журналист Юрий Ваньят искренно, поверим, обеспокоен: «Как это ни огорчительно, но приходится писать о серьезной неудаче Яшина, пропустившего непростительный мяч. Видимо, нервозность сказывается на его вратарской технике и реакции» («Труд», 24 сентября). А всех превзошел в тот же день В. Денисов из «Московской правды»: «После московского матча встает вопрос о надежности стража ворот. Уж слишком спокойно играет Яшин, так спокойно, что даже не считает нужным реагировать на пробитые мячи». Здесь уж недалеко и до воплей с трибун образца годичной давности.

А. П. Старостин выступил в «Футболе» чуть позже, 29 сентября, — приложение-то раз в неделю выходит. Ознакомившись, несомненно, с лихими атаками на стража ворот, легендарный футболист непринужденно и вовремя заметил: «Мяч же, забитый Махошем, заменившим Феньвеши, скорее результат случайного каверзного удара, нежели точного расчета». Если приглядеться, то некая перекличка с оценкой Сальникова просматривается. Да и тот же А. И. Леонтьев, рассказывая 28 сентября в «Советском спорте» о дерби динамовцев с армейцами, в котором будущие чемпионы уступили 1:2, вовсе не собирается сделать Яшина ответственным за все грехи: «Маношин… незамедлительно отдал мяч свободному Денисову. Удар в дальний угол был неотразим». То первый гол. А вот второй: «Последовал удар. Яшин его парировал. Но набегавший Федотов добил мяч в сетку». Про «хуже обычного» и «не одну оплошность», нетрудно убедиться, и речи нет.

Так что о каком-либо заговоре против Яшина осенью 63-го вряд ли можно утверждать. Тут другое. Непонимание. Недооценка. Неверие.

Даже со стороны такого корифея, как Константин Иванович Бесков. Старший к тому времени тренер сборной на первый отборочный поединок с итальянцами в Москве Яшина не пригласил. 12 октября на официальной предматчевой пресс-конференции корреспондент «Гадзетта делло спорт» задал прямой вопрос: «Почему ворота сборной СССР не будет защищать Яшин?» И получил такой ответ: «Яшин пользуется уважением всех советских футболистов. Это сильнейший наш вратарь. Но в играх чемпионата страны, где он защищает ворота московского „Динамо“, — Яшин имел большую нагрузку, особенно нервную, и в настоящий момент чувствует себя не совсем подготовленным к матчу» («Советский спорт», 13 октября).

Дипломатично, что скажешь, высказался тренер. Лев Иванович, выходит, — сильнейший и лучший. Поэтому его против вас и не ставим. Потому как он в чемпионате перенервничал.

Неувязочка, коли разобраться, получается. Особых волнений-то, мы видели, у голкипера в первенстве не было. И потом — не с лавки же запасных срываться на игру за сборную? Практика в турнире всегда нужна.

Причина невызова, конечно, в другом. Яшину вот-вот исполнится 34. Пора, знаете ли, и честь знать. И А. И. Леонтьев в упоминавшейся хвалебной статье «…Часовым ты поставлен у ворот» про возраст в открытую писал. А здесь и матч за сборную ФИФА против Англии подоспел. Ну, включили, следуя ходу мысли отечественных чиновников и журналистов, Яшина в ту команду вместе со всеми мировыми звездами — и что? Поучаствует ветеран в постановке — и на покой. Это ж, точно, шоу будет. В общем-то, Бесков и предложил Яшину сосредоточиться на подготовке к выступлению в Англии. Оно же и прощальным для вратаря, видимо, станет.

Можно, несомненно, через десятилетия привычно заладить: если бы они знали и т. п. Да нельзя всего, всегда и заранее знать. Тем более что в Москве с грозным противником Рамаз Урушадзе отработал нормально, СССР добился домашней победы — 2:0.

А вот чего добился Яшин на «Уэмбли», у нас поняли не сразу и не вдруг. И хотя «матч века», как потом его назвали, транслировали на Союз (только Пушкаша, как ренегата, Николай Озеров не имел права упоминать), — никакого предстартового напряжения у пишущих людей он не вызвал. Допустим, корреспондент В. Елистратов в день игры не без удовольствия цитирует в «Советском спорте» британских коллег: «В одной из газет напечатана карикатура, изображающая футболистов ФИФА в позах, по которым явно видно, что они не могут друг друга понять, и Лев Яшин собирается применить специальные звуковые сигналы и жесты, чтобы руководить защитой».

Действительно, как в пылу борьбы русский поймет немца Шнеллингера, а тот — шотландца Лоу, который не сможет говорить по-чешски с Масопустом, Плускалом и Поплухаром, совершенно далекими, в свою очередь, от португальского языка бразильца Джалмы Сантоса. А еще имеются и француз Копа, и испанец Хенто. Короче говоря, разнесут британцы хваленых звезд, пропустив что-нибудь под конец театрально, для смеха. А мы и не расстроимся. Всё же понарошку.

Просчитались советские скептики. Да, разговаривать между собой лучшим футболистам планеты было трудно. Хотя тот же Копа — «этнический поляк» (Копашевский Роман), — тут

появлялись возможности для общения. Однако, понятно, небольшие.

Но ведь все они прежде всего — великие мастера большой игры. У которой свой, замечательный, непереводимый язык. Этим, тоже земным, людям во время матча вообще можно не открывать рот (в шутку разве только): в том первом тайме Яшин периодически покрикивал Шнеллингеру: «Цурюк» (в несложном переводе — «назад»), а немец, соответственно: «Яшин, арбайтен!»

В принципе же по ходу той игры у «разномастных» виртуозов (Карл Шнеллингер затем в душе «всерьез» пытался «отмыть» негра Джалму Сантоса — смеялись оба со страшной силой) включалась особого рода телепатия.

«Никогда — ни до, ни после того матча — я, участвуя в игре, не испытывал подобного чувства удовлетворенности и — если бы не боялся выглядеть излишне восторженным, сказал бы — блаженства. Когда наша команда переходила в наступление, я превращался в зрителя, следил за полетом мяча и мысленно решал за своих партнеров их задачи.

Вот бы, думал я, сейчас левому краю выйти туда-то, а центральному дать ему мяч чуть вперед, „на выход“. И почти всегда и крайний, и центральный словно читали мои мысли и, разумеется, мысли друг друга. Ну а если, случалось, и не слушались моих безгласных советов, а поступали иначе, я тут же убеждался: нашли более интересное решение, чем то, которое предлагал мысленно я», — ностальгировал Лев Иванович в «Записках вратаря».

Только англичане, противореча кое-кому, отменно понимали, *кто* вышел перед ними на неплохой осенний газон. И хозяева взялись за дело сразу же. Уже на 2-й минуте после затеянного Бобби Чарльтоном розыгрыша углового Джимми Гривс бил метров с трех. Яшин среагировал, однако мяч, будем честны, угодил в штангу. Затем после паса того же Гривса на 5-й минуте Яшин решительно пошел на столкновение с Бобби Смитом, на мгновение опередив английского центрфорварда. И даже горестно посмотрел на мощного нападающего, упавшего в честной борьбе.

С этой минуты только слабоумный человек мог представить себе, что уникальные специалисты, отобранные со всех уголков планеты, готовы попросту валять дурака.

На 16-й минуте вновь Гривс, заигравший поразительно хорошо, после превосходной передачи Джорджа Истхэма вышел слева в штрафную площадь и ударил. Яшин, скорее интуитивно, чуть выйдя из ворот, угрозу ликвидирует.

…Потом, после того феерического тайма, они воздадут

должное друг другу. Джимми-то, голеадор, игрок чужой штрафной площадки, и назад отходил, и пасовал здорово. И бил. Очень хотел забить. Лучший, зрелый матч человек провел — и ничего. В первом тайме. Вышедшему во второй половине, по договоренности, югославу Шошкичу Гривс всё же забьет. И принесет победу англичанам. А вот Яшину в том памятном тайме — не забьет.

И Бобби Смит ушел без гола. Но тоже старался. Как раз этот подзабытый англичанин заставил советского представителя в мировой футбольной элите совершить наиболее эффектный бросок. Чарльтон слева будто рукой бросил — нападающий головой с шести метров отправлял мяч вправо от себя. Яшин взял намертво. Четыре минуты спустя после знатного выстрела Истхэма в левый от вратаря нижний угол идеальной фиксации и не могло быть, однако голкипер сборной мира настолько неустрашимо, непреклонно сыграл в подборе, оказавшись в ногах вновь чуть опоздавшего Гривса, что не мог не вызвать овации. Джимми не успокоился и опять атаковал с левого фланга из пределов штрафной — Яшин выбрал идеальную позицию.

А вот на 42-й минуте упрямые островитяне сыграли, то есть позволили сыграть одному из лучших среди них, Джорджу Истхэму, так, как он умеет. И тот совершил прекрасный проход по центру и зряче, после некоторой подготовки, с ходу попал в правую от Яшина «девятку». Где и оказалась рука чудновато изогнувшегося Льва Ивановича. Он же тоже всё видел. Похоже, в этот, последний раз (советский футболист и еще бы поиграл — так ему понравилось) Яшин, на взгляд некоторых наблюдателей, отработал даже умнее, нежели в эпизоде с ударом почти из вратарской в исполнении Бобби Смита. Так русский вратарь еще раз спас команду.

Которая смотрелась вовсе не так плохо, как может показаться по перечню моментов у ее ворот. Сборная ФИФА виртуозно комбинировала в центре поля, показывая отменную технику, при этом не спеша, плавно приближаясь к рубежам противника. А в необходимый момент коллектив импровизаторов взрывался чем-то изумительным и неповторимым. Так что коллеге Яшина Бэнксу приходилось работать — и славно, знаете ли.

Однако наш соотечественник вызвал фурор — по-другому и не скажешь. 24 октября Англия захлебнулась от восторга. «Советский спорт» публикует отзыв «Ивнинг ньюс»: «Яшин — герой „Уэмбли“». Это заголовок. А дальше: «Высокий, гибкий Яшин доказал, что среди вратарей ему нет равных». 27 октября «Футбол» перепечатывает восторженный отзыв Джеффа Эллиса из «Дейли уоркер»: «Сейчас всем ясно, почему Яшина назвали

„спрут“. Его предвидение просто сверхъестественно. Его ловкость превосходна, его храбрость поразительна». Старший тренер британцев Альф Рамсей был краток: «Яшин — это великолепно».

Оглушительный, нежданный успех будто накрыл собой средства массовой информации страны победившего социализма. Стало ясно, что надо бы реагировать. И срочно, пусть и неохота. Ведь, кажется, недавно кто-то писал об излишнем спокойствии и недвусмысленно напоминал о возрасте по паспорту.

Кстати, день рождения Лев Иванович отметил в кругу своих новых зарубежных друзей. С 34-летием его поздравили тепло, от души. Торт роскошный преподнесли.

А советской прессе нужно было ответить. Что ж получается: на Западе безоговорочно лучший — мы же и в сборную не привлекаем?

Отвечать пришлось 3 ноября в «Футболе» Мартыну Ивановичу Мержанову. Хороший человек, отличный журналист опубликовал правильную статью «Строгая красота». О Яшине.

Там всё, опять же, правильно. И про традиции, и про новаторство. И про матч с колумбийцами 1962 года новое появилось: «Больше того, в последние минуты он вынул из „девятки“ такой мяч, который никто другой не достал бы». Как точно.

Но недаром есть в народе пословица: «Дорого яичко к Христову дню». Те бы справедливые рассуждения — да пораньше. На год, полгода, быть может, на месяц раньше. Очень это тогда бы Льву Ивановичу помогло.

И лично-то первый редактор культового еженедельника «Футбол» относился к Яшину хорошо. А вот поди ж ты: выразить то отношение полностью и, главное, вовремя — не получилось. И насколько же горько читать в «Записках вратаря» такие строки: «Лишь известие, что я признан за рубежом, заставило журналистов и публику окончательно реабилитировать меня дома».

«Окончательно реабилитировать…» И эти слова написаны в 1976 году! Неужели вышеупомянутые 45 минут в Лондоне настолько «раскрыли глаза» советской общественности? Несомненно, он провел очень хороший, прекрасный тайм на «Уэмбли». Так разве мало их было до того на родине? И за, напомним, родину.

Вот и теперь приблизились новые испытания. В ответном поединке с итальянцами Яшин, ясное дело, просто обязан был принять участие. А между прочим, стоило бы вспомнить про тяжелейший сезон, потрясающего, великолепно мотивированного противника и основной фактор — среднюю, хотя бы и по

сравнению с прошлым сезоном, игру сборной СССР.

Значит, предстояла битва на своей половине. Конкретнее: у собственной штрафной площади. Получается, вратарь со товарищи вновь должен отечество спасать.

Получилось ровно по предположениям. «С первым свистком швейцарского судьи Даниила Мелье многотысячная толпа, как некогда обитатели Колизея, призвала своих „гладиаторов“ к кровопролитию. Они бросились на наших остервенело, с намерением исполнить приговор толпы. Было тяжело, очень тяжело. Огонь полыхал в советской штрафной, потрескивали поленья, разбрасывая искры. Назад отходили чуть ли не всей командой. Защита и Яшин оказались в горящем аду. Задыхаясь в дыму, с закопченными лицами и тлеющими от жары футболками держались на пределе и выстояли: сгибаясь, не сломались, в огне не сгорели», — образно повествует о первых минутах схватки А. Т. Вартанян.

Затем Геннадий Гусаров забил, сделав задачу итальянцев почти невыполнимой.

Тем не менее хозяева, к их чести, шли вперед и во втором тайме. Справедливо назначенный пенальти на 57-й минуте мог дать им надежду. Бить назначили Алессандро Маццолу. Форвард противостоять Яшину явно не хотел. Соратники настояли. В результате пробил нападающий почти по центру. Яшин взял.

Тот одиннадцатиметровый обсуждается, что редкость, и по сей день. Ход значительной части рассуждений незамысловат: итальянец исполнил плохо, поэтому мяч оказался у Яшина.

Безусловно, если бы получился выстрел в самый угол, — трибуны бы ликовали. Так туда, в «шестерку», еще надо попасть. Что, к тому же в важнейшем матче, весьма непросто. Удар же по центру — мы неоднократно наблюдали — частенько приносит успех.

Если вратарь бросается в угол, гадая, куда просвистит мяч.

Яшин остался стоять на месте и победил. Маццола сказал об оппоненте после игры с редким достоинством: «Просто он лучше меня играет в футбол».

Кроме отраженного пенальти, вратарь совершил не один подвиг. «Советский спорт» от 12 ноября: «И, наконец, наступает один из самых драматичнейших моментов у ворот сборной СССР. Быстрый Доменгини, сместившийся в центр, улучает момент для сильного и точного удара в правый нижний угол ворот. Гол кажется неминуемым. Но Яшин блеснул в этом матче поразительной уверенностью, которая в конце концов передалась защитникам. В изумительном броске он парирует мяч, и становится ясно, что у Яшина сегодня — один из лучших дней его

футбольной жизни».

Точно. Подтверждение от В. А. Гранаткина: «В целом же, если давать оценки игрокам, то высший балл надо, конечно, поставить Яшину. К его игре не подберешь слов».

Спортивная газета всё же подобрать пыталась, ограничившись выдохом: «Но Яшин — стена!»

В конце, на 90-й минуте, Ривера провел гол престижа, ничего не решавший. СССР — в четвертьфинале чемпионата Европы!

Старший тренер К. И. Бесков в интервью по достоинству оценил выступление первого номера: «Яшин провел игру уверенно и надежно, полностью оправдав наши надежды. Он принес большую пользу команде не только тем, что хорошо защищал ворота, но и тем, что умело руководил защитниками. Четкие действия обороны в чрезвычайно напряженной и нервной обстановке — в значительной мере его заслуга».

Европейская пресса не скрывала восхищения. Робер Вернь, «Экип»: «В течение одного матча он совершил три чуда: отбил на угловой немыслимый мяч, взял пенальти и парировал другой неотразимый мяч». Аттилио Камориано, итальянская «Унита»: «Бедный Маццола! Как ему не повезло. Но когда он бил по воротам, то, вероятно, позабыл, что их охранял вратарь Яшин». Английская «Дейли уорнер»: «Пожалуй, сборная Италии могла бы добиться большего, если бы не замечательная игра русского вратаря Яшина, который защищал недавно ворота сборной мира против команды Англии».

Последняя цитата смотрится особенно трогательно. Напоминание вроде такого: а этот парень, между прочим, — из нашего двора!

И Советский Союз — матч показывали по телевидению — был вне себя от счастья.

А в римской раздевалке плакал Лев Яшин.

Огромный сильный человек снова сделал больше, нежели возможно, для страны, которая удивительным образом забывала ему платить тем же. Для страны, где его не ценили, обижали, оскорбляли, где «реабилитировали» непонятно за какие преступления. Для страны, которую он всё равно любил больше всего на свете.

Пока же, с итальянцами, он отдал последнее имевшееся и, наверное, взял взаймы из будущих годов. Обессиленный, беспомощный, полуживой, — он как никогда полно являлся безоговорочным победителем. Триумфатором.

…Наши, в общем, в какой уже раз не успели толком опомниться. Яшина ведь не раз номинировали на «Золотой мяч».

А тут — дали! Пятьдесят первый номер «Футбола» 22 декабря

выходит с фотографией Льва Ивановича во всю страницу. Прямо как Гагарина.

Сопоставимо, впрочем. И, бесспорно, прекрасные слова из «Франс футбола» стоит привести: «Яшин тысячу раз заслужил эту награду не только за выступления в текущем сезоне, но и за свой долгий и славный путь в современном футболе».

Понятие «совокупность заслуг» не имеет ничего общего с протекционизмом, пристрастностью, политической конъюнктурой и т. п. Напротив, приятно, когда люди из разных стран следят за твоей карьерой. Причем, как выяснилось, в Старом Свете обратили внимание и на динамовский рекорд Льва Ивановича в чемпионате Советской страны: 6 мячей в 27 матчах. Железный занавес, выходит, можно и приподнять, если очень захочется.

Одним словом, не за два отличных матча, как считает определенная часть болельщиков, наградили Яшина «золотом». Просто многолетняя беспорочная служба породила дивный триумф.

Недурно вглядеться, кого он опередил с 73 очками. Итак: 56 — Ривера, 51 — Гривс, 45 — Лоу, 19 — Эйсебио. Любопытно, что двое первых здорово играли против него, а шотландец с португальцем — вместе, в сборной ФИФА. И ведь все нападающие! Он один — вратарь. Первый за всю историю. И первый из советских футболистов.

…И всё бы здорово. Да вот очаровательный француз Ж. Ферран внезапно (ясное дело, без задней мысли) подытожил: «Яшин, безусловно, заслужил эту награду, которая венчает его блестящую карьеру».

Надо же. И друг туда же…

ЕЩЕ ДВА ФОРУМА

Год 1964-й начался для динамовцев с вручения им заслуженного золота прошлого сезона. Получилось искренне, празднично, ознаменовалось в финале превосходным концертом с участием композитора Александра Цфасмана, сыгранного музыкально-поэтического дуэта в лице Александры Пахмутовой и Николая Добронравова, не менее изумительной пары сатириков — Льва Мирова и Марка Новицкого, популярного певца Льва Барашкова, а также суперзнаменитого в те 1960-е поэта Андрея Вознесенского.

Вышло всё очень душевно и понравилось Яшину и его товарищам. Кто ж знал, что то будет последнее полноценное первенство бело-голубых на советском пространстве (многолетний соратник Льва Ивановича Владимир Петрович Кесарев достаточно спорным образом *настоящей* победу в весеннем чемпионате 1976 года не признает).

Бог знает, отчего так вышло. И причины-то спада 1964-го нелегко определить — что там говорить о десятилетиях. Одну причину точно не выделишь.

Хотя сейчас должно занимать не это. Как уже сказано в предыдущей главе, советский голкипер Лев Яшин был признан лучшим футболистом Европы. Но футбольный мир отметил вратаря еще и менее броской, зато, думается, также весьма весомой наградой.

Благодарственным письмом. «Это официальное письмо, — сообщал „Футбол“ 5 января, — Международной федерации футбола (ФИФА), в котором выражена благодарность руководителям „Динамо“ за то, что они воспитали и подготовили вратаря для сборной мира».

«Золотой мяч» — от Европы. А громкое «спасибо» уже от всей планеты. Адресно, динамовцам. Возникает, правда, не очень уместный вопрос: а «шестая часть Земли», она же первая в мире социалистическая держава, догадалась несколько раньше поздравить и наградить собственное знаменитое общество за воспитание Яшина, нежели такое проделала ФИФА?

При любом ответе ясно одно: «остальной мир» давно, внимательно и любовно смотрит за подвигами отечественного стража ворот. Кроме того: заслуги «Динамо» видны из самого далека. Чему нельзя по-человечески не порадоваться.

Без сомнения, Яшин прославил клуб. Но не забудем и заботы о будущем триумфаторе со стороны общества. Конечно, мощные фигуры Аркадия Чернышева, Михаила Якушина, Гавриила

Качалина — грандиозных, не побоимся славословий, наставников — вспоминаются в первую очередь. Однако не уйдет из памяти и Евгений Фокин, формально — начальник команды, а на деле полноценный тренер вратарей. И «хранитель традиций» Сергей Сергеевич Ильин, долго и честно работавший администратором футбольного «Динамо», оставаясь при этом культовой фигурой советского спорта, о котором знал так много, что за несколько жизней не расскажешь. А тренер дубля Иван Станкевич, поддержавший Льва после первых неудач! А, наконец, Алексей Хомич, тоже динамовского племени «Тигр», ставший не по-хищному добрым и заботливым другом будущей знаменитости!

Но вся эта радость, как ни неприятно, — уже в прошлом. 1964 год начал всё заново. Звание чемпиона, в частности, дарить никто не собирался. Его нужно было отстаивать.

Для чего поначалу подлечиться и отдохнуть. В отпускное межсезонье старший тренер А. С. Пономарев и Л. И. Яшин вплотную этим занялись на чешском курорте Карловы Вары. А будучи в той гостеприимной славянской стране, надо обязательно встретиться с замечательным коллегой советского «золотого медалиста» — потрясающим вратарем 1930-х Франтишеком Планичкой. Которого еще в последнее предвоенное десятилетие называли «хозяином штрафной площадки». Несомненно, Яшин в 1950-е пошел много дальше, — и комплексно! — но двум гроссмейстерам, понятно, нетрудно было найти темы для беседы.

Корреспондент Виталий Панов привел слова чешского ветерана 29 марта в еженедельнике «Футбол»: «Мне понравился Яшин не только как вратарь, но и как человек. Общительный, очень приятный. Встреча с ним — большая радость для меня».

Сказано безыскусно и отчетливо. А уж Лев-то Иванович вообще всегда с удовольствием общался с великими предшественниками. В том же году, кстати, ему еще предстоит встреча с испанцем Заморой — соперником Планички по баталиям 1930-х.

А пока в новый сезон Яшин вступал — и это разнообразно чувствовалось — достойным тех, кто при жизни стал частью вечности. Его даже в начале года избрали в президиум Федерации футбола. И шутить про формальный статус не нужно: в 1964-м он *действующий* спортсмен, оттого ситуация выглядит нонсенсом и для будущих куда более либеральных времен.

О конкретно его здоровье спрашивали лично старшего тренера «Динамо» после возвращения из Чехословакии: «Мы интересуемся самочувствием Яшина.

— Конечно, он будет играть за наш клуб. Так же, как и другие старожилы — В. Кесарев и В. Царев. Наш вратарь хорошо

отдохнул и сейчас вполне готов встать в строй, — отвечает А. С. Пономарев» («Футбол», 16 февраля).

И вдобавок (это, между прочим, относится к внешне безобидному «будет играть за наш клуб») именно о его, Яшине, возможном переходе в зарубежный чемпионат заговорила советская, заметим, пресса.

Нет, о знаменитом «чеке сеньора Бернабеу», владельце мадридского «Реала», знали, в принципе, и раньше. Вратарь, по некоторым сведениям, волен был проставить сумму контракта — и оказаться в звездной компании. Однако интрига, по определению, не могла иметь продолжения. Потому и позволялось о ней упоминать, что всё базировалось на невозможности, несбыточности чьей-то мечты: лучший вратарь в сильнейшем клубе.

Уругвайский «Пеньяроль», в отличие от «Реала», к суперкомандам не относился. Но в Монтевидео обладателя «Золотого мяча» «сватали» вполне серьезно. Из агентства Рейтер позвонили, попросили уточнить, *когда* советского голкипера ждать в Уругвае. Вроде как дело лишь в сроках. Остальное определено. Вот и в Мексику играть за так называемую «сборную клубов» (первая команда страны опять бездарно «шифровалась») он не поехал. Готовился, значит, к отъезду…

То, что всё это — полная чушь, было ясно и тогда. Понятно и сейчас. В самом деле, как он мог уехать? Ведь прежде всего налицо подписание профессионального контракта. Получается, мы готовы признать, каким в действительности является наш спорт больших достижений? Да кто ж на такое пойдет?! Если бы хоть тренером в соцстрану отправился, а то вратарем в Уругвай, которому до наших ценностей расти и расти. К тому же, как позабыть, что Лев Иванович — динамовец. Со всеми вытекающими последствиями.

Словом, глупый, беспочвенный слух перед нами.

Так ведь «Московской правде» пришлось его опровергать! То есть в полную бестолковщину могли и поверить. Почему? А потому, видится, что Яшин перерос границы страны и системы. К нему общие, привычные, естественные закономерности могут и не подойти. Он невольно заставляет задуматься о невероятном. Или очевидном — спустя годы.

Да что там годы — в 1965-м тема переходов и зарубежных контрактов получит новое, куда более плодотворное развитие. Однако на сей раз забегать вперед не будем. Постепенно подойдем.

Сейчас, допустим, время заняться начавшимся чемпионатом страны. 28 марта динамовцы стартовали в Ростове. С Яшиным,

естественно, в воротах. И вообще в чемпионском составе. А вот, поди ж ты, не заладилось с самого начала: южным армейцам (собравшим, справедливости ради, сильный состав, обученный самим В. А. Масловым, которого, в свою очередь, уже «позвали княжить» хитроумные киевляне) заслуженно уступили. Хозяева забили уже в дебюте, когда Мамыкин «ударил с виду небрежно, так, как бьют, когда мяч должен уйти мимо ворот. Вероятно, Яшину показалось, что именно так и будет. Мяч и в самом деле прошел возле штанги, но только с внутренней стороны. Это случилось на 12-й минуте», — писал 29-го числа в «Советском спорте» Лев Филатов. Судя по описанию, удар у недавнего соратника Льва Ивановича по сборной и тому же московскому «Динамо» Алексея Мамыкина не очень получился: «небрежно» мастера такого класса бить не станут. Что и привело к некоторой дезориентации вратаря. Зато потом «Яшин хорошо защищал свои ворота, а после удара Понедельника с трех метров был действительно великолепен», — продолжал тезка знаменитого стража ворот.

Отчет Олега Кучеренко о следующем поединке с «Шахтером» в Донецке озаглавлен «200-й матч Яшина». Юбиляр, как и когда-то на тридцатилетии в Киеве, не расслабился: «На 60-й минуте отлично разыграли комбинацию Ананченко и Родин. Последний ворвался в штрафную площадь и пробил по цели. Яшин хорошо среагировал на удар, в броске парируя мяч» («Советский спорт», 2 апреля).

А прежде чем перейти к делам международным, обратимся к игре в столице Украины 7 апреля, о которой на следующий день поведал в той же газете Аркадий Галинский. Речь о смелом рейде защитника Турянчика, «который спустя несколько мгновений углубляется на половину противника и сильно бьет в левый нижний угол. Яшин парирует этот мяч, а затем накрывает его». И еще один примечательный эпизод: «Разыгрался Базилевич, он дважды выходит на ворота, и Яшин оба раза переводит сильные мячи за перекладину». По цитатам несложно заключить: лучший футболист Европы и в наступившем сезоне обрел хорошую форму и готов к испытаниям в составе сборной СССР.

13 мая на стокгольмском стадионе «Расунда» чемпионов Европы ожидал противник очень опасный и, главное, неприятный. Особенно для двух участников печальной памяти четвертьфинала 1958 года на той же «Расунде»: Льва Яшина и Валентина Иванова. А у хозяев в строю остались оба автора забитых шесть лет назад мячей: Курт Хамрин и Агне Симонссон, да еще защитник Орвар Бергмарк (что всё же не так напрягало). Хамрина шведы, будто предчувствуя, выудили из «Фиорентины», где тот выступал, с

огромным трудом. Вообще же о роли этого мастера в жизни Яшина правильнее поговорить после ответного матча в Москве — покуда же обратимся к встрече на «Расунде».

«Впервые, — рассказывал „Советский спорт“ 14 мая, — вступает в дело Яшин на 16-й минуте, когда у самого края штрафной опережает вышедшего из центра на длинную передачу Перссона». Надо сказать, что чего-то более серьезного вплоть до 87-й минуты шведские футболисты у ворот гостей не создали. Чего, к нашему удивлению, не скажешь о местной публике: «Зрители, те, что расположились за воротами советской сборной (а трибуны на „Расунде“ подходят почти вплотную к воротам), стучали по бортику, пытаясь отвлечь внимание Яшина» (Геннадий Радчук, «Футбол», 17 мая). Нечто новое. Вроде бы всю жизнь Лев Иванович боролся с соперником на зеленом поле, а здесь — явная провокация за его пределами. Развития событий не последовало — значит, опять выдержал, не отреагировал на пакостное поведение всегда, казалось бы, сдержанных шведов.

А на 62-й минуте второй из нашего ветеранского дуэта, Валентин Иванов, забил важнейший мяч, во многом определивший и окончательный исход по сумме двух игр. Шведы соорудить сокрушительный штурм на заключительных минутах не смогли. Но, к нашей досаде, забили.

Г. Радчук: «У мяча Хамрин. Падая, он успел подрезать мяч. Яшин опоздал на неуловимую долю секунды. Он не в силах был помешать мячу влететь в ворота».

А. Т. Вартанян повествует так: «Расплата последовала в заключительной пятиминутке. Штрафной исполнял Мартинссон. Несколько рикошетов, и Хамрин, оставленный без внимания Глотовым, падая, в шпагате, протолкнул мяч в ворота. Яшин на мгновение запоздал — 1:1».

С такого расстояния, когда возможен удар «в шпагате», забить значительно проще, нежели отстоять ворота. Недоработка защитной линии не вызывает сомнений.

Тем не менее результат вышел очень даже пристойным. Ничья на выезде — дома должно быть много проще.

Однако до 27 мая отдыха Яшину никто не предоставлял. И игры, что характерно, получились разными. И по месту проведения, и по составу участников.

17 мая он выступает против горьковской «Волги» в Москве. А через пять дней, 22-го, защищает ворота сборной Европы в товарищеской встрече со сборной Скандинавии в Копенгагене. Причем на родине с волжанами отстоять «на ноль» не получилось (поражение 0:1), хотя А. Яковлев в спортивной газете свидетельствовал: «Хорошо проявили себя оба вратаря». А вот в

датской столице Яшин не пропустил, вызвав фурор: «Яшин своими блестящими бросками заставлял вставать на ноги всех зрителей» («Советский спорт», 22 мая). Европа победила 4:2, а голы «звездам» забили после плановой замены советского представителя.

Говорится это вот к чему. Не секрет: игра за сборную Старого Света чрезвычайно престижна. Уж точно престижнее календарной встречи со скромными горьковчанами. И к тому же у первого номера бело-голубых есть надежный дублер Владимир Беляев. Вот пусть бы он и сыграл 17-го, а Яшин бы отправился загодя в Копенгаген. По крайней мере, сегодня более или менее заметный футболист попросил бы о паузе с целью подготовки к выставочному матчу.

В случае с Яшиным подобный вариант не мог рассматриваться. Он никогда не делил игры на важные и остальные. Каждый поединок — решающий. И цель одна — уберечь ворота от гола.

А 27 мая состоялся второй матч за выход в полуфинал Кубка Европы. Предшествовала ему в переполненных «Лужниках» приятная процедура: вручение советскому голкиперу «Золотого мяча». Очень правильно, что Макс Юрбини, главный редактор газеты «Франс футбол», сделал это перед свистком к началу действа. Еще раз подчеркнув, Яшин — легенда, но вот сейчас он примет приз, попозирует фотокорреспондентам и займется своим делом, которое и не собирался оставлять. И вовсе было бы здорово, если бы тот же М. Юрбини, писавший для «Футбола» отчет о поединке (всё-таки высоко уважение к советским мастерам и любителям самой популярной в мире игры в мяч — и благодаря Яшину в огромной мере), получил возможность насладиться и восхититься новыми подвигами обладателя замечательного приза.

Получилось же чуть иначе. Конечно, советский первый номер смотрелся уверенно. Однако защита его команды не позволяла ему проявить себя во всем блеске. Несомненно, мощные шведы, желая так же, как и наши в Стокгольме, забить в гостях, придавили СССР в дебюте и завладели территориальным преимуществом. Но до верных моментов, обещавших решительное участие Яшина, дело не дошло. А за инициативу очков, голов то есть, не начисляют. К тому же на 32-й минуте хозяева открыли счет (Понедельник с подачи Хусаинова), и задача скандинавов стала совсем трудной. Особенно после выстрела Понедельника на 11-й минуте второго тайма. 2:0! «Дело свелось к тому, — не без удовольствия, похоже, отмечал Макс Юрбини, — что Яшин оказался в какой-то мере безработным».

Действительно, оборона советской сборной работала отменно. Не обошлось и без везения. Карл Хайнц Хайман, главный редактор крупнейшего западногерманского журнала «Киккер», констатировал: «Скажу откровенно, что такие шансы, которые были созданы Бергмарком, безусловно, лучшим шведским игроком, в течение первых 20 минут форварды должны были обязательно использовать. Но Симонссон и Хамрин даже не попали в ворота». «Могу только выразить сожаление, что шведы не дали проявить мастерство Яшину», — писал бывший военнопленный, познавший Россию лучше многих русских, ибо пять с лишним лет в стране позволяют оценить национальный характер. Впрочем, про «дежурный гол» Хамрина в ворота Яшина Карл Хайнц вынужден был сообщить. Француз Юрбини уточняет: «78-я минута. Кто-то из шведских игроков посылает с центра поля мяч на К. Хамрина. В. Глотов вступает в единоборство и проигрывает его. Удар Хамрина. Мяч в сетке. 2:1». А. Т. Вартанян со всей объективностью сегодняшней поры добавляет: «Сместившись в центр, Хамрин легко обыграл Глотова и неотразимо пробил».

Оставим в покое несчастного оборонца Владимира Глотова. Бывает, старался, упирался — не срослось. Вопрос в другом: справедливо ли говорить о феномене Хамрина по отношению к Яшину? Два гола за «Фиорентину» да еще пару раз за сборную. Что это? Случайность? Стечение обстоятельств? Мастерство исполнения?

Всего, как обычно, понемногу. И выходил швед против Яшина чаще, нежели, допустим, Пеле (две игры) и Гарринча (вовсе одна). И правым крайним являлся превосходным. Да и различные привходящие обстоятельства не будем забывать: вспомним хотя бы состояние сборной Союза перед четвертьфиналом в Стокгольме! Так что, ничего мистического в успехах Хамрина нет. Осадок вот только никуда не уберешь…

Шведам «обязательный гол» в «Лужниках» ничуть не помог. 27 мая им пришлось надолго позабыть о четверке сильнейших в Европе, ибо Валерий Воронин образцово провел третий мяч, ставший итоговым.

Финальная «пулька» разыгрывалась в Испании. Нашим в кои-то веки повезло со жребием: датчане в полуфинале были, объективно говоря, противником слабым. Не то что теперь. И 17 июня 1964 года от советских игроков требовались лишь внимание и терпение. Остальное должно было приложиться. Всё-таки иметь в борьбе с действующими чемпионами Европы одного лишь классного игрока, форварда Оле Мадсена (формально датчанин считается лучшим бомбардиром того розыгрыша европейского

первенства — 11 голов, забитых, недурно дополнить, Люксембургу, Албании и Мальте), маловато для выхода в финал.

Будущий профессионал (он лишь на следующий год заключил контракт с голландской «Спартой»), Мадсен и с нашими стал лучшим у северян. Исход же, 3:0 в нашу пользу, выглядел предрешенным. «Советский спорт» писал, о том, как «зрители были разочарованы тем, что не смогли увидеть Яшина во всем блеске его мастерства». А он разве виноват?

Таким образом, встреча с Данией в памяти сборной и Яшина в частности вряд ли запечатлелась. Иная встреча, совершенно неожиданного плана, запомнилась лучшему футболисту 1963 года навсегда: в раздевалку перед полуфиналом пришел познакомиться сам Рикардо Замора.

Видите ли, большое количество людей воспринимают признание в качестве всевозможных наград, следующего за ними материального благополучия (возможна обратная последовательность) и, разумеется, столь сладкой сердцу безумной популярности. И лишь немногие исходят из того, *кто* именно оценил их труд.

Яшин, без сомнения, относился к счастливому меньшинству. И когда вошел великолепный испанец, они, великие братья по цеху, сразу же крепко обнялись. «Всегда мечтал играть, как Замора», — дрогнувшим голосом вымолвил Лев Иванович. «Я польщен словами Яшина, но он давно уже превзошел меня, став лучшим вратарем мира», — прозвучал достойный ответ.

Как мы помним, «Золотой мяч» тогда в «мировом масштабе» еще не вручали. Так вот: свободно можно считать: Лев Яшин 17 июня в Барселоне его получил. Может, не все приз разглядели, что, впрочем, — уже детали.

Итак, в финале 21 июня мы наконец-то встретились со сборной Испании. По идее, диктатор Франко вновь мог помешать долгожданному свиданию. Достаточно было под каким-либо бестолковым предлогом просто запретить въезд советским спортсменам на территорию осененной его гением страны. И не помолодел ведь каудильо за четыре года — а с возрастом не всегда мудреешь. Однако обошлось всё, слава Создателю.

Прямо скажем, матч нельзя назвать феерическим. Шла трудная, умная мужская борьба. За каждый клочок поля, его метр, дециметр, сантиметр. Голы в этой суровой схватке — тоже заработанные, когда кто-то пересилил, преодолел, а кто-то, увы, оплошал.

Наши первыми и опростоволосились, когда на 6-й минуте Валентин Иванов ошибся в центре поля и отменно отыгравший весь поединок Суарес прошел справа и образцово подал в

штрафную. В которой Шестернев до мяча не достал, а Виктор Шустиков, наоборот, осуществил прием — и так неловко, что фактически отпасовал под удар из убойной позиции Переде. Испанец ударил от души. 1:0.

А затем пришла пора переживать хозяевам. Эдуард Мудрик отменно вывел Галимзяна Хусаинова по месту левого инсайда вразрез с двумя испанскими оборонцами. Гиля всё четко проделал, а именно: попал в створ из пределов штрафной. От нападающего по-хорошему большего и не требуется. Испанский коллега Яшина, Ирибар, возможно, ожидал дальнейшего продвижения с мячом в ногах и, несомненно, неловко отреагировал на вроде бы несложный удар.

Но, как до нас правильно сказано: «Не судите, да не судимы будете». Всё-таки бил советский левый край с близкого расстояния, без обработки. Потом: то ли поймать мяч, то ли отбить? Тяжелая жизнь у вратарей. Ирибар пропустил. Сыграв тем не менее очень хорошо всё оставшееся время. Словно югослав Видинич четыре года назад, тоже в финале. Только тогда сборная СССР ввиду ошибки чужого стража ворот выиграла…

Еще одна перекличка с успехом во Франции заключается в том, что на 25-й минуте Переда ударил даже опаснее и тоже из пределов штрафной похожим образом. А Яшин вновь, как и в сумасшедшем Париже, остался на месте и не пропустил.

Второй тайм, считают некоторые специалисты, остался за испанцами. Может быть. А может и нет. Гости также часто и плодотворно атаковали. Впрочем, по известной причине нас интересуют моменты у советских ворот.

На 50-й минуте, например, Амансио, завершая хорошую комбинацию, бил в левый нижний угол — Яшин отбил. А на 56-й англичанин Холланд не дал чистый пенальти в наши ворота. Учитывая, что через 22 минуты он не засчитал гол того же Переды, обвинять судью в какой-то предвзятости по отношению к стране социализма, по меньшей мере, некрасиво.

Надобно подчеркнуть: и у Хусаинова момент был (если бы Галимзян не поскользнулся после выверенной комбинации — быть бы голу), и Валентин Иванов на границе чужой штрафной чуть замешкался, задумавшись, похоже, о совершенстве, — у соперников вышло всё тривиально и результативно.

На 84-й минуте Марселино после передачи Переды с правого фланга изящно ударил головой по мячу, который и влетел в ворота Яшина. Тут уж спора нет.

Хотя разнообразные суждения имеются. Интересно мнение А. М. Соскина: «Не вышел Лев на перехват, как обычно поступал в таких обстоятельствах, потому что Альберт Шестернев (всё-таки

это был № 2, Виктор Шустиков. — *В. Г.),* пытаясь выловить в воздухе мяч, вступил с испанцем в борьбу, третий — вратарь — всегда в таких случаях лишний». Истинная правда. Далее — наиболее важное: «Увы, форвард выиграл опережение, а вот почему Яшин на его кивок головы даже не дернулся, застыв статуей, для меня вопрос без ответа.

Удар головой Бобби Смита в матче века был, по-моему, сложнее».

Здесь весомы два обстоятельства. Первое почти изложено: испанец бил из-за защитника, закрывавшего в какой-то мере обзор. Не исключен и возглас: «Играю!» — от Шустикова. А вот сравнение с ударом Смита из лондонского матча поможет понять вторую особенность «укола» Марселино. Он, хитрый, мастерски пригнувшись, подрезал мяч, и куда тот полетит — вправо или влево, уяснить за долю секунды очень нелегко. В то время как честный английский Бобби угрожал примерно с той же дистанции, однако по единственно возможной траектории.

Завершающую пятиминутку нашим не удалось провести, как ударную пятилетку. Проиграли. А проявили себя достойно. И в игре, и — особенно — после нее. Журналисты же со всей бесцеремонностью «свободной» прессы влезли в раздевалку и принялись задавать усталым донельзя, еще не отошедшим от проигранного финала игрокам откровенные, а где-то и безжалостные вопросы. Советские футболисты оказались на высоте. Никто никого не винил. «Считаете ли вы заслуженной победу сборной Испании?» — «Да», — однозначно ответил молодой коммунист Лев Яшин. Остальные высказывались пространнее, но суть та же: поражение закономерно, у испанцев отличные игроки, претензий к судейству, приему и болельщикам нет. За «железным занавесом» почему-то совершенно искренне поразились, какой у нас мыслящий, объективный, воспитанный спортивный народ.

В результате Советский Союз завоевал второе место. «Серебро». Трудно поверить, но вылился этот безусловный успех в жуткий скандал. Бескова, обвинив в провале, сняли. Чуть из партии не исключили. Послали в итоге тренировать луганскую «Зарю» из второго дивизиона. Про восторги россиян по поводу «бронзы» 2008 года упомянем, что называется, для контраста.

Справедливости ради, Яшина волна недовольства не затронула. Не те времена. «Золотой мяч» тонны весит.

А в чемпионат Союза и прочие внутренние состязания участники испанских баталий влились легко, будто и не уезжали. «Ведь первые игры, — констатировал в „Футболе“ 12 июля Василий Соколов, — после перерыва в чемпионате удались и

В. Воронину, и В. Иванову, и Л. Яшину, и другим игрокам сборных команд страны».

К чему спорить с заслуженным мастером спорта? Вернее будет подтвердить его правоту. И факты налицо.

11 июля А. Леонтьев и М. Супонев («Советский спорт») передают из Минска, где накануне выступали одноклубники: «Вначале Сафронов сильным ударом головы послал мяч в цель. Однако Яшин великолепным броском отвел из-под крестовины мяч на угловой». 0:0. 16 июля с «Крыльями Советов» получилось результативно. Выиграли 1:0, и не без приключений: «Правда, до того, как динамовцы открыли счет, выход Жукова один на один с Яшиным мог кончиться плохо для динамовцев. Опытный вратарь расчетливо выбросился навстречу нападающему и взял мяч». А. Вит в «Футболе» 19 июля авторитетно подтвердил, что «как всегда уверенно играл и руководил защитой Яшин». И так далее. Вплоть до игры бело-голубых против в какой-то мере «бывших своих». Речь о ярославском «Шиннике», куда отправляли доигрывать потерявших место в составе москвичей, благо до славного древнего города от столицы четыре часа езды на электричке.

«Федосов вышел один на один с Яшиным, но динамовский вратарь, уверенно проведший весь матч, и в этой ситуации оказался на высоте», — писал О. Кучеренко 7 августа в «Советском спорте».

Генрих Федосов выступал не один год за «Динамо» вместе со Львом Ивановичем. Они даже приятельствовали. Сосредоточенно внимавшему голкиперу начитанный форвард когда-то декламировал стихи. Всё бы здорово. Да потом Генрих загулял вместе с Дмитрием Шаповаловым. И в 61-м Яшин поддержал вердикт о их отчислении из команды. Теперь нападающий вряд ли желал нынешнему противнику остаться «сухим». Хотел очень забить. Однако Яшин «на высоте».

А вот весь динамовский коллектив остаться наверху не смог. Итоговое седьмое место после прошлогодних золотых медалей не могло не расстроить. Да, несомненно, прибавили блистательные тбилисцы и поразительные торпедовцы. Другие тоже не дремали: и ростовчане, выпестованные до сих пор не оцененным по достоинству В. А. Масловым, и поднимающие голову армейцы Москвы с центрфорвардом В. Г. Федотовым, и «Шахтер», стабильный в ту пору почти всегда. Значит, случилась некая «ходьба на месте», означавшая уже тогда откат с завоеванных позиций.

Одним словом, хотя Яшину не за что было себя винить, динамовский сезон-64 получился провальным. И из Кубка

вылетели, пропустив далее «Крылья Советов». Вратарь-то выручал: «Несколько дальних, но точных ударов берет Яшин. Затем он снимает мяч с ноги у Кикина» (А. Яковлев, «Советский спорт», 8 сентября). А. П. Старостин в «Футболе» красноречиво подтвердил 13-го числа: «Проливной дождь голевых моментов полился у ворот москвичей. Яшин несколько раз ликвидировал опасность». Да толку-то. Сломалось что-то внутри механизма.

Посему посмотрим, что снаружи. За границей, признаемся, популярность Яшина растет. 23 сентября их с Ворониным пригласили участвовать во встрече сборной Югославии против сборной Европы. Дадим слово превосходному советскому полузащитнику Валерию Воронину, человеку одаренному, в том числе и литературно: «Дважды Яшин парировал удары, но Б. Костич всё же сумел добить мяч в сетку». Затем, не дав опомниться: «Штурм продолжался. Но защита выстояла. Хорошо руководили обороной Яшин и Шнеллингер. А как они понимали друг друга — просто на удивление всем. Впрочем, Шён (тренер сборной Европы в данном матче и многолетний наставник команды ФРГ. — *В. Г.)* еще до игры говорил, что у этой пары отличный контакт».

Про контакт уже говорилось, а о причине его прочности и качественности расскажем в последней главе. Пока обратимся к впечатлениям старого доброго знакомого Яшина Боры Костича, пробивавшего в том матче пенальти (передано тем же В. И. Ворониным): «Смотрю, вратарь занял неправильную позицию. Ближе к одной из стоек, тогда решил бить в открытый угол. Разбегаюсь, занес для удара ногу и вдруг соображаю: да ведь в воротах-то Яшин! Ну, думаю, всё ясно — ловушка… Попался, как мальчишка… Ну, ударил, конечно, как бог на душу положит».

Тридцатичетырехлетний «мальчишка», не раз противостоявший советскому голкиперу, одиннадцатиметровый, разумеется, не реализовал. А болельщики «со стажем» без труда вспомнят пенальти от австрийца Буцека на чемпионате мира 1958 года с тем же тактическим ходом вратаря и тем же успешным для советской команды исходом. Это говорит об одном: готовясь к дуэли со Львом, форвард обязан, что называется, изучать историю вопроса.

А Европа в результате разгромила югославов 7:2. По девять высших баллов за матч заслужили Яшин и Эйсебио.

За континент, словом, отыграно, как надо. За СССР выходило по-разному. Австрии, в частности, 11 октября уступили в Вене 0:1. Неудобный, прямо скажем, для 60-х годов противник. Потом голкипер горестно разъяснял корреспонденту В. Пахомову

(«Футбол», 18 октября): «Вот приедем мы в Москву, расскажем о матче, о том, как играли. А нам, пожалуй, не поверят. Не поверят, что играли лучше австрийцев, больше атаковали, не поверят, что судья несколько раз ошибся». Стоит добавить: сам Лев Иванович отбил пенальти от Коллера (о чем, кстати, «забыл» напомнить журналисту), а гол австрийцы провели с добивания после штрафного, когда стенка уже рассыпалась и Глехнер бил со всеми удобствами. Указанные обстоятельства недвусмысленно сообщают о неладах в защитной линии. Вратарь же, нетрудно убедиться, товарищей ни в чем винить не собирается. Иное его беспокоит: «не поверят, пожалуй», на родине. И это говорит человек, признанный всей планетой! Почему же он почти убежден, что дома «не поверят»? И что надо сделать, дабы это убеждение так прочно в него вросло? Удивительно.

Между прочим, тот же В. Пахомов через три года вспомнит, что австрийское поражение, без преувеличения, очень сильно огорчило Яшина. В частности, в самолете он замкнулся, замолчал, не отвечая на бодрые шутки-прибаутки почему-то веселых товарищей. И до самой Москвы ни слова не проронил. Это о том, что и в сборной, среди избранных, он оставался человеком с особой совестливостью и непостижимыми для большинства переживаниями.

Впрочем, год завершился не на печальной ноте. В конце осени сборная отправилась на товарищеские игры в Югославию и Болгарию. Странноватое время, прямо скажем. И сезон в Союзе закрыт уже. Ну, новому старшему тренеру Н. П. Морозову и непосредственному руководству, вероятно, виднее.

В ярком, вопреки погоде, белградском поединке (против болгар решили попробовать Виктора Банникова) Яшин сыграл. 24 ноября в «Советском спорте» югославский журналист Т. Булья писал: «Хозяева поля как бы с новыми силами бросились атаковать ворота Яшина. Один за другим они создают опасные ситуации (Галич, Замбата, Скоблар и молодой Кобешчак). Однако вратарь советской команды отразил все их удары».

Дивно. И Милан Галич после Боры Костича тут как тут. Стоит добавить огня, плещущего через край из репортажа югославской газеты «Спорт», перепечатанного нашим «Футболом»: «Югославская сборная начала матч очень хорошо и сразу же заставила соперников перейти в оборону. И хотя советские нападающие уже на 9-й минуте использовали минутную слабость и оплошность нашего защитника Юсуфи и забили гол, никто на стадионе не сомневался, что скоро счет сравняется. Происшествие с пропущенным голом не поколебало югославских футболистов, которые на этот раз по просьбе телевидения выступали не в своих

голубых футболках, а в белых. Напротив, гол как бы вдохновил их на более мужественную и атлетичную игру. Зрители не имели времени для передышки от голевых моментов, которые возникали у ворот Яшина. Это была настоящая игра: каждая схватка высекала искры. Яшин летал из угла в угол ворот, шумел на партнеров, которые отбивались с большим трудом. Минуты мчались, а гола не было. И только на 23-й минуте Замбата заставил сдаться великолепного вратаря».

Во втором тайме давили уже Советы, а «Шкорич так же, как и Яшин, отлично защищал ворота». Но дело не в этом. Яшин, без сомнения, «летал и шумел», однако никому не «сдавался»: Замбата забил из такой позиции, когда не забить нельзя. Промахнувшийся должен был бы искать себе другое занятие.

Самое интересное, что труднейший 1964-й не завершился для Яшина ноябрьским (!) поединком за сборную. В декабре динамовцы совершили турне по Южной Америке, проведя восемь игр в Перу, Чили, Боливии и Венесуэле. Сыграли прилично: четыре победы, две ничьи, два поражения (одно — от национальной сборной Чили). Так вот: по контракту, свидетельствует Эдуард Мудрик, Яшин должен был выступить во всех матчах. Потому что за его участие платили вдвое больше. Понятно, что футболисты получали мизерную часть от заработанного. И поражает, естественно, не это, а то, насколько давно у нас в стране укоренились рыночные ценности! В собственно советском, разумеется, варианте.

В общем, Яшин провел 1964 год в кардинально ином качестве: победителя и триумфатора. Он достиг вершины, которая раньше казалась недоступной. Теперь он на ней находился. Вроде как сжился с нею. И дальше-то что делать? Играть вообще зачем?

Как трудно, когда ты победил, заново подниматься на бой!

И побеждать в том вечном бою главного неподъемного противника — самого себя. Такого заслуженного, уважаемого, все преодолевшего. Тем и особенно тяжек для вратаря был 64-й год.

Яшин, как всегда, сдюжил. А почему и как — мы до сих пор и разгадываем.

Советским журналистам в конце 64-го оказался привлекательнее проведший, без спору, отменный сезон торпедовец Валерий Воронин. Он и мужчина был красивый, видный. Яшин в списке лучших футболистов сезона оказался на четвертом месте, пропустив вперед еще и Иванова с Метревели.

Что же, восславим спортивную державу, которая может оставить вне тройки призеров признанного в Европе двенадцатью месяцами раньше обладателя «Золотого мяча». Тут сказались,

безусловно, и средненькое выступление динамовцев в чемпионате, и потрясающая переигровка тбилисцев с торпедовцами. Бело-голубые вместе с Яшиным к ней никакого отношения не имели.

Ничего. Зато страж ворот «Динамо» удостоился целой заметки на видном месте в еженедельнике «Футбол» от 14 февраля 1965 года. Правду сказать, то было сенсационное опровержение. Которое надо привести целиком.

«„Утка“ зарубежной прессы.

Воспользовавшись пребыванием лучшего вратаря мира в Бразилии, некоторые зарубежные газеты и агентства сообщили о том, что Л. Яшин якобы продан в профессиональную команду „Фламенго“. Нет нужды говорить, как далек этот вымысел от действительности. В ближайшие дни Лев Яшин приступает к тренировкам в своем спортивном клубе „Динамо“ (Москва)».

Наиболее поразительное в этой южноамериканской истории то, что «акулы пера» где-то правы. И — одновременно — нет. Начнем с того, что никакой «утки» на сей раз не было. Ведь если прошлогодний уругвайский случай на самом деле стал плодом чьей-то неуемной фантазии, то бразильская ситуация год спустя смотрелась совсем иначе. Несомненно, чтобы написать о контракте, его как минимум надо увидеть. Однако положа руку на сердце так ли делала и делает всепланетная пишущая братия? Порядок прежний: увидел что-либо — расскажи, напиши.

И что увидели многочисленные корреспонденты вместе с массой, кстати, остального любопытствующего бразильского народа? А то, что *Яшин вовсю тренировался с «Фламенго».* В открытую и не таясь. И сотни людей собирались смотреть на действо. Зрители есть зрители, а какой прикажете сделать вывод репортерам? Они и сделали. Думается, судить их не стоит. Ситуация вышла, мягко говоря, своеобразная.

Закрутилось всё с юбилея «Фламенго». 75 лет клубу исполнилось. Под серьезную дату организовали турнир, куда пригласили в компанию к хозяевам «Васко да Гама» мадридский «Атлетико» и сборную ГДР. Заметьте, из Советского Союза не позвали ни один коллектив.

Только Яшина лично. С супругой, естественно. Причины приглашения пытался угадать отправившийся вместе с четой Яшиных (а как же иначе?) заместитель председателя Федерации футбола СССР В. В. Мошкаркин: «Я подозреваю, что руководители „Фламенго“ имели в виду попросить Яшина встать в ворота „Фламенго“ в этом турнире, что обеспечило бы полные сборы, потому что популярность Яшина в Бразилии, как мы потом убедились, совершенно фантастическая, не меньше, чем

популярность Пеле и Гарринчи». Но Яшин «прибыл в Рио только после турнира» (тот же номер «Футбола» от 14 февраля).

Даже и по сегодняшним, весьма свободным временам представить себе условных Акинфеева или Касильяса, собирающихся охоты ради позащищать цвета иной команды, — практически невозможно!

Мало того, позволить возможному сопернику снимать собственные тренировки! Бразильцы, как потом пояснял тот же В. В. Мошкаркин в следующем номере еженедельника, рассуждали просто: «У нас нет хороших вратарей. А вот теперь мы раскроем секреты Яшина, и у нас появится свой Яшин». Наивно? Без сомнения: такой «свой» не появился и поныне. Однако позиция Льва Ивановича вызывает особенное почтение. Спокойно, не спеша, под стрекот кинокамер показать, ничего не утаивая, особенности специальной подготовки доступно лишь сильному, безгранично уверенному в себе человеку.

Честное слово, мир рядом со Львом Ивановичем как-то неотвратимо нормализуется. Пусть и ненадолго. Так как вскоре, вдоволь порадовав гостеприимных южноамериканцев, и Лев Иванович и Валентина Тимофеевна, естественно, вернулись домой. В «Динамо».

До того, правда, прошло мартовское турне сборной по Югославии и Италии, где играли с местными клубами и Яшин чередовался с бурно прогрессирующим Виктором Банниковым.

Выводы тренеров главной советской команды далеко впереди, а вот чемпионат страны стартовал 15 апреля, когда москвичи с Яшиным в воротах проиграли киевлянам на выезде 0:1. Репортаж А. Р. Галинского в «Советском спорте» на следующий день смотрится знаково и символично: «На 73-й минуте Яшин, огорченно махнув рукой, отправился в ворота и достал мяч, который оказался в сетке не по его вине. Он, Яшин, и в этом случае был собой, Яшиным. А в том, что киевляне забили мяч, могут от начала и до конца чувствовать себя виноватыми защитники. Это они (в особенности фланговые Мудрик и Глотов) играли в стиле, который можно назвать „на грани фола“. На 73-й минуте Рубенис назначил свободный удар в пределах штрафной площади. Дело происходило на левой стороне штрафной площади московского „Динамо“. Центр штрафной прикрывала „стенка“. Серебряников пробил довольно резко с расчетом на то, что мяч будет отражен защитниками на набегающих киевских игроков. Так оно и случилось. И, когда мяч оказался на правой стороне, его в удивительно красивом и сильном броске достал Сабо. В этой круговерти Яшин сделал всё, что можно, предугадать течение событий не смог бы никто».

Аркадий Романович Галинский, один из сильнейших советских спортивных журналистов, относился ко Льву Ивановичу превосходно. В том мы уже не раз убеждались. Однако большая цитата (которая обязательно будет продолжена) приводится не для подтверждения известного. Просто нельзя удачнее расставить действующие лица на сцене, где играется непредсказуемый спектакль первенства Союза 1965 года. Полевые динамовские исполнители, нетрудно догадаться, вновь оказались не на высоте. Механизм продолжал давать сбои. И хотя на финише удастся побольше, — всё одно: не то, не то. Разве с 1963-м сравнить?

«А Яшин играл в своей обычной манере, — продолжал А. Р. Галинский из Киева, нежданно для себя определяя суть едва начавшегося сезона, — чередуя точный выбор позиции в воротах с выходами вперед. Между 7-й и 9-й минутами он взял несколько отличных мячей: вначале вынес на угловой отличный удар Сабо, затем забрал мяч с ноги Пузача и, наконец, выйдя вперед, разрушил намечавшуюся угрозу. Во втором тайме он взял сильный низовой удар от Сабо, который в этом матче был самым активным игроком».

И так до некоторого времени дело и пошло: «Яшин был собой», а выходило в целом как-то не очень. Посмотрим «иллюстрации» из «Советского спорта».

В. Рыкунов 22 апреля о поединке накануне с армейцами в Ростове: «В конце встречи Яшин, ликвидируя опасный прорыв Ситаева, выбежал из штрафной площади и отбил мяч ногой. Но едва он успел вернуться в ворота, как Спиридонов четким ударом в ближний угол сравнял счет». Угол-то ближний, а где же защита, столь щедро позволявшая бить? А вот матч уже с московскими армейцами: «Федотов, прорвавшийся по флангу, сильно пробил, и Яшину приходится отразить нелегкий удар». А вот и закономерный гол красно-синих: комбинация «заканчивается ударом Казакова в дальний нижний угол. Против такого сделанного без подготовки удара Яшин оказался бессильным» (А. Вит, 28 апреля). И, наконец, последнее явление перед антрактом. 13 мая В. Набоков пишет об игре с «Нефтяником» (0:0): «И снова с лучшей стороны показал себя Яшин. Так, на 78-й минуте Гаджиев неожиданно пробил по воротам. Но чутье позиции не подвело Яшина, он своевременно переместился в дальний угол и в прыжке взял мяч. Еще через четыре минуты вратарь парировал сильнейший удар Туаева».

И лишь теперь, когда мы поняли, как он играл и творил, лишь теперь — антракт. Причины его разъяснять излишне. Яшин уже не раз лечился по ходу действия. В «Динамо» на долгих два месяца (возвращаться приходилось всё труднее) его заменил

девятнадцатилетний Александр Ракитский, в сборной — маститые и честолюбивые Банников и Кавазашвили.

Клубный дублер проявил себя хорошо. Не зря вошел в молодежную сборную и стал лучшим дебютантом сезона-65. И кумиру даже внешне старался подражать: голову нагибал, как Яшин, мяч в поле выбивал точно так же[18]. Однако заменить фигуру такого масштаба безболезненно нельзя. И так не блиставшие динамовцы постепенно оказались в неприятном далеке от призовой тройки.

Да и в сборной, где выступали куда более опытные люди, в серьезной игре случился подлинный провал: 4 июля в Лужниках при 102-тысячной аудитории сборная СССР проиграла Бразилии по всем статьям 0:3. Пропустили и Банников, и заменивший его во второй половине Кавазашвили. В принципе, стражей ворот в тех голах никто особенно и не винил: играли против Пеле (Гарринча вышел в конце «для полноты картины») с «еще» Джалмой Сантосом, Орландо, Беллини и «уже» Герсоном и Жаирзиньо. А осадок у зрителей всё равно остался. Он почти выветрится после ответного матча в самой Бразилии. Там сыграет Яшин и вернется Альберт Шестернев. Но до поздней осени еще далеко.

Нам же интересно послушать небольшое интервью Л. Костаняна с Пеле, опубликованное в «Советском спорте» 6 июля:

— А кому из вратарей, на ваш взгляд, труднее всего забивать мячи?

— Я многих не знаю, но из тех, кого знаю, лучшими считаю нашего Жилмара и вашего Яшина. Пожалуй, можно еще назвать мексиканца Карбахала и аргентинца Каррисо.

Строгий критик позволит себе упрекнуть 24-летнего тогда Короля в явно чрезмерной политкорректности: и «нашего» назвал, и «вашего». И Карбахала, в конечном счете сыгравшего на пяти (!) чемпионатах мира, и Каррисо, только что завершившего блистательную карьеру и ставшего, опять же впоследствии, лучшим вратарем Южной Америки XX века. Никого не забыл. Однако почему бы не поверить в искренность, которой, кстати, Пеле по молодости отличался?

Ну а через две недели состоялось возвращение Яшина. И теперь уже советским нападающим пришлось задуматься о «феномене Яшина».

20 июля В. Рыкунов в «Советском спорте» рассказывает о нулевой ничьей с «Черноморцем», обращая внимание на неожиданные подробности: «На 38-й минуте Поркуян, оставшись один на один с Яшиным, непонятно почему отпасовал мяч

Коршунову. Через несколько минут такую же ситуацию не использовал Дерябин». То есть также сам не бил, а кому-то куда-то передал, чтобы тот точно врезал «по голу». В общем, не забили одесситы. Через четыре дня у куйбышевских футболистов дело дошло до решающей фазы. До пенальти. «Однако, — сообщает А. Башкатов из будущей Самары, — Капсин пробил на Яшина».

Следует, несомненно, посочувствовать форварду: варианта отдать виртуальному партнеру, в отличие от удачливых моряков, у него не было. Вот и ударил прямо вратарю в руки. Тот и принял без особой благодарности. Вновь — 0:0.

Некая тенденция прослеживается. Побаиваются нападающие Льва Ивановича.

Еще через четверо суток в Ленинграде состоялся прямо-таки психологический поединок. Н. Шагин в «Советском спорте» 28 июля поведал о нем под названием «Яшин и пенальти»: «Мяч на 11-метровой отметке. В воротах Лев Яшин, пенальти готовится бить Лев Бурчалкин. Участники этого поединка как бы гипнотизируют друг друга. И победителем выходит Яшин: мяч проходит в нескольких сантиметрах от штанги». А общий результат — ничья, 1:1, так и поединок завершился. Яшинский тезка мог переломить ход встречи — ведь только что забил с игры. И дубль во многом определил бы исход. Не определил вот.

Не надобно вооружать глаз, чтобы понять: фигура Яшина добавила стойкости на последнем рубеже. По идее, с голкипером рядом работает его репутация. Если уж гранд Бора Костич, Яшину в свое время забивавший, засмущался, то что уж говорить о наших, менее искусных и опытных нападающих.

Короче говоря, «Футбол» 25 июля справедливо заметил: «Возвращение Льва Яшина в ворота столичных динамовцев, конечно, поможет коллективу. Но нужны иные меры». Мер в 1965 году пока не нашлось. Динамовцы вновь выступали ниже своих возможностей (о причинах достаточно аргументированно расскажет старший тренер Вячеслав Соловьев через полтора года). Сейчас не об этом. Попробуем определить, пусть вкратце: почему же Яшин успевает предугадать решение атакующих? Ведь именно оттого они чувствуют неуверенность.

1 августа в «Советском спорте» напечатана небольшая заметка «Диалог на трибуне». Полуфинал Кубка СССР между динамовцами Минска и Тбилиси пришли посмотреть их столичные одноклубники Лев Яшин и Георгий Рябов. Последний даже в анализе эпизода чуть опережает великого соратника, зато вратарь предметно проникает в суть вопроса. Так вот, минчанин Адамов готовится бить штрафной. «Г. Рябов говорит вслух, ни к кому не обращаясь:

— Сейчас будет гол.

— Точно, — откликается вратарь москвичей Л. Яшин.

Нападающий минчан Л. Адамов устанавливает мяч. Вратарь тбилисцев С. Котрикадзе дает последние указания защитникам. Адамов разбегается, бьет, и мяч влетает в верхний угол ворот.

— Как вы угадали? — спрашиваем мы Рябова.

— Стенка закрыла один угол, — отвечает он. — А Котрикадзе занял место в центре ворот.

— Да, — подхватывает Яшин. — Было видно, что Котрикадзе смещается от центра ворот только в тот угол, куда он ставил стенку, чтобы проверить, правильно ли она стоит! Обычно надо в это же время самому выбрать место в другом углу.

— Но что поделаешь, — добавляет Рябов, — со стороны, когда не волнуешься, конечно, виднее».

Добрый товарищ Льва Ивановича, доросший не без его влияния до уровня сборной Георгий Рябов в последней реплике корректен и участлив. Однако не забудем: за грузинских динамовцев выступал в том полуфинале Сергей Котрикадзе, вокруг которого три года назад в Чили случилось так много споров. Голкипер обоймы сборной не может быть плох однозначно. А вот ошибся. И Яшин указывает на просчет методически четко, с исчерпывающими формулировками. Он знает, как надо. И всё равно непрерывно занят сугубо профессиональными размышлениями (истории с пенальти — не случайность), которые при этом способен доступно преподать. Это к тому говорится, что, по крайней мере, наставником вратарей его обязаны были назначить по завершении карьеры. До чего, слава богу, пока еще очень далеко. А накопленные знания и умения 29 августа 1965 года он получил возможность применить в принципиальном поединке с будущими чемпионами — московскими торпедовцами. Бело-голубые одержали блестящую победу 3:1, и роль вратаря была, как всегда, велика. Жаль только, не удалось Яшину по новой противостоять связке Иванов — Стрельцов: Эдуарда Анатольевича уже отпустили на свободу, он прекрасно проводил сезон, а против «Динамо» не вышел по иным, не столь непреодолимым причинам. Гол тем не менее организовала новая черно-белая пара: «Воронин находит щель в обороне и искусно выводит вперед Сидорова, тот посылает с ходу красивый и неотразимый мяч в ворота динамовцев» (А. Вит, «Советский спорт», 31 августа). И расстраиваться, похоже, не стоит: мяч-то пропущен из категории: «А что поделаешь?»

Как бы то ни было, а победа над сильнейшей на тот момент советской командой добавила положительных эмоций перед товарищеской игрой с Югославией.

Тем более вызвали его, Яшина.

Политика старшего тренера сборной страны Н. П. Морозова, следует заметить, выглядела достаточно гибкой. Ясно, что с Бразилией Лев Иванович не сыграл бы при любом раскладе. Но о выборе Банникова в качестве основной кандидатуры написал известный журналист Илья Бару: «Недаром Н. Морозов говорит, что, наблюдая за его игрой, он окончательно утвердился во мнении: „Банников — один из первых кандидатов в сборную СССР“». Насчет «один из…» не станем обольщаться: кто ж напрямую скажет, что Яшин — дублер?

Стоит подчеркнуть: в поведении Николая Петровича Морозова нет в данном случае ни грана непорядочности или коварства. Человек должен вывести сборную на первенство мира. И в этой финальной пульке дойти уж точно до медалей. Тяжелейшая ноша! А для осуществления указанных целей необходим надежный первый номер основы. И Виктор Банников, атлетичный, прыгучий, сезон 1965 года проводил отменно.

И всё-таки 4 сентября в Москве выходит Яшин.

Слово А. Р. Галинскому: «К 24-й минуте относится самый острый момент тайма. Наша защита пропустила к воротам Скоблара. Перед ним нет никого, кроме Яшина, и стадион замер.

Яшин бросается вперед. Это было единственно правильное решение. Не только потому, что он сужал тем самым Скоблару угол обстрела, но еще и потому, что началась уже ответная игра на нервах у форварда. Скоблар в принципе мог приостановиться, чтобы сыграть точнее, мог и подступить ближе. Но он не выдержал атаки, ударил с ходу. А Яшин метнулся в нужную сторону, преградив дорогу мячу» («Советский спорт», 5 сентября).

«Футбол» от 6 сентября использует, как частенько случалось, источник с другой стороны. Журналист Крешо Шпетелич: «Однако югославские бомбардиры побаивались защищавшего ворота Яшина и старались как можно быстрее отделаться от мяча». И про момент на 24-й минуте: «Югослав Скоблар в начале игры оказался с глазу на глаз с Яшиным и испугался, видимо, этой встречи. Советский вратарь великолепно действовал в этой ситуации. Он овладел мячом».

Так и завершилось 0:0. Наши тоже не забили.

И это сейчас не так актуально. Важнее то, что мы досконально узнали ответы на два вопроса. Один таков: почему же Н. П. Морозов выбирает именно Яшина для серьезной, принципиальной игры с вечным соперником? И второй, возвращающий к истокам: почему же Поркуян и Дерябин старались обойтись без удара по воротам, а Капсин с 11 метров ударил прямо во вратаря?

Ведь до невозможности понятно становится: если «пограничную полосу» вместе с «часовым у ворот» будет охранять его репутация — это преступно не использовать! Так что пока шло всё очень правильно.

В отборочных матчах с Грецией и Данией Яшин без вариантов и по справедливости занял законное место. Упомянутые поединки, которые определяли обладателя путевки на чемпионат мира в Англии, являлись вторыми за год. По одному разу СССР с соперниками по группе отыграл. О тех встречах мы не упоминали, поскольку, как известно, Яшин тогда брал паузу в выступлениях. Стопроцентного результата добились и без него. Средний уровень футбола в Европе, в чем неоднократно приходилось убеждаться, был тогда неизмеримо ниже сегодняшнего. Ныне и с Андоррой-то, если придется выступать на ее поле, приходится помучиться. А в те времена и Греция, и Дания и помыслить не могли о «золоте» Старого континента. Валлийцы (Уэльс), понятно, смотрелись покрепче: так не всё же со слабаками играть! Яшин, впрочем, против «младших британцев» и не выступил — уже не нужно было.

Греки приняли советскую команду 3 октября в Пирее. Не надо забывать: даже не самая сильная сборная очень хочет в финальную часть первенства планеты и при поддержке родимых зрителей (те-то за полвека точно не стали другими) готова прыгнуть выше головы.

5-го числа Лев Филатов в «Советском спорте» писал: «Резкий рывок, и пушечный удар Сидериса нарушил спокойствие. Яшин в высоком броске кончиками пальцев отвел мяч за линию. Сидерис подбежал к нашему вратарю и восторженно пожал ему руку».

Оба молодцы. Грек — за удар и благородство. О заслуге Яшина могла бы поведать фотография ТАСС. Однако сохранилась она настолько плохо, что привести ее нет никакой возможности. Придется ограничиться исчерпывающей подписью: «На снимке: еще одна мощная контратака сборной Греции. Вратарь советской команды Л. Яшин в виртуозном броске парирует мяч, пробитый центральным нападающим греков Сидерисом». Снимок с текстом на первой странице номера за 5 октября. Так редко делают. Только когда произошло реальное «спасение».

Которое оказалось не последним. «Однако когда всё тот же Папаионоу с ходу ударил по воротам и Яшин был заслонен от него игроками, зрители уже вскочили с мест, готовясь приветствовать гол. Аплодировать, однако, им пришлось советскому вратарю. Удивительным броском, коротким и точным, Яшин в последнее мгновение накрыл мяч», — всё тот же незабываемый Л. И. Филатов.

Результат: 4:1 — в пользу объективно сильнейших. У греков отличился Папаиоанну (тогда фамилию произносили и писали буквально — Папаионоу), воспользовавшись некоторой несогласованностью Яшина и Шестернева. Да и то, отдай центральный защитник мяч назад посильнее или выбей его, на худой конец, в аут — и не сработал бы шустрый грек на перехвате (впоследствии замечательный футболист, один из самых техничных игроков своей страны). Виноват-то всегда пасующий. А им и был оплот обороны.

Подытожим отзывом старшего тренера Н. П. Морозова: «В матче с греческими футболистами я не могу не отметить четких и продуманных действий Льва Яшина. Мы, тренеры команды, еще раз наблюдали, как он умеет руководить игрой, и не только защитников» («Футбол», 10 октября).

А 17 октября после победы над датчанами в Копенгагене 3:1 наша сборная обеспечила себе место в числе шестнадцати сильнейших команд мира. Отчет в «Футболе» 24 октября так и назывался: «От Копенгагена до Лондона». Хотя качеством советской игры журналисты остались недовольны. Тот же, допустим, гол датчан: «„Девятка“, использовав ошибку Пономарева, заставил Яшина вынуть мяч из сетки» (А. Александров). «Советский спорт» (М. Мержанов, 19 октября): «Но стоило защитнику Пономареву ошибиться, как мяч от ноги Троельсена влетел в сетку ворот, защищаемых Яшиным». Дело не в виновнике, пусть и дважды названном, — вся команда действовала ниже своих возможностей. А ведь на британских полях ее ждали куда более серьезные оппоненты, нежели греки, датчане и валлийцы.

И Яшин с Ворониным как самые известные в Европе фигуры среди отечественных мастеров нашли в себе мужество признать перед зарубежными корреспондентами факт не самого лучшего выступления советской сборной. Правда, после мадридского финала информированных людей такое поведение вряд ли удивило. Подлинную порядочность нельзя продемонстрировать по заказу однажды. Как и противоположные качества.

Тем временем подошел к концу чемпионат СССР 1965 года. Динамовцы, безусловно, ожившие с возвращением в строй Яшина, не выглядели вовсе беспомощными и до последнего момента претендовали на «бронзу». Первые два места, солидно оторвавшись от остальных, разыграли бывшая и тогдашняя команды В. А. Маслова: «Торпедо» и киевское «Динамо». Московским одноклубникам украинцев заиметь такого наставника, как Виктор Александрович, пока не удалось. Итог — четвертое место. Однако перемены грядут. Не станем торопиться.

Для сборной же год вновь не закончился. Последовало турне в Южную Америку. И это по окончании тяжелейшего сезона. Что делать — договоренность. Те же бразильцы приезжали в удобное для нас время. И всё равно верить в приличный результат глубокой осенью против двукратных чемпионов мира на их поле мог только неисправимый оптимист.

Так вот: 23 ноября указанный уникальный гражданин мог заслуженно торжествовать. В этот день «Советский спорт» вышел с бодрым сообщением на первой полосе: «Лучший вратарь мира и лучший форвард мира: Лев Яшин успел опередить Пеле в матче сборных Бразилии и СССР».

Следующий затем отчет корреспондентов ТАСС М. Алябьева и А. Козлова счастливо отличался от памятных «тассовок» 1962 года. По мнению тандема, первый тайм, во что и сегодня верится не без труда, прошел без перевеса хозяев поля. Наши действовали чрезвычайно внимательно и сумели отрезать Пеле от мяча. Очень старался и Валентин Афонин, персонально опекавший Короля.

Справедливости ради стоит упомянуть и точку зрения «Футбола»: «Яшин, довольно быстро вступив в игру, берет ряд мячей от Флавио, Пеле, Герсона». Видимо, «тассовцы» сочли те угрозы советским воротам несерьезными. В любом случае спорить незачем: основные события развернулись во второй половине встречи. «Счет был открыт, — повествует „Советский спорт“, — на шестой минуте после перерыва: красиво и сильно пробил Герсон с близкого расстояния». В «Футболе» от 28 ноября на этот раз добавление и уточнение: «Вот Герсон, получив мяч от Параны, успевает проскользнуть чуть мимо Сабо и Шестернева. Яшин уже не мог остановить его удар. Мяч не брался. 1:0». Затем еще хуже стало: «Через три минуты был забит второй гол. Пеле и Жаирзиньо разыграли остроумную комбинацию. Прорвавшийся вперед Жаирзиньо неожиданно отбросил мяч назад Пеле, который проскочил по центру между двумя защитниками и точно послал мяч в сетку» («Советский спорт»), «Футбол» кратко подтверждает: «Пеле выходит на свободное место и косым ударом слева направо удваивает счет. 2:0». «Это были очень трудные минуты для наших ребят, — продолжают тассовцы образца 1965 года. — Дрогни они хоть чуть-чуть, и поражение с крупным счетом стало бы неизбежным. Но советские футболисты сумели погасить атакующий пыл грозных соперников и сами повели наступление на ворота бразильцев».

Вы обратили, наверное, внимание: Яшин в повествовании о втором, результативном, тайме почти не упомянут. О нем речь, только когда дважды чемпионы мира забивали на 51-й и 54-й минутах. Однако роль его в те, жутко тяжелые минуты после гола

Пеле, — огромна. И уяснить это возможно по действиям бразильского коллеги Льва Ивановича, Манги.

На 59-й минуте он (кстати, год спустя знатно напортачивший в Британии) выбросил мяч на голову Банишевскому. «Наш форвард хладнокровно наказал голкипера» («Советский спорт»). Уже 2:1. И бразильцы, предвкушавшие разгром (сам Пеле потом признал), засуетились. Забивали-то с таким трудом, весь первый тайм мучились, боролись — и вот на тебе: столь легко пропустили в ответ. Как будто у бочки течь образовалась: сколько ни вливай — всё обратно уйдет.

Под их королевскую нервозность наши счет и сравняли. Метревели забил «несильным, но неожиданным ударом». Притом Слава добивал, потому что Манга отразил мяч в стойку ворот, а наш форвард вовремя подоспел. Получается, бразилец еще раз не выручил в необходимый момент. Косвенным образом подтвердив, насколько же велика роль голкипера на поле.

И твердостью Яшина сборная СССР компенсировала разницу в мастерстве, которая, несомненно, имелась, добившись почетной ничьей 2:2.

А турне продолжалось. 3 декабря в Аргентине также разошлись миром — 1:1. На сей раз Банишевский открыл счет на 9-й минуте. Аргентинцы отыгрались после штрафного на 48-й минуте: «Онега мастерски исполнил удар и сравнял счет — 1:1. Яшина нельзя считать виновником пропущенного мяча» («футбол», 4 декабря).

Валерий Воронин 1 января нового, 1966 года делится подробностями в том же еженедельнике: «Гол, правда, был довольно случайным. Л. Яшин ставил стенку, и в этот момент Онега ударил по воротам». Будем считать, что получилось по правилам. Тогда как же оценивать следующее свидетельство лучшего советского полузащитника о действиях аргентинцев против советского вратаря: «…а сейчас его ударили после того, как он отбил мяч, поданный с углового. Я не успел еще понять, в чем дело. А на поле уже выбежали запасные игроки, зрители. Первым на помощь Яшину подоспел В. Афонин. Полицейские появились позже всех. Совместными усилиями инцидент мы ликвидировали». Всё же нет ценнее тех свидетельств, что по горячим следам.

Главное началось потом: «Аргентинцы тут же попытались развить успех. Они настойчиво атакуют и несколько раз опасно бьют по воротам. Яшин действует безошибочно в самых сложных ситуациях» («Советский спорт», 5 декабря). «Футбол» выделяет один, самый опасный удар: «Три минуты спустя аргентинцы едва не вышли вперед. Яшин парирует удар, мяч попадает в штангу и

уходит в сторону от ворот». 1:1. В заключительном южноамериканском поединке с Уругваем ворота защищал Анзор Кавазашвили. Год, наконец, завершен.

Тему «Яшин и зарубежье» обсудим несколько позже, а пока зададимся вопросом по существу. А именно: не слишком ли уж наш рассказ перегружен голами, минутами, штангами и числами? Не теряется ли за этим лично Яшин?

А ведь Лев Дуров, народный артист, хорошо знавший своего великого тезку, называл его мудрецом.

Несомненно, диссертации, как тоже вышедший из очень простой семьи чемпион мира по шахматам Т. В. Петросян, Лев Иванович не написал. Но то, что постоянно и многотрудно думал, — правда.

Вот его статья в журнале «Юность» (№ 8 за 1965 год) под названием «Размышления о Стенли Мэтьюзе» на первый взгляд посвящена одной ведущей теме. Возрастной. Всё, кажется, ясно: 36-летний советский вратарь приехал сыграть в прощальном матче невероятного правого крайнего, гордости английского и всего остального футбола, сэра (награжден королевой за игру и примерное поведение на поле) Стенли Мэтьюза. Которому стукнуло пятьдесят (!), и он, будучи в весьма приличной форме, принял решение уйти на покой. Цепочка дальнейших рассуждений напрашивается: «у них» человек чуть не до пенсии доиграл, а у нас и 27-летних «стариками» кличут. И матчи прощальные или юбилейные, на худой конец, «они» проводят, а мы вот ни одного не провели.

Это всё в тексте имеется. «Оказалось, — приводит Яшин занятную статистику, — что среди ветеранов большую часть составляют вратари. Ну а наиболее юные — крайние нападающие. Так что если правый крайний Стенли Мэтьюз уже отметил на футбольном поле 50-летний юбилей, то мне, как вратарю, можно надеяться доиграть до пенсионного возраста. Неплохо бы…»

Последнее, понятно, ирония (литературная запись Дмитрия Рыжкова), однако ветеранская тематика заявлена на нескольких журнальных страницах весьма недвусмысленно.

Только это будет, быть может, первый пласт чуть сумбурной внешне работы. Не прошлое интересует автора, а настоящее и особенно будущее. Причем не европейского и мирового футбола — собственного, отечественного. Вот действительно: Мэтьюз играл уже немолодым против «Динамо» в 1945 году, все советские соперники сошли. Он же уходит в полном здравии 20 лет спустя! Что же такое есть у него — и нет у нас?

Яшин бесстрашно размышляет о специфике советской методики:

«Тренеры вводят новую — каждый раз обязательно новую — систему тренировок. Федерация разрабатывает новые нормативы по физической подготовке. (После выполнения этих нормативов футболисты, вероятно, могли бы стать кандидатами в олимпийские сборные СССР как по легкой, так и по тяжелой атлетике.) А воз и ныне там.

Почему? Да потому что многие игроки до одури исполняют набившие оскомину упражнения, не задумываясь, для чего они нужны. „Тренер знает лучше нас“ — этот лозунг весьма удобен (зачем утруждать себя) и для середнячков-футболистов да и для тренеров тоже (так жить спокойней). Стандарт — вот в чем наша беда».

Критика в адрес конкретного руководства, без сомнения, важна и точна, но, отдавая должное остроте подачи, подобное могло быть, по идее, сказано и на президиуме Федерации футбола СССР. Яшина в президиум той организации избрали ранее. И, не исключено, перед нами «выстрел» из того, что наболело и о чем надо сказать.

И всё-таки главный смысл — в двух последних словах.

«Стандарт» и «беда». Стандарт незаметно подменил собой Игру. Исполняя вместе с очередным специалистом «набившие оскомину упражнения» на занятиях, совершая таковое раз за разом, человек перестает думать. Об игре. А сэр Стенли — совсем иной: «Трудолюбие — отнюдь не главный, по-моему, секрет футбольного долголетия Мэтьюза: прилежных спортсменов найдется достаточно. Интеллект, постоянное стремление искать, анализировать, мыслить, мыслить на тренировках и в игре — вот в этой-то области у Мэтьюза найдется не много равных».

И тут следует взрыв: «Английские профессионалы же, для которых футбол — работа, на поле не работают, а играют». Как же так? У нас-то вроде любительский спорт?

Яшин вновь честен: «Кстати, даже у нас, футболистов, из лексикона как-то незаметно исчез глагол „играть“. Мы не играем, а „работаем“ („Вчера Петров хорошо работал“ — эта фраза довольно типична), и я, ей-богу, не удивлюсь, если когда-нибудь в газетах появится: „В воскресенье состоялась работа двух команд“. Смешно? Нет, грустно».

Так в чем же дело? В том, что вкладывается в слово. «Работа» предполагает точно определенное время и конкретное соответствующее вознаграждение. И это правильно. Чемпионом только не станешь. Тебе и не надо, впрочем.

А вот «игра» — это уж как получится. Помните футбольные битвы до темноты, когда их родители растаскивали друг от друга в бывшем селе Богородском с сохранившейся до сих пор

церковью? И как им с превосходным тренером Аркадием Ивановичем Чернышевым пришлось дождаться «утренней звезды», дабы возобновить тренировки? Перед Игрой и время теряет смысл.

Пеле-то, которого в статье о Мэтьюзе Яшин с удовольствием вспомнит, и сам сэр Стенли, и множество партнеров по различным мировым сборным, и наши: Крижевский, Нетто, Борис Кузнецов, Валентин Иванов — «одной крови» со знаменитым голкипером. Так ведь вместе с завершившими карьеру мастерами исчезает понятие Игры. Обращаясь в обеспеченный и бесперспективный «стандарт».

Достаточно скоро случившийся чемпионат мира-66 станет лучшим в истории сборной СССР. Что подчеркнет с особой, ненужной яркостью: уходит целая эпоха. Когда побеждали. При повсеместной «стандартизации» побед не будет. Случится еще локальный успех добротной команды — «серебро» на чемпионате Европы 1972 года. И потом — совершенно закономерно — больше пятнадцати лет без медалей.

Яшин, оставшись навечно символом славного времени, сумел увидеть то, что не узрели вроде бы специально оснащенные люди.

Вратарь поставил диагноз. Справедливый и, как выяснится, прозорливый. Неприятный. Не исключено — неизлечимый. А голкипером «Динамо» и претендентом на участие в мировой схватке остался. И играть в Англии первым номером желал.

Всё, однако, не так просто. В начале 60-х подросли достойные конкуренты — Виктор Банников (киевское «Динамо», позже — столичное «Торпедо») и Анзор Кавазашвили (как раз московское «Торпедо» на тот момент, затем — «Спартак»). Оба — прекрасные мастера. С дополнительным козырем: они значительно моложе. Да и здоровьем покрепче: и язвы желудка нет, и колено не болит постоянно. Посему строго судить старшего тренера Н. П. Морозова за то, что он явно не склонялся к кандидатуре Льва Ивановича, не стоит. Ответственнейшее место в воротах одно, а в Англии придется представлять всю страну победившего социализма.

Но необходимо понять и ощущения Яшина. Заслуженный человек лишается эффектной точки (тогда так виделось) в конце карьеры. Хотя силы есть. И голова (о, у него всегда превосходно работала голова!) помогает рукам, если чуть перефразировать В. С. Высоцкого. Вот те же пенальти. Кажется, после дубля начала 50-х он не преуспел в их отражении так же здорово, как в остальном вратарском искусстве (хотя, случалось, выручал команду), — и вдруг к середине 60-х серьезно возвращается к проблеме одиннадцатиметровых, неугомонно стремясь

совершенствоваться. Бесспорно, он по-прежнему считал, что в идеале удар с «точки» не берется. Так жизнь-то далека, как известно, от идеала! И в конкретной дуэли с реальным исполнителем можно попробовать (заметим, без нарушения правил) победить и выручить.

И заслуженный-перезаслуженный, авторитетный, многоопытный мастер принимается за работу над не самым сильным компонентом своей игры. 16 января в «Футболе» была опубликована запись беседы Яшина с голкипером сборной Москвы 1916 года Григорием Тимофеевичем Турановым. Записывал известный журналист А. Вит, и получилось у него, безусловно, хорошо. Однако стоит признать: разговор двух «киперов», полный незлых «подколок», тихих улыбок, незримых приветов друг другу, нужно было, конечно, слышать, а лучше — видеть. Жаль — невозможно.

Итак: про пенальти Г. Т. Туранов в журнале «Спортивные игры» написал статью. Где указывал, что вратарь при пробитии одиннадцатиметрового должен смещаться влево, дезориентируя тем бьющего. Яшин, как вы помните, такое проделал в Швеции с австрийцем Буцеком. И теперь разъясняет старшему товарищу: «Когда я знаю, куда обычно форвард бьет, я ему приоткрываю другую сторону. Я его приглашаю бить в непривычный для него угол, это зарождает в нем сомнение, неуверенность, и он часто ошибается — либо ударит тихо, либо пробьет мимо. И это случается даже в том случае, когда нападающий догадывается о хитрости вратаря. Так, скажем, мне удалось выиграть поединки у Бурчалкина и Костича».

То есть он готовился и к ленинградскому тезке, и к югославскому Боре. И подготовка та напоминает наработки гроссмейстера перед шахматной партией. Он считал и анализировал, не имея под рукой комплексной научной группы с современным оборудованием. Сам. Будучи уже тем, кем и останется навек. Поскольку страшно любил футбол и очень хотел играть. В сборной — в первую очередь.

Хотел ли того же старший тренер Н. П. Морозов в той же степени? Трудный вопрос. Николай Петрович скончался, как известно, в 1981 году. Но и доживи он до наших дней — однозначного ответа, нетрудно догадаться, не дал бы. Слишком много накопилось, наслоилось. Чересчур много знающих и уважаемых людей высказалось — определенно. Причем потом. А Морозову необходимо было решать тогда.

Трагедии нет. Здесь драма. Яшин-то переживал, понимал, ощущал многолетним опытом: процесс пошел. И не ему навстречу.

В книге «Наедине с футболом» 1977 года Л. И. Филатов припомнит зиму 1966-го: «…Мы дожидались посадки в аэропорту Цюриха. Яшина узнал один пассажир, выразил ему свое восхищение, пожал руку, взял автограф. Пассажир заявил, что в дни предстоящего чемпионата мира в Англии будет смотреть все телевизионные передачи. „Я тоже“, — горько усмехнувшись, сказал вдруг Яшин. „Перевести?“ — спросил я. Он резко махнул рукой: „Не надо, не поймет“».

Не только чужеземец не понял бы тревоги Яшина. Да, это выглядело странно, не вязалось с его славой, с его заслугами. Однако это было сказано искренне: ему уже тридцать шесть, как знать, что ждет через полгода.

Через полгода всё окажется не так мрачно, но почему Яшин, понимающий ситуацию лучше всех, так пессимистичен в Цюрихе и не желает этого скрывать?

Прежде всего, неспешное продвижение Морозова к кандидатурам Банникова и Кавазашвили несложно разглядеть по уже изученному материалу. Виктору в начале 66-го — 27 лет, Анзору — 25. Всё это Лев Иванович прекрасно понимал.

Правда, в контрольных встречах, проходивших зимой и ранней весной в Бразилии и Чили, принимали участие все трое. Тех контрольных игр получилось достаточно много: тренерский штаб, руководимый, естественно, Федерацией футбола, избрал такую стратегию подготовки к Англии — через практику. Играли в основном с местными клубами. А в матче против сборной Чили 23 февраля (2:0) вышел, что, опять же, знаменательно, Кавазашвили. Впрочем, счет на том этапе смотрелся не самым важным обстоятельством. В результате «план» даже перевыполнили: всего при подготовке вместо двадцати семи встреч провели более тридцати.

Нас же интересует, разумеется, вопрос: кто станет первым номером.

Что примечательно, вопрос тот «живо трепетал» до последнего момента. Наберемся терпения.

15 марта федерация «принимает к сведению» доклад Н. П. Морозова о южноамериканской командировке. Затем последовало тренировочное турне по Югославии. Яшин там отстоял всего один тайм, заменив Кавазашвили 1 апреля: правда, против национальной команды хозяев. А 10 апреля в «Советском спорте» старший тренер выступает с определяющим заявлением. «Не всё шло гладко, как хотелось, — рассказывает он, — но первый расширенный вариант основного состава определить удалось».

В наши дни список кандидатов, без сомнения, предъявили бы

общественности, а затем, не торопясь, со вкусом обсуждали. Тогда дело обстояло иначе. «Апрель, — продолжал тренер, — последний экспериментальный месяц. Опыты, однако, будут проводиться не со всем составом и лишь в тех звеньях, где есть слабости. Разумеется, возможны замены игроков при перемене тактического плана. Но это коснется двух-трех футболистов. В матчах со сборной Швейцарии (20 апреля) и сборной Австрии (24 апреля) претенденты в основной состав будут держать последний экзамен. Правда, мы планируем провести в Австрии еще два матча с клубными командами (27 и 29 апреля). Но 22 кандидата к тому времени определятся».

И что же? Со Швейцарией вышло 2:2 с Анзором Кавазашвили в воротах.

Крайне колоритным получился на этот раз снимок в «Советском спорте» 24 апреля. Точнее даже подпись: «Л. Яшин выступает в роли форварда, тренируя своего товарища по команде А. Кавазашвили». И комментариев не надо.

А про игру с австрийцами (победа 1:0) качественнее других расскажет Курт Частка, автор книги «От Заморы до Яшина»: «В советской команде блеснул вратарь Кавазашвили. Он действовал спокойно, решительно, и это благотворно влияло на защитные линии сборной СССР. Если венский зритель и был разочарован вначале отсутствием в воротах гостей Льва Яшина, то ушел в полном восторге от достижений его преемника» («Советский спорт», 26 апреля). Вновь — исчерпывающе. Заметим, Частка ценил Яшина, был знаком с ним, гостил у него дома. И тут не забыл упомянуть. А всё-таки — «преемник» Кавазашвили. Учитывая, что неудобных в начале 60-х австрийцев победили 1:0 и вратарь выглядел достойно, именно Анзор, нетрудно убедиться, должен был занять место Льва Ивановича в Англии. Руководство сборной к тому почти склонилось.

Нет, 27 апреля Яшин играет против клуба «Шварц-Вайс», который австрийцы решили вдруг усилить четырьмя сборниками и двумя футболистами команды «Ваккер». По-хорошему говоря, соорудили еще один вариант национальной сборной. Победа (2:1) осталась за СССР, хотя Штурмбергер из первой команды и открыл счет на 4-й минуте.

29 апреля во второй и заключительной игре в Австрии на поле появился Виктор Банников. К тому времени 22 человека основы Н. П. Морозов уже определил.

И 8 мая Кавазашвили тоже занял место в воротах. Тренировочный поединок состоялся не где-то за рубежом, что архиважно для дальнейшего, а на стадионе имени В. И. Ленина против ЦСКА. Армейцы, для справки, в 65-м стали третьими и

представлялись перспективным коллективом с молодым Владимиром Федотовым на острие атаки. Однако это всё-таки не «Торпедо» и не киевляне. Да и вообще: все сильнейшие советские футболисты собраны в рядах главной команды. Они прошли жесткий отбор в заграничных поединках, где условия приближены к боевым. Перевес отобранных Морозовым мастеров должен выглядеть ощутимым, безусловным.

А вышло ровно наоборот. Сборная победила лишь 4:3, проиграв к тому же второй тайм. И такое за два месяца до главного старта четырехлетия! И на глазах родной публики, среди которой нашлось, ясное дело, место и для высокого руководства. Оно, руководство, по турне со сборниками не разъезжало, зато в Лужниках узрело воочию серьезную неготовность команды. Н. П. Морозова, естественно, снимать не собирались, но срочное укрепление вратарской линии встало обязательным условием. Три мяча в одной игре участникам финальной части чемпионата мира пропускать непростительно.

18 мая с Чехословакией на выезде играл Виктор Банников. Победили 2:1 при хорошем качестве, однако… Однако все понимали: шанс Яшину дать было просто необходимо!

И 22-го числа с бельгийцами Лев Иванович вернулся к своим обязанностям. Триумфально. Преувеличения нет. Почитаем прессу. Бельгийская «Драпо руж»: «Этот матч принес победу, которую блестяще игравший Яшин сумел удержать до конца». Еще из той же газеты: «Оба вратаря то и дело показывают большое мастерство, а за минуту до конца Яшин берет поистине неотразимый мяч». «Франс футбол» рассказывает о том, что «публика увидела Льва Яшина во всем его блеске». И продолжает: «В первом тайме он не мог проявить своего мастерства, так как подходящих случаев не было. Шедевром было то, как он парировал на угловой, казалось, неотразимый мяч, пробитый головой Хэнноном с подачи Пласькье». «Советский спорт» 24 мая чуть иначе расставил исполнителей: «Перед финальным свистком бельгийцы могли сравнять счет. Ван дер Бер, исполняя штрафной удар, перекинул мяч через „стенку“ на Пласькье. Тот принял его головой, направил в угол ворот. Казалось, гол неминуем. Но Яшин есть Яшин!»

Хотя сути, высказанной в заключительном восклицании, это не меняет. Правильно, «Яшин есть Яшин», и добровольно лишаться на высококлассном турнире такого мастера, мягко говоря, неразумно. Так что кандидатура Яшина никаких сомнений уже не вызывала. Игру с французами 5 июня (3:3), когда дважды Банников и один раз Кавазашвили вынимали мяч из сетки, в расчет можно не брать. Потому что после Бельгии

стало понятно: не будет Лев Иванович наблюдать за первенством мира по телевизору. Это на него будут смотреть и радоваться.

В июне команда Н. П. Морозова провела сбор в Швеции, причем снова играла с малоизвестными скандинавскими командами. Шлифовали, доводили до ума стартовый состав. В частности, 14 июня в Векше выступали как раз те, на кого в скорой перспективе ложилась основная нагрузка. Первый номер — Лев Яшин.

9 июля «Советский спорт» опубликовал состав сборной. О каждом было сказано несколько слов. Возьмем вратарскую линию: «Яшин — основоположник новой школы вратарей. Ее отличает сочетание широкого диапазона действий по всей штрафной площади с игрой в воротах». Трудно и незачем спорить. Как и с тем, что «Кавазашвили обладает отличной прыгучестью, быстрой реакцией, решительностью, смелостью». А вот о Банникове спортивная газета отозвалась с некоторой небрежностью: «Хорошо играет в воротах». Сказалось, видимо, что киевлянин отправлялся однозначно третьим номером. Он и не играл ни разу.

В случае же Яшина и Кавазашвили никаких конфликтов, скрытой напряженности и попросту малейшей интриги (вспомним Олимпиаду-56 и Бориса Разинского) на предмет того, кто окажется на посту № 1, — не возникало. Анзор Амберкович и до сих пор подчеркивает свое гигантское уважение к фигуре Льва Ивановича, в 60-е же годы пытался подражать кумиру (хотя физическими кондициями напоминал скорее Алексея Хомича), — а Яшин, мы помним, всегда дистанцировался от всяческой подковерной борьбы. В результате на последнем рубеже у сборной СССР получилось всё весьма успешно.

По приезде в Англию Яшин оказался буквально нарасхват. Журналисты, прибывшие из Лондона (наши остановились в райском местечке Дургам в 13 милях от Сандерленда, где проходили поединки группового этапа), интересуются им — и никем иным. Они знают, была травма, потому живо расспрашивают о здоровье, спортивной форме на данный момент. Час смотрят за тренировкой «Черного спрута», о чем на следующий день выходит обширный материал. И того им мало. Позарез надо запечатлеть советского голкипера на рыбалке: он же спиннинг с собой захватил (ну всё люди знают!). Значит, рыбу удить будет в их британском водоеме. А это ж какой кадр!

Только не вышло ничего на сей раз у репортеров — хотя и симпатичные они ребята. Яшин на речку ни разу не пошел. Сказал, что играть приехал, а не рыбачить. Позировать, понятно, тоже не стал.

Здесь не грубость, нет. Он ощущал прощальный для себя привкус английского турнира.

В таких моментах, когда всё обычно и привычно, а, в общем, напоследок — не стоит суетиться. Собраться надо, настроиться, вслушаться в себя. Да и ответственность за сборную с него никто не снимал.

В группу с нами попали Италия, Чили и никому тогда не известная команда КНДР. На первый матч с корейцами вышел Кавазашвили. Правильное решение. Дебютантам чемпионата вполне хватило и «обладавшего отличной прыгучестью и быстрой реакцией» Анзора. Они против Яшина не играли, комплексов никаких не имели. А то, что умели быстро учиться, — кто же тогда знал? Корейцы, как оказалось, подходили к пику формы с каждым новым матчем. С нашими еще не подошли, уступили по всем статьям 0:3, не доставив особых хлопот.

А вот с Италией выход Яшина был необходим без вариантов. Здесь тоже важен ряд особенностей при подготовке. И первая — «бетон», сверхпрочная оборона с «чистильщиком» сзади, приверженцами которой стали обладавшие по обыкновению роскошным составом итальянцы. Кроме суперосторожной тактики вообще, питомцы хорошего, по идее, тренера Эдмондо Фаббри всерьез занялись расчетами, выкладками, хитрыми угадайками по поводу того, как и на кого выйти в следующем круге. А то, что они выйдут, большинством не оспаривалось. Старый наш знакомый, на тот момент наставник «Интера», Эленио Эррера сразу сказал, узнав о жеребьевке: «Удача для Италии бесспорна. Вместе с СССР она выйдет в четвертьфинал. Об этом никто и мечтать не мог».

«Вместе с СССР»… Выходит, ничья с нашими апеннинских «звезд» устраивала. А что? «Чили прошли, 2:0, возьмем очко с Советами, а корейские коммунисты и играть не умеют» — такой настрой и сгубил отличную команду, уступившую в итоге место в четвертьфинале именно корейцам. Фактор Яшина как раз и поощрял подспудное желание итальянцев перенести напряжение на игру с КНДР. 23 июля Н. П. Морозов в «Советском спорте» подтвердил: «Замечу, кстати, что Яшина мы поставили еще и для того, чтобы заставить итальянских форвардов отказаться от обыкновения обстреливать ворота издали. К высокому мастерству Яшина они относятся с уважением. Наш расчет оказался правильным».

Так, быть может, свидетельства субъективны и, в известной мере, выдают желаемое за действительное? Посмотрим.

Трансляция матча, как всегда, сообщает о принципиальной правоте очевидца и добавляет частности, которые ему не удалось

или не захотелось рассмотреть. Несомненно, удары по советским воротам были. И опасные. Другое дело, что большей частью не в створ.

На 26-й минуте Маццола красиво обострил на Паскутти, и тот пробил рядом со штангой. Яшин бросился «по мячу», контролируя ситуацию. Через четыре минуты Мерони проделал нечто похожее, лишь менее опасно. Советский страж ворот вновь продемонстрировал совершенное внимание. А на 37-й минуте Лев Иванович перевел на угловой через перекладину непростой удар Бургнича. Еще Маццола перед перерывом успешно прорвался справа в штрафную, однако пальнул мимо цели.

Мы сейчас выудили все итальянские достижения у наших ворот за первые 45 минут. Сборная СССР атаковала не меньше и, пожалуй, поопаснее. Во второй же половине преимущество отечественных футболистов стало заметнее, что и вылилось в прекрасный гол Численко на 58-й минуте. У итальянцев был, правда, момент за десять минут до свистка, когда в советской штрафной возникла суматоха. 17 июля о ней внятно написал Л. И. Филатов в «Советском спорте»: «Лишь однажды Паскутти и Мерони создали у наших ворот завихрение, когда трудно было разглядеть в толпе игроков, где мяч. Казалось, вот-вот он вкатится в сетку. Яшин проявил свою великолепную интуицию, разглядел мяч и выхватил его из-под ног игроков».

Для того его и поставили в «раму», чтобы блистал интуицией и реакцией. Эпизод решен на опыте, откуда и интуиция. Обошлось. Опять спас. И повредил плечо. О чем узнали, естественно, после окончания встречи и автоматического выхода из группы.

Заключительную и ничего не решающую игру с чилийцами провел почти полностью второй состав[19]. Ворота защищал Кавазашвили, так что, к сожалению, Банников, единственный из всего коллектива, на прекрасных британских полях не сыграл. Что делать: участь запасного такова.

Пропуск игры с Чили (реваншистские настроения, связанные с прошлым мундиалем, бесповоротно отметем) Яшину здорово помог. Специфика повреждения позволяла подлечиться на месте.

Потом говорилось об удачной тактике Н. П. Морозова, приберегшего основного вратаря к судьбоносной схватке. Думается, как оспаривать, так и поддерживать эту точку зрения нет необходимости. Так как с венграми Яшин был по-любому необходим. Первое: четвертьфинал! Мотивация с обеих сторон совсем иная. И второе: извечно неслабые мадьяры к 66-му году возродились, поднявшись к недостижимым, казалось бы, вершинам собственного великолепия середины 50-х.

Снова, как и с Югославией-60, нелишне припомнить, кто оказался соперником Советского Союза.

Главный, конечно, козырь — Флориан Альберт, ставший на следующий год лучшим футболистом Европы, то есть попавший, как и Яшин, в Лигу бессмертных. Этот высокий изящный и одновременно мощный форвард исполнил первую скрипку в венгерском концерте, когда сами бразильцы дошли до положения внимательных слушателей. Речь о победе (3:1) подопечных Лайоша Бароти над двукратными чемпионами мира на групповом этапе. Обозреватели утверждали, что Флориан и был тогда истинным бразильцем на поле.

А Ференц Бене, коллега Альберта по атаке, вошел по итогам первенства в символическую сборную мира. Статистика олимпийского чемпиона 1964 года не помешает. Олимпийская сборная: 8 матчей, 18 голов (первый бомбардир финального турнира в Токио — 12 мячей). Первая сборная: 76 игр (28 раз капитан), 36 голов. Еврокубки: 69 матчей, 39 мячей.

Еще один нападающий, Янош Фаркаш, также олимпионик-64. За Венгрию сыграл в 33 поединках, 19 раз поразив цель, а в чемпионате страны того же 1966 года стал лучшим бомбардиром — 25 голов.

А защитника Кальмана Месэя Яшин через пять лет пригласит на свой прощальный матч. Вместе со «звездами» всего мира. И по заслугам пригласит. Потому как Кальман, сообразно имени, прежде всего сочинял мелодию игры сборной, демонстрируя замечательный созидательный дар и радуя зрителей запоминающимися импровизациями.

Кроме названных исполнителей, соперник выставил мудрого, опытного Ференца Шипоша, цементировавшего центр поля, настырного, быстрого фланговика Дьюлу Ракоши (он доставит нам еще массу впечатлений), а также правого защитника Бене Капосту, которого Н. П. Старостин в книге «Звезды большого футбола» назовет сильнейшим игроком этого амплуа на чемпионате мира 1966 года. Такие люди в составе могли обеспечить венграм победу не только в четвертьфинале. Кстати, налицо еще одна перекличка с Кубком Европы-60: в Англии не существовало бесспорного фаворита, как на двух предыдущих первенствах. Мы убедимся в этом, когда перейдем к анализу полуфинала с немцами. Пока же уделим всё внимание поединку с Венгрией.

Не зря, рассматривая состав соперников, мы ничего не говорили о вратарях. Есть достаточно обоснованное мнение, что они выступили неудачно и не до конца соответствовали высочайшему классу партнеров. Действительно, голкипер Йожеф

Гелеи заменил более известного Антала Сентмихайи, которым тренеры остались недовольны после первой групповой игры с Португалией. И именно вратаря венгров обвиняют в голе Игорь Численко на 5-й минуте, в самом начале встречи. Что случилось? После розыгрыша углового Валерий Поркуян ударил сильно и прямо в Гелеи. Тот на мгновение отпустил мяч, и реактивный Численко внес мяч в сетку.

Йожеф и будет назван затем виновником поражения. И никому не интересно, что при прострелe Малофеева в первом тайме он эффектно выручил. Такова их вратарская стезя, что поделаешь. Яшин это очень хорошо понимал. И как во много раз здесь упомянутом финале 1960 года превзошел своего визави, автоматически обеспечив таким образом реальный перевес. Потому что при той значимости матча нельзя вовсе ошибаться. И совсем здорово — выручить. Так и произошло.

Надо признать: выстрел Шипоша на 35-й минуте смотрелся потруднее удара Поркуяна. Наши футболисты дали ветерану прямо-таки «зеленую улицу», проход поэтому напомнил недобрый памяти четвертьфинал с Чили четырехлетней давности. Но тут Яшин взял мяч наглухо, без вариантов. Не подвел. А спас еще раньше. На 10-й минуте Ракоши с левого фланга исполнял удар мощно и в то же время тонко. Лев Иванович задел кончиками пальцев мяч, который коснулся перекладины и ушел на угловой.

В целом же сборная СССР в первой половине выглядела сильнее, потому у наших ворот можно назвать до перерыва лишь один неприятный момент. Толковый Капоста зряче навесил в штрафную площадь, а Лев Иванович в контактной борьбе с назойливыми противниками, среди коих выделялся Бене, вынес мяч и после нового подбора и хорошей подачи Шипоша успел вернуться на пост.

Каждый раз он мог теоретически не дотянуться, не допрыгнуть или, наоборот, замереть на месте и оказался бы в положении Гелеи. А вот не оказался.

Второй тайм начался для сборной Советского Союза бравурно. Буквально сразу же удался розыгрыш штрафного с левого края, когда венгры непонятно почему не выстроили стенку (похоже, недочет вратаря) и Поркуян беспрепятственно забил бесценный гол.

Не сказать, что футболисты в красных майках тут же попятились назад. Был, скорее, объяснимый порыв соперника изменить счет. Чему логично противопоставить уплотненную оборону и резкие, умные контратаки. С обороной в общем шло сносно. С наступлением — худо. Банишевский раз за разом залезал «вне игры» при наличии свободного пространства. Если

же теряешь мяч, наступление на твои позиции ведется вновь и вновь, и люди устают — морально не меньше — и вышибают мяч, дабы передохнуть перед новой подачей, еще более опасной.

И как тут не сокрушаться по поводу отсутствия еще одного нашего великого игрока, который бы создал остроту в нападении, отодвинув тем самым вал атак на советские ворота. Да, просмотр матчей английского первенства утверждает в незыблемом: сборной нужен был «маэстро» в передней линии, равновеликий Льву Ивановичу сзади. Стрельцов Эдуард Анатольевич его звали. Его неповоротливо не оформили к главным стартам (а ведь осенью того же года он выступал против Турции — в Москве, правда), и теперь из-за этой неповоротливости Яшину, обороне, и всем остальным пришлось банально и мучительно терпеть.

Особенно после того, как венгры забили на 58-й минуте. А расскажет об этом Лев Иванович лично, причем по горячим следам. Дело в том, что в газете «Футбол» существовала интересная рубрика «Об игре, о товарищах, о себе», где футболисты откровенно давали оценку выступлениям — собственным и команды в целом. После Англии еженедельник «прошелся» по линиям советской команды. Вратарей представлял, конечно, Яшин. А вопросы задавал С. С. Сальников, дипломированный к тому времени журналист. Так вот уже третий вопрос был немилосерден: о всех пяти пропущенных на турнире мячах. Однако «Яшин есть Яшин»: ответы исключительно объективны. Итак, гол первый: «Бене хорошо открылся по месту правого центра нападения и получил пас в ноги. Путь к воротам неожиданно оказался открытым, и Бене вышел со мной один на один. Понимая, что ничего другого не остается, я ринулся навстречу, стараясь помешать удару броском в ноги. Но венгр, имевший достаточно времени правильно оценить все выгоды позиции, хладнокровно распорядился мячом и послал его, подняв надо мной, в сетку». Точно так, только сначала Альберт отобрал мяч у Воронина, отдал его вездесущему Месэю, а тот нашел справа Бене.

И начались для советских граждан жуткие испытания. И на поле. И на трибунах, где наши присутствовали в небольших количествах. И у телеэкранов — тут в массовом порядке, поскольку матч транслировался. А сердце-то у любого — одно.

На 65-й Месэй бьет с рикошетом с 18–19 метров. Яшин берет. Через две минуты супермомент у того же Кальмана. Удар в упор — Поркуян бросается под мяч.

В финальной десятиминутке венгры упустили две последние возможности. И если всё тот же Ракоши, завершая прорыв Бене справа, не попал по мячу (та сцена снилась многим

отечественным любителям футбола), то выстрел со штрафного в 20 метрах от ворот, совершенный Шипошем, Яшин отбил так блистательно, что, наоборот, с воспоминания о беспримерном подвиге вратаря каждый советский человек мог теперь встречать всякое новое утро. И становилось чуть радостнее на душе.

Вот как это было. Сошлись ведь прежде всего два наиболее опытных игрока: обоим за тридцать, мастерства хоть отбавляй. Тот, что в белой форме зарядил отменно, будто и стенки нет, — а тот, что вратарь, метнулся в левый от себя угол и спас.

После чего настала пора заканчивать. Ясно уже, кто одолел. Испанский судья просвистел в срок.

А Лев Иванович тем невообразимым сейвом — даже если бы вообще более ничего не совершил — застолбил себе место в истории. Потому как сборная СССР первый и последний раз оказалась в полуфинале чемпионата мира.

На следующий день репортаж Л. И. Филатова начинался с торжественных строк: «Вчера сборная СССР одержала победу, которую еще никогда не одерживала. И мы, советские журналисты, пишем отчеты, которые еще никогда не писали». Через пять лет в книге 1971 года «Ищи борьбу всюду» лучший наш футбольный журналист признается: он написал эти два предложения до четвертьфинала. Дело, мы понимаем, не в самоуверенности: состав венгров говорил сам за себя. Суть, похоже, в неуловимом предчувствии, не поддающемся рациональному объяснению.

Яшинское «спасение» под занавес не осталось без внимания. «…А сильнейший удар, выбитый им на угловой, вызвал шумные аплодисменты на стадионе», — писал Борис Пайчадзе 29 июля в «Футболе». Выходит, неоднократно списанный, чуть было не оставленный дома под бесконечное бурчание про «дорогу молодым», он постоянно оказывается в центре шумных событий. Мало того, он, голкипер, и определяет течение тех событий.

Разумеется, иной, кроме Яшина, кандидатуры на бой с западными немцами и представить было нельзя.

Да, к сожалению, острота противостояния двух европейских сборных не уменьшилась за десять лет. Холодная война, вечные проблемы с ГДР, ракеты, Берлинская стена, Западный Берлин — все эти вещи, абсолютно не связанные с футболом, полезли наружу, как осколки весной из-под кожи раненого. Приемлемый договор с ФРГ был подписан лишь в 1970 году, а за четыре года до того западные немцы оставались для нас политическими противниками. Если не врагами. А здесь еще и схватка за выход в финал. Потому и выходить полагалось на битву.

Яшин — практически в одиночку! — доказал в тот вечер 25

июля в Ливерпуле, что футбол есть игра.

Мастерством в первую очередь — иначе кто ж тебя поймет? Поэтому хороший удар Эммериха на 2-й минуте со штрафного был ликвидирован вратарем сборной Союза безо всяких отскоков. И дальше пошло, по крайней мере, в первом тайме по вратарскому сценарию. Вот (11-я минута) Хельд, уйдя от Пономарева, простреливает. Яшин бросается руками и головой вперед, не думая ни о чем, кроме круглого снаряда со шнуровкой. Центрфорвард Зеелер летит к мячу — и не успевает чуть-чуть, задев голкипера ногой и, конечно, перелетев через него. Оба встают. Яшин возвращается купавшему немцу, первым протягивает ему руку и… извиняется (жесты не обманут), пытаясь при этом объяснить свою позицию. У Зеелера, понятно, другой взгляд на ситуацию. Однако, пожестикулировав, два мастера придут к согласию.

С похожим моментом из футбола современного сравнивать не будем — достаточно подчеркнуть: нападающий все-таки шел ногой вперед, а вратарь — лицом, вовсе никого не видя вокруг. Вины Яшина нет и не может быть. Тогда почему он извиняется и протягивает руку?

Знаете, коли бы мы с вами такое постигли, то и жили бы несколько иначе.

А русский с немцем как-то начали находить общий язык. Оставаясь, естественно, при этом непримиримыми соперниками на столь любимом ими футбольном поле. Уже через несколько минут Уве бьет в упор с шести метров после прострела Эммериха. Лев хладнокровен и бесстрашен — не исключено, что совершено самое эффектное «спасение» чемпионата мира.

Действо развернулось. На 27-й минуте защитник Данилов, сыграв опасно ногой, попал по лицу тому же Зеелеру. По идее, надо назначать штрафной удар в пределах штрафной площади — судья не видел, похоже. А игра продолжилась. Зеелер упал. Данилов убежал. Судья не просвистел. «Фейр-плей» не изобретен. Странно: немцы также не проявили желания помочь товарищу. В отличие от Яшина. Советский голкипер подходит к чужому форварду и аккуратно поднимает его с травы. Успокаивает. Затем зовет бригаду врачей. И лишь вежливо убедившись, что ничего опасного не случилось, возвращается в ворота.

Которые пришедший в себя Уве тут же атакует со всей страстью. Сначала, игрой отомстив ударившему его защитнику, бьет головой под перекладину — Яшин прост и изящен. А через минуту происходит новый знаковый эпизод.

Нет, мяч в ногах (где же наша защита?) у Зеелера он взял, можно сказать, в очередной раз. Но, поднявшись не без труда,

разъяснил попавшему в него ногой Эммериху (тот в ворота вместо мяча влетел), что такие дела не приветствуются. Не кричал, не ругался — вразумлял. Видите ли, они с Уве кое-что поняли, а 25-летний к тому времени Лотар (будущая легенда дортмундской «Боруссии») еще нет. Впрочем, добрый Зеелер на 44-й минуте после нового прохода Халлера атакует с линии вратарской. Как мяч отбит… Интуиция, реакция — всё вместе.

А потом начались неприятности для сборной СССР. Гол, безусловно, прежде всего. Из упомянутого рассказа Яшина Сальникову: «Во встрече с командой ФРГ счет открыл Халлер. Он получил диагональную передачу, по-моему, от Шнеллингера и, казалось, прежде чем нанести удар, обязан был обработать мяч, ибо стоял почти лицом к воротам. Я инстинктивно вышел вперед, чтобы сократить ему угол обстрела. Но Халлер против ожидания сразу нанес удар из очень трудной и невыгодной позиции. Удар вышел не сильным, но неожиданным, и это решило дело».

То дело, если говорить об окончательном исходе, должен был решить эпизод с Численко, после которого наши остались в меньшинстве.

Несомненно, минутой ранее Шнеллингер попал по ноге советскому правому крайнему, а свистка не последовало. Так зачем бить похожим образом Хельда, который здесь вообще ни при чем? Наверное, и сам Игорь Леонидович, отличный нападающий, выступавший и на предыдущем первенстве мира, капитан, кстати, в 1966 году московского «Динамо», — не смог бы ответить на этот вопрос. Яшину-то тоже больно было, а он поднимался с газона и пытался объяснить, довести до сознания.

Вторую половину Советский Союз начал в неподъемной ситуации: кроме выбывшего Численко, команда не имела возможности в полной мере рассчитывать и на Йожефа Сабо, получившего травму колена. Пасовать, совершать упражнения с мячом на месте он мог, бегать — нет. А германцы-то в превосходном виде, с юной взошедшей «звездой» — полузащитником Францем Беккенбауэром. Кайзером его назовут позже, однако и в июле 66-го было ясно, что перед нами не простолюдин. И в разреженном по вышеупомянутым причинам пространстве Франц начал пристреливаться. На 55-й минуте и десятью минутами позже он бил немного мимо нижнего левого от голкипера угла. А на 67-й минуте Оверат после быстрой контратаки ударил с ходу в правый нижний угол (сильно походило на выстрел англичанина Кевана в 1958 году). Яшин отменно среагировал. Угловой подал Эммерих, Халлер подхватил, обработал (мешать ему было некому) и удобно отдал Францу. Который исполнил с небольшой подкруткой в тот же

правый нижний. Гол. 0:2. Еще раз обратимся к свидетельству вратаря: «В этом матче я пропустил гол от Беккенбауэра, вызвавший много кривотолков. Беккенбауэр с мячом не спеша продвигался к нашим воротам, высматривая по пути, кому бы повыгоднее отпасовать. Он долго не мог решить этого, поскольку все партнеры были прикрыты. Я низко нагнулся и с трудом сквозь мелькавшие просветы в частоколе ног игроков старался не упускать его из виду. И все-таки, к несчастью, в решающий момент, в момент удара, Беккенбауэр оказался скрытым от меня игроками, и я увидел мяч, летящий в угол, слишком поздно. Такова правда об этом голе, вызвавшем много разноречивых суждений, в том числе и слишком поспешных». До суждений доберемся, сейчас констатируем: за двадцать с небольшим минут до финального свистка отечественная команда, имея в наличии девять с половиной игроков, учитывая состояние Сабо, проигрывала могучему противнику два мяча. Здесь и семь получить можно. Или даже больше.

Вышло же наоборот. Советские футболисты вдруг заиграли ярко и по-спортивному зло. Может, это началось после фола Беккенбауэра на битом-перебитом Сабо. Не исключено, что и Яшин вдохновил постоянными подвигами. Только сначала Малофеев, отменно, к слову, отыгравший, жестко и по правилам поборолся в штрафной, пробив в нижний от вратаря Тилковски левый угол. Тут же блестяще прошел Хусаинов и ударил туда же. Немец взял намертво. И правильно: Малофеев дежурил на подборе.

И пошла совершенно равная встречная игра. На 75-й минуте Халлер здорово вышел один на один справа. А Яшин на него посмотрел — и мяч тут же оказался у него в руках. У Хельда нервы оказались покрепче, и на 84-й минуте он нанес удар в ближний угол. Лев Иванович вновь отбил.

Советскому голу предшествовала невероятная активизация игроков. На 86-й минуте Поркуян в штрафной бил дважды: один раз в соперника, второй, подобрав отскок, — мимо. И, видимо, символично, что именно «счастливый Поркуша», самый загадочный советский нападающий, забивший в трех английских матчах четыре (!) мяча и не особо проявивший себя на внутрисоюзной арене, провел единственный ответный гол. За три минуты до свистка наши, казалось, окончательно выложились в массированном (трудно поверить — а факт!) наступлении. Воронин поборолся с Халлером, Пономарев с Овератом и, наконец, Банишевский в воздухе с Тилковски. Последнее обстоятельство многие расценивают как нападение на вратаря. Сегодня его бы, пожалуй, и зафиксировали. Тогда — нет. Там, в

Ливерпуле, была особая трактовка правил. Льва Ивановича тоже никто не щадил.

Словом, мяч выпал, и Поркуян добил его в ворота. 2:1 стало. И сравнять могли. За минуту до конца Банишевский слева навесил, Поркуян выиграл верх, но ударил сам, не заметив стоявшего в идеальной позиции Малофеева. Эдуард Васильевич буквально взорвался от возмущения.

В итоге всё же проиграли. Хотя смотря кто.

Пора передать слово журналистам. М. И. Мержанов в отчете «Острый поединок» подмечает: «Футболисты сбегаются в центр. Немцы направляются к Яшину, поздравляя его с блестящей игрой» («Советский спорт», 27 июля). Надо понимать: это пишет человек, бывший военным корреспондентом газеты «Правда» в Великую Отечественную. У него через небольшие по историческим меркам 20 лет — вполне сформированное отношение к западным немцам. Что является святым правом Мартына Ивановича и множества замечательных людей. И вот фронтовик тонко почувствовал своеобразие, новизну финала. Немцы бегут… поздравить, поприветствовать и подружиться. Зеелер, Беккенбауэр, Эммерих.

А это и называется победой. Из стены непонимания, вражды, косности Яшин мастерством, порядочностью, добротой вышиб, не зная того, увесистый кусок.

Англичане, задолго до того покоренные Львом Ивановичем, восторгались дружно и красиво. П. Лоренцо (газета «Сан»): «Только один человек в поле не заслужил критики — это Яшин. Халлер забил ему классический гол, удар Беккенбауэра был неожиданным и точным. Никто из вратарей мира не взял бы эти мячи. Яшин был и остается лучшим голкипером мира». Р. Х. Вильямс («Дейли телеграф»): «Сборная ФРГ больше атаковала, но пробить бесстрашного Яшина почти невозможно. Ни один другой вратарь мира не взял бы мяч, посланный на первых минутах Эммерихом». К. Джонс («Дейли миррор»): «Немцев очень нервировала близость финала. Они оказались слабее духом, чем девять русских, среди которых выделялся великолепный Яшин».

Умеют писать на родине Шекспира! Пусть и началась информационная атака на соперников по финалу — всё равно, думается, советско-российскому болельщику читать приятно и ныне.

В этой связи мнение старшего тренера Н. П. Морозова прозвучало так неожиданно, что обсуждается до сих пор. Что же конкретно было сказано? Есть, по меньшей мере, два изложения его слов. Существует четкое высказывание на пресс-конференции:

«Первый мяч Яшин, бесспорно, не мог взять, а второй, мне кажется, брался: ведь Беккенбауэр бил из-за штрафной площади. Перед этим Яшин парировал более опасный удар (Оверата. — *В. Г.)*. Но предъявлять к нему претензии ни в коем случае нельзя: игру он провел великолепно». И есть сцена из книги М. И. Мержанова «Олимп футбольный» 1967 года. Речь идет о ситуации после матча, когда корреспондента Бориса Гурнова отправили на послематчевую телепередачу, а остальные коллеги его ждали. Так вот: «Огорченные, мы разбирали только что прошедший матч „по косточкам“, и каждый из нас не мог скрыть чувство восторга от игры Льва Яшина. Он действительно сыграл отменно, сыграл так, как играл три, пять, десять лет назад. Он спас нашу команду от крупного проигрыша. Каково же было наше удивление, когда вернувшийся к нам Борис Гурнов с досадой рассказал, как на провокационный вопрос западногерманского журналиста: „Виноват ли Яшин во втором пропущенном мяче?“ — наш тренер Н. Морозов ответил: „Да, виновен, я уже ему об этом сказал“. Откровенно говоря, такое заявление после всего того, что сделал Яшин, всех нас потрясло. Оно было, по меньшей мере, необдуманно. Только сам Яшин мог бы дать ответ на этот вопрос. Но его не спросили. Видимо, нужно было сочинить удобную версию о причинах поражения. И ее сочинили. А причины поражения были более глубоки и совсем не касались игры Яшина».

М. И. Мержанов насчет поиска версии поражения, безусловно, прав. Однако что же именно сказал Морозов? Версия в «Советском спорте» содержала бесстрастную цитату с пресс-конференции. А Борис Гурнов передал услышанное товарищам, один из которых донес информацию до нас. Обратите внимание: в книге вовсе не говорится об общей оценке действий Яшина в полуфинале.

Так что походя клеймить старшего тренера за мнение о голе Беккенбауэра не стоит. Другое дело: мягко говоря, недопонята роль Яшина вообще в английском первенстве мира. Ну, так это и сегодня трудно осознать. Что-то не слышно было, за редким исключением (о котором непременно упомянем), рассказов о яшинских подвигах 1966 года. Не один год любое упоминание о, допустим, юбилее знаменитого голкипера или какой иной круглой дате иллюстрировалось на телевидении и вправду отличным броском из прощального матча 1971 года. А то, что он творил с Венгрией и ФРГ, пребывало в запасниках. Может, потому, что остались без медалей? Да и гол Беккенбауэра проклятый… И по-человечески жаль целое поколение, добравшееся до такой красоты лишь в интернетовскую эпоху.

Чемпионат же в Англии подошел к завершению. Матч с португальцами за третье место ничего к репутации Яшина не прибавил и ничего, понятно, не испортил в ней. Игра вышла, скажем честно, не того накала, что полуфинал или четвертьфинал. И не по вине футболистов. Они старались, но усталость, моральная, прежде всего, дала о себе знать. Тот же Муртаз Хурцилава физически измотаться не мог: пропустил три встречи до того. А вот поди ж ты, перед Португалией сон дурной видел. Ставший кошмарной явью: уже в дебюте центральный защитник сыграл в штрафной площадке рукой, чего ситуация никак не требовала. На 13-й минуте Эйсебио открыл счет с пенальти.

Взять его не представлялось возможным, так что дальнейшие рассуждения на эту тему видятся излишними. Достаточно напомнить: на «точку» вышел, по оценкам части специалистов, наследник Пеле.

И все-таки Н. П. Старостин прав в том, что реальные шансы на победу над уставшими пиренейцами у сборной СССР имелись. Действительно: убери из этого измученного Англией коллектива Эйсебио — и советский успех неизбежен. Так, по крайней мере, видится при сегодняшнем просмотре. Ведь уроженец Мозамбика успевал повсюду. Чисто и искренно сверкала знакомая Яшину еще по сборной мира 1963 года звезда.

Однако и наши нападающие смотрелись на его фоне прилично. Гол ответный создали в результате образцовой комбинации, завершенной в конце тайма Малофеевым (по протоколу), хотя, судя по всему, заключительное касание принадлежит Банишевскому.

Во втором тайме противнику повезло чуть больше. «После короткого навеса, — передавал подробности Яшин Сальникову в том же номере „Футбола“, — примерно на одиннадцатиметровой отметке завязалась борьба за верховую передачу между Корнеевым и Аугусто. Аугусто прыгнул чуть выше и сбросил мяч в сторону. Оказавшийся рядом Торрес с ходу и без помех мощно пробил под штангу. Спасти положение, на мой взгляд, было невозможно». Точно. И времени отыграться не осталось.

Итак, Советский Союз пришел к финишу четвертым. Выше не поднимались ни до, ни после. Потому и реакция в сравнении с 58-м и 62-м годами была намного спокойнее.

И фактор Яшина сказался. Советского вратаря могли назвать и лучшим на турнире. Н. П. Старостин в «Звездах большого футбола», комментируя признание первым мировым номером англичанина Гордона Бэнкса, размышлял: «Опытный и надежный вратарь, но печатью выдающегося таланта не отмечен. Он прост в

приемах и поэтому нравится. Однако его игра в воротах очень прямолинейна, тогда как Лев Яшин — импровизатор и творец. Бэнкс действительно пропустил на чемпионате всего три гола, но его воротам и мало угрожали, и настоящему испытанию он так и не подвергся. Лев Яшин пропустил пять мячей, но зато вдвое больше отразил в самых безнадежных положениях. То, что он лучший вратарь мира, видели все, и не случайно составители сборной, отвечая на недоуменные вопросы, ссылались только на неудачную фразу старшего тренера советской команды Николая Морозова: после игры СССР — ФРГ он в сердцах сказал, что Яшин обязан был взять второй мяч, решивший судьбу полуфинала в пользу немцев».

Мы уже убедились, что Н. П. Морозов не был столь категоричен. Однако если причина предпочтения Бэнкса крылась лишь во фразе старшего тренера — тому и вправду стоило проявить дальновидность и сдержанность.

Впрочем, Яшин всё равно останется триумфатором мундиаля-66. Это был, бесспорно, лучший его чемпионат мира. Он не потерял в храбрости и интуиции, но игра его приобрела классическую законченность и четкость.

Хотя, наверное, и не здесь самое основное. Важнее представляются и «братание» с немцами, и то, что Эйсебио, забив одиннадцатиметровый, сразу же принялся утешать расстроенного Льва.

Могучее человеческое начало Яшина поднимается «поверх барьеров» и неудержимо притягивает к себе далеких от него личностей, желавших к тому же, по понятным причинам, ему поражения. Однако обаяние москвича столь велико, что люди невольно забывают про ненужную злобу, агрессию, нетерпимость, мстительность и становятся добрее, проще, естественнее и, как следствие, ближе друг к другу.

Ведь невооруженным глазом видно, как от чемпионата к чемпионату футбол становится грубее, грязнее и циничнее. Тем показательнее диссонирующее со временем стремление Яшина к свету и справедливости, изначально присущим замечательной игре. И «белой вороной» он не будет. Мастера футбола встанут рядом с ним. Еще увидим.

… А нам с вами необходимо вернуться домой вместе со всеми сборниками, журналистами и прочими нужными гражданами. Надо же и чемпионат СССР (он, кстати, не прерывался на время мирового первенства) доиграть.

13 сентября Яшин появился во встрече с «Шахтером» (1:1). Гол пропустил с пенальти. А 4 октября в который раз выручил в Ростове: «Да, пожалуй, не окажись в воротах динамовцев именно

Лев Яшин, неизвестно, как развернулись бы события дальше. Через восемь минут вратарь вновь продемонстрировал свое неувядающее мастерство, взяв, казалось бы, безнадежный мяч». И вывод А. Анисимова («Советский спорт», 5 октября): «Отличная игра Яшина, парировавшего по крайней мере три труднейших мяча».

Всем давно известно: мировая слава на динамовского стража ворот никакого влияния не имеет. И спасает он одинаково успешно как, скажем, в Сандерленде, так и в Одессе или Донецке. Не было к нему претензий и на финише сезона.

А к одноклубникам, в который раз уже, — были. «Динамо» опустилось на восьмую строчку. О причинах провала (как еще скажешь?) писал в «Футболе» 23 декабря старший тренер Вячеслав Соловьев: «Большинство наших игроков поразил фактор самоуспокоенности и зазнайства. В 1964 году почти все выступали в сборной СССР и решили, что больше учиться им нечему. И не только остановились в развитии — а кое-что и даже многое потеряли. В других командах люди росли, мы, в лучшем случае, стояли на месте».

Справедливые, горькие слова. Не поспоришь. Но кто же должен лечить застарелый вирус? Тренеры, не так ли? А если у них не выходит — следует подумать о новом наставнике? Тоже без обсуждения принимаем. Вопрос в том, кто возглавит «Динамо».

Такой специалист был и никогда не уйдет из нашей памяти.

ЗАВЕРШЕНИЕ КАРЬЕРЫ

И, наконец, свершилось! Московское «Динамо» возглавил Константин Бесков. По идее, кадровый динамовец, наставник «серебряной» команды на Кубке Европы-64, костяк которой взял «бронзу» на чемпионате мира два года спустя, давно уж должен был занять тренерскую позицию в родном клубе. Так ведь надо учитывать и свободолюбивый характер мастера! Вмешательства в собственную деятельность он никогда не терпел, а вот контролировать абсолютно все вопросы, связанные с готовностью игроков, в том числе и на бытовом уровне, — считал непременной тренерской прерогативой.

Яшин в неком смысле такого начальника просто ждал. Сам-то вратарь в ходе сезона обходился без нарушений, ничего не срывал, работал, совершенствовался, но потребовать ничего не мог по статусу.

Возможности старшего тренера, нетрудно осознать, шире и глубже. Как конкретно Бесков их использовал — нам знать и необязательно. А вот что стало получаться, причем уже на этапе так называемой предсезонной подготовки, — оценить можно. Так как в 67-м дебютировал всесоюзный футбольный турнир «Подснежник».

Задуман он был, безусловно, ввиду того, что советские клубы стали выступать в еврокубках. Начинали, по нашим меркам, рано, оттого два-три матча в Средней Азии или Закавказье с добротными отечественными коллективами смотрелись хорошим подспорьем. И остальные клубы получали качественную практику и плавно вкатывались в сезон.

Стоит, правда, отметить, что «Подснежник» только дебютировал. Из-за чего некоторые детали по составам утрясти не удалось. Допустим, «Динамо» заранее запланировало зарубежное турне. Таковые происходят обычно поздней осенью и зимой — а здесь мир возжелал посмотреть на знаменитую команду весной. Потому первый «подснежник» бело-голубые «сорвали» при участии Яшина лишь в двух поединках из семи — в финале выступал вообще резервный состав, прекрасно тем не менее себя проявивший с Олегом Ивановым (1948 года рождения) в воротах. Основа тем временем отменно выступила в Европе. «Марсель», в частности, обыграли 21 марта 2:0 с Яшиным на последнем рубеже. А за четыре дня до того тот же голкипер обеспечил победу над «Пахтакором» в упомянутом предсезонном состязании. В том же марте одолели и небезызвестный «Брюгге», и марокканскую команду. Все с сухим счетом. И невольно

повисает вопрос: а перспективному юному Иванову посильны подобные переезды, перелеты, смены стран, лиц, полей? Понесет он или другой способный молодой парень, Александр Ракитский, трудную ношу неповторимого одиночества? Ответ узнаем скоро.

Чемпионат 1967 года оказался на удивление интересным. Главной сенсацией стало московское «Динамо». Вдумаемся: до 15-го тура они шли без поражений! И еще дольше лидировали. Всплеск на фоне скучнеющего национального первенства не остался незамеченным. Заслуженный тренер Азербайджанской и Армянской ССР Артем Фальян констатировал: «Бескову удалось наладить игровую и, видимо, бытовую дисциплину. Поражает высокая ответственность игрока за любое свое действие, начиная со вбрасывания мяча» («Советский спорт», 16 августа). Цитату, профессионально точную, не без сожаления, прервем. Потому что стоит подчеркнуть: тренер коллегу понимает на расстоянии. Фальян к «Динамо», естественно, не приближался, однако верно понял, от чего пошел Константин Иванович. Всё же ясно: слабо тренируешься, нарушаешь режим — не в составе. И наоборот. Один молодой игрок, поработавший к тому моменту с суровым наставником, бросил занятный афоризм: «Он плохо относится к тем, кто плохо относится к футболу».

И засверкало соперничество одноцветных команд! В котором представители Украины не могли не иметь преимущества: все-таки москвич В. А. Маслов возглавил киевлян еще в 64-м, а К. И. Бесков «налаживал» игровую вкупе с бытовой дисциплину уже по ходу первенства. Где-то через год он сообщит, что располагал в тот момент четырнадцатью игроками основы вместо положенных семнадцати-восемнадцати. Хотя надо бы 22 квалифицированных бойца. И надолго. При еще одном условии. «Советский спорт» разъяснил 5 января следующего, 1968 года совсем уж непонятливым: «Московское „Динамо“ вступило в сезон с неустановившимся составом. Лишь место вратаря не вызывало споров. Когда Лев Яшин здоров, команду ничего не волновало. Одно его имя служило психологическим барьером для соперников».

Однако колючая, упертая, заведенная превосходным специалистом столичная дружина и не допускала противника так уж в собственные пределы. «Яшину же только за минуту до перерыва, — рассказывают 13 апреля о матче с „Черноморцем“ В. Винокуров и В. Рыкунов, — пришлось взять довольно нетрудный мяч». Вторая половина чуть оживленнее прошла, не поколебав впечатления дуэта журналистов: «Во всяком случае Яшину лишь один раз по-настоящему пришлось вступить в игру после удара в правый нижний угол Секеча, когда он в броске

отбил мяч на угловой».

22 апреля состоялось дерби со «Спартаком». Филатов настроился явно на голевую феерию. Но — обошлось. «Правда, Яшина в игре мы в это время так и не увидели», — писал мэтр в «Советском спорте» 23-го числа. Не увидели, хотя «Спартак» к тому времени и перешел к активным действиям.

Нельзя не упомянуть и сменщиков Яшина — Александра Ракитского и Михаила Скокова, также немало поигравших в первом круге. Так как девять пропущенных мячей в 18 играх (у киевлян, справедливости ради, набралось и вовсе семь) для любой вратарской бригады — бесподобное достижение.

А со второго круга Яшин занял привычное место — вплоть до последних, ничего не решавших встреч. В гонке за «золотом» опытные и здорово обученные киевляне оказались всё же немного выносливее. Но и столичное «серебро» стало превосходным результатом. Плюс к тому и Кубок страны на радость преданным поклонникам взяли после значительного перерыва. Достался он, естественно, непросто.

Никто не хотел уступать. И победа над саратовским «Соколом», тогда клубом второй лиги, в полуфинале со счетом 4:0 не должна вводить в заблуждение: пришлось поработать. «С большим трудом, — повествует В. Березовский в „Советском спорте“ 17 сентября, — вратарь парирует удар Шпитального на 14-й минуте». И под конец тайма: «А за минуту до перерыва Яшин просто чудом задержал мяч на линии ворот после очередного выстрела Шпитального». И во второй половине голкипер был начеку, взяв «немало трудных мячей». «На 66-й минуте он, — продолжает журналист, — броском в ноги Пашовкину спас динамовцев от гола». В общем, старались волжане, хороший коллектив у них подобрался. А в финал заслуженно проследовали старшие по рангу.

И 8 ноября в Москве состоялось очередное дерби. В финал с той стороны кубковой «сетки» вышел ЦСКА.

«Советский спорт» выдал поминутный отчет. Вот кое-что: «1–5-я минуты. Масляев выходит слева на длинную передачу Истомина и головой посылает в ворота прицельный мяч. Яшин берет. Федотов получает мяч за спиной защитника и с ходу бьет в угол. Яшин берет. Динамовские дела выглядят не блестяще. Но в „счастливых воротах“ счастливый Яшин».

«11–15-я минуты… А вскоре точный удар Панова берет Яшин».

Преимущество потихоньку перешло к динамовцам. Стали они «перекатывать» молодую, амбициозную армейскую команду. Надо отдать должное красно-синим. Они борются до конца. Бьет

Поликарпов головой. Яшин на месте. Далее опять дословно: «66–70-я минуты. Вышедший на поле Юшка (впоследствии известный арбитр. — *В. Г.)* принимает подачу со штрафного и головой направляет мяч в ворота. Яшин берет». 3:0 — хрустальный приз у московского «Динамо»!

К. И. Бесков после матча: «Яшин отлично защищал ворота и умело руководил обороной».

Золотой пробы отзыв: знаменитый тренер терпеть не мог персональных комплиментов кому бы то ни было. Коллектив, мол, победил — он же, если иначе, и уступил. А в ноябре 67-го «оттаял» немного Константин Иванович, созерцая яшинские подвиги.

Тем более что в продолжавшемся союзном первенстве Лев бился до последнего. «На 3-й минуте, — писал „Советский спорт“ о матче с кутаисским „Торпедо“, — Еркомаишвили вывел на удар Цвераву. Однако Яшин в отличном броске поймал мяч. Через две минуты отличный удар того же Цверавы динамовский вратарь с трудом перевел на угловой». Затем Векуа забил-таки с четырех метров. А потом московский голкипер взял сильный резаный удар от того же Еркомаишвили. И — в который раз — травмировался. Вышедший во втором тайме Ракитский однажды не удержал мяч — и случилась ничья 2:2. А 16 ноября Михаил Скоков, к сожалению, неудачно выступил в Тбилиси: 1:5.

Нет, «Динамо» оставлять было никак нельзя. Что же касается сборной… 16 июля 1967 года в Тбилиси Яшин провел последний матч за национальную команду — отборочный к чемпионату Европы (он стал так называться официально как раз с того розыгрыша). Наши победили греков 4:0, претензий к голкиперу не было. Да и быть не могло: противник воротам серьезно не угрожал.

Но более за сборную Яшин не провел ни секунды. В состав вызывался, да. В 1970 году даже поехал третьим номером на мексиканский чемпионат мира. А чтобы вот на поле, вместе с товарищами, вторым после капитана команды появиться — это уже никогда.

Что тут: интриги, подводные течения, сплетение обстоятельств? Или, быть может, обычная иллюстрация к неизбежному ходу времени?

Начнем со следующего факта. В 1967 году сборную возглавляет Михаил Иосифович Якушин (Н. П. Морозов, получив звание заслуженного тренера СССР, вернулся к работе с московским «Торпедо»). Его на страницах этой книги лишний раз не надо представлять. Соответственно, ни о какой предвзятости к «вратарю якушинской мечты» и речи быть не могло. Кроме того,

нелишне привести цитату из первого, новогоднего номера «Футбола», по опросу которого лучшим футболистом СССР 1966 года стал киевлянин Андрей Биба, а Альберт Шестернев и Яшин разделили второе — третье место: «Лев Яшин на протяжении многих лет был и остается лучшим вратарем мира. Его вклад в футбольное искусство неоспорим. И если рассматривать его достижения в целом, то очевидно, пока Яшин играет, он имеет полное право считаться лучшим футболистом страны. Но наши обозреватели определяют лучшего по итогам сезона, они подходят к оценке футбольных явлений более конкретно, чем все остальные спортивные журналисты». Про оригинальность подхода обозревателей еженедельника говорить не станем, сфокусируем внимание на первой части высказывания.

Якушин знал Льва глубже всякого обозревателя. Да и мешать самому себе, естественно, не собирался. Потому в майских поединках сборной выбор делался в пользу динамовского стража ворот. 10-го числа состоялась уверенная победа над Шотландией 2:0. Хозяева, обыгравшие только что «заклятых друзей», англичан, действующих на тот момент чемпионов мира, уступили по всем статьям. «Великий Яшин, чувствуется, был в отличном настроении, находясь в воротах, — мужественно подтверждает шотландский журналист Джон Маккензи на страницах „Футбола“ 14 мая. — Мы вновь утвердились в его мастерстве, хотя, признаться, возможностей для демонстрации этого мастерства ему было предоставлено немного. Он порадовал зрителей, отбив мяч головой в великолепном прыжке, которому позавидовал бы сам Лоу. Лишь несколько ударов заставили его быть относительно собранным, я имею в виду те высокие навесы, которые он легко отбивал, лишая Лоу его любимого блюда. Думаю, что матч был для него простым».

Дэвид Лоу, напомним, хороший знакомый советского мастера: они в 63-м играли вместе за сборную мира против Англии.

28 мая 1967 года в Ленинграде прошел поединок с «незвездными» мексиканцами. Соперник советской сборной в дебютные четверть часа проявил относительную активность, затем доминировала принимающая сторона. Без приключений. 2:0. Яшин — всегда бы так! — бездействовал.

Хотя 3 июня в ответном матче с французами на их поле пришлось нелегко всем, не одному голкиперу. Достаточно сказать, что старый добрый противник после первой половины вел 2:1. Местный обозреватель Ив Монтеррон так живописал второй гол на 45-й минуте: «Ударом с дальней дистанции Жаку Симону удалось поразить цель. Мяч под грустным взглядом

Яшина затрепетал в сетке. Было бы несправедливо винить в этом знаменитого стража ворот. Утверждают, что удар Симона был неотразимым, если вообще существует такое понятие. Но об этом лучше спросить Яшина. Это был не первый удар в советские ворота. Правда, до этого лишь один из них достиг цели, но в течение первого тайма ворота Яшина были под обстрелом, и мы увидели, с какой легкостью и непринужденностью вратарь ликвидирует опасность, это был период игрового и территориального превосходства наших форвардов, игравших динамично, инициативно и красиво». В общем, соперник заслуженно выигрывал.

Только вот в завершающие 45 минут картина переменилась. Бышовец почти сразу счет сравнял, и французы резко сдали. В результате хорошая победа в гостях: 4:2. Жан-Клод Гриво характерно подытожил: «Яшин, Стрельцов, Бышовец, Симон и Делофф были лучшими в этом красивом и корректном поединке».

Как нетрудно догадаться, 11 июня в московском отборочном матче с австрийцами играл Яшин.

Сразу скажем: сборная СССР выиграла 4:3. Счет домашней встречи говорит сам за себя. Противник сравнял счет на 71-й минуте, и лишь великий Стрельцов на 80-й принес труднейшую победу.

Безусловно, три пропущенных в Лужниках мяча заставили обратить внимание на действия обороны. И «Советский спорт» 13 июня уточнил с полузабытой прямотой: «Яшин — сыграл против обыкновения не очень активно и несобранно».

Что ж, с А. П. Старостиным опять тяжело не согласиться: «Я думаю, что Яшин, Шестернев, Воронин и Сабо перестали бы уважать себя, если бы мы поздравили их с блистательной игрой в этом матче». Сверхточно подмечено.

Действительно, *как* забивались австрийские мячи? Первый, по мнению А. А. Парамонова, «был каким-то странным, не продиктованным логикой, после подачи углового наши защитники вдруг застыли в оцепенении, Хоф, спокойно обработав мяч, без всяких помех пробил в ближний угол» («Советский спорт», 13 июня). А. П. Старостин добавляет в «Футболе»: «Вспомним, сколько времени потратил Хоф на обработку мяча и производство прицельного удара. И всё же он успел ударить и забил гол».

А вот второй успех гостей: «И на 54-й минуте у мяча первым после прострельной передачи именно Флегеля оказался Вольны.

Этот гол заставил засомневаться, таким ли уж случайным был первый мяч, забитый в наши ворота австрийцами. И на этот раз наши защитники были в каком-то оцепенении, и на этот раз

они почти ничем не мешали Вольны» (А. А. Парамонов). «Забивая второй гол, Вольны тоже успел раньше коснуться мяча, нежели окружавшие его Шестернев, Хурцилава и устремившийся из ворот Яшин» (А. П. Старостин).

Необходимо подчеркнуть: если так вот «цепенеть» и «не успевать касаться», то не выручит ни один страж ворот.

Только третий мяч, от Зибера, пробившего тем не менее «быстро и неожиданно» (А. П. Старостин), Яшин, «закрытый защитниками» (А. А. Парамонов), в другой раз, возможно, и отразил бы.

А в целом: два очка все-таки взяли у крайне неудобного оппонента 60-х годов. С Яшиным. А в Вене, без него уже, проиграли.

20 июня Лев Иванович принял участие в дружеской встрече со сборной Скандинавии, приуроченной к шестидесятилетию основания Финского футбольного союза. Пять финнов, по два шведа, датчанина и норвежца сыграли с нашими 2:2, подарив Хельсинки праздник. Наш вратарь вообще не отказывался от добрых, душевных, иногда необычных мероприятий, если они несли людям радость. Это к тому, что 2 июля советский голкипер стал на один матч… «турком». Провожали на покой любимца всей страны вратаря Тургая, который вывел на поле родной «Галатасарай», а русский его коллега — сборную Турции, усиленную еще рядом «звезд».

…Когда 16 июля Яшин вышел в Тбилиси против греков, никто и не предполагал, что наблюдает последнюю его игру в свитере национальной команды.

Лишь потрясающий статистик К. С. Есенин что-то почувствовал. И выдал статистику, учитывавшую поединки за сборную и пропущенные в них мячи лучших вратарей планеты за всю тогдашнюю историю игры.

Получилось: Яшин — 78 матчей (72 гола), Замора — 47 (42), Грошич — 84 (89), Жильмар — 88 (96), Шошкич — 46 (56). У остальных процент еще хуже. Получается, лишь испанец наработал за главную команду страны близко к Яшину.

И вот неожиданно пришла пора итожить сделанное.

Что ж, стыдиться совершенно нечего. И не одна тут статистика подтверждением. Ведь против кого играть пришлось с дебютного 54-го, с ума сойти! Пушкаш, Кочиш, Вальтер, Колев, Кеван, Хамрин, Пеле, Вава, Гарринча, Галич, Еркович, Костич, Марселино, Суарес, Альберт, Бене, Ракоши, Халлер, Эммерих, Зеелер, Эйсебио. Как говорится, кого позабыли (а это неизбежно) — пускай не обижаются.

Настала пора «честолюбивых дублеров». Пришло их время.

Вроде бы серьезный народ подошел, грамотный. Тут тебе и Кавазашвили, и Банников, и Пшеничников, Евгений Рудаков постепенно подрос. Всякой бы сборной такую поросль.

А все-таки жаль, конечно. Не только ему самому: очень скоро они почувствуют «сквозняк, оттого что это место свободно». Хорошо еще, что Яшин оставался «в обойме». В конечном счете.

«Динамо», уж точно, не думало о расставании. Декабрьское турне по Южной Америке это определенно подтвердило. Серии таких товарищеских встреч проводились и в прошлые годы, а выезд за рубеж смотрелся особым для советского спортсмена поощрением. И ничего особенного в тех, достаточно многочисленных международных играх 60-х и более поздних годов не свершалось. Однако те предновогодние поединки (Перу, Колумбия, Эквадор, Венесуэла) запомнятся по двум причинам. Одна — Яшин пропустил всего дважды, причем от колумбийского «Хуниорс» из Барранкильи — с пенальти.

А главное, безусловно, схватка 7 декабря с «Мильонариосом» из той же Колумбии.

Немногим более месяца спустя, 14 января, динамовский полузащитник Геннадий Гусаров поведал о подробностях в «Футболе-Хоккее» (издание, как мы видим, пополнилось информацией из другого вида спорта): «Первые 20–30 минут игра развивалась для нас удачно». Вскоре, понятно, хозяева опомнились: «Затем инициатива прочно переходит к сопернику, и теперь великолепное мастерство Яшина спасло нашу команду от возможного поражения.

Кульминацией был 11-метровый, назначенный в наши ворота минут за 15 до конца игры. Игроки „Мильонариоса“ долго совещались: кому бить? Блестящая игра Яшина в этом матче сыграла решающую роль. Игрок, который бил, настолько волновался, что послал мяч метра на 3–4 в сторону от ворот».

И это уже проходили — как и то, что Юрий Авруцкий проведет победный гол.

Да и коли бы ограничилось всё такой по-геройски привычной информацией, не стоило и поминать тот «Мильонариос». Особенность в ином.

9 декабря 1967 года на первой странице «Советского спорта» появился восторженный отчет, сделанный по материалам колумбийской прессы. «…Динамовцы выиграли у известного колумбийского клуба „Мильонариос“. В том, что ворота москвичей остались в неприкосновенности, заслуга нашего вратаря, блестящую игру которого отмечает вся пресса: „Яшин был великолепен!“».

Завершающий возглас вынесен в заголовок.

А под дружным ликованием средств массовой информации приведены подлинные слова Яшина: «В жизни всех спортсменов бывают огорчения. Для меня самым большим огорчением стала ничья — 4:4 — между командами СССР и Колумбии во время мирового чемпионата в Чили».

И это человек говорит после блестящего успеха, заслуженного триумфа. Да если бы и репортеры одолели с вопросами сомнительного качества — все равно можно простенько снять тему или отделаться фразами ни о чем. Зачем в радости не забывать о печали и всем остальном? Как не поддаться эйфории и не разучиться думать?

Яшин не ответил. Однако ясно показал: такое возможно. Подробнее поговорим об уникальном его свойстве в заключительной главе, но уже сейчас пора привыкать: с крупной личностью всё непросто. Тяжко ее понять.

Зато работать — одно удовольствие. Безусловно, К. И. Бесков всерьез рассчитывал на Яшина в сезоне-68. Который и обязан был стать знаковым для именитого клуба.

«Московское „Динамо“ вернулось в ряды фаворитов. Нынче ему будет во сто крат труднее. И не только потому, что динамовцам придется сражаться за свой престиж в чемпионате. Но и потому, что они впервые вышли на официальную международную арену, где их авторитет благодаря прежним заслугам велик» (Олег Кучеренко, «Советский спорт», 5 января). Москвичей ожидал Кубок кубков. Впервые. Даже для Яшина формально — дебют. Терять такого исполнителя перед евроиспытаниями не захочет никто. Тем более Бесков.

И причудливый 1968 год показывает: великий мастер, оставаясь в собственном амплуа, постепенно становится чем-то бóльшим, нежели просто спортсменом.

Для начала он, как и раньше, подтверждает свою квалификацию. Ко второму «Подснежнику» команды элитного дивизиона отнеслись почему-то намного серьезнее. Промелькнуло даже именование «малый чемпионат СССР». Динамовцы желали повторить успех 1967 года. И Яшин защищал ворота во всех играх, кроме одной, с «Пахтакором», в которой был задействован Ракитский.

На финише же, 27 марта в Тбилиси, динамовцы совместно с «Нефтчи» продемонстрировали футбол подлинно международного класса. Сначала забил Геннадий Еврюжихин. Далее свидетельствуют 28 марта в «Советском спорте» Г. Акопов и А. Вит: «Бакинцам удаются навесы на штрафную площадь, но Рябов, получивший в первом тайме возможность исполнять роль свободного защитника, и безошибочно игравший Яшин легко их

прерывают». 31 марта в «Футболе-Хоккее» Лев Филатов продолжает: «Но тут молнией сверкнула умная передача из глубины направо на выход Маркарову, капитан бакинцев рывком вышел к воротам, и Яшин в броске отвел опасный удар». А на 28-й минуте «Нефтчи» сравнял счет. «Советский спорт» указывает на ошибку оборонца Белякова. Л. И. Филатов подчеркивает мастерство нападающего: «Банишевский прыгнул высоко, пружинисто, его удар головой был отрывистым и резким, и мяч, как всегда в таких случаях, вошел по непостижимой траектории под перекладину». После перерыва Г. Акопов и А. Вит продолжают: «Во всяком случае, в эти полчаса превосходство бакинцев было четко выраженным, динамовцам пришлось всерьез защищаться, а Яшину показать свое мастерство».

А теперь — самое неповторимое: «Яшину приходилось активно вмешиваться в игру. И ему удалось в конце концов свести напор бакинцев к нулю».

Что-то похожее, если не забыли, писал Г. М. Пинаичев в 1960 году про финал Кубка Европы. Правда, там звездные югославы радовали глаз. Так они все сошли, кроме Ерковича. В Союзе же доморощенные «звезды» засияли: «Банишевский остроумно выкинул мяч на удар, но Яшин перехватил его». В дополнительное время москвичи поднажали и забили. Однако после заключительного перерыва бой не утих. «Резко изменилась, — сообщал „Советский спорт“, — картина, как только стороны поменялись воротами. Трудно было ожидать такого взрыва энергии, какой проявили южане в эти пятнадцать минут. Великолепно сыграл Яшин, который позволил сохранить победный счет до конца». А Заур Калоев, в недавнем прошлом прекрасный бомбардир, член клуба имени Григория Федотова, высказался прямо: «Не знаю, похвалил ли Константин Иванович Бесков кого-либо из своих игроков, но мне особенно хотелось выделить Льва Яшина. Дело не только в том, что он сыграл безупречно и выручал команду в критических ситуациях, хотя этого одного достаточно, чтобы заслужить „пятерку“. Думаю, не будет преувеличением сказать, что сам факт его участия придает матчу особую значимость».

Высказывание заслуженного мастера спорта в том же номере газеты придало «значимость», особость и всей фигуре Яшина конца 60-х…

Чемпионат страны начнется весьма похожим уже образом. Яшин в начале апреля «с трудом отбивает» мячи, а затем травмируется.

Такое нельзя было не предвидеть. И вроде бы в динамовском штабе всё понимали. Много позже, 31 июля, К. И. Бесков в

большом интервью Олегу Кучеренко для «Советского спорта» объяснил, почему достаточно легко отпустили в «Торпедо» опытного Михаила Скокова: «Большинство матчей прошлого сезона Яшин отстоял на „отлично“, и у нас не было сомнений, что он в будущем сезоне будет играть на том же уровне. Все мы, тренеры и футболисты, думали, что пора уже давать широкую дорогу молодому способному вратарю Ракитскому».

Между прочим, кроме 22-летнего на тот момент Александра Ракитского, бело-голубые располагали и даровитым Олегом Ивановым — вообще двадцатилетним! Одним словом, вратарская линия не должна была на первый взгляд вызвать беспокойство. Выйдет из строя знаменитый ветеран — молодые ребята готовы к бою. Обратите внимание: всегда уверенный в собственной правоте Бесков подчеркивает: *все,* и игроки в том числе, не видели ничего страшного в появлении дублеров на поле (деталь: на встречу с Кучеренко Константин Иванович прихватил обоих помощников, Владимира Ильина и Юрия Кузнецова).

И здесь время обратиться к острой, полемичной статье Ю. И. Ваньята, опубликованной 14 мая в «Футболе-Хоккее». Принципиальный журналист, правдоруб, писавший *обо всех* чемпионатах Союза, от первого до последнего, решился, призвав на помощь бесстрастные цифры, обратиться к ситуации с голкиперами, что сложилась в элитном дивизионе. Анализировалось главным образом соотношение возраста стражей ворот и количества игр в основе. Логика исследования подводит к центральному вопросу: из кого же сейчас и чуть позже выбирать «железного» кандидата на «пост № 1» в сборной? Где резервы?

Стоит признать: темпераментный Юрий Ильич краски несколько сгустил. Хороших «Воротников» в СССР хватало. Однако страстная, искренняя манера публициста не оставляет равнодушным читателя и много лет спустя: «Вот мне и подумалось, что, занимаясь последние годы то проблемами перестройки обороны, то (пожалуй, в первую очередь) делами наших малозабивающих форвардов, мы за широкой спиной Яшина не заметили, что у нас игрок № 1 становится и проблемой № 1».

«За широкой спиной Яшина…» Точно. Может, кому-то и хотелось, чтобы он ушел. Теперь вот и сборная без Льва, и «Динамо» пока (а может, и навовсе) тоже. Лучше стало?

Нет. Широкая спина тем и незаменима, что за нее удобно прятаться — не дует и тепло. А еще выглядывать из-за нее здорово, зная наперед, как и когда вернешься в первоначальную комфортную позицию.

В сборной, повторимся, выступали достойные мастера «под номером один». Только их неизбежно сравнивали с Яшиным заграничные господа-товарищи, привыкшие к «львиной» манере. И про отечественную ношу, ответственность, доступнее сказать, хранителя ворот всего необъятного Советского Союза также не стоит забывать. Раньше-то Яшин всё носил на себе. А теперь — попробуй подними!

Так кого же Ваньят видит «наследниками по прямой»? «Прежде всего, — замечает журналист, — всплыли имена Ю. Пшеничникова, Ю. Дегтярева, С. Крамаренко. И одновременно — Льва Яшина». Парадокс? Бесспорно, но он оборачивается вполне дельным предложением: «Не слишком ли рано сборная команда лишилась этого игрока, влияние которого в коллективе не менее ценно, чем сама игра? Думаю, что была и остается возможность доиграть ему две встречи до цифры 80 за сборную. Ведь речь идет о нашем славном футболисте».

Не сыграл. Остановился на 78. А вот в сборную, пусть и третьим номером, вошел на чемпионате мира в Мексике 1970 года. Влияние в коллективе его несомненно и незаменимо: вновь прав Ю. И. Ваньят в превосходной статье.

В динамовском, например, коллективе без яшинского влияния (он одно время и не тренировался даже) получалась просто беда. В принципе, болезни и травмы Льва Ивановича и раньше, как известно, порождали трудности, но такого, как в 68-м, пожалуй, не было. Тут еще и в прессе к москвичам постоянно проявляли особое внимание, так как предстоял их дебют в Кубке кубков[20].

Не исключено, что на футболистов оказало некоторое влияние и ожидание важных международных поединков, хотя главное, как скоро поймем, оказалось в ином.

Так или по-другому, а команда «посыпалась». Буквально во всем. Вот 9 мая уступили ЦСКА с Ракитским в воротах 1:2. Однако С. С. Сальников через два дня в «Советском спорте» развеивает иллюзии по поводу счета: «Концовка встречи прошла с ощутимым перевесом армейцев, имевших три верные возможности увеличить счет». 15 мая проиграли «Черноморцу» в Одессе 0:1. В. Рыкунов 17-го числа в той же газете разъясняет: «Ошибки Штапова и Зыкова привели к голу Шимановича». А столичные нападающие не сравняли счет, ибо «спешили и били неточно».

Защита подводит, нападение «мажет». 26 мая «Футбол-Хоккей» провел «летучку», выявив мнения футболистов о причинах неудач. Георгий Рябов высказался предметнее остальных: «Нам, защитникам, стало особенно трудно, когда

травму получил Лев Яшин. Теперь мы лишний раз оцениваем ту помощь, которую он оказывал всем нам во время игры».

Прав старый товарищ. Еще во время «Подснежника», 17 марта, Э. Аванесов писал в уникальном нашем еженедельнике о матче с «Шахтером»: «В матче с горняками Лев Яшин, как обычно, умело подсказывал партнерам, как выбрать правильную позицию, предупреждал о грозящей опасности, иногда по-отечески журил молодых спортсменов, когда они действовали недостаточно точно, решительно и настойчиво. И коэффициент полезного действия этих указаний был весьма и весьма высоким. Волевой настрой, ответственность каждого динамовца в ходе матча были максимальными».

Играющий тренер? Совершенно верно. Олег Александрович Ошейков, наставник «Шахтера», характерно прокомментировал фирменный бесковский стиль, когда тренер наблюдает за поединком сверху, изучая рисунок игры: «Константину Ивановичу хорошо. У него на поле сразу два тренера». Имелись в виду полузащитник Валерий Маслов, реализующий тренерские замыслы непосредственно на газоне, и «Яшин, который умело руководит защитой с тыловых позиций».

Однако Маслов-то и в мае, к счастью, в поле! А исчезновение Яшина опустило команду до шестнадцатого места с семью очками и пятью поражениями.

Аванесов, представляется, нашел ключевое слово: «по-отечески». В самом деле (это потом и сам Яшин отмечал), он годился многим в отцы. Прибавим его профессиональное владение предметом, невероятный опыт, ви́дение игры, природную деликатность, наконец.

Такое нигде не купишь. Такое — хорошо, когда есть. И по-детски жутко — когда его лишаешься.

Молодых дублеров Яшина к резервистам никак нельзя было отнести. И в чемпионате поиграли, и в молодежных сборных. А вот вынести нежданно неподъемную нагрузку, выдержать несносный «ветер в лицо» профессиональным исполнителям оказалось не под силу.

Чрезвычайное происшествие случилось 28 мая в игре с «Торпедо». Когда динамовцы уступили 3:5. Сначала слово В. Лахонину («Советский спорт», 30 мая): «Замечу сразу, что в этом матче очень слабо сыграл молодой вратарь О. Иванов. Но винить его в пропущенных мячах как-то неловко. Дело в том, что Иванов сыграл все 90 минут в матче дублеров и не должен был защищать ворота основного состава. Однако в день игры Ракитский неожиданно для всех заявил, что играть не может, ибо у него травмирована нога. Да, Ракитский мог получить травму, но

скорее всего у него травма психологическая».

Последнее замечание заслуженного мастера спорта Виктора Лахонина принадлежит к области предположений. Нога у футболиста и впрямь может разболеться перед решающей схваткой. И лучше сообщить о недомогании перед игрой, чем во время самой игры.

Однако по сути опытный специалист прав. «Иванов, — рассказывал он об одном из пяти голов в ворота „Динамо“, — так долго падал, что опустился на землю после того, как мяч буквально вполз в сетку». Тут причина не в усталости. Здесь чисто психологические трудности, явившиеся следствием тончайших нюансов взаимопонимания внутри всей оборонительной линии. 2 июня М. И. Мержанов в «Футболе-Хоккее», имея в виду матч с автозаводцами, высказался четко и доходчиво. Начал уважаемый журналист милосердно: «Мне не хочется винить О. Иванова». Затем перешел непосредственно к теме — и стало уже не до деликатности и благостности: «„Динамо“ осталось с „открытыми воротами“. Дело не только в том, что Яшин умеет выбрать позицию, играть на выходах, совершать отличные броски в верхние и нижние углы ворот и вообще безукоризненно владеет техникой вратарской игры. Хотя и это очень много. Но Яшин еще умело руководит обороной, связан с ней синхронно, потому невероятным кажется случайный мяч, забитый в динамовские ворота, когда их защищает Яшин. Нити, которые соединяют его с партнерами, как бы страхуют возможные бреши. При Яшине защитники играют смелее, увереннее, тактически правильнее». И разница выявляется конкретно: «Мы видели „мертвое поле“ между вратарем и Г. Рябовым, замыкающим оборонительную линию „Динамо“. В этот район то и дело проникали торпедовские форварды, а молодой необстрелянный вратарь капитулировал перед ними без борьбы».

К. И. Бесков в том июльском интервью О. Кучеренко стремился к максимальной объективности: «Ракитский оказался психологически неподготовленным к роли вратаря № 1. К сожалению, он вместо того, чтобы критически осмыслить причины своих неудач, обиделся, посчитав, что виновен кто-то, а не он. Конечно, в этом есть и наша вина — мы не дали Ракитскому в начале сезона наиграть достаточное количество матчей».

В общем-то «наиграть» еще что-то за «Динамо» Александру Ракитскому так и не удалось: после окончания сезона-68 он покинул клуб. Но кидать камень в хорошего голкипера не стоит. Просто Яшин — это настолько много, что, когда ты пытаешься

занять где-либо его позицию, то всегда почему-то оказываешься меньших, нежели положено, размеров. Вот и Валерий Балясников, динамовский воспитанник, поигравший к тому времени в низших лигах, достигший уже 25-летнего возраста, признанный, наконец, командой после игры за дубль в Тбилиси, когда маститые футболисты попросили Бескова выставить славного парня и за основной состав, — даже он, как позже прояснится, преемником Яшина не стал и, видимо, не мог стать.

Г. Акопов 3 июня, после только что упомянутого матча одноклубников в Тбилиси, словно уловил звенящую в воздухе мелодию: «Вероятно, трудно спорить с теми, кто причиной многих бед, происшедших в эти два месяца с серебряным призером прошлого года, считает отсутствие заболевшего Яшина. Оставшись без своего надежного стража ворот, *словно бы осиротев* (курсив мой. — *В. Г.),* защитники потеряли былую уверенность, и это сразу сказалось: вице-чемпионы проиграли половину матчей. Проиграли больше, чем за весь прошлый год».

Опять зазвучала тема отцов-детей. И кого прикажете ставить в ворота?

Пока что Яшин вернулся. Произошло это счастливое для бело-голубых событие 24 июня. И вновь, как не один уже раз, пошло дело! В частности, в день вышедшего интервью с Бесковым «Динамо» разгромило «Локомотив» 6:2.

Конечно, были поражения: от «Нефтчи», могучего атакой в тот момент, — 1:2. Так случались и победы (их больше!), когда голкипера и не упоминали! Понеслась динамовская машина столь неостановимо, что вчистую выиграла весь второй круг. 31 очко. 14 побед. Оставили за бортом и киевлян, и вновь опасных московских спартаковцев.

Несомненно, как и всегда, объяснить скачок исключительно фактором яшинского возвращения нельзя. Бесков все-таки глубоко готовил команду к сезону. Однако в первом-то круге вообще ничего не клеилось! С теми же, по сути, футболистами.

14 сентября ставший отличным журналистом бывший партнер Льва Ивановича по сборной страны В. В. Понедельник опубликовал в «Советском спорте» отчет под названием «Когда в воротах Яшин». Речь шла о встрече с «Черноморцем»: «Это не только великий мастер своего вратарского дела, достойной смены которому пока не вижу. Он словно источает уверенность, надежность, спокойствие. Одно его присутствие заставляет товарищей по команде играть старательнее, изо всех сил».

Собравшись, «Динамо» добралось в 68-м до более или менее приличного пятого места. «Самое же главное, — итожил в „Футболе-Хоккее“ Лев Филатов 20 октября, — была найдена

наконец и утверждена своя игра. И не вымученная, не подсказанная отчаянием оборонительная за очко, а игра активная, наступательная, хорошо продуманная, за два очка». Так замечательный наш журналист объяснял читателям причины поразительного десятиочкового броска динамовцев после яшинского возвращения в состав клуба. В сборной страны его, как мы знаем, больше не окажется.

А вот сборной команде мира советский голкипер 6 ноября пригодился в товарищеском и одновременно принципиальном поединке со сборной Бразилии. Южноамериканцы под свой очередной юбилей опять захотели Яшина — старая добрая Европа не смогла отказать.

Причем тому матчу 7 ноября на «Маракане» предшествовало неожиданное появление Льва Ивановича на Олимпиаде в Мехико. Она проходила с 12 по 27 октября. Поэтому заключительную встречу за бело-голубых Яшин отыграл 23 сентября, а затем его место занял Валерий Балясников.

Понятно: по собственному желанию такой отъезд невозможен. Налицо — спланированное, продуманное начальственное решение. Да и мы помним, как лучший вратарь мира отбывал в разнообразные звездные сборные: в последний момент, проведя перед самым отъездом матч за динамовцев. Так что в Мексику его отправляли в составе делегации. Пусть футболисты туда не пробились — всё равно: настоящий олимпийский чемпион одним своим присутствием поднимает настроение спортсменам. Кроме всего прочего, Яшин не может не пригодиться как уникальная личность. Вспоминает журналист Дмитрий Мамлеев: «Кстати, спецкорам „Известий“ на Олимпиаде — Борису Федосову и мне, Яшин оказал тогда важнейшую услугу. Он передал нам бесценный сувенир — хрустальный футбольный мяч в натуральную величину со своим автографом, а мы, в свою очередь, подарили его сыну шефа пресс-центра Морено. После этого у нас была зеленая улица для срочной передачи в Москву оперативных репортажей (надо ли говорить, какая журналистская толчея была у „телексов“)». В общем-то, дареное не дарят, но что не сделаешь ради зеленой улицы, ведущей в Москву! Получается, собственное присутствие за океаном вратарь более чем оправдал, лишившись, к тому же, такого классного хрустального мяча. Правда, поснимал порядочно на камеру (они же еще и на Кубу заглянули).

Логика отправивших Яшина в Мексику опиралась, не исключено, и на необходимость участия в бразильском матче. Всё же там почти рядом.

Поединок 7-го числа начался с пропущенного гола на 2-й

минуте: Ривелино вошел в штрафную и выстрелил «как из пушки». Местный журналист Марио дель-Аратайра не без удовольствия продолжает делиться впечатлениями в «Футболе-Хоккее» от 13 ноября: «Бразильцы и затем контролировали игру, пока игроки сборной мира по ходу дела продолжали знакомиться друг с другом. В это время русскому вратарю Яшину пришлось сделать несколько сенсационных бросков, для того чтобы воспрепятствовать бразильцам добиться успеха повторно». Не добились они при русском вратаре повторного успеха. А вот когда Яшина заменили, хозяева провели второй мяч. Подобное уже случалось. Красивые, насыщенные мастерскими ходами игры были и будут еще в его триумфальной карьере.

Чего, похоже, не случалось — так это столь мизерного промежутка между сезонами. Уже в январе (!) 1969 года динамовцы проводили серьезнейшие матчи за рубежом против опаснейших противников (это вам не в Гаграх не спеша с составом определяться). О том турне детально поговорим чуть ниже. Пока же обратимся к одному интересному извещению, что Лев Иванович получил аккурат перед новогодними праздниками.

1 января 1969 года он рассказывал в «Советском спорте»:

«В преддверии нового года почтальон принес открытку, в которой мне предлагают сдать спортивную форму. Ту самую, в которой я защищал цвета сборной СССР.

Вот уже несколько лет подряд после каждого сезона я считал: пора на покой. Наступал, однако, новый год, и я снова появлялся на поле, чувствуя, что могу еще помочь своему родному клубу.

На днях я узнал, что меня в двенадцатый раз подряд включили в список „33“ (из скромности опущено: под первым номером. — *В. Г.)*. Видно, и теперь я играю не хуже молодых. Может, потому, что ничуть не меньше, чем прежде, люблю футбол? Что годы оказались неспособны утолить жажду к игре?

Что говорить, я рад, что снова в списке лучших. И всё же на душе у меня кошки скребут — открытка насчет формы не идет из памяти.

Только не думайте, что вот, мол, брюзжит Яшин, да и вообще зачем ему опять думать о сборной, норовя встать поперек дороги молодым. Честное слово, самым лучшим подарком к сорокалетию я считал бы появление молодых вратарей — сильных, надежных, умелых. Разве можно закрыть путь в сборную настоящему мастеру? Я же никому поперек дороги вставать не собираюсь. Я просто больше всего на свете люблю футбол, люблю свою трудную вратарскую работу и хочу, пока могу, играть. И буду изо всех сил стараться играть хорошо. А в споре за место в сборной восторжествует старый, как мир, спортивный девиз: пусть

победит сильнейший!»

Документальное свидетельство часто красноречивее всего. За сборную, напомним, Яшин ни разу после 1967 года не выходил. Хотя в состав на чемпионате 70-го попал, отправившись в Мексику официально третьим голкипером. Получается, заново ему свитер выдавать пришлось? Неподъемная работа всё-таки у чиновника, когда он по-настоящему бдителен: не успеешь забрать форму — опять готовь ее для вручения. Голова кругом.

А «кошки на душе скребут» после ознакомления с новогодней открыткой декабря 68-го, думается, не только у Яшина — у всех, кто ту душу имеет.

Особенно усиливаются ощущения контрастом от интервью с капитаном турецкой сборной Октаем Метином, помещенным на той же первой странице «Советского спорта» 1 января. Лидер наших соперников по отборочной группе к первенству мира, осознав, что звонят из Москвы, молниеносно перехватил инициативу и взволнованно зачастил: «Как Яшин? Будет играть в будущем сезоне? Я читал много лестного о нем после матча сборной Бразилии и ФИФА. Молодец! Я преклоняюсь перед его спортивным долголетием. В нашем клубе и по сей день вспоминают его последний приезд в Стамбул на прощальный матч Тургая». Тургая провожали в 67-м. И непосредственный противник так и остался яшинским болельщиком, следит за его творчеством, интересуется планами на будущее. Один матч в Турции. А сколько их было для собственной страны и во славу ее?

Причем игры для родины с Яшиным в воротах вовсе не завершены к тому моменту. Продолжаются. Приобрели, может быть, несколько более привычные для нас особенности, а в наличии остались. Самое время и перейти к тому заграничному турне, предпринятому столичными динамовцами в столь неудобное время. Январь отечественному футболу противопоказан. Хотя москвичи начали тренировки 16 декабря и выступления проходили на хороших южных полях — всё равно. Вояж, естественно, подавался определенным образом. «Советский спорт» назвал москвичей «своеобразными пионерами новых форм подготовки клубной команды к сезону».

В отношении первенства-пионерства полезно подождать и помолчать. Обратим внимание на один факт: во всех десяти поединках на полях Италии, Аргентины, Чили, Бразилии, Перу играл Лев Яшин. 2 марта К. И. Бесков в «Советском спорте» объяснил, почему. «Его участие, — поведал наставник, — предусматривалось контрактом, и мы от него не отступали». Что же, в 64-м, рассказывал Э. Мудрик, такое уже практиковалось. Только теперь цифры несколько другие: с участием Яшина

выходит в пять раз (!) больше, а не в два[21].

Выходит, и накануне сорокалетия очень нездоровый, многократно травмированный человек зимой на чужих полях бьется за победу, забывая о себе. И зарабатывая реальные деньги для государства. Точнее сказать, для тех, кто столь крепко помнит о вовремя, по их мнению, не сданной форме сборной…

Москвичи, скажем прямо, не подкачали. В Италии победили на тот момент лидера чемпионата «Кальяри» (2:0) и «Палермо» (2:1). Затем приняли участие в крупном международном турнире, который принимал Сантьяго. Где стали вторыми, пропустив вперед лишь местный «Коло-Коло» и не проиграв ни разу. Яшин в Чили вошел в символическую сборную. Вполне заслуженно. Из трех мячей от хозяев-победителей (итог 3:3) два, к сожалению, на совести центрального защитника Вадима Иванова, которого Бесков тут же из «Динамо» и освободил. (Тот, правда, оказавшись в «Спартаке», сразу стал чемпионом СССР. Случается и такое.)

Одним словом, перед первенством беспокоил один вопрос: не пройден ли пик формы?

4 апреля корреспондент «Советского спорта» Валерий Березовский взял интервью у Яшина. Привлекает оно на этот раз не вопросами и ответами, а показательным наблюдением журналиста:

«В Гаграх заканчивали подготовку к сезону столичные динамовцы. Игроки основного состава отдыхали перед матчем. Яшин тренировался вместе с дублерами.

Старший тренер московского „Динамо“ К. Бесков настойчиво выпроваживал Яшина с тренировки: „Заканчивай, Лев, как бы не перетрудить ногу“ (у Яшина была легкая травма)».

Живописная картина, не находите? Ведь что получается: с основой вратарь уже отработал (он с ней выйдет 8 апреля в первом туре против «Арарата»), футболисты стартового состава удалились на заслуженный отдых. А самый титулованный из них, годящийся, между прочим, некоторым в отцы, продолжает заниматься с дублем. Да так рьяно, что сам суровый, требовательный, жесткий Константин Иванович Бесков никак не может изгнать его с тренировки. Обычно-то бывало наоборот: от бесковских нагрузок стонали. А он в ответ приговаривал: «Этого требует футбол». Тут же выходит полное единство во взглядах с некоторым даже креном в сторону одержимости игрока. Готовящегося к последнему, между прочим, полноценному сезону (в августе 70-го Яшин практически завершит карьеру игрока). Нет, кидать, как говорится, камни в адрес полевых игроков, которые отправились восстанавливаться, закончив плановую тренировку, нельзя. Не забудем и про побаливавшую ногу Льва

Ивановича: в том смысле, что и у всех профессиональных мастеров затаенные болячки присутствуют. К чему усугублять. Только почему-то вспомнилась та статья в «Юности» о Стенли Мэтьюзе, который и в 50 лет в прощальном матче играл и из-под самоуверенного Шнеллингера отдал чистый голевой пас.

Так и Яшин в апрельских Гаграх 69-го года играет, как и десятилетия назад, в Богородском. И в двадцатом для себя чемпионате Лев Иванович не способен от той игры устать. Чего не скажешь, честно говоря, о его одноклубниках. Куда-то не туда привез зимний экспресс нашенскую «динамо-машину».

Москвичи отвратительно начали чемпионат. 10 апреля армянский журналист А. Хачатрян справедливо заметил в конце отчета о поединке с «Араратом» двумя днями ранее: «Динамовцы были настроены играть не спеша». Чего хозяева не позволили, разумеется, с самого начала: «Месропян с мячом продвинулся по левому краю и сильно прострелил вдоль ворот. Яшин, не имея простора для действий, несколько замешкался, и Заназанян головой забил гол». Затем араратовцы, используя ошибку Смирнова, провели и третий мяч. 2:3. Как и в Баку 12 апреля — 1:2. Тяжелее и тяжелее становится после «американской зимы».

17 апреля киевский корреспондент Г. Борисов максимально четко разъяснял тонкости игры столичного стража ворот во встрече одноклубников: «На 11-й и 12-й минутах он был вынужден активно вмешаться в ход событий, на 15-й минуте настолько же сильный, насколько неожиданный удар Сабо издалека, шедший под перекладину, едва не достиг цели. Яшин успел среагировать, но за другого вратаря в аналогичной ситуации я бы не поручился».

23 апреля динамовцы уступили и «Черноморцу». После сильного удара Кузьмина в верхний угол Яшин мяч-то отбил, однако Звенигородский добил снаряд в сетку.

2 мая Л. И. Филатов в «Советском спорте» дает оценку динамовцам: «Как видно, этой командой не найден оптимальный вариант всесторонней подготовки к сезону, включая и психологическую сторону дела». Увы, анализ превосходного специалиста точен. Но в тот же день, 2 мая, Яшин отстоял на ноль в Луганске против местной «Зари», обеспечив победу с минимальным преимуществом. А через шесть дней спас ничью (0:0) в дерби с ЦСКА, опередив броском в ноги Масляева. Затем последовали важные победы динамовцев над «Крыльями Советов» в Москве (Г. Радчук сообщает 14 мая в «Советском спорте» о выбитом Яшиным из нижнего угла мяче) и «Уралмашем» — оба раза по 1:0. К середине мая 1969-го речь о результативности не шла: не пропустить бы и очки взять. Голкипер делал всё, что мог,

и даже больше. А затем на два месяца выбыл из гонки. Причины на поверхности: и травмы с болезнями (тут, безусловно, не одна перетруженная нога), и сумасшедший январский график.

Так что появляется он лишь 9 июля в поединке с «Араратом». Зато в каком! Валерий Винокуров живописал 10-го числа: «Этот матч открылся необычно. Столь знакомый голос Вадима Синявского, любимый всеми поколениями футболистов и болельщиков, зазвучал над стадионом. Знаменитый радиокомментатор приветствовал нашего лучшего вратаря Льва Яшина, в трехсотый раз вышедшего на поле, чтобы защищать честь своей команды в матче чемпионата страны. Была зачитана приветственная телеграмма ЦК ВЛКСМ, адресованная Яшину (это хорошо, однако Лев Иванович давно вышел из комсомольского возраста и 12 лет как состоял в партии. — *В. Г.)*. Юбиляру вручили подарки Герой Советского Союза лейтенант Юрий Бабанский и все динамовские вратари от Федора Чулкова до Алексея Хомича». Чуть прервемся, хотя и не хочется. Но память требует: араратовцы тоже вручили подарки и цветы, избрав для доброй миссии коллегу Яшина Алешу Абрамяна. Что, как и следовало ожидать, не повлияло на ход игры: «А уже на пятой минуте ворота своей команды спас Яшин, в самоотверженном броске взяв мяч в ногах у форварда „Арарата“. Вообще этот матч, особенно в первом тайме, был таким, что обоим вратарям приходилось часто вступать в игру», — продолжал «Советский спорт».

И всё остальное время футболисты занимались любимым делом. Кто-то нападал. Кто-то отражал. Каждая, присмотреться, круглая яшинская дата отмечалась прекрасным футболом.

В компании такого исполнителя и отчасти дирижера — грешно сфальшивить.

Рецензии о других матчах пестрят описанием подвигов динамовского голкипера. Стоит привести отзыв Михаила Супонева об игре с минскими одноклубниками: «Был момент, когда казалось, что они (минчане. — *В. Г.)* откроют счет. Толейко метров с пяти бил по воротам головой. Технически он выполнил всё правильно: направил мяч сверху вниз в угол. Но в воротах был Яшин: вратарь московского „Динамо“ — единственный футболист, получивший в этом матче „пятерку“. Кроме броска под удар Толейко, Яшин вроде бы не сделал ни одного эффектного жеста. Он порой, казалось, поступал не по канонам: парировал мяч ногой, отбрасывал его в тех ситуациях, где следовало бы ловить. Но „бедняга-мяч“ словно уж совсем перестал понимать, как пролезть ему в эти яшинские ворота.

Трудно добавить что-нибудь к тому, что написано и говорено

о Яшине. Могу только напомнить: этому великому футболисту скоро будет сорок».

Тема возраста и такта буквально сейчас всплывет. В главном же белорусский корреспондент прав: на советских полях пока остается неповторимая и неподражаемая личность.

В самом деле, кто еще способен стать героем следующих двух историй, участниками которых с другой стороны стали, по совпадению, игроки московского «Торпедо».

Итак, 18 августа нападающий автозаводцев Михаил Гершкович огорчил Яшина забитым мячом. С этого и пошло самое увлекательное. 24 августа в «Футболе-Хоккее» О. Кучеренко рассказывает: «Гол, забитый Гершковичем в ворота Льва Яшина в прошлый понедельник, имеет любопытную предысторию. В газете „Советский спорт“ в прошлом году, рассказывая о команде „Торпедо“, я упомянул о том, что у Гершковича есть „историческая“ фотография, где он в 1958 году, тогда воспитанник футбольной школы стадиона юных пионеров, сидит на коленях у Яшина. Снимок был сделан во время одного из торжественных напутствий сборной СССР перед отъездом на чемпионат мира в Швецию». Эта фотография в книге приводится. Можно убедиться: обстановка неподдельно душевная, неформальная, соответствующая «оттепельной» поре. По краям также спокойно, без налета «звездности» разговаривают с детьми подлинные «звезды» — Никита Симонян и Игорь Нетто. А Яшин нагнулся к Мише и, похоже, что-то у него спрашивает. Очень может быть, о том, где он собирается действовать на поле, в какой линии. Маленький футболист, судя по приоткрытому рту, ответил. Затем подрос, стал хорошим нападающим, вошел в сборную Союза. И, важнее всего, — предусмотрительно сохранил карточку. Журналисты, понятное дело, оставить без внимания развивающийся сюжет не могли. О. Кучеренко продолжает: «При этом я привел слова Гершковича о том, как он мечтает забить гол в ворота самого Яшина. Яшин же, оказывается, ничего не подозревал и, когда накануне встречи с московским „Торпедо“ в случайном разговоре услышал об этом, заинтересовался и в шутку сказал: „Завтра с ним поговорю на поле…“». На тот момент Лев Иванович пребывал в прекрасном настроении: напомнили славную, милую историю, и Михаила приятно послушать: как учился, поднимался, тренировался, дабы стать серьезным мастером. И вообще: чужие дети растут быстро.

Только беседовать пришлось в перерыве и при несколько иных обстоятельствах. Чтобы понять, обратимся к первому тайму. А. Леонтьев: «…Первыми решили задать тон торпедовцы, и на 7-й минуте Яшину пришлось продемонстрировать свое неувядаемое

мастерство. Он в отчаянном броске отбил мяч, коварно пущенный Паисом, стоявшим спиной к воротам». Теперь, внимание, следующий эпизод: «Высокое индивидуальное мастерство — хорошо. Но коллективная игра — полезнее. Это убедительно доказал в конце первого тайма Янец. Он резкой, но точной передачей вдоль лицевой линии отдал мяч набегающему Гершковичу, и тот, подставив „щечку“, радостно помчался к центру. Яшин был не в силах спасти ворота от гола» («Советский спорт», 19 августа). Теперь понятно самочувствие Яшина в перерыве? Особенно когда перед ним предстал счастливый торпедовец. Вернемся к материалу О. Кучеренко:

«— Миша, оказывается, это ты сидел у меня тогда в 1958 году на коленях… А сейчас голы забиваешь…

— Лев Иванович, я мечтал об этом всю жизнь…

— И правильно делал. Так и надо. Забивай как можно больше. И не только мне.

И, огорченно махнув рукой, Яшин добавил: „И откуда ты всё-таки выскочил на ворота, чертенок…“».

Фантастический отрывок. В том плане, что если бы этого не случилось в действительности, то верить «чьей-то версии» просто нельзя. Подумайте, и в 58-м Яшин считался опытным, даже возрастным футболистом. И Мише до Михаила тогда еще расти и расти было. А встретились же на футбольном поле. И голкипер-то в полном порядке. Не зря же использованы цитаты из отчета его коллеги Алексея Леонтьева. Сам бывший страж ворот, Алексей Иванович не находит ошибок у Яшина. Янец блеснул пасом, ну и Михаил впрямь как из табакерки выскочил и катнул в касание. «Так и надо», — повторим за великим мастером.

…Однако всмотритесь, как же ему невыносимо тяжело после этого автозаводского успеха. Как сокрушенно он машет рукой и уходит. Вот такие переживания и поднимают футбол на действительно драматические высоты.

Что же касается второй документально-литературной истории, то здесь абсолютная подлинность очень возможна, даже желанна, но всё же гарантировать ее нельзя. Снова в центре внимания оказывается поединок «Динамо» и «Торпедо», состоявшийся 16 сентября. Знаменателен он тем, что после ужасной травмы в нем лишь второй матч играл старый товарищ Яшина по сборной Союза и сборной ФИФА Валерий Воронин. Вот непосредственные впечатления Олега Кучеренко: «Воронин метров с 25 точным и мягким ударом обвел „стенку“ со штрафного» («Советский спорт», 17 сентября). Гол забит на 11-й минуте. Второй момент: «Кстати, на 60-й минуте Воронин вновь великолепно выполнил штрафной удар, но на этот раз Яшин

оказался на высоте».

Таковы факты. Однако, по популярной версии, автозаводец непосредственно перед выходом на поле попросил динамовца пропустить. Яшин ответил, что один мяч позволит в качестве моральной поддержки забить, больше — нет, извини. И вроде так и случилось: первый раз со штрафного влетает, затем — всё, ворота на замке.

Вероятно это? С одной стороны — да: Яшин Воронина очень ценил, через год даже поставил в пример сборной СССР, провалившей первенство мира 1970 года. А тут столь страшные увечья, у верного соратника карьера дальнейшая на волоске висит. С другой — какая-то удобная арифметика, когда все довольны: один мяч — да, пожалуйста, второй и так далее — нет, это слишком. А коли бы «Динамо» не сквитало и первый гол? А если бы торпедовцы самостоятельно, без помощи, провели еще? Словом, судить имеет право каждый. Реальный счет 4:2 в пользу бело-голубых.

Пора перейти к итогам выступления «Динамо» в сезоне-69. В принципе, к концу года команда за счет неутомимости К. И. Бескова и, придется признать, очередного возвращения Яшина подтянулась. Мудрый Анатолий Акимов писал в «Футболе-Хоккее» еще 14 сентября: «По разным причинам Льву Яшину пришлось пропустить ряд матчей, и это самым пагубным образом сказалось на выступлении столичных динамовцев. Отсутствие надежного вратаря, к которому привыкли, подрывало моральные силы коллектива».

И здесь внимательный читатель отметит: «Да сколько же можно!» Сценарий множества сезонов пишется будто бы под копирку. Вроде и Бесков пришел — а всё одно и то же.

Надо признать: селекционная работа в «Динамо» второй половины 1960-х велась не на уровне амбиций и традиций легендарного клуба.

Бесспорно, тогда и возможности были скромнее, нежели в XXI столетии. И всё-таки: динамовцы несколько лет не могли укомплектовать самую важную линию — полузащиту. В сущности, имелся один классный хавбек — Валерий Маслов. Остальных приходилось переучивать. Или из нападающих — как Юрия Семина (почти удачно), или из защитников — как Виктора Аничкина и Владимира Долбоносова (с меньшим успехом).

Ну и вратарь, конечно. Как нужен был стабильный сменщик! Так ведь правильно говорят, что пресловутый «часовой у ворот» — товар штучный.

Руководство, несомненно, трудилось по теме: здесь и новый шанс для Балясникова, и появление в составе поигравшего за

сборную страны Йонаса Баужи. А всё не получалось по части безусловной надежности, если со Львом Ивановичем что приключится.

Да и даже если с «номером один» нормально — стабильности нет как нет. Взять для примера поединок с «Нефтчи» 14 июля. Сначала обратимся к свидетельству Е. Серова («Советский спорт», 15 июля): «Яшин всё время начеку. В штрафной площади „Динамо“ густо от игроков, ибо гости наступают чаще всего по центру, но и в такой тесноте умудряются отыскать лазейки. И вот, наконец, Абдуллаев в невероятно сложной позиции под немыслимым углом наносит точный удар.

Атака следует за атакой. У ворот москвичей жарко. Смольников сильно бьет — мяч от руки вратаря попадает в перекладину. Дважды подряд хорошо подает угловые Абдуллаев — Яшин и Аничкин вновь выбивают мяч за линию ворот». И всё-таки: «После штрафного следует удар в упор. Яшин его отражает, но Туаев бьет без промаха — 2:2». Одно маленькое существенное добавление: бакинцы штурмовали ворота динамовцев в гостях, имея репутацию сугубо домашней команды. Поэтому О. Кучеренко днем позднее и размышлял: «Странное впечатление оставил последний матч динамовцев с „Нефтчи“. Легко добившись успеха и поведя в счете 2:0, „Динамо“, словно испугавшись такого преимущества, провело оставшееся время в беспомощных попытках отбиться от атак соперника».

Наступавший сезон 1970 года станет успешным для «Динамо». И уже противникам придется отбиваться беспомощно, бестолково и иногда бесплодно. В некий момент мы вспомним ту несуразицу на поле с бакинским «Нефтчи». Чтобы подчеркнуть произошедшую разницу.

Следующее первенство СССР москвичи начали позже остальных. Задержались ввиду нового турне. Планировали выступить лишь в Австралии, а здесь подоспело предложение от дружественной Индонезии. Яшин вновь участвовал почти во всех матчах (опять контракт?). Только в одной встрече место в воротах занял Владимир Пильгуй, которому тогда было 22 года. Москва давно интересовалась днепропетровским талантом — мешали межреспубликанские противоречия. Владимира, в частности, уже отняв у украинцев, вынуждены были отдать служить во всамделишные конвойные войска. А Яшин всё мучился без полноценного напарника.

Начавшийся чемпионат, впрочем, не предвещал никакого отдыха заслуженному ветерану. Символичен А. Леонтьев в отчете 28 марта об игре «Динамо» с «Шахтером», проводившейся из-за погодной ситуации в Сочи: «Если первые 20 минут Яшин

спокойно наблюдал за ходом борьбы, изредка подсказывая, как менять фронт обороны, то с 30-й минуты ему пришлось начать трудиться в полную силу. На 30-й минуте, например, только изумительное чутье Яшина позволило спасти ворота от опасности» («Советский спорт»). А 10 апреля Заур Калоев на страницах того же издания выделил центральную фигуру встречи одноклубников в Тбилиси двухдневной давности: «Москвичи должны быть благодарны Льву Яшину, опыт и мастерство которого на этот раз выручили команду и помогли избежать поражения. Был момент в конце первого тайма, когда, прорвавшись по левому флангу, Метревели точно перебросил мяч через защитников к дальней штанге на Г. Нодия, и тот метров с семи ударил в угол ворот. Гол, казалось, был неминуем, но Яшин в прыжке успел перевести мяч на угловой».

То же и в других матчах. Нетрудно резюмировать: Яшин по-прежнему незаменим. Ведь семь туров минуло, а ни одного пропущенного гола у команды. Кстати, если присовокупить финиш сезона 69-го, то выходит знатная цифра: 662 минуты без пропущенных мячей в динамовские ворота, когда их охраняет Яшин. И такие красноречивые достижения — под занавес, как выяснится, карьеры!

В. В. Понедельник в очерке, посвященном Яшину как кавалеру ордена Ленина (приближалось столетие со дня рождения Владимира Ильича), поделился важной информацией: «Недавно спортивные журналисты спросили президента ФИФА сэра С. Роуза, как будут организованы проводы Льва Яшина. Президент сказал: „На самом высочайшем мировом футбольном уровне. Думаю, что это будет большим футбольным праздником. К Яшину на матч приедут лучшие из лучших“. Затем улыбнулся и продолжал: „Но насколько я знаю, господин Яшин не собирается расставаться с футболом?!..“».

С Роузом у наших существовали нормальные отношения вплоть до 1973 года (когда СССР отказался играть ответный матч с Чили и не поехал в ФРГ на мировое первенство). И тут сэр Стенли деликатен и сверхточен. Действительно, прощальный праздник пора бы и готовить (а его и готовят еще с 1968 года). А с другой стороны: с какой стати? Голкипер по-прежнему в отличной форме. И еще: обратите внимание на гамму знаков препинания в конце заключительного высказывания президента. Она передает некое смятение чувств. Как-то рядом всё: удивление, радость, скепсис, сомнение. Стенли Форду Роузу в 1971-м шел уже восьмой десяток. И два десятка из них он наслаждается игрой Яшина. А с годами чувства человека становятся и сложнее, и многообразнее.

Правда, эмоции В. В. Понедельника, описавшего первый пропущенный Яшиным гол, приведший, как и следовало ожидать, к поражению от «Торпедо» 2 мая, несомненно, окрашивались одной краской — так что делать: работа. Надо писать: «На 29-й минуте Дегтярев с правого фланга хорошо навесил на набегавшего в штрафную площадь Юрина. Который с лета пробил по воротам. Защитники „Динамо“ оцепенели и упустили рванувшегося на мяч Гершковича. После его удара головой мяч, изменив направление, вонзился в верхний угол. Яшин был бессилен».

Частенько, признаться, «цепенели» защитники. Видимо, К. И. Бесков провел активную, бескомпромиссную работу с личным составом, и через четыре дня москвичи одолели разошедшийся «Черноморец» 1:0. 7 мая в «Советском спорте» О. Кучеренко тем не менее подметил, что «одесситы в конце матча устроили настоящий штурм ворот соперника». И опять обошлось: «Однако он им ничего реального так и не принес: москвичи во главе с Яшиным защищались самоотверженно».

В общем, любители футбола СССР невольно задумались: если Яшин столь хорош, то почему он вновь не в сборной?

Столетие В. И. Ленина отпраздновали. Яшин, как уже было сказано, получил высший в стране орден.

Тем временем предстоял чемпионат мира по футболу в Мексике. Вратарская линия необычайно важна. И 13 мая 1970 года Г. Д. Качалин, вновь возглавивший главную команду страны, отвечает в «Советском спорте» на прямой вопрос: «Будет ли включен в состав Лев Яшин?» Ответ: «Пока в поездку берем с собой двух вратарей — Рудакова и Кавазашвили. Как известно, окончательная заявка на 22 человека будет послана в ФИФА лишь за восемь дней до начала чемпионата. Не исключено, что мы привлечем в сборную и Л. Яшина, обладающего колоссальным опытом международных встреч».

Первый поединок с Мексикой игрался 31 мая. Перед 13-м числом, выходит, Яшина в качестве серьезного кандидата не рассматривали. Двадцать два игрока уже были определены.

Одно подметим: ехать на мундиаль с двумя голкиперами — по меньшей мере, недальновидно. «Третий номер» присутствовал и в Англии. Им тогда стал Банников. Он и к 1970-му подошел в хорошей форме. А тут, к несчастью, Рудаков сломал ключицу в шальной игре с венесуэльским «Мильонариосом». Вместо него в окончательный список был включен молодой перспективный Леонид Шмуц.

Так одно дело перспектива и последующее включение в состав. Совсем иное — непосредственная схватка. Думается,

Г. Д. Качалин реальным дублером Кавазашвили видел Яшина. Впрочем, все четыре поединка ворота сборной защищал Анзор.

А ошибся в четвертьфинале с Уругваем, когда нам гол на 118-й минуте забили, советский голкипер не один — вместе со всей линией защиты. Тогда, напомню, он с остальными оборонцами перестал участвовать в процессе, решив, что мяч вышел из игры. Так не надобно руки подымать, коли линию поля мяч всё же не пересек.

Мрачно. Яшин выступил в «Советском спорте»: «В общем, на всех чемпионатах мы показываем один и тот же уровень. Не можем бороться за высокие места. В причинах надо разбираться всем — и тренерам, и игрокам, и журналистам. Когда надо продемонстрировать класс, нам всегда чуть-чуть не хватает». Ему хватило редкой принципиальности и объективности, дабы выявить личным, безукоризненным щупом трех лучших в сборной. Ими оказались центральные защитники Капличный и Шестернев, а также… вратарь Кавазашвили. Главный отзыв для Анзора Амберковича. С тех пор ему не стоит обижаться на какую-либо оценку сегодняшних экспертов по поводу его игры в Мексике. Яшин сказал — такое навечно.

Уже 2 июля динамовцы в возобновившемся союзном чемпионате победили киевских одноклубников 1:0 с Яшиным на обычном его месте. «Двадцать лет назад в этот день в воротах московского „Динамо“ появился Лев Яшин, — напоминает О. Кучеренко. — Вчера зрители от всей души аплодировали неувядаемому мастерству вратаря — он и на этот раз играл без ошибок. Его команда, победив в хорошем стиле один из сильнейших клубов страны, преподнесла подарок Льву Яшину к очередному юбилею» («Советский спорт», 3 июля).

Но 13-го числа того же месяца состоялось памятное дерби с московским «Спартаком», закончившееся со счетом 4:1 в пользу красно-белых. Все мячи влетели в ворота, которые защищал Яшин.

По совести, то был спартаковский день. Действующие чемпионы СССР играли намного лучше. Первый гол провели с пенальти, назначенного за снос Калинова. Вот второй мяч мог вызвать некоторые упреки вратарю. В. Понедельник писал в «Советском спорте» 14 июля: «Через две минуты Осянин коварным ударом метров с двадцати пяти увеличивает счет». Расстояние? Да, так и Николай Осянин умел бить по воротам. И Яшин среагировал (есть снимок из «Футбола-Хоккея», запечатлевший мощный бросок) — чуть не успел. Третий же и четвертый мячи стали реальностью после выхода один на один Логофета и очень хорошей перепасовки Калинова и Хусаинова.

В общем-то, случались и бóльшие неприятности. Однако К. И. Бесков, судя по всему, после 13 июля бережет Яшина для завоевания заключительного трофея — Кубка СССР. И ветеран достойно противостоял киевлянам в полуфинале. Отразив фирменный штрафной от Серебренникова и обеспечив победу 2:1. В чемпионате же в воротах обосновался Пильгуй.

8 августа подоспел финал Кубка. Праздник вышел на славу. А 16-го числа в «Футболе-Хоккее» Лев Филатов, как и полагается аналитику, определил стратегическую ситуацию: «Во всяком случае, в этой игре тбилисцам пришлось отвести свою артиллерию метров на двадцать от ворот Яшина, и обстрел издали был единственным, что им дозволялось». И в результате: «Яшин имел дело большей частью с мячом, летевшим издали (и проявил при этом немало мастерства), а Урушадзе — и с мячом, и с форвардами».

В свою очередь, А. И. Леонтьев и Н. П. Морозов на страницах «Советского спорта» 9 августа рассмотрели тактическую составляющую финала: «К 15-й минуте команды уже успели обменяться несколькими тактическими уколами. Асатиани, например, обманув молодого Уткина, пробил довольно сильно. Яшин — на месте». Во втором тайме Еврюжихин счет удвоил. Южане не сдались: «Петриашвили пробил, но на месте был Яшин». А затем и добиваются успеха: «Хинчагашвили пробил с такой силой и точностью, что отчаянный бросок Яшина оказался бесплодным — мяч в „девятке“. 1:2». И пошел, понятно, штурм. «Тбилисцы добились территориального преимущества, — продолжал корреспондент „Советского спорта“, — и с каждой минутой наращивали силу натиска. Яшин почти беспрерывно вмешивался в игру, то прерывая высокие передачи, то бросаясь в ноги».

Взяли москвичи Кубок. После, по старому обычаю, капитан победителей должен был представить товарищей в специальной публикации «Футбола-Хоккея». Валерий Березовский приготовился слушать подробный монолог. Как вдруг капитан внес нечто новое. «Извините за то, что я нарушаю традиции еженедельника, — говорит капитан команды Виктор Аничкин. — Но кто же, если не Лев Иванович вправе без скидок и снисхождения говорить о своих товарищах? Здесь, в Новогорске, у нас есть фотостенд. На нем — десять фотографий московского „Динамо“ — чемпиона страны разных лет. На пяти последних рядом с капитаном — неизменно Лев Иванович Яшин. Мы еще бегали в школу и тайком проникали на стадион, а он уже был чемпионом и играл в финале, и мы восхищались его игрой, а теперь горды тем, что играем с ним в одной команде. Его слова,

добрые или суровые, — для всех нас высший суд. Пусть скажет Яшин…»

Достойный, надо сказать, получился ответ. Валерий Березовский в том же номере 16 августа продолжает: «Уверять, что Яшин с охотой взялся аттестовать товарищей по команде, не могу. Он колебался, но это была никакая не поза, потому что всё, что он говорит или делает, он говорит и делает основательно и знает цену словам. И не любит бросать их на ветер».

Признаемся, корреспондент оказался ювелирно точен. Вратарь показал себя и отличным футбольным экспертом, и судил о партнерах строго, без лести и скидок, однако предельно доброжелательно и компетентно. Нельзя, например, не привести его отзыв о капитане Аничкине: «Зачинщик в игре и зачинщик всего нового в коллективе. У нас с ним теснейший контакт и полное взаимопонимание. Успеваем в игре советоваться на ходу».

Но особое внимание, по понятным причинам, нужно уделить его мнению о другом игроке: «Это молодой вратарь Владимир Пильгуй, в котором я, хочу верить — безошибочно, вижу своего преемника. То, что он умеет и как относится к делу, убеждает меня, что не ошибаюсь».

Вот и сказано это слово: преемник. Сколько уже их предполагалось! Беляев, Белкин, Ракитский, Иванов, Балясников. И никому высочайшему званию не удалось до конца соответствовать. Даже самому, бесспорно, мастеровитому — Владимиру Беляеву.

А сейчас, в 70-м, есть, наконец, «кому передать оружие». У Пильгуя хорошие данные, желание совершенствоваться. Про характер же рассказывалось еще в главе «Дебют». Если кто запамятовал — то характер твердый, неуступчивый. Ершистый. Так ведь и надо такой. За те десять лет, пока выступал Владимир Пильгуй, многое динамовцы испытают, но к яшинскому наследнику претензий не будет.

Что же касается 1970 года, то последний раз Лев Иванович вышел на поле 30 августа против ЦСКА. Проиграли 0:1, гол на счету Владимира Федотова.

Однако никакого уныния у поклонников, сторонников, продолжателей и наследников неудача в старом дерби вызвать не должна. Ведь за пять дней до того динамовцы Москвы с Яшиным в воротах разбомбили в Барселоне местный клуб с одноименным названием. Несомненно, каталонцы не могли получить в те годы кого угодно — вроде Круиффа или, еще позднее, Месси. Но «Барселоной» пребывали всегда. Потом будет верно сказано: на поле вышло восемь потенциальных футболистов сборной Испании — соперника, не забудем, советской команды в подгруппе

отборочных состязаний к чемпионату Европы. И меньше чем через год (30 мая 1971-го) Гальего и Рексач выступят против СССР в важнейшем матче. Но и помимо этого дуэта, в августе 1970 года в «Барселоне» было кому играть. Допустим, правый защитник Хоакин Клименте Рифе провел за каталонцев в обшей сложности 527 матчей, забил 49 голов. Кубок ярмарок (позднее — Кубок УЕФА) 1966 года в руках держал, четыре матча за сборную имел в активе. А вышедший на замену полузащитник Фусте забил за «Барселону» 108 мячей в 339 матчах. Добавим к списку и хорошего защитника Торреса, по прозвищу Тони, — он и Кубок УЕФА в 1972 году завоевал плюс к отмененному Кубку ярмарок 66-го. И тоже — легенда «Барселоны». Да и не могли эти пиренейские люди на собственной поляне отыграть спустя рукава. А результат: 0:5. В пользу гостей. Капитан команды Виктор Аничкин рассказывал по возвращении: «Я одиннадцать лет выступаю за „Динамо“, но не помню, чтобы наша команда играла так блестяще. Нам удавалось всё, будто во сне». Бесспорно, здесь же Виктор сделает объективную оговорку (думается, яшинская правдивость при любой оценке качества победы не могла уйти в песок) про то, что хозяева едва вступили в сезон, однако, подумайте сами, кто бы стал выяснять в наше время ненужные подробности?

Мы же сейчас так много места уделили каталонской истории, чтобы вспомнить прошлогоднюю суету с «Нефтчи» — клубом также сильным, но всё же не «Барселоной». Минул год — и преобразились бело-голубые. Оттого всё, что работа не дает сиюминутных результатов. Иногда и терпеть надо.

Нет, идеализировать тот барселонский турнир не будем: в финале москвичи и Яшин вместе с ними убедительно уступили венгерской «Уйпешт-Доже» 1:3. Справедливости ради отметим лишь, что исполнители у «дожей» ничем не уступали испанским: Ференц Бене, Ласло Фазекаш плюс Антал Дунаи.

А всё-таки завершающий мастер-класс был преподан. Яшин всё равно победил напоследок. Наверное, можно было обойтись и без него. Тем более что незаметно он, Яшин, серьезно повредил палец. То есть сам-то заметил, конечно. А другим и знать не стоит (палец у него и в следующем году не сгибался).

После испанского прошло еще одно турне — для обкатки, скорее, резерва сборной Союза — на базе московского «Динамо». В частности, из числа ряда перспективных молодых советских футболистов, отправившихся по маршруту Франция — Швейцария — Шотландия — Западный Берлин, стоит отметить и голкипера Сергея Крамаренко из «Нефтчи». Так вот: на поле выходили только «нефтяник» и Пильгуй. Яшин сдал вахту.

Окончательно.

20 декабря, уже после драматичнейших переигровок с ЦСКА, когда «золото» чемпионата ушло настолько обидно, Валерий Винокуров напишет в «Футболе-Хоккее»: «О вратаре Пильгуе было сказано в этом сезоне немало теплых слов. Он вошел в динамовский коллектив как-то удивительно легко, покорив и тренеров, и партнеров трудолюбием, собранностью, серьезностью (не по годам!), а в самолете Ташкент — Москва он едва сдерживал слезы, считая себя главным виновником поражения. Однако не заслужил ни одного упрека. Мне почему-то запомнилась сцена прощания в московском аэропорту (Пильгуй на следующий день улетал домой в Днепропетровск) юного вратаря с Яшиным. Кого только не пророчили в наследники Яшину! Но когда Яшин обнял Пильгуя за плечи, поздравил его с предстоящей свадьбой, и они распростились до января, до встречи на первой тренировке, я подумал, что тут всё ясно без лишних слов: истинному наследнику не нужно вмешательство нотариусов».

Правильно. Яшин-то всегда тепло относился к коллегам, да и с ним из сменщиков никто, естественно, не враждовал, однако лишь Володя Пильгуй стал тем, на кого можно спокойно положиться.

И уйти. Похоже, В. Н. Винокуров первым тогда озвучил перспективу в том же материале: «Мне не хочется опережать события и огорчать поклонников „Динамо“ грустной информацией, но, очевидно, минувший сезон был последним в биографии вратаря Яшина, а новый он встретит, видимо, уже в качестве начальника команды. Во всяком случае, в нашем разговоре в самолете (он тоже велся, естественно, в будущем времени) Лев Иванович делился мыслями о том, какие трудности он видит на своем новом поприще».

Пожалуй, это интересное высказывание уместнее привести попозже. Ко всему прочему, В. Н. Винокуров уже в 1971-м развил тему в материале с хорошим названием «Яшин остается», который будет опубликован, естественно, до матча прощания.

И прежде чем заняться им подробно, уместно ответить на вопрос: а стоило ли Яшину вообще заканчивать? Вот А. М. Соскин справедливо считает, что к решению об уходе ветерана подтолкнула начавшаяся в 1968 году кампания по организации прощального поединка. В самом деле, международные хлопоты подобного размаха не могут длиться вечно: надо и с датой определяться.

Что ж, выступать он, безусловно, еще мог. Остались и реакция, и пластичность, не пропала и прыжковая техника: 27 мая

Яшин, кстати, это продемонстрирует. И вопрос нужно поставить, видимо, иначе: стоило ли ему оставаться? Подумаем. Во-первых, смена в сборной — знатная: Кавазашвили отменно выглядел и в Мексике, коли бы не эпизод с уругвайским голом, а Рудаков уже в 1971-м превосходно проявит себя в битве с испанцами. Во-вторых, в «Динамо» явно закреплялся Пильгуй. И, в-третьих, неужели ему нельзя в кои-то веки подумать о себе, а не только о родине? Столько лет отдать игре, подчинить ей жизнь со всем вероятным разнообразием, поставить футбольный календарь выше общепривычного, забывать в угоду производственной необходимости о травмах и хронических заболеваниях, требующих немедленного лечения, и, наконец, главное — сократить до чудовищного минимума общение с обожаемой семьей!

Поэтому даже хорошо, что сложные согласования подошли к концу.

А началось всё 1 июня 1968 года, когда любитель футбола Михаил Бабурин из Днепропетровска послал в «Известия» письмо, которое в центральной газете и напечатали: «Когда-нибудь наш прославленный вратарь Лев Яшин расстанется с футболом. Я предлагаю устроить ему проводы с почестями, пригласить сборную Европы или мира, которая встретилась бы в Лужниках с советской командой. Составы команд пусть определит сам Лев Яшин». Известинцы горячо поддержали инициативу, после чего начались переговоры советской Федерации футбола с ФИФА, шедшие, выходит, без малого три года.

С середины 70-го Яшин на поле, как известно, не выходил. Из-за чего подготовку к майской игре пришлось форсировать. Ощущение того, что больше игр не будет, не могло, несомненно, не наложить отпечаток.

Теперь время перейти к своеобразному «положению» о встрече 27 мая. Высказано было поразительное условие: Яшин сам называет состав команды гостей! Так какой же она *должна была* быть? Сохранилась статья Л. И. Яшина в журнале «Спортивная жизнь России» (№ 5, 1971 год). Обратим внимание на время: как раз май. 27-е число грядет. А виновник торжества рассуждает.

Здесь важно: сам рассуждает. Без записчиков и помощников. Внимательно просмотрим «врез», предшествующий публикации: «Со многими выдающимися мастерами кожаного мяча прощался советский зритель, но расставание со Львом Яшиным особенно грустно. С этим именем связана целая эпоха советского футбола, дни его взлетов и славы. Вратарь сборной мира и Европы, олимпийский чемпион, чемпион континента, Яшин воплотил в

себе лучшие черты советского спортсмена — виртуозное мастерство, трудолюбие, беспредельный патриотизм.

В честь расставания с великим вратарем намечено провести показательный матч между сборной мира и родной командой Яшина — московским „Динамо“. Назначена даже предварительная дата этого матча — 27 мая. Ведутся переговоры о составе сборной, и сейчас еще трудно сказать, кто в нее войдет.

— Вне зависимости от этого, кого бы вы лично выбрали в символическую сборную мира? — спросили мы Льва Ивановича.

— Дайте время подумать, — попросил он. И вскоре в качестве ответа прислал эту статью».

То есть можно сказать: Яшин, подлинник. В таком случае хорошо бы ознакомиться с критериями, ставшими для него основополагающими при выборе участников наиглавнейшего поединка. Отвергнув не без труда идею пригласить всю сборную Бразилии, вратарь упорно размышляет именно о *сборной мира.* «Как ни парадоксально, — звучит голос великого спортсмена, — первое условие — наличие большой любви к игре и того, что поэты называют вдохновением. Только тот, кто способен годами сохранять трепетность ожидания каждой встречи, для кого, несмотря на ранги, звания, заслуги, опыт, — любой матч — это праздник, радость, кто до последнего дня сохраняет в себе мальчишескую жадность к мячу, достигает настоящих высот. Ибо футбол весь соткан из творчества и не терпит ремесленничества ни в каком виде». Последняя фраза произнесена запальчиво и сердито. Следующее характерно: голкипер фактически закончил, именуется вполне официально начальником, а насколько он моложе не покинувших пока поле! Дальнейшие размышления заслуживают не меньшего внимания: «На второе место я поставлю технику. Виртуозную технику. Но она непременно должна сочетаться с высокими бойцовскими качествами, огромной работоспособностью и скоростью». Дорогое же, заветное, прибережено: «И еще одно, может быть, самое главное: интеллект. Большой мастер должен быть мыслителем, уметь непрестанно думать на поле, правильно оценивать тактическую обстановку, делать, подобно гроссмейстерам шахмат, самые сильные, самые неожиданные, самые острые ходы. Примитивность тактического мышления способна свести на нет многие другие достоинства».

Перед нами ясный, принципиальный подход.

И кого же Яшин мечтал увидеть в своей сборной? Прежде всего, это вратарь из Англии Гордон Бэнкс, которого в 1966 году назвали «номером один» чемпионата мира — вместо него, Яшина. И Лев невозмутимо ставит в ворота конкретно Гордона, а не

южноамериканца Мазуркевича. Тот всё же дублер.

В защите, понятное дело, старый товарищ, немец Карл Шнеллингер, замечательный итальянец Джиачинто Факкетти и капитан британцев на первенстве 1966 года Бобби Мур.

Дальше — просьба сосредоточиться.

Яшин прислал статью в журнал не раньше апреля 71-го. И считал, получается, что в сборную его мечты должны войти и соотечественники: армеец Альберт Шестернев, спартаковец Галимзян Хусаинов, а также тбилисский динамовец Слава Метревели.

Заметим, речь идет не о 1968 годе, когда всё начиналось. Получается, формат сборной ФИФА изменен и пожелания Яшина не явились в результате, скажем так, решающим фактором?

Да, и с этим стоит смириться. Насыщенный график выступлений чисто технически не может позволить собраться в один день и час по воле одного, пусть и уникального человека.

Вернемся, однако, к составу сборной лично от Яшина. Очень он хотел видеть у себя на празднике бразильца Карлоса Альберто и, конечно, Франца Беккенбауэра и Вольфганга Оверата хавбеками. Пять лет назад оба немца, особенно Франц, доказали класс в Великобритании. А их английский коллега по амплуа стал чемпионом. «Диспетчер сборной Англии, — напоминает Яшин, — Бобби Чарльтон (1937 года рождения) из „Манчестер Юнайтед“ — один из всё видящих и всё умеющих футболистов». После же неизбежного перечисления достижений Бобби Лев заметит как-то уж очень лично: «Хочу добавить, что это очень простой и скромный в жизни человек, прекрасный товарищ».

Также Яшин желал бы увидеть исторического футбольного соперника итальянца Алессандро Маццолу, чемпионов мира Мехико — левого полузащитника Ривелино и форварда Жаирзиньо, изумительных венгров Ференца Бене и Флориана Альберта, югослава Драгана Джаича, открывшегося публике в 68-м году, и противника еще по году 64-му испанца Амаро Амансио. И, конечно, Пеле. «К нему, — добродушно повествует Яшин, — лишь одна „претензия“: хочется бесконечно видеть его, любоваться его игрой».

Надо признать: названы лучшие на планете игроки. Разве что Уве Зеелера Яшин в состав включил, а не Герда Мюллера. Так ведь он (и это прекрасно!) человек, а не компьютер. Да и сборная его, а не чья-либо.

А теперь посмотрим на тех, кто оказался на поле Лужников 27 мая. Перед взорами переполненного стадиона из названных предстали только Чарльтон, Мазуркевич, Факкетти, Джаич. Всё. С остальными не получилось.

И боже упаси кого-то в этом винить или подозревать. Пеле, допустим, сообщил, что его «Сантос» 26-го числа играет в Боливии, просил перенести прощание на месяц. Беккенбауэр только вышел из больницы (камни в почках), какой там футбол. Англичан, всех разом, решила не отпускать с какой-то стати родная федерация. Заняты, мол, они: Бэнкс, Чарльтон и Мур. В. А. Гранаткин, вновь к тому времени руководитель советского футбольного ведомства, предположил: британцы охотно принимают гостей у себя на предмет собственных юбилеев и не желают выезжать на континент к кому-либо. Вот и в Бразилии их в 1968 году, между прочим, не было. И в Москве, пора уж сказать, Мур и Бэнкс не объявились. Претензий к замечательным мастерам нет — и быть не может. Одно только: как же Яшин радовался приезду Бобби Чарльтона! Ведь перед матчем всех обнимал сердечно — британскому «прекрасному товарищу» еще и что-то благодарственное успел на ухо шепнуть. А красную повязку капитана сборной мира он перед матчем передал непосредственно в английские надежные руки. Уместно процитировать и самого Бобби, сакцентировав внимание на одном слове: «Очень доволен, что успел приехать в гости к Яшину». Успел. В этом — Чарльтон. В этом — Яшин. В этом — футбол и его люди.

Каждого из приглашенных Лев Иванович лично встречал в аэропорту. В то время очень любили показывать встречи-проводы членов политбюро. Затем в газетах описывался весь ритуал с полным списком встречавших-провожавших. Так вот: виртуозы большой игры приехали, как бы то ни было, конкретно к Яшину, а не к лидерам страны победившего социализма. Он и встречал гостей. Как воспитанный хозяин. И превосходно смотрелся в данной роли.

В чем еще прав В. А. Гранаткин: «московская» сборная выглядела представительнее «бразильской» команды ФИФА образца декабря 1968 года. Да, не приехали Альберт и Бене, зато в строю оказался блистательный поляк Влодзимеж Любаньский, умница болгарин Христо Бонев, чехословацкий диспетчер Ладислав Куна и его земляк вратарь Иво Виктор, вышедший во второй половине и не пропустивший. Не приехал Шнеллингер? А чем его соотечественник Шульц хуже? И как же взорвался стадион, услышав: Герд Мюллер! Непревзойденный голеадор находился в расцвете сил и не скрывал, что очень желает забить Яшину. О чем честно доложил Льву Ивановичу лично. Тот осознал меру опасности и попросил Муртаза Хурцилаву (наши решили выставить не московское «Динамо», а сборную общества: грузины и украинцы тоже приняли участие) особо следить за

немцем.

Вот мы и подошли к серьезному вопросу: был ли матч «постановочным»? Так ведь и второй вопрос задать можно: а что вообще считать постановкой?

Тогда же, 30 мая 1971 года, в «Футболе-Хоккее» Л. И. Филатов исчерпывающе всё объяснил: «Перед матчем гадали, будет ли он „постановочным“ или настоящим. Пожалуй, теперь мы можем ответить, что он был и тем, и другим. Да, конечно, в нем не ощущалось неотступного азарта, обе стороны были подчеркнуто деликатны и дружелюбны. Иначе в этом случае и быть не могло. Но одновременно в матче мы смогли увидеть немало интересного в чисто футбольном отношении, целый ряд эпизодов доставил удовольствие. Смотрелся увлекательно. Словом, хороший футбол мы увидели».

Что же получается: «хороший футбол», а без «неотступного азарта»? Да нет, Лев Иванович Филатов опять прав: не было грубости, ставшей к тому времени, к сожалению, нормой на зеленом газоне. И другой Лев Иванович, Яшин, в «Советском спорте» 29 мая с некоторым, как видится, облегчением подчеркнул: «Очень доволен молодыми динамовцами, поддержавшими меня в игре, с достоинством, честно, *корректно* (курсив мой. — *В. Г.)* сыгравшими с лучшими футболистами мира. Результат? Что ж, результат самый подходящий. Никто не будет в обиде».

Так как же получились те никому не обидные 2:2? Стоит признать с ответственностью: Мюллер слов на ветер не бросал. Нет, он не забил. Но был невероятно близок к желаемому, угодив в перекладину на 19-й минуте. Бобби же Чарльтон вновь «успел» (где защита?) и добил метров с десяти. Вроде уж наверняка. Ан нет! Яшин с юношеской резвостью метнулся в правый от себя угол и спас. В который раз? Судя по всему, в последний. Именно этот сейв постоянно крутили по телевидению в 90-е годы. Ничего не скажешь: здорово. Все трое — молодцы!

Динамовцы (среди которых оказался, пусть и на 20 минут, завершивший выступления Игорь Численко: вновь хвала яшинской деликатности) в первом тайме повели в два мяча после мастерского удара Хмельницкого и выстрела с дистанции Сабо, когда Мазуркевич не выручил. Гости, кроме эпизода с Чарльтоном, имели на счету хороший удар Мюллера, больше ничего стопроцентного не соорудив. А на выходах Яшин выглядел безупречно.

В начале второго тайма, на 51-й минуте, Яшин установил мяч на углу вратарской. Подозвал судью. И пошел через всё поле под громовые овации трибун в раздевалку. Он шел, чуть

ссутулившись, походкой уставшего на работе человека. Закончилась его смена. И другой не будет. Он перешел до травинки знакомое поле, будто жизнь еще раз прожил. Владимир Пильгуй двинулся навстречу. Вратари встретились, обнялись. И один отправился на поле Лужников (между прочим, вопреки непонятной легенде, никаких перчаток Яшин Владимиру не передавал), а другой — досматривать игру по телевизору, как говорится в книге «Счастье трудных побед». Правда, журналист Борис Левин в составленном им же сборнике «Лев Яшин в воспоминаниях современников» добавляет нюансы как очевидец: «Пропуск с грифом „проход всюду“ позволяет миновать тройной кордон контролеров и дружинников. Яшин сидит в кресле, голова опущена на грудь, а с подлокотников кресла свисают мертвые, как плети, руки, руки творца игры. Какие чувства одолевали Льва Ивановича в эти минуты, знает только он: великий вратарь простился с футболом, делом своей жизни». По мнению Левина, он «не видел» и «не слышал», как счет стал 1:2, затем сравнялся. Очевидцу, конечно, виднее, однако поверить, что Яшин не интересовался ходом матча и работой молодого преемника, — трудно. Скорее всего, он внимал происходившему чисто автоматически, профессионально, даже думая о своем.

А затем прозвучал финальный свисток, и Льва Ивановича, уже в цивильном костюме, понесли на руках участники незабываемой встречи. «Спасибо тебе, моя страна! Спасибо тебе, мой народ!» — прокричал он на весь мир.

Ну что же, страна успела наградить в некоторой суматохе перед матчем орденом Трудового Красного Знамени. Что хорошо, бесспорно (планировалась-то поначалу вообще Почетная грамота), хотя с подлинными заслугами всё равно несопоставимо. Думается, эти заслуги и не оценить в принципе. Впрочем, вот тогда бы, 27 мая, на стотысячных, забитых под завязку Лужниках и перед глазами многомиллионной телеаудитории назвать его по заслугам — Героем Социалистического Труда — было бы верным шагом. Не додумались.

Потом в раздевалке он бережно, по-отечески утешал расстроенного Володю Пильгуя. И как-то вдруг перешел в другое состояние. Незаметно. Вроде только что брал на поле мяч от Чарльтона — и уже солидный, степенный, мудрый наставник перед нами. Со стороны тот переход смотрелся необыкновенно гармонично. Быть может, он к нему был настолько готов?

Вопрос неоднозначен. И займемся им в заключительной главе.

Впрочем, стоит еще раз вернуться к матчу. Суть в том, что для нашей тогдашней страны это была сенсация. Подобные

торжества стали нормой во время поздней перестройки. В 71-м же году в разгар холодной войны такое зрелище смотрелось невероятно. Надо понимать: и советскому человеку было непросто выехать за рубеж (даже в соцстрану), и иностранных граждан в Стране Советов не очень ждали. «Железный занавес» — не выдумка и не шутка. А тут к одному товарищу — пусть и коммунисту, пусть и известному всей планете — приезжает группа граждан не только из братских государств. А если из них кто расист или «зоологический антикоммунист»? Представляете, сколько хлопот свалилось на наши службы безопасности? Причем едут те люди «из-за бугра» не выгодный контракт подписывать, а просто, видите ли, поиграть в футбол! И перед матчем выступает глава ФИФА сэр Стенли Роуз. И на трибунах яблоку упасть негде.

Всё из-за Яшина. И все — к Яшину. Это был прорыв к новому без преувеличения, мышлению.

В книге «Счастье трудных побед» есть момент, когда участники прощальной игры идут по ночной Москве и кто-то, кажется, Чарльтон, вдруг произносит: «Как хорошо!»

Если бы этой сцены не было, ее, что называется, надо было выдумать. Потому что это «хорошо» витало в воздухе — густом, напряженно-тревожном тогда. Потому что умные, мастеровитые мужчины сумели договориться, сдружиться без политиков и где-то вопреки им. Потому что Яшин, с его природной чуткостью, ясностью ума, естественностью, неподражаемой добротой и честностью, стал центром притяжения, символом объединения тех, кто автоматически помещался по разные стороны баррикад.

БЕССМЕРТИЕ

Справедливости ради стоит сказать, что 31 августа состоялся еще один прощальный матч Льва Яшина. Произошло это в Риме, где встретились ветеранские сборные Италии и остального мира. Правда, во имя той же справедливости нельзя не добавить: в обеих командах на поле вместе с действительно повесившими бутсы на гвоздь мастерами (Сивори, Бониперти, вратарь Буффон — у итальянцев, австрийцы Коллер и Оцвирк у их противников) оказались и просто классные исполнители: Маццола, Доменгини, голкипер Альбертози — в составе хозяев; чемпион мира Тостао, португалец Колуна — у гостей. Впрочем, дело не в этом. Просто представьте картину: в некой стране проводятся проводы великого вратаря — только из вовсе другого государства. Допустим, у нас в России организуется прощальный поединок того же Джанлуиджи Буффона (родственника вышеупомянутого Лоренцо Буффона) с приглашением иностранных «звезд», и народ собирается на трибунах, а затем не отпускает любимого вратаря после дебютных 15 минут игры, как, в частности, и получилось с Яшиным.

С Буффоном или еще с кем в России ничего похожего произойти не могло и не произойдет. Обычно-то говорим: кто мог предположить безумные, чудесные достижения 40 лет назад. Те же телевизоры, телефоны, компьютеры — мало ли что. Здесь всё наоборот: смахни четыре десятка лет — и встретишься с невозможным ныне чудом.

Ну а после всех торжественных церемоний началась совсем иная жизнь. Новая. Поле он покинул навсегда, даже за ветеранов не выступал. А работу в обществе подыскали — начальником футбольной команды «Динамо» (Москва). Еще в декабре 1970-го Лев Иванович объяснял журналисту В. Н. Винокурову, как он понимает суть предстоящей деятельности: «Прежде всего, мне очень хочется помочь Константину Ивановичу Бескову, которого я очень уважаю как человека и как специалиста, в создании такой команды, чтобы все могли ею гордиться. За последние годы и особенно в этот год сделано много, но предстоит сделать еще больше».

Кажется, что это говорит скорее капитан команды, а не ее руководитель. В. Н. Винокуров сверхточно увидел «промежуточность» состояния Яшина в начале следующего, 1971 года: «Он приходит теперь на тренировку без спортивной сумки. Но он в раздевалке, когда ребята готовятся к занятиям, и тогда, когда они возвращаются с занятий. Он еще чувствует себя

игроком, еще не залечена последняя травма. Но уже больше не стоит оглядываться назад. Он на том берегу, с которого надо брать новый старт, от которого начинается новый путь. И он наверняка найдет, с чем и как пройти его».

Да, у него палец тогда не сгибался из-за перелома. А всё равно автор прав, говоря о новом пути. Осенью Яшин окончательно перебрался «на другой берег». В смысле у московского «Динамо» появился полноценный начальник команды.

Необходимо подчеркнуть: руководство поступило по отношению к Яшину вполне достойно. Он отдал клубу два с лишним десятка лет, авторитет гигантский — и у игроков в том числе. Так кому, как не ему, занять эту должность?

Другое дело, что сами «начальственные» функции изначально весьма размыты. Он обязан заниматься в команде воспитательной работой — и выполнять хозяйственные обязанности одновременно. Выходит, грубо говоря, комиссар с завхозом в одном лице. Плюс добавляется и общение с непосредственным куратором. То есть всего много, а ухватить прочное и конкретное — нелегко. Получается, и должность нужная, и «широкий фронт работ» имеется, однако возможностей для творческого роста нет. Смотрите, сколько в СССР тренеров выросло! А как насчет начальников команд? Припоминается только Н. П. Старостин, но и это случай, когда не место красит человека, а человек место.

Возможна ли была какая-то иная работа для Яшина? Не удивляйтесь: Владимир Маслаченко еще в 1969 году заявил о необходимости тренера вратарей в каждой уважающей себя команде. В случае с лучшим футболистом Европы-63 заманчиво смотрелось открытие целой всесоюзной школы его имени. В конце концов, в Советском Союзе очень успешно функционировали шахматные школы М. М. Ботвинника, Т. В. Петросяна, В. В. Смыслова. С Яшиным на эксперимент в масштабах всей страны не решились. А должность клубного наставника голкиперов, полностью подчиненного главному тренеру, и впрямь виделась мелковатой для такого гиганта.

Тем не менее Яшин работал, делал, что возможно. Жить ведь футболистам «стало лучше, стало веселее». Запросы у мастеров кожаного мяча стали другие: квартиры новые, автомобили качественные, зарплата с премиальными, поездки зарубежные тоже необходимы. Любительский, одним словом, спорт. А кто же, как не знаменитый человек, те скромные блага обеспечит? Возникает и попутный вопрос: как же, пробив молодым людям означенные радости, заниматься затем их непосредственным воспитанием? Неувязка получается[22].

Что же до дел сугубо динамовских, то помогать Бескову Лев Иванович смог только до конца 1972 года. Потом Константина Ивановича убрали из команды. Причем после самого серьезного на тот момент успеха отечественных клубов на международной арене — выхода в финал Кубка обладателей кубков 1972 года. Одноклубники из Киева и Тбилиси, честь им и хвала, позднее сделают последний шаг и завоюют тот приз (украинцы — дважды), но москвичи были и остались первопроходцами. К тому же будущие победители не испытали такого кошмара в финале, как столичные футболисты.

Завершающий поединок Кубка кубков в Барселоне между шотландским «Глазго Рейнджерс» и нашими земляками проходил большей частью с преимуществом соперника.

Бесков позднее признал собственные ошибки при выборе состава. И к 49-й минуте британцы заслуженно вели 3:0. Однако игра продолжается 90 минут, старший тренер москвичей, бросив в бой Эштрекова и Гершковича, добился перелома. А за четыре минуты до финального свистка Маховиков сократил разрыв до минимума. Тут пьяные шотландские болельщики и вылезли на поле. Уже во второй раз. (Первый был после дебютного успеха «Глазго».) Полиция попыталась очистить газон. Начались столкновения. Когда же порядок не без труда восстановили, атакующая советская волна была сбита и «рейнджеры» спокойно довели финал до победы. «Мы добились бы успеха, — сказал Лев Яшин корреспонденту ЮПИ, — если бы болельщики не выбежали на поле. Эта толпа состояла из пьяных и не контролирующих себя людей» («Советский спорт», 26 мая 1972 года).

Динамовцы, отдадим должное воспитательной работе, вели себя по-мужски, не отвечая на провокации. А затем подали протест. То есть как раз начальник команды Лев Яшин его и подавал: матч предлагалось переиграть. Бесков не возражал и против Барселоны — при условии обеспечения элементарного порядка. Но Дисциплинарный комитет протест отклонил. Яшин обратился в Апелляционный комитет. Вновь отказ. «При этом „Глазго Рейнджерс“, — напоминает В. Ф. Асаулов в книге „Лев Яшин. Русский гений“, — на два года исключили из всех соревнований. Переиграть нельзя помиловать!»

История действительно возмутительная. Не умаляющая, подчеркнем, лучшего на тот момент результата советских клубов в еврокубках.

А Бесков все-таки покинул родной клуб. Яшин ничем не мог помочь: недовольство шло от значительной части футболистов, уставших от трудного характера мэтра и высоких тренировочных нагрузок. Ну и, совсем для очистки совести, стоит заметить: в

чемпионате бело-голубые упали до десятой позиции. Понятно, за Кубок кубков боролись, на нескольких фронтах бились — так ведь и руководство можно понять. Даже в целом не соглашаясь с ним.

Яшин проработал начальником команды вплоть до октября 1976 года. Нельзя не отметить: в этот период динамовцы выглядели очень хорошо. В 1973 году — третье место, на следующий год — шестые, чтобы, чуть отступив, совершить решающий бросок. В 1976 году в так называемом «весеннем» однокруговом чемпионате страны москвичи под руководством сменившего Г. Д. Качалина (он трудился в 1973 и 1974 годах) А. А. Севидова и Л. И. Яшина завоевывают золотые медали!

Известно, что многие недооценивают тот усеченный турнир, мотивируя это участием в нем, например, фактического дубля киевского «Динамо», так как основа принадлежала сборной и, по мудрой идее, отдельно готовилась к чемпионату Европы и Олимпийским играм в Монреале.

Но при чем здесь москвичи? Всякий имеет право выставить хоть третий состав, хоть молодежный, если нет желания бороться за первое место. К тому же с таким раскладом любой отказавшийся от участия сможет затем рассказывать, как бы он всем показал, если бы захотел… Второй аргумент скептиков — дистанция в один круг коротковата. Пожалуй. Однако никто не мешает подсчитать суммарное количество очков в двух первенствах 1976 года — «весеннем» и «осеннем». Получаем: «Динамо» (Москва) — 38 очков, «Динамо» (Тбилиси) и «Карпаты» (Львов) — по 35, «Торпедо» (Москва) — 34 очка.

Конечно, чемпионом всего 1976 года мы бело-голубых назвать не имеем права. Но о превосходном сезоне надо заявить во всеуслышание. И главное: Яшину есть чем гордиться за время, проведенное в ранге начальника команды.

Несомненно, нельзя тут обойти вниманием ужасный случай с динамовским центрфорвардом Анатолием Кожемякиным. Талантливейший игрок безвременно погиб. Жуткая, бессмысленная смерть 21-летней надежды всего советского футбола.

«Первым, кого я увидел на следующий день, — рассказывал Олег Кучеренко в 1999 году (еженедельник „Футбол“), — войдя в подтрибунное помещение динамовского стадиона, был Лев Иванович Яшин, который к тому времени уже был начальником футбольной команды московского „Динамо“. Как сейчас помню, на нем лица не было. Поздоровались, а на дежурный вопрос: „Как дела?“ — ответил: „Плохо, всё очень плохо…“ И отошел, явно не желая продолжать разговор. А спустя каких-то два часа Яшин в раздевалке сообщил футболистам, что Анатолий Кожемякин

погиб. Это повергло всех в шок. Оказалось, что в тот день он вместе с приятелем вошел в лифт, чтобы спуститься вниз. Лифт, однако, застрял между этажами. Он был старой конструкции, двери в нем открывались не автоматически, а рукой с помощью ручки. Стали нажимать на все кнопки, но лифт не двигался. Тогда решили выбираться самостоятельно. Приятель каким-то образом пролез через имевшееся пространство, а когда то же самое попытался сделать Кожемякин, лифт тронулся…»

Яшин всё сделал по-военному: зная о беде, молчал весь матч (а какими бы были Толины товарищи, узнав *до)* и сообщил молодежи об утрате через два часа, когда игра закончилась. И, конечно, нельзя считать гибель Кожемякина причиной ухода Яшина с поста начальника команды. Кошмарный эпизод произошел в октябре 1974 года, а на работу в Управление футбола он перешел через два года. Н. П. Симонян рассказывает, что, узнав о вакансии, сразу же предложил кандидатуру старого товарища еще по Мельбурну. Полностью должность называлась так: заместитель по воспитательной работе Управления футбола Спорткомитета СССР. Сразу скажем: оказался Лев Иванович среди единомышленников. О Симоняне уже сказано, а еще в общественном тренерском совете заседали Г. Д. Качалин, М. И. Якушин, А. П. Старостин, Б. А. Аркадьев. Те, с которыми говоришь на одном языке. Да и саму Федерацию футбола тогда как раз возглавлял Б. А. Федосов, тот самый известинец, замечательный журналист, постоянный поклонник Яшина.

Всё так. Но уж очень он любил то, чего сейчас лишился: ворота, поле, трибуны, мяч, а также звуки, запахи, голоса, улыбки — всё то, что связано с игрой в футбол, начинавшейся маршем Матвея Блантера. Конечно, сам уже не играл — начальник. Так всё одно рядом с газоном располагался. Шаг ступи — и ты снова там, с ребятами из московского «Динамо». Словно и не уходил никуда.

Теперь такого не будет. Надо сидеть в конторе и подписывать документы, отвечать на письма, вообще реагировать на происходящее вокруг исключительно из кабинета. Однако и на новом месте Яшин приносил, безусловно, много пользы. Свидетельствует А. А. Парамонов: «Тогда существовало правило обязательно реагировать на письма в определенный срок, а они в федерацию шли пачками. Причем писали порой даже не любители футбола, а просто граждане по каким-то не связанным со спортом проблемам. Некоторые послания были переадресованы в федерацию из ЦК КПСС, попадались и назойливые авторы, буквально бомбардирующие письмами. И если кто-то из них никак не удовлетворялся ответом и слал

повторные письма, их передавали Яшину. Его подпись на бланке федерации имела магическое действие — бомбардировка прекращалась. Но магия, конечно же, кроется в том, что Яшин умел разъяснить ситуацию и ответить по существу».

Товарищ Яшина по «золотой» олимпийской сборной 1956 года, несомненно, прав. Многие недооценивают или забыли тот факт, что в 1972 году Лев Иванович закончил Высшую партийную школу, где проучился пять лет. Учился наравне со всеми, нагоняя материал, когда возвращался после сборов, турниров, игр чемпионата Союза. И специфика названия не должна смущать: это было полноценное высшее образование советской эпохи. А учитывая жизненный опыт и доскональное знание предмета — то есть футбола, — толково ответить на любое письмо он мог без сверхусилий.

Вместе с тем магия личности тоже имела место. Представьте себе советского человека, который получил автограф Яшина плюс его собственноручный текст.

Всё, считай, что жизнь удалась.

В 70-е годы он становится советской публичной фигурой. При этом сам вратарь ничего подобного, естественно, не желал: о его феноменальной скромности речь впереди, а личная порядочность многократно подтверждена в предыдущих главах. Тут иное дело.

Советский футбол в начале 70-х вступил в затяжной кризис. Чемпионат разъедали договорные игры. Футболисты, чье лживое любительство стало притчей во языцех, забыли о верности клубу (меняли их за сезон по три раза). В команды мастеров вкладывались большие бюджетные деньги (а какие тогда еще можно было представить?), игроки могли позволить себе жить на порядок лучше среднего гражданина Страны Советов[23]. Скандалы с «нарушениями режима» стали нормой.

Результатом всего вышеперечисленного стало падение сборной страны до статуса европейского «середняка» — и это после «золотого» 60-го! Команда не сумела пробиться на чемпионаты мира 1974 и 1978 годов, провалила чемпионат Европы-76 и — самое обидное — монреальскую Олимпиаду того же года: «бронза» на том уровне не смотрится каким-либо достижением. Клубная же удача киевского «Динамо» носила региональный характер. К тому же обладатели Кубка кубков и Суперкубка 1975-го на следующий год почти в полном составе никак, опять же, не проявили себя в первой сборной.

Яшин и его друзья наблюдали за совершавшейся катастрофой с нескрываемой болью. То была искренняя реакция настоящих спортсменов, фанатично преданных обожаемой игре. В общем-то, Лев Иванович еще после чемпионата мира-70 прозорливо

высказался об отсутствии новых талантов и отходе от победных традиций. Многое он понимал. Гораздо больше, нежели казалось со стороны.

Но и советские идеологи были профессионально подкованы. Футбол оставался по-прежнему чрезвычайно популярной игрой. Успехов что-то не было.

Значит, нужно поднимать, укрупнять, ретушировать прошлое. Фигура Яшина идеальна. Прежде всего, он и вправду замечательный человек (пропагандисты тоже люди): добрый, спокойный, лишенный любой «звездности». Коммунист. До триумфа Олега Блохина в 1975-м — единственный наш обладатель «Золотого мяча». Про Олимпиаду и Кубок Европы также никто не забыл. И наконец: страшной силы популярность за границей.

Всё названное и позволило начать и успешно проводить работу по созданию рядом с живым, хотя и не слишком здоровым Яшиным символа самой системы. Выяснилось, что, если голкипер блеснул мастерством, — это «по-яшински». Ошибся — «отошел от яшинских традиций». Между тем лично-то, мы видели, Лев Иванович никого не тренировал, школы его имени и с ним во главе так и не создали. А «советская вратарская яшинская школа» вдруг возникла.

То есть о ней объявили и энергично внедряли заявленное в слове и на бумаге в народное сознание.

Яшин не спорил и не протестовал: бесполезно было. Наоборот, не отказывался от поездок по стране, встреч с молодежью, детьми. Выступал в прессе и на телевидении. И правильно делал. Непосредственное общение с людьми не заменить ничем. Ведь одно дело прочитать о знаменитом человеке, другое — встретиться и поговорить.

…Взорвался он уже в позднюю перестройку. В интервью с главным редактором журнала «Физкультура и спорт» И. Ю. Сосновским решили не обходить никаких острых тем и опубликовать текст беседы без лакировки. Одно из центральных высказываний Яшина стоит привести и запомнить:

«Критика и самокритика звучат всё тише и тише, а вот привычка кричать о малом успехе и молчать о неудаче — остались».

Но особо символичной стала тема курения. «И даже напишете, — вскричал Яшин, — что всю свою спортивную жизнь я курил? Вы знали об этом?» — «Да, знал», — отвечает журналист. «Так почему же ни вы, ни ваши коллеги прежде не написали, что я курю и тем самым подаю дурной пример молодым футболистам?» Игорь Юрьевич честен: «Посчитал, что это станет

дурным примером вообще». И Яшин горестно продолжает: «Вот и спортивные начальники стыдливо отворачивались, когда видели меня с сигаретой. Особенно после того, как я был признан лучшим футболистом Европы и защищал ворота сборной ФИФА в матче века в Англии». Здесь главный редактор всё же берет бразды правления в свои руки: «Как же вы, человек волевой, преданный спорту, не заставили себя бросить курить?» И — ответ потрясающей искренности и естественности: «Потому что дураком был». Дальнейший текст опустим: история про бессонные ночи на заводе, махорку, чтобы не заснуть, — уже приводилась.

Сейчас важнее другое. Понимаете, это живому Яшину курить можно, а слепленному символу — никак нельзя. Рядом с прекрасным, обаятельным человеком вырастает «человек с плаката». Настоящий же мучается, заново всё переживает, кричит даже и вон как себя судит — нарисованному такое не дано.

Ко всему прочему, система, сполна используя его славу и авторитет, продолжала (парадокс!) относиться к нему как к обычному гражданину. Популярнейший в 70–80-е годы артист Вадим Тонков (Вероника Маврикиевна в дуэте с Авдотьей Никитичной — Борисом Владимировым), друживший с семьей Яшиных еще с 60-х, рассказывал, как где-то в конце 70-х и точно 8 марта, в день рождения Бориса, за дружеским столом с нетерпением ждали Яшина. А он так и не приехал. Валентина Тимофеевна потом позвонила и сказала, что Лев задержался за границей. Причины Яшин затем объяснил лично:

«Самолет вылетел из Испании вовремя. Сделал посадку в Париже, а далее я должен был пересесть на наш самолет, вылетающий в Москву. Но его не оказалось. И вот я в Орли, роскошном аэропорту Франции, наслаждаюсь современной архитектурой. Но без копейки… простите, без франка денег…» За помощью советский гражданин обратился в советское же посольство. И услышал незабываемое: «А чем мы можем вам помочь, товарищ Яшин? — очень вежливо спросили у меня. — Такой статьи расходов нет, поэтому, извините, мы бессильны оказать вам какую-либо услугу».

Остановимся немного. Тем более что дальше в посольстве бросили трубку. А Яшин остался один в замечательном аэропорту Орли. Во что решительно не хочется верить! Ведь звонил не Петров или Сидоров, а всемирно известный соотечественник. В голове не укладывается, что некий клерк попросту откажется с ним разговаривать. Однако не верить умному, талантливому Тонкову нет никаких причин. Поэтому вернемся к Яшину:

«Страшно хотелось пить и, что чрезвычайно странно, в то же

время есть… Я ругал себя за свою ненужную интеллигентность и скромность, уж не знаю, как ее назвать… Если бы я попросил этого чиновника из посольства, он, возможно, пригласил бы меня хотя бы позавтракать (или не пригласил). На обед я, безусловно, не рассчитывал».

Что говорить, той «интеллигентности и скромности» позавидовал бы и XIX век. Сегодня-то почти любой поинтересовался бы фамилией занятого чиновника. А уж Яшин в конце 70-х с его знакомствами и статусом карьеру вежливого советского посланца мог элементарно завершить. Ничего подобного:

«Я совсем уже потерял надежду на глоток воды и кусочек хлеба, когда ко мне подошли незнакомые люди и без излишней назойливости узнали, тот ли я, на кого так сильно похож. В голове моментально пронеслись всякого рода наставления о возможной провокации, о гордости советского человека за свою Родину…

— Помните, — говорили мне каждый раз перед отъездом за границу, — у вас дома остаются жена, дети…

Но всё вышло гораздо проще и приятнее, чем казалось несколько минут назад. Такое впечатление, что они знали о всех моих злоключениях и готовы оказать мне любые услуги. Если я буду настолько любезен, что не откажусь сфотографироваться с некоторыми экспонатами фирмы „Адидас“…» Финал и вовсе счастливый: «Я не только утолил жажду, я прекрасно пообедал, получил деньги (о чем секретно сообщаю вам) и подарки от фирмы, в том числе вот этот спортивный костюм, который, Борька, я дарю тебе на пропущенный мною твой день рождения!»

Костюм был действительно превосходным. «Последний писк моды», как выразился Вадим Тонков. Впрочем, идеализировать воспитанных «адидасовцев» не стоит. Реклама и тогда стоила очень дорого. И оказавшийся в такой ситуации Яшин — огромная для фирмы удача. А вот организовали ее для «Адидас» наши соотечественники. Не проявившие даже элементарного такта. Самолет, вспомним, в самом начале истории тоже исчез без предупреждения.

Предел бестактности по отношению к Яшину на финише 70-х еще не был достигнут. Это случилось у советских чиновников в 1982 году.

Началось с того, что табачная фирма «Кэмел» в рекламных, опять же, целях пригласила Льва Ивановича на чемпионат мира в Испанию. С оплатой всего того, что нужно специалисту на мировом форуме (билеты, питание, проживание и т. д.). Не будем скрывать: Яшин был очень доволен. В кои-то веки удача

повернулась к нему!

К сожалению, пошло всё по старому дурному сценарию. Поездку Яшина за счет производителей курева у нас решительно пресекли. С табакокурением боролись всегда — и неистово.

Сказать, что он переживал, — ничего не сказать. Ведь оформить его обозревателем не успевали. Значит — воочию испанские баталии с участием сборной СССР не увидеть. Очень худо. А еще хуже: осознавать отношение к тебе в собственной стране. Н. П. Симонян вспоминал, что Яшин ругался, кричал и находился в явно стрессовом состоянии. Никита Павлович считает, что тогда был нанесен сильнейший удар по здоровью Льва Ивановича, определивший дальнейшие заболевания. Весьма вероятно. Тем более что на чемпионат его в итоге отправили… переводчиком. Председатель Федерации футбола СССР Б. Н. Топорнин являлся серьезным ученым и сам знал языки. Вот вакансия и образовалась. Яшину, разумеется, такая «чуткость» здоровья не прибавила. В Мадрид-то он приехал, а там схватило сердце. Спасибо, верный друг-соперник Ференц Пушкаш оказался рядом: добыл стопку коньяку. Вроде полегчало.

Инфаркт настиг уже в Москве. Затем перенес инсульт — практически на ногах, в больницу не ложился.

Трагедия же 1984 года грянула как гром среди ясного неба. Событие приковало к себе не только внимание Советской страны — всего мира. Ампутация правой ноги повергла в шок самых разных людей. Конечно, у него всю жизнь что-то болело: кроме язвы, и сердце прихватывало, травмы опять же. Ногам, безусловно, тоже доставалось. Однако чтобы резать…

В действительности, иного медицинского решения не существовало.

Итак, началось всё с поездки в Болгарию на прощальный матч Христо Бонева. Летят всё же годы: 13 лет назад молодой одаренный футболист провожал Яшина вместе с другими «звездами» в Москве, а теперь, выходит, состоялся «ответный визит». Затем поехали в Венгрию, на матч ветеранов: Яшин с некоторых пор возглавлял советскую команду «не стареющих душой». 22 сентября в Капошваре отыграли (подчеркнем: Яшин не выступал), и тут нога онемела, жутко заболела. Валентина Тимофеевна потом говорила, что массаж не надо было делать. Всё так. А кто же знал? В общем, отвезли в Будапешт, сделали операцию. Однозначно трудно сказать, насколько удачную. Тромб во всяком случае удалили. Одно непреложно: в Москве, в Институте имени А. В. Вишневского, куда больного потом доставили, у профессора А. В. Покровского не было иного выхода, кроме ампутации: гангрена прогрессировала. Об этой крайней,

вынужденной, мере выдающийся специалист и сообщил Яшину. Вратарь, славившийся, ко всему прочему, прекрасной игрой ногами, был краток: «Делайте всё, что считаете нужным».

Шквал телеграмм сочувствия и поддержки со всего света буквально захлестнул. Процитируем послания от известных каждому людей.

И. С. Козловский: «Дорогой Лев Иванович! Вспомним изречение Бетховена: через страдания — радость доброй жизни».

Дино Зофф: «Весть эта потрясла меня. Ты навсегда останешься для меня лучшим из лучших вратарей. Я знаю тебя, твою силу воли и верю, что стремление приносить пользу, стойкость и оптимизм вернут тебя к активной деятельности».

И. Д. Кобзон: «Дорогой мой Лев Иванович! В трудную минуту пусть плечи людей, добрых людей, будут Вам опорой. Среди тысяч плеч обопритесь и на мое».

Хотя и безапелляционное обращение из Тольятти заслуживает внимания: «Дорогой Лев Иванович! В трудную для Вас минуту мы, все шесть тысяч участников турнира по мини-футболу на снегу „Зимний мяч Автограда“ рядом с Вами. Ни один турнир „Зимнего мяча“ не проходил в последние годы без Вашего участия. Мы готовимся к пятому, юбилейному. Не забывайте, что Вы — его главный судья. Верим в Ваше мужество и силу воли. Всегда ждем вас в Тольятти».

Это правда: Лев Иванович три года подряд судил соревнования в автомобильной столице СССР. И как бы сказал незабвенный М. И. Кутузов: «С такими чудо-богатырями — и отступать?»

Нет, конечно. Он и шутил даже: мол, без ноги женщинам его будет легче на руках носить. И про то, что в футбол всё равно уже не играет.

На самом деле, рассказывала Валентина Тимофеевна, невообразимо, конечно, переживал. Особенно сразу после операции. Жена не отходила от него, поддерживала всячески. И благодаря ей, прежде всего, он вернулся к достаточно активной деятельности.

Потому как со стороны официальной забота смотрелась весьма своеобразно. Яшина, для начала, поместили в общую палату: на иной вариант, получается, всей жизнью не наработал. Кроме того, соседями по несчастью оказались молоденькие ампутанты-«афганцы», потерявшие конечности, выполняя «интернациональный долг».

Правду сказать, большего морального испытания для мужчины, в 13 лет вставшего к станку во время войны, которую он вместе со всеми считал последней, — трудно придумать. Ноги

уже лишился — теперь бы сердце не отказало. Конечно, принесенным из дома он щедро делился с солдатиками, о которых родина после кардинальных операций как-то подзабыла.

Затем настал «протезный» период. К великому сожалению, в СССР выпускали только то, что Лев Иванович называл «кадушкой». За сходство с бочкой, где засаливают огурцы, помидоры или еще что. Упомянутый аппарат крепился к оставшейся части конечности, и больной в таком виде должен был продолжать существование.

Непосредственно на помощь пришел журналист А. Горбунов, работавший тогда заведующим отделением ТАСС. Яшина перевезли в Финляндию на полный пансион, чего он уж точно не просил. Отдать должное Александру Аркадьевичу и его супруге Светлане за бескорыстную заботу просто необходимо. Но обязательно надо отметить и финнов. Их строительная фирма «Пуолиматка» взяла на себя расходы по обследованию больного и изготовлению современного, удобного протеза. Хотя, кажется, им-то что? Причем, оказывается, не одни жители Страны озер переживали и работали в данном направлении. Вот что писал наш добрый немецкий друг Карл Хайнц Хайманн:

«Беда, свалившаяся на Яшина, произвела на меня удручающее впечатление. Это состояние практически не покидало меня. Чем можно помочь? Эта мысль постоянно сверлила мозг. В „Киккере“ мы опубликовали несколько материалов о Яшине, приободрили его. Я передал ему по телефону фабулу напечатанного. Он поблагодарил за участие и вдруг выпалил: „Когда насмотрелся на мальчишек без рук, без ног в госпитале, цепляющихся за жизнь, мне ныть непристойно. Мне от ‘кадушки’ освободиться — и хоть в ворота становись“».

Выяснив всё про новосозданный термин, Хайманн взялся за дело с немецкой стороны. Оказалось, в Мюнхене делают классные титановые протезы. «Когда рассказал сотрудникам, — продолжал тогдашний главный редактор „Киккера“, — что протез нужен Яшину, все оживились, заговорили о футболе, специалисты постарше принялись вспоминать эпизоды из матчей, в которых блистал русский вратарь. Сделать протез взялись лучшие мастера и слово сдержали.

Если он и получил желанный протез из Хельсинки, то это лишнее доказательство того, что и в Финляндии, и в Германии, и, уверен, в других странах люди готовы были сделать для Яшина всё, что было в их силах, и даже больше».

Но всё равно: любой, самый качественный протез настоящий ноги не заменит. А немалое количество турниров в огромной стране не могло пройти без личного присутствия Льва Ивановича.

Вспоминает Марк Михайлович Рафалов, судья всесоюзной категории:

«В марте 1988 года мне довелось провести с Яшиным несколько незабываемых дней. В Самарканде динамовские команды разыгрывали традиционный приз его имени. Там же проводился традиционный сбор судей, который я возглавлял. В Узбекистан Лев Иванович приехал уже тяжелобольным: он лишился ноги, с большим трудом передвигался, а постоянные боли вынуждали его прибегать к бесконечным уколам».

Такое, одним словом, состояние, что и в Москве-то трудно бы пришлось. А он едет туда, где сухо и жарко. И отваживается выезжать вместе с Рафаловым на игры, которые проходили даже не в Самарканде. Тут и врачом не надо быть, дабы понять, чего ему это стоило. Люди, естественно, предлагали отказаться. Фронтовик Марк Михайлович приводит подлинные яшинские слова: «Ну уж нет, — отвечал он. — Так нельзя, любители спорта просили. Они ждут. Я должен ехать». И трогался в путь, и обеспечивал праздник, которым являлось одно его появление в узбекском кишлаке. «На людях держался молодцом», — подтверждает Рафалов. Что уж потом Яшин чувствовал, останется при нем.

«Молодцом» он смотрелся и на грандиозном торжестве, посвященном его шестидесятилетию. В 1989 году такое было возможно и где-то даже естественно. Что ж, Яшин эффектно и неожиданно появился в подаренном ему японском автомобиле, сделал круг почета на переполненном стадионе «Динамо». И матч, последовавший затем (опять сборная мира против сборной «Динамо»), был хорош. Да и как по-другому: ведь на сей раз добрались Беккенбауэр, Карлос Альберто, которых юбиляр мечтал увидеть еще 18 лет назад, а Любаньский и, понятное дело, Бобби Чарльтон будто и не уезжали из 27 мая 1971 года. А еще друг Эйсебио, чемпионы Европы-76 чехословаки Паненка и Добиаш, один из достойных наследников в Европе поляк Томашевский. Да и наши ветераны Пильгуй, Чивадзе, Дзодзуашвили, Козлов, Сабо (как и 18 лет назад), Колотов не могли сыграть плохо.

И сыграли: 2:2. Вместе с тем по атмосфере, чувствам, незабываемости тот праздник никак нельзя поставить в один ряд с маем 1971 года.

И машину пораньше бы подарить можно было, и проявившие уже свой нрав футбольные фанаты освистали поэта Евтушенко, читавшего стихи, посвященные любимому вратарю, и второй матч зачем-то провели действующих динамовцев с только что сошедшими зарубежными ветеранами.

Наступившая эпоха ничего, в общем, не имела против Яшина,

но не могла его вместить в себя. Ощущалась некоторая несоразмерность. С его стороны — высота, глубина, мощь. Со стороны обратной — определенного рода растерянность, непоследовательность, суетливость.

Присвоение звания Героя Социалистического Труда и соответствующее награждение безумно запоздали. И дело не в том, что вручать золотую медаль «Серп и Молот» с орденом Ленина приехал не М. С. Горбачев, а второй человек в стране Р. Н. Нишанов. Просто всё вышло поздно. Очень поздно.

Яшин был смертельно болен. Язва, преследовавшая его столько десятилетий, переродилась в злокачественную опухоль. Рак желудка. Нишанов прибыл 14 марта. Лев Иванович, что характерно, и здесь остался верен себе. «Да за что мне такая высокая награда?» — тихо спросил он находившегося у его постели Н. П. Симоняна.

20 марта 1990 года Лев Иванович Яшин умер.

* * *

И всё-таки о бессмертии можно говорить с полным основанием.

Вечно мы привычно повторяем: тот жив пока, о ком хранят память. Масса людей живет в памяти родных и близких. С Яшиным — несомненно так.

Но не только так. Потому что великий вратарь остался в сознании миллионов людей, никак с ним не связанных, нисколько с ним не знакомых, обитающих на всех континентах и в совершенно нефутбольных странах, людей, принадлежащих к разным поколениям, отличающихся друг от друга и цветом кожи, и вероисповеданием, и политическими пристрастиями.

Каждое частное сознание в том миллионном «океане» творит своего Яшина. Его биография прослеживается и анализируется, его высказывания (хотя говорить он не любил) внимательно переслушиваются и перечитываются, с ним советуются, у него учатся. Мысленный диалог с Яшиным абсолютно нормален для тех, кто способен думать, — а таковых, верится, большинство. Однако главное, безусловно, — игра! Слава технике, запись почти любого матча можно найти и посмотреть. И порадоваться присутствию высокого интеллекта в его работе. Что-то похожее можно сказать о разыгрывании шахматных партий корифеев прошлого.

Важно подчеркнуть: изначальный интерес к жизни и творчеству Яшина возник не по указке сверху. Наоборот:

существует реальное движение души к подлинной личности, со всеми ее индивидуальными особенностями.

Если говорить о нашей стране (а ею и ограничимся), то возникает логичный вопрос: чем это объяснить? Есть небезынтересное мнение: наличествует общая ностальгия по советской эпохе, и Яшин популярен, как при жизни, именно по указанной причине.

Действительно, он родился, учился, трудился, играл в футбол, занимал руководящие посты в стране под названием СССР. И играл в сборной того государства, прославив его. «Символ советской эпохи»? Бесспорно.

Поэтому пойдем таким путем. Выделим наиболее привлекательные для определенной части населения понятия, связанные с советским временем, и проследим, как они проявляли себя в яшинской биографии.

Ведущий мотив обозначим так: не всё решают деньги. Которые, разумеется, необходимы. А купить и продать, что захочешь, всё-таки нельзя. Вот, например, родина, страна твоя. Ты не осязаешь ее, но работаешь, бьешься, выступаешь — для нее. Не находите: идеальное совпадение с линией жизни Льва Ивановича? Ульяновская степь, две-три нормы в смену — а 14 лет чуть позже исполнилось. Да, с выходом Лёвы на работу в семье появилась еще одна продуктовая карточка. Так во имя Страны Советов он ее тысячу раз отработал! О чем, кстати, косвенно свидетельствует и медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». А игры за сборную? И не сосчитать, сколько раз хотя бы били его в голову. И сознание он терял — так вставал, как солдат, и продолжал бой. Его отповедь В. П. Антипенку в 1958 году на шведском чемпионате мира является не нервным срывом — высказанной и выстраданной позицией.

Продолжим тему. Что еще «у нас никому не отнять»?

Помните, как говорили: «наш завод», «наш класс», «наш институт» или — «мы всем звеном», «всей кафедрой», «всей базой»? Верность коллективу, где служишь, учишься, работаешь, — приветствовалась и уважалась в народе. А ежели оттрубил всю жизнь на одном месте — получается, большой молодец.

О «Динамо» в жизни Яшина в книге имеется целая глава. Наиболее же интересное заключается в том, что и завод у него также был навсегда один — тот самый авиационный «пятисотый» (сейчас — Московское машиностроительное предприятие им. В. В. Чернышева). И кого-то удивит, что всемирно известный спортсмен, приятельствовавший с Пеле, Эйсебио, Беккенбауэром

(список легко продолжить), по-настоящему дружил до самого конца с заводскими ровесниками, ездил с наслаждением с ними на рыбалку и на охоту, никогда не демонстрируя и тени «звездности».

Причем когда он потерял ногу, друзья брали его с собой на зимний лов, соорудив специальные сани с полозьями из титанового листа, позволявшие тащить рыбака по снегу к лунке.

Даже матч провел 18 июля 1979 года за родной завод против студентов Химкинского авиационного техникума. Дело было на озере Селигер, где предприятие испытывало подвесной мотор для лодки. Яшин поехал вместе с коллегами, а тут и химкинцы молодые подвернулись. Почему не сыграть? Вышли. Лев действовал в поле и только при итоговом 3:3 занял место в воротах во время серии пенальти. Победили, как вы понимаете, ветераны. 4:3.

Если вдуматься, похожий матч с друзьями юности против молодежи мог провести, например, и Пеле. Или Марадона. Только с привлечением пишущей и снимающей братии со всего света. Яшин же той интереснейшей игре вообще значения не придал. В. Ф. Асаулов тот факт раскопал.

То есть, широко говоря, с завода вратарь толком и не уходил. И остался для товарищей Лёвой, несмотря на то, что масштаб личности они, умные люди, безусловно, сознавали.

Еще один характерный аспект: семья. Ни в каком советском законе не говорилось, что брак можно заключать только один раз. А вот о семье как о ячейке социалистического общества речь шла. И имелось в виду все-таки, что гражданин создает одну, надежную ячейку и крепит таким образом справедливый государственный строй. Да и в народном понимании распад семьи виделся если не катастрофой, то большой бедой.

История любви Льва Ивановича и Валентины Тимофеевны в этом смысле безупречна в своей типичности. И знакомство то ли в кино, то ли на танцах (будущая супруга помнила, что какой-то парень предложил ей место в темноте кинозала, однако его не запомнила: фильм захватил), и пять лет встреч до свадьбы (при этом Яшин не скрывал серьезных намерений), и молодая суета с переменой фамилии (Валентина в загсе вдруг решила остаться Шашковой, чем взбесила жениха: чуть не рассорились), и свадьба в коммуналке, да еще в Новый год (с 54-го на 55-й), когда гости налегали на закуски, так как жили голодно и бедно, — всё это неотъемлемые черты жизни советского народа. Недаром Валентина Тимофеевна и сейчас повторяет: «Все так жили». Ну и Яшины — как все. И даже при достижении заслуженной известности. Между прочим, такое положение знаменитости в

повседневности привлекало и журналистов: тот же еженедельник «Футбол», далекий, понятное дело, от семейной тематики, публикует на первой странице новогоднее фото всех трех Яшиных (Елена еще не родилась): Льва, Валентины и Ирочки на фоне праздничной елки. Это всё к тому, что семья производила (и производит) замечательное впечатление при взгляде с любого расстояния.

А ведь народ понимал: всё могло сложиться не так. Невозможное количество переездов, перелетов, долгие расставания, разнообразные города, заграничные, не забудем, поездки. Где, естественно, есть женщины. Сколько браков разрушилось — и вспоминать не хочется.

Здесь кардинально другая ситуация. Яшин везде, насколько позволяют обстоятельства, едет вместе с супругой. Вспомним ту же Бразилию зимы 1965 года: он же дожидался, пока всё утрясется с женой. А уж когда приходилось отправляться одному… Послушаем Марка Рафалова: «18 июня мы возвращались с мексиканского чемпионата мира домой. Вылет из международного аэропорта имени Кеннеди задерживался. Разговаривая с Яшиным, я посетовал, что жалко уезжать с чемпионата мира, не посмотрев финал. Лев грустно улыбнулся и сказал: „Финал финалом, но ведь у моей Вали сегодня день рождения, и я хочу поскорее прилететь домой“».

Вот так. Кажется, последний чемпионат мира в качестве игрока. И неизвестно, удастся ли побывать на мировом форуме еще. Так нет: жена Валентина превыше всего.

Таким образом, притягательность Яшина как человека советского, думается, разъяснена. Пожалуй, еще два футболиста, соизмеримых с ним в мастерстве, заслугах, вкладе в футбольное искусство — Валентин Иванов и Игорь Нетто — всегда исповедовали те же принципы.

Однако здесь одно существенное различие: ни торпедовец, ни спартаковец не обладали такой оглушительной международной популярностью.

И теперь время поговорить о скромности. В принципе, скромным быть очень легко: в том случае, если ты никому не известен и не нужен. Тогда удобно каждое утро повторять: «Я человек скромный!» — и негромко тем обстоятельством гордиться.

М. И. Мержанов в новогоднем номере «Футбола» за 1966 год в статье «Сочтемся славою…» размышляет, приводит примеры и делает выводы. Классик жанра всегда интересен: «Вот уже много лет я наблюдаю за стойкой и шумной славой Льва Яшина. Она типична для наших известных спортсменов. И если бы меня

спросили, что характерно в славе Яшина и как она светится на его лице, я, не задумываясь, сказал бы: поразительным спокойствием и скромностью. Нигде и никогда он не подчеркивал своего превосходства над товарищами, никогда не повышал голос, не кичился своей знатностью. Он владел поразительной славостойкостью».

Хороший неологизм (почему же не прижился?) образца 1966 года. Сначала Дания — далее везде: «В Копенгагене при осмотре паспортов таможенный полицейский чиновник, посмотрев на паспорт Яшина, вскочил, взял под козырек и жестами показал, что для него вход в Копенгаген свободен. Такими жестами ему открывали дорогу в Париж, Лондон, Кардифф… В Париже после вечерней прогулки мы зашли с Яшиным в кафе-ресторан „Модерн палас отель“. Два кельнера, увидев Яшина, бросили подносы, подбежали к Яшину и стали обнимать его».

Ладно кёльнеры с подносами (хотя те подносы их кормят) — так таможенник с родины принца Гамлета и про досмотр забыл: вези, дескать, что пожелаешь! А что Яшин? Да ничего. Славостойкость.

Вновь обратимся к воспоминаниям артиста Вадима Тонкова: «Это было в конце шестидесятых годов. Мы были на гастролях с театром „Комсомольский патруль“ в изумительном городе роз и старых традиций (то есть Баку. — *В. Г.)*. Там же московское „Динамо“ играло с „Нефтчи“.

Вечером после спектакля собрались у Левы в номере. Посидели, слегка выпили за встречу, и в номер пришел, неся аромат винных паров и слегка возбужденный, прекрасный футболист Игорь Численко. Буквально через несколько минут он обратился к нам с речью. Видимо, „наболело“.

— Видите, — он показал на Яшина, — перед вами сидит сама скромность. Сегодня эта скромность даже уступила свое законное место молодому. — Игорь стал показывать Яшина: — Мне это не надо, я могу подождать… Надо, чтобы молодежь играла… Вратарь Мира!! А что у него есть, у этого вратаря? А между прочим, у среееее-дненького французского футболиста Копа свой самолет… Маленький, но свой! А Вы, Лев Иванович…

Игорь Численко недоговорил и, махнув рукой, вышел из номера».

Цитата требует уточнений. Надо, конечно, сделать скидку и на «винные пары», из-за которых один из ярчайших мастеров 60-х, добрый товарищ Яшина, Раймон Копа стал вдруг «средненьким», но основное не в этом.

А в том, что хороший советский футболист Численко Яшина *не понимает.* При этом Игорь вовсе не инакомыслящий бунтарь.

Капитан «Динамо», кстати сказать, на тот момент.

А Яшин для него — непостижим.

Вот потихоньку мы и переходим к следующей мысли: оставаясь советским до мозга костей, Яшин — какой-то особенный в том обществе и среди коллег прежде всего.

И не только в скромности суть.

История с Валентином Афониным на чемпионате мира-70 тому наглядное подтверждение. В злополучном четвертьфинале с уругвайцами остановились, мы помним, все советские оборонцы, посчитав, что мяч пересек лицевую линию. После чего и получили гол на 118-й минуте. Грубая коллективная ошибка. Однако, как обычно, необходим основной виноватый. Им и стал крайний защитник Афонин. Состояние Валентина Ивановича было ужасным. Это можно, наверное, перечувствовать, но не нужно. Опасно.

И вот в самый невыносимый момент ночью к подавленному, измученному Валентину пришел Яшин с бутылкой водки… Возгласы вроде: «А нельзя без нее?» — отметем. Значит, нельзя. Им виднее. Кроме того, если бы вся команда безо всякого спиртного дружно выступила в защиту товарища, разделила бы ответственность на 11 частей, то и яшинского демарша бы не потребовалось.

Ведь, как выше сообщалось, Лев Иванович поменял направленность своих выступлений, коли уже они нечасто и случались. Когда-то, помните, при М. И. Якушине он набрасывался с критикой на игроков. Позднее вектор стал иным. Нет, разумеется, Яшин не выступал против руководства, однако о собственном весомом мнении сообщал всё чаще. В частности, когда в 1962 году интеллигентнейший Г. Д. Качалин вдруг повысил голос на сборников, не найдя другой аргументации, и дело шло к разрыву, — именно Яшин негромко, твердо возразил, объяснив, что компромисс всё равно искать придется (не менять же тренера или большинство игроков), а потому пока стоит успокоиться. Всё так: помогая общему делу, он сохраняет свою позицию.

Следующий рассказ подобен хрестоматийной «капле воды», в которой отражается мир. Даже два мира: социалистический и наоборот. Почему без того сочного, символичного эпизода не обойтись — сейчас поймем.

Так вот: после блестящего выступления за сборную ФИФА 23 октября 1963 года в номер к Яшину пришли великий венгерский форвард Ференц Пушкаш (тогда, кстати, гражданин Испании) и замечательный немецкий защитник Карл Шнеллингер. «Яшин, ресторано!» — безапелляционно заявил немец. И тут наш

соотечественник растерялся. Родина выделила ему на все удовольствия пять фунтов стерлингов. Не погуляешь. Хотя галстук можно купить. Ну, так мы же советские люди. Растерянность быстро прошла. «А зачем ресторан-то? У меня всё свое», — нашелся Лев Иванович. После чего извлек водку, икру, рыбные деликатесы.

Откуда они у него взялись? Он что, водку собрался пить в номере? Да нет. Это бралось на продажу или обмен. Государство ставило своих лучших представителей в такое «пятифунтовое» положение, что ничего не оставалось, как везти за рубеж водку, икру, баранки, балалайки и т. п. Ибо хотелось порадовать домашних «тамошней» одеждой или техникой. И получается, что ничего бы Яшину в Англии не приобрести, так как немец с венгром подумали и… остались. Ференц со Львом занялись сервировкой стола, а мудрый Карл отлучился ненадолго и вскоре принес русскому другу аж 20 галстуков. Затем они прекрасно провели вечер безо всяких ресторанных излишеств.

Вернувшись в СССР, Лев Иванович деловито раздал подаренные галстуки динамовским товарищам. Прямо по списку выкликал. Чтобы всем по одному. По справедливости.

Теперь же зададимся простым вопросом: а с какой стати та бесплатная раздача произошла? Ведь тогда, кажется, был построен лишь социализм — до коммунизма и сейчас далеко.

Со стороны хочется бодро прокомментировать: замечательной щедрости и доброты человек — и перейти к иной тематике. Потому что, думается, попробовать себя представить в 1963 году с двадцатью галстуками по пять фунтов (как минимум) каждому очень хочется *до* момента выкликания по списку с последующим беспричинным награждением коллег по работе. Награждали по праздникам и от профкома. Личная благотворительность по отношению к таким же, как ты, — огромное исключение. По той причине, что семья не имела иных средств, кроме заработанных. У героя Лондона 1963 года, мы не забыли, любимые супруга и две дочери. И преобразовать зарубежные изделия легкой промышленности во что-нибудь реальное и полезное в употреблении было нетрудно. До такой степени, что представить себя на месте Яшина — практически невозможно. Так что здесь лишь форма (списки и т. д.) — из советской эпохи, суть — вовсе другого времени. Которое или уже прошло, или где-то впереди.

Еще один характерный пример — фильм «Лев Яшин» 1971 года. Скажем сразу — превосходная работа. О нем ведь и раньше снимали. Старались, а не получалось[24]. Теперь автор сценария В. Л. Азарин, режиссер С. Е. Толкачев (авторский текст в

исполнении Ю. И. Визбора) также приложили все силы, но добились безусловного успеха. Главное: Яшин у них получился без фальши и ретуши. И то, что он курит в автобусе, остается деталью. Важно, что и как он говорит, представ крупным планом.

Итак, по фильму вратарь перед матчем прощания 27 мая должен вспомнить наиболее памятные игры. Что же отвечает Яшин? «Самым памятным, может, он будет неприятным, но это матч в Чили с командой Колумбии. Вроде команда Колумбии не котировалась в призовые места. Наша команда Советского Союза котировалась». До рассказа о голах дело не дошло — и хорошо. Достаточно посмотреть в глаза Яшину, чтобы понять, как же ему тяжело вообще эту тему поднимать. Однако он же сам ее поднял! Дальше — больше: вторую игру, из памятных, Яшин берет с Чили (за которую травили), пропустив тяжелый поединок с Уругваем, где ему весьма досталось. Впрочем, и с Чили случилось сотрясение мозга с потерей сознания. О котором ни слова, а речь всё о том же: «И вот в этом матче большинство наших журналистов мою неуверенную игру, эти вроде как легкие мячи, которые я пропустил два, отнесли на мой счет. Ну, естественно, я переживал, мучился, терзался. И после окончания чилийского чемпионата я решил бросить в футбол играть».

Прежде всего: почему терзаться и мучиться в преддверии праздника? Что, мало незабываемых поединков — да тот же лондонский 1963-го хотя бы? И он бы один! А тут опять: Чили, Колумбия… Кроме того: скажите на милость, какая советская балерина тех лет, или режиссер, или актер, или писатель, или знатный рабочий, или, в конце концов, спортсмен стали бы вспоминать перед торжественным, радостным последним выступлением, либо юбилеем, либо еще каким личным праздником наиболее неприятное, невыгодное, неудобное из собственной биографии, в которой масса побед и счастья? Скорее бы уж припомнили душителей, гонителей, бюрократов, которые их не понимали когда-то, зато теперь… А Яшин будто руками хватается за горячее и острое в своей судьбе. «Комок совести», — сказал о вратаре когда-то Л. И. Филатов.

И, наверное, проясняется, почему сейчас обращение к Яшину столь актуально.

Вспомним еще одного прекрасного журналиста, А. Т. Вартаняна. Он в «Летописи…» сообщает об уникальном случае личной встречи со Львом Ивановичем. Произошло это в Тбилиси 1962 года, где сборная СССР проводила февральский сбор. Вартанян вместе с сокурсником (В. Голованов), обзаведясь журналистскими удостоверениями, сумели проникнуть на базу. «Приходим, а на поле игра первого состава

со вторым. На лавке Андрей Старостин, Качалин, Гуляев, врач, еще кто-то и Яшин с сигаретой во рту. Присели рядом. Вид вратаря, курящего в присутствии тренеров, мягко говоря, удивил.

Сокурсник был, ну, скажем, раскрепощеннее меня. Обратившись к вратарю панибратски, по имени, упрекнул в нарушении режима. Что потрясло меня, так это реакция Яшина. Всемирно известный голкипер не послал, куда в таких случаях посылают какого-то неизвестного мальчишку, сунувшего нос не в свое дело. Смутившись, стал оправдываться: мол, вратарю табачный дым не вредит, „дыхалку“ не сбивает, да и тренер не возражает. Посчитав, что не убедил, добавил:

— Вообще-то вы правы, — и, бросив окурок на землю, затушил его ногой.

Человечище!»

Завершающее слово видится определяющим. И все-таки опять: смоделируйте ситуацию — даже и необязательно в нашем времени, а в какое-нибудь другое. В какой стране и каким образом действующий чемпион Европы, олимпийский чемпион потерпит подобное от недоучившегося студента? Да и можно ли обращаться по имени к незнакомому, хотя и знаменитому человеку?

И все-таки реакция Яшина — от осознания правоты нагловатого парнишки. Он и сам трудно боролся с собой. Не победил на этот раз. Себя-то не обманешь.

Но вернемся к слову «человечище». Оно имеет оценочный смысл. Национальной, расовой, политической, религиозной составляющей мы в нем не найдем.

Подтверждением тому еще один пример от Льва Филатова: «В Рио-де-Жанейро я стал свидетелем такого случая. Автобус с игроками сборной команды Советского Союза должен был вот-вот отъехать от ворот стадиона „Фламенго“, где была тренировка. Все страшно торопились, оставались считаные минуты, чтобы поужинать и успеть в кинотеатр. Последним вошел в автобус переводчик. Зная, что мы опаздываем, он скороговоркой, как бы для очистки совести, произнес:

— Там стоит репортер, он говорит, что, если не получит интервью у Яшина, редактор его уволит.

— Уволит? — Яшин вскинулся, будто мяч отбил. — Надо выручать, пошли…

Я вышел вместе с ним. Перед нами был юнец, которого, видимо, проверяли на пригодность к репортерской профессии. Он уже считал, что всё пропало, когда вдруг с подножки к нему прыгнул Яшин собственной персоной. Юнец потерял дар речи. Яшин мигом оценил ситуацию, кивнул переводчику и принялся

рассказывать всякие штуки о футболе, о своих встречах с бразильскими звездами. Юнец строчил в блокноте, не веря своему счастью. Яшин спросил меня:

— Ну как, хватит, чтобы его не уволили?

Мы безнадежно опаздывали, но все в автобусе терпеливо ждали, понимая, что иначе Яшин поступить не мог».

Опять же, кто ему тот бразильский парень? А если тут нередкий репортерский трюк? Да и вообще: советские люди сидят в автобусе и опаздывают на ужин и заграничный кинофильм! И ради какого-то южного американца они пропустят или то, или другое. Или всё вместе. Однако народ сидит смирно, пока «человечище» помогает маленькому покуда человечку. Так Яшин с присущей ему мощью встает поверх барьеров и океанов.

Строго живя по нравственным правилам, он неизбежно вступал в противоречие с тем, что на эти правила налипло и наросло. В Рио дилемма решилась в пользу юного бразильского репортера, а отнюдь не советского коллектива.

Менее известен другой случай — назовем его «случай с Бекташевым». 6 сентября 1968 года «Динамо» в Москве одолело «Пахтакор», причем вышеупомянутый нападающий на 34-й минуте опаснейше угрожал московским воротам: бил головой с близкого расстояния, и голкипер удержал мяч на самой линии.

А затем случилась обоюдная стычка. Бекташев нарушил правила, а защитник Владимир Штапов в отместку ударил противника по ногам. Удаления, похоже, заслуженного, так и не последовало. Но Яшин… «В то время, — писал В. Н. Винокуров в „Советском спорте“, — как судья примирял соперников, из ворот выбежал Яшин и сурово отчитал своего товарища по команде».

«Своего». Да еще когда судья колебался. *Любой* вратарь — и ныне, и раньше — побежит партнера защищать и выгораживать (а тут еще и удаление вероятно). *Любой* — а не Яшин.

И сегодняшняя притягательность его личности идет от ясности и чистоты, не подверженных чужеродным примесям каких бы то ни было напластований.

Яшин — всегда быстрее, выше и сильнее того, к чему его хотят отнести или куда поместить.

И недаром он принадлежит к числу тех великих людей, что навсегда остались на внеземном уровне: в 1992 году малой планете, открытой в Крымской обсерватории еще в 1978 году, присвоено его имя.

Разумеется, он давно по-вратарски выпрыгнул из отпущенных ему годов и невозмутимо идет походкой рабочего, чуть уставшего после смены человека — почему-то всё время впереди нас с вами.

Так ведь и бессмертие — это когда всегда впереди, не так ли?

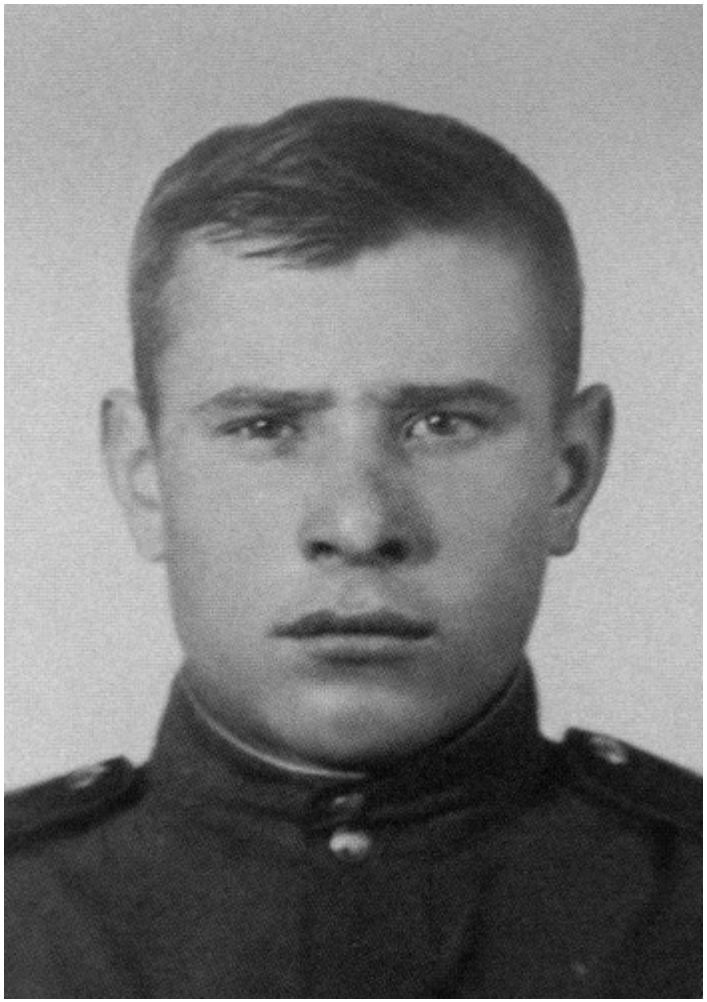
ИЛЛЮСТРАЦИИ

Маленький Лёва. 1930 г.

Дом на Миллионной улице, 15, в Богородском, где родился Лев Яшин

Мама, Анна Митрофановна. 1928 г.

Семья Яшиных — папа Иван Петрович, его вторая жена Александра Петровна, Лев и его брат Борис

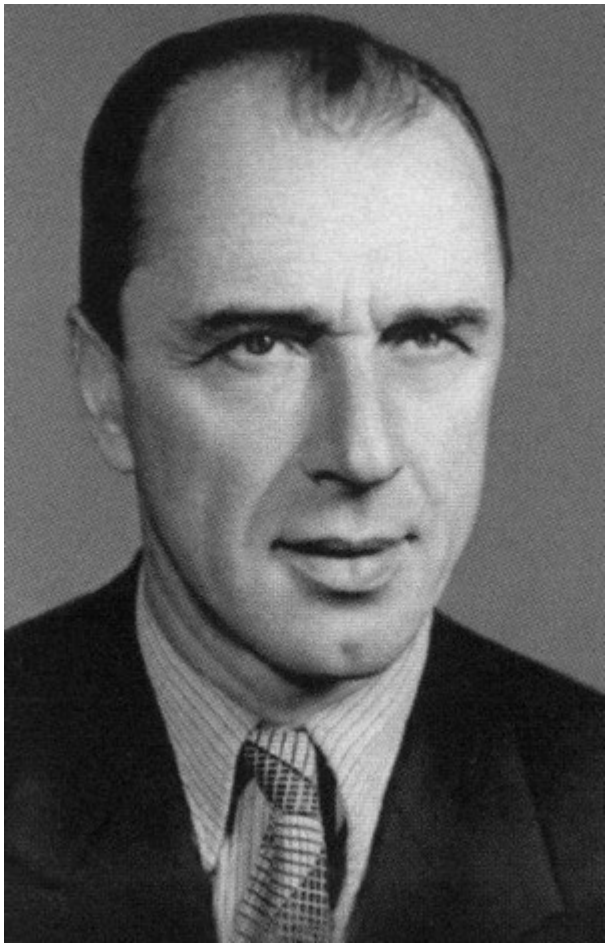


Лев Яшин, солдат внутренних войск. 1948 г.

После тренировки. В тушинской заводской футбольной команде

Служебный пропуск на стадион «Динамо»

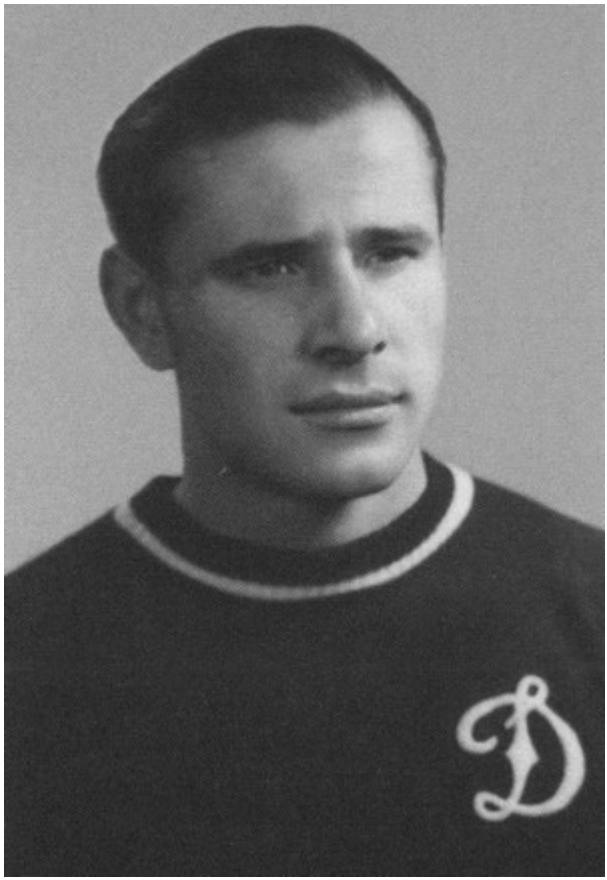
Ленинградский проспект в районе стадиона «Динамо» перед матчем. 1949 г.



Аркадий Иванович Чернышев

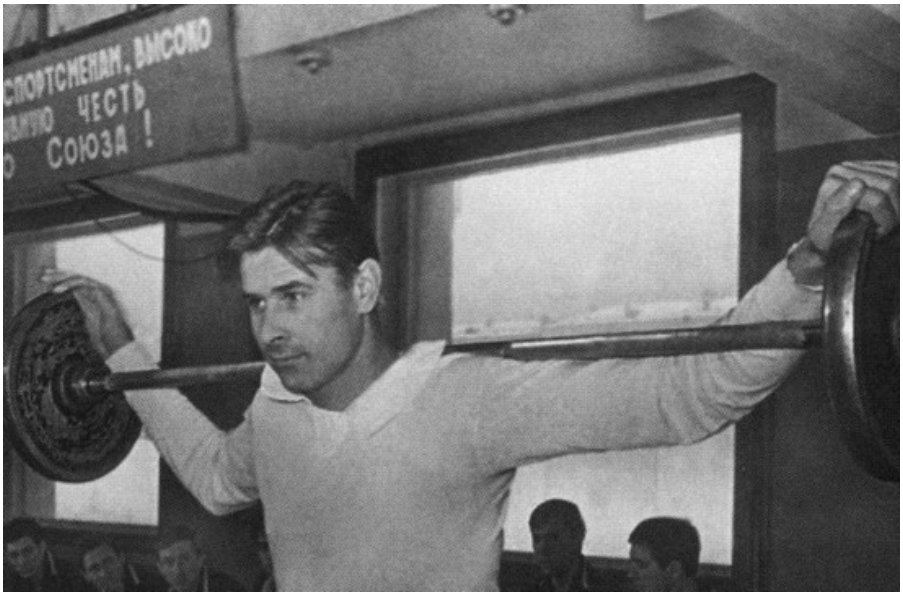
Михаил Иосифович Якушин

Первая игра Льва Яшина за дублирующий состав московского «Динамо» во время предсезонной подготовки в Гаграх



Лев Яшин в футболке московского «Динамо». 1956 г. Верность клубу — на всю жизнь

Команда «Динамо» (Москва), чемпион СССР по футболу 1957 года



На тренировке

В динамовской раздевалке после матча. Справа налево: Л. Яшин, В. Шабров, В. Ильин

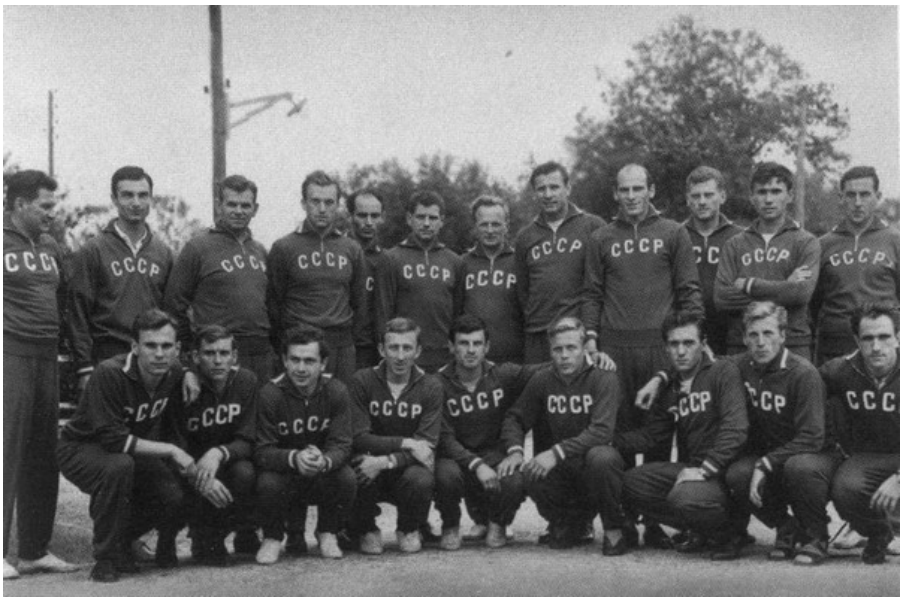
Г. Гусаров, Л. Яшин и В. Аничкин в тренировочном поединке по хоккею с мячом

В программу тренировок в обязательном порядке входили волейбол, баскетбол и водное поло. Очевидцы утверждали, что Лев Яшин не только одинаково успешно защищал футбольные и хоккейные ворота, но и был надежным ватерпольным вратарем

Советские футболисты в Париже. Примета: кто наступит на «пятачок», тот еще раз вернется сюда

Сборная СССР по футболу — победитель Олимпийских игр в Мельбурне. 1956 г.

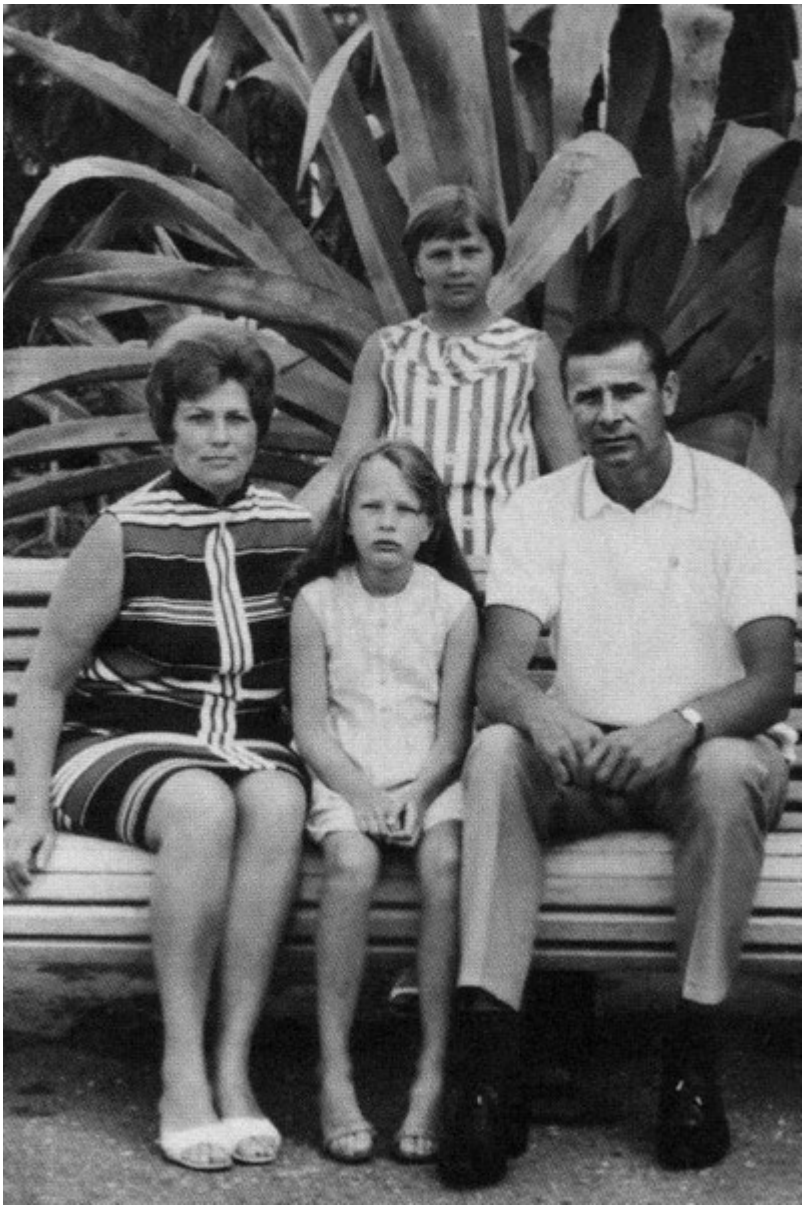
Первая поездка московского «Динамо» во Францию. 1955 г. Лев Яшин и Сергей Сальников



Сборная СССР — победитель первого в истории Кубка Европы. 1960 г.

С будущей женой Валентиной Шашковой. Фото сделано в Тушинской городской редакции радио, где Валентина работала тогда редактором. 1954 г.

На новогорской рыбалке, недалеко от тренировочной базы московского «Динамо»



С женой Валентиной Тимофеевной и дочерьми Леной и Ирой на отдыхе в Гаграх

В мэрии Братиславы. 1970 г.

На субботнике во время строительства будущих «Лужников». 1955 г.

Иногда они могли взять в руки и гитары

Любимая рыбалка. На сборах в Озерках с Йожефом Сабо. 1966 г.

Грибная охота — отличный отдых

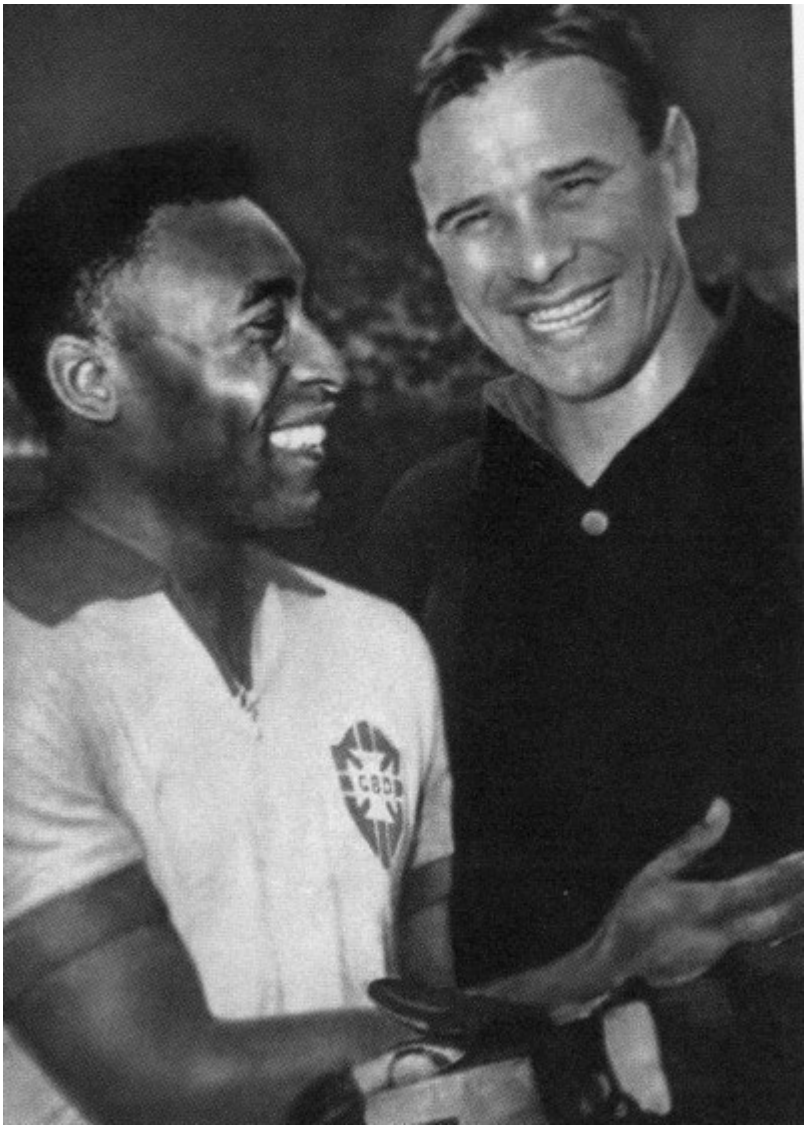
В воротах — Лев Яшин

Лев Иванович Яшин

В воротах — Лев Яшин. Игровые моменты различных матчей за сборную и родной клуб

Лев Яшин, обладатель Золотого мяча, лучший футболист Европы 1963 года

Л. Яшин, В. Маслаченко, И. Нетто, возвращающиеся с Кубка Европы 1960 года



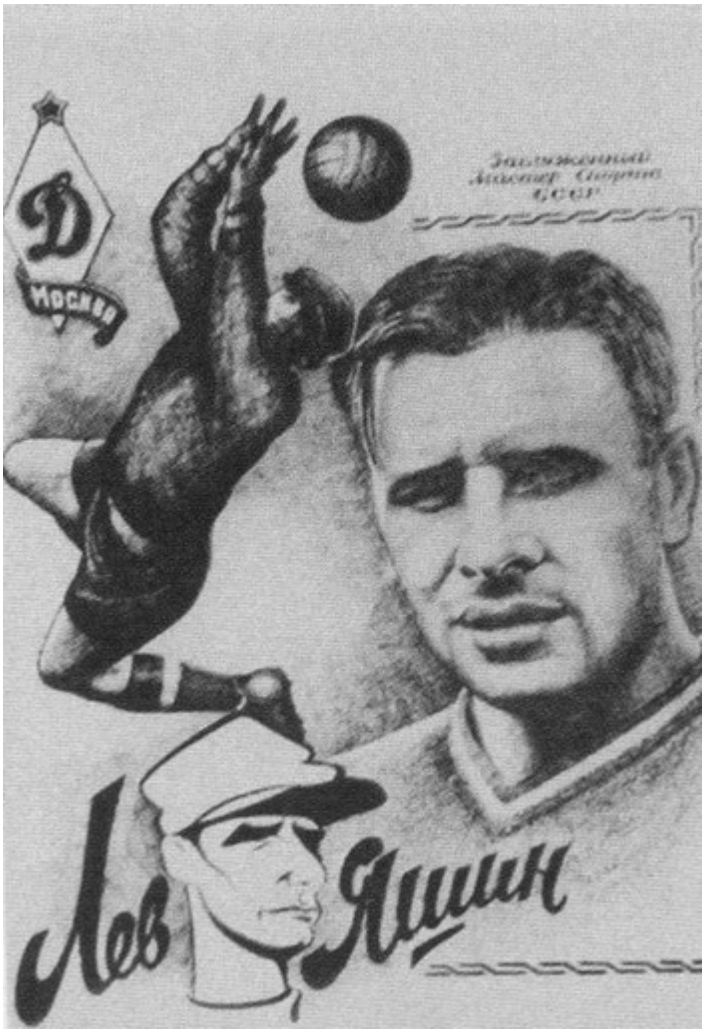
Яшин и Пеле. Два лучших игрока мира. После игры сборных Бразилии и СССР. Рио-де-Жанейро, 1965 г.

Сборная мира перед матчем, посвященным столетию британского футбола. 23 октября 1963 г.

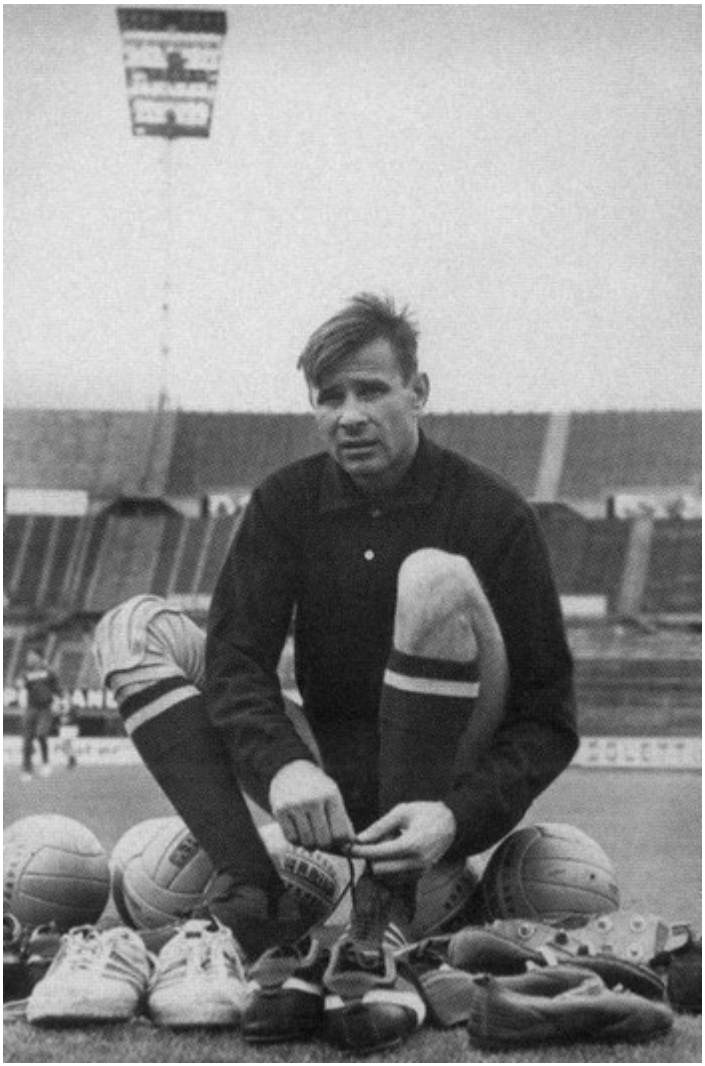
После тренировки в составе сборной мира. Лондон, 1963 г.

Лев Яшин накрывает мяч в ногах у Джимми Гривза. Лондон, «Уэмбли», 1963 г.

Из всех карикатур на него эту Лев Иванович считал любимой и долго хранил в своем портмоне



Дружеский шарж и открытка, посвященные Льву Яшину



После тренировки

Московское «Динамо» — обладатель Кубка СССР 1970 года

27 мая 1971 года, «Лужники». Прощальный матч Льва Яшина. Два капитана — сборной «Динамо» Лев Яшин и сборной мира Бобби Чарльтон

Лев Иванович навсегда покидает футбольное поле

С Алексеем Николаевичем Косыгиным. Стокгольм, 1967 г.

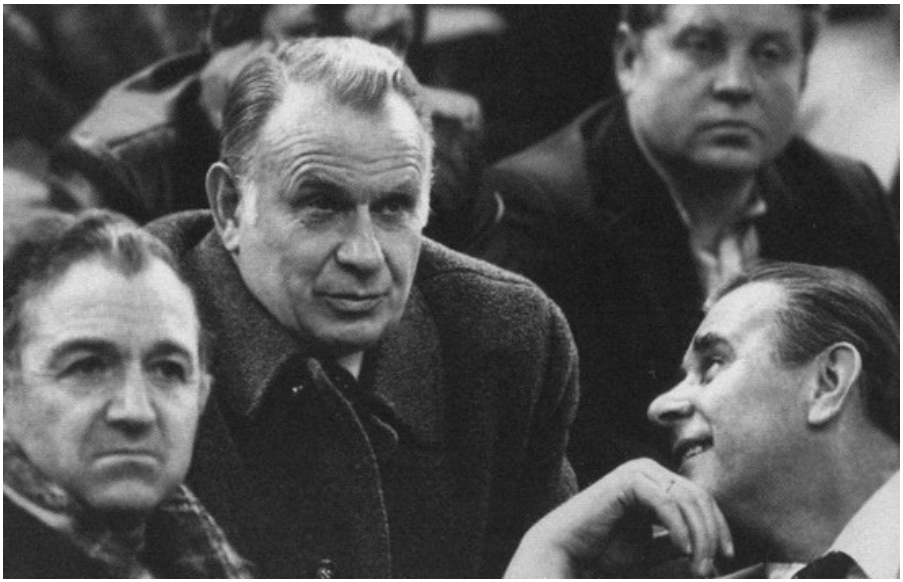
С митрополитом Алексием, будущим патриархом Алексием II. 1968 г.

Президент Международного олимпийского комитета Хуан Антонио Самаранч вручил Льву Яшину Олимпийский орден. 1985 г.

Гордость отечественного футбола. Слева направо: В. Понедельник, Н. Тищенко, Э. Стрельцов, Н. Осянин, Л. Яшин, А. Парамонов, А. Ильин, С. Сальников

Два вратаря. Владимир Маслаченко берет интервью у Льва

Яшина. Фото И. Уткина



Великие имена отечественного футбола. На трибуне стадиона слева направо: Никита Симонян, Константин Бесков, Лев Яшин

Шестидесятилетие Льва Ивановича. Футбольный матч: сборная мира — сборная СССР. 1989 г. С прославленным защитником и надежным партнером по сборной СССР Анатолием Башашкиным. Фото И. Уткина.

Круг почета по стадиону

В дружеском кругу. Слева направо: Л. И. Яшин, Е. Я. Весник, Н. П. Старостин. 1988 г.

Последнее фото Льва Яшина. После вручения Золотой звезды Героя труда. Слева направо: А. Парамонов, Н. Симонян, Л. Яшин, Н. Озеров; на переднем плане: И. Саркисянц. 6 марта 1990 г. Фото С. Величкина

Памятник Льву Яшину на стадионе «Лужники». Скульптор А. Рукавишников

После открытия памятника Льву Яшину на стадионе «Динамо». Скульптор А. Рукавишников. 1999 г. Семья Яшина: дочери Ирина и Елена, жена Валентина Тимофеевна, внуки Вася и Саша

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ Л. И. ЯШИНА

1929, 22 октября — в Москве родился Лев Яшин.

1935 — смерть матери, Анны Митрофановны.

1937 — вторая женитьба отца: второй матерью для Льва становится Александра Петровна.

1939 — рождение брата Бориса.

1941, осень — эвакуация авиационного завода, на котором трудился Иван Петрович Яшин, из Москвы под Ульяновск. Семьи едут вместе с рабочими.

1943, зима — тринадцатилетний Лёва Яшин идет работать на завод вместе с отцом.

1944, сентябрь — становится вратарем заводской футбольной команды.

1945 — Лев удостоен медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

1948 — призван в армию, во внутренние войска. При этом выступает за команду своей части на первенство столичного совета «Динамо».

1949 — А. И. Чернышев рекомендует Льва Яшина в состав футбольного московского «Динамо».

1950, 2 июля — дебют в игре с московским «Спартаком» (1:1).

6 июля — матч против тбилисских одноклубников (5:4), после которого Лев Яшин, обвиненный в пропущенных голах, на три года отправляется в дубль.

Осень — начало выступлений за «Динамо» по хоккею с шайбой, совмещенное с играми за дубль футбольной команды.

1953, 12 марта — победа в финале Кубка СССР в составе хоккейной команды московского «Динамо» (над ЦДСА — 3:2).

2 мая — возвращение в основной состав футбольного «Динамо» (игра против «Локомотива» — 3:1).

10 октября — победа в финале Кубка СССР по футболу в составе футбольного клуба «Динамо» (1:0 с «Зенитом» из Куйбышева).

1954, 8 сентября — официальный дебют за сборную команду СССР (против Швеции — 7:0).

Октябрь — «Динамо» с вратарем Львом Яшиным становится чемпионом СССР.

Декабрь — свадьба с Валентиной Шашковой.

1955, 21 августа — участие в матче сборных СССР и действующих чемпионов мира ГФР (ФРГ). Матч закончился со

счетом 3:2 в пользу отечественных футболистов.

Сентябрь — «Динамо» вновь становится чемпионом СССР.

1956, 15 сентября — участие в ответном поединке с командой ГФР (ФРГ) в Ганновере (2:1 в пользу сборной СССР).

8 декабря — победа в составе национальной команды Советского Союза в финальном матче олимпийского турнира над сборной Югославии. Яшин становится олимпийским чемпионом.

1957— награжден орденом Трудового Красного Знамени.

20 марта — рождение дочери Ирины.

Ноябрь — завоевание золотых чемпионских медалей союзного первенства в составе московского «Динамо».

1958, июнь — выступление на чемпионате мира в Швеции в составе сборной СССР. Несмотря на поражение в четвертьфинале от хозяев чемпионата 0:2, Яшин назван одним из лучших в команде и получил мировое признание.

1959, октябрь — победа в чемпионате СССР в составе московского «Динамо».

1960, 10 июля — сборная СССР с Яшиным в воротах, одолев в финале первую сборную Югославии (2:1), становится первым обладателем Кубка Европы.

Яшин награжден орденом Ленина.

1962, 20 января — рождение дочери Елены.

Май — июнь — выступление за сборную СССР на чемпионате мира в Чили. Команда вновь уступает хозяевам в четвертьфинале (1:2), однако на этот раз главным виновником поражения «назначается» вратарь Лев Яшин. По возвращении на родину голкипер подвергается травле.

Июнь — июль — Яшин берет паузу, подумывая о завершении карьеры.

22 июля — Яшин возвращается в основу в гостевом поединке с «Пахтакором».

8 сентября — Яшин после значительного перерыва выходит на поле в Москве — против куйбышевских «Крыльев Советов».

1963, 23 октября — советский голкипер проводит первый тайм в игре сборных ФИФА и Англии в честь юбилея британского футбола. Игра Яшина вызывает восторг мировой прессы.

10 ноября — триумфальное возвращение Яшина в сборную страны. Поединок в Риме в рамках розыгрыша нового Кубка Европы заканчивается ничьей лишь благодаря выдающейся работе вратаря.

Ноябрь — последняя победа Яшина в первенстве СССР в составе московского «Динамо». Достигнут фантастический процент непробиваемости: 6 мячей в 27 играх.

Декабрь — Лев Яшин признан лучшим футболистом Европы с

вручением ему приза «Золотой мяч».

1964, 21 июня — на втором чемпионате Европы сборная СССР проигрывает финальный матч хозяевам-испанцам 1:2 и завоевывает, вместе с Яшиным, серебряные медали.

1966, июль — участие Яшина в чемпионате мира, проводившемся в Англии. Советская команда оказалась четвертой, завоевав бронзовые медали. Вратарь заслужил овации в играх с Венгрией и ФРГ.

1967, 16 июля — последний матч голкипера за сборную СССР против Греции (4:0).

8 ноября — московские динамовцы с Яшиным в воротах завоевывают Кубок СССР (финал с ЦСКА — 3:0).

1970, 8 августа — московское «Динамо» берет Кубок СССР (финал 2:1 против тбилисских одноклубников). Последний трофей Яшина.

1971, 27 мая — прощальный матч Льва Яшина: сборная мира — сборная «Динамо».

1971–1976 — Яшин работает начальником футбольной команды «Динамо» (Москва).

1976 — переходит на работу в Управление футбола Спорткомитета СССР на должность заместителя начальника по воспитательной работе.

1984 — Яшину ампутируют правую ногу ввиду развивающейся гангрены.

1985 — награжден Олимпийским орденом МОК.

1988 — награжден «Золотым орденом за заслуги» ФИФА.

1990, 14 марта — удостоен звания Героя Социалистического Труда.

20 марта — после тяжелой болезни скончался в Москве. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Акимов А. М. Записки вратаря. М.: Физкультура и спорт, 1953.

Асаулов В. Ф. Лев Яшин — русский гений. М.: Вагриус, 2008.

Бесков К. И. Моя жизнь в футболе. М.: Физкультура и спорт, 1994.

Бышовец А. Ф. Не упасть за финишем. М.; СПб.: Астрель, 2009.

Вартанян А. Т. «Летопись…» // Спорт-экспресс. 2011–2013.

Винокуров В. Н, Кучеренко О. Н. «Динамо» (Москва). М.: Физкультура и спорт, 1973.

Горянов Л. Б. Повесть о вратарях. М.: Физкультура и спорт, 1965.

Горянов Л. Б. Новеллы о вратаре. М.: Физкультура и спорт, 1973.

Евграфов К. В., Перелыгин И. Н. Алексей Хомич — по прозвищу Тигр. М.: Олимпия Пресс, 2005.

Есенин К. С. Московский футбол. М.: Московский рабочий, 1974.

Иванов В. К. Центральный круг. М.: Физкультура и спорт, 1973.

Игры сборной команды СССР по футболу 1952–1988: Справочник. М.: Советский спорт, 1989.

Качалин Г. Д. Тактика футбола. М.: Физкультура и спорт, 1986.

Кулешов А. П., Соболев П. А. В далеком Мельбурне. М.: Физкультура и спорт, 1957.

Левин Б. М. Лев Яшин в воспоминаниях современников. М.: Терра-Спорт, 1999.

Любомиров Н. И., Пашинин В. А., Фролов В. В. XVI Олимпийские игры. М.: Советский спорт, 1957.

Нетто И. А. Это — футбол! М.: Физкультура и спорт, 1964.

Нетто И. А. Это — футбол! / 2-е изд. М.: Физкультура и спорт, 1974.

Озеров Н. Н. Репортаж о репортаже. М.: Физкультура и спорт, 1976.

Понедельник В. В. Штрафная площадка. М.: Молодая гвардия, 1977.

Романов Н. Н. Восхождение на Олимп. М.: Советский спорт, 1993.

Симонян Н. П. Футбол — только ли игра? М.: Гранд, 1998.

Соскин А. М. Лев Яшин. За кулисами славы. М.: Алгоритм,

2007.

Старостин А. П. Большой футбол / 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1964.

Старостин А. П. Флагман футбола. М.: Советская Россия, 1988.

Старостин Н. П. Звезды большого футбола / 3-е изд. М.: Физкультура и спорт, 1969.

Сточик А. М., Затравкин С. Н. Чемпионаты мира по футболу. 1930–1988. М.: Шико, 2001.

Филатов Л. И. Ищи борьбу всюду. М.: Физкультура и спорт, 1977.

Филатов Л. И. Наедине с футболом. М.: Физкультура и спорт, 1977.

Якушин М. И. Вечная тайна футбола. М.: Физкультура и спорт, 1988.

Яшин Л. И. Размышления о Стенли Мэтьюзе // Юность. 1965. № 8.

Яшин Л. И. Выбираю сборную мира // Спортивная жизнь России. 1971. № 5.

Яшин Л. И. Записки вратаря. М.: Библиотека «Огонек», 1976.

Яшин Л. И. Счастье трудных побед. М.: Физкультура и спорт, 1985.

notes

Примечания

1

Впрочем, и в более ранние времена, в 1920-е годы, силами самих трудящихся, без участия государства, строились настоящие стадионы. Например, в подмосковном Глухове работники местного текстильного комбината своими силами и на свои же деньги отгрохали изумительное сооружение с прекрасным полем, дорожками для бега, трибунами и т. п. На нем начинал великий форвард Григорий Федотов.

2

Удивляешься прозорливости великого вратаря! Ведь в 1970-е футбольные площадки еще не сносили массово. Однако «процесс пошел», и сегодня дела обстоят много хуже.

3

По поводу зала приведем любопытное свидетельство австрийского журналиста Курта Частки, автора известной книги «От Заморы до Яшина». Частка, бывавший у Яшиных в доме, сообщает, что Лев в детстве был чемпионом школы по фехтованию и шахматам. Исследователи снисходительно не комментируют высказывание австрийца. Между тем оно заслуживает внимания. Разумеется, ни о каком фехтовании в школе, да еще в отсутствие физкультурного зала, и речи быть не могло. А вот посражаться на каких-нибудь прутьях, палочках мальчишки вполне могли. И если одно из победных для Лёвы состязаний европеец принял за школьный чемпионат — то это обычное недопонимание советских реалий. Что же касается шахмат — здесь дело иное. В Советском Союзе эта игра получила огромное развитие. В отличие от Австрии. И Курт очень хочет поверить в успехи Яшина. Тот играл неплохо и, конечно, что-то выигрывал во дворе у товарищей. Но для победы в первенстве школы в то время надо было играть чуть ли не в силу сегодняшнего кандидата в мастера спорта! Так что и тут Частка, вероятно, не вполне понял своего собеседника. Он не обманывает. Просто нелегко осознать самое элементарное, если ты из другого мира.

4

Сергея Сергеевича Ильина мне довелось увидеть в матче ветеранов, когда ему было за шестьдесят. Но когда невысокий, коренастый лысоватый краек бодро засеменил по своему флангу, только неумный человек смог бы назвать его «стариком». А народ на трибунах радовался, как будто они школьники, которым только сейчас сообщили, что уроков завтра не будет.

5

Помнится, вратари следующего за Яшиным поколения критиковали молодых, так броски и исполнявших. И считали это «отсебятиной».

6

В результате Саная Яшина всё же заменил, но позже — на 78-й минуте.

7

Г. Д. Качалин в книге «Тактика футбола» высказывается однозначно: «Впервые этим приемом в широком диапазоне начал пользоваться Лев Яшин».

8

Напомню, что еврокубки в 1955-м лишь начинались и потому любая встреча с зарубежным противником вызывала зрительский ажиотаж, а также нервную дрожь исполнителей и, куда же без этого, руководителей. А тут «Милан»…

9

Как тут не вспомнить о бывшем железнодорожном министре Борисе Бещеве. Душевный начальник футбол любил, курировал, понятно, «Локомотив», делая для игроков возможное и невозможное. И вот однажды прилетает он на служебном лимузине на базу обожаемой команды. «Так, — вещает с ходу, — сейчас был на Совете министров. Узнал, как можно забить Яшину. Надо бить с близкого расстояния, низом, сильно и в угол!» Как видно, нападающий с самой, что ни на есть «правительственной» фамилией внял бесценному совету Бориса Павловича.

10

Хотя поражает определенного рода бестолковая несогласованность. Тут и перетренированность, о которой позднее вспоминал Владимир Маслаченко, приведшая к тому, что молодые здоровые мужчины ощущали себя заключёнными, и легкомыслие самих спортсменов, и, видимо, главное: желание сверху за что-то наказать Стрельцова, за что-то проучить. Им бы всем о чемпионате мира подумать, а вышло наоборот.

11

В то время, в отличие от нынешнего, за победу начислялись два очка, а за ничью — одно.

12

Любопытный факт: по сведениям А. Т. Вартаняна, Войнов готовился занять место Яшина в случае его травмы и много времени проводил на тренировках в воротах.

13

М. И. Якушин увидел эпизод так: «Нетто случайно столкнулся с Масленкиным. В результате мяч подхватил Тихи и в одиночестве помчался к нашим воротам».

14

Посему до последних дней мысленно не оставлявший капитанский мостик М. И. Якушин, безусловно, ни в чем не виноват, а уж в бездушии нынешние коллеги по цеху его не имеют морального права обвинить.

15

Валентина Тимофеевна всё прекрасно понимает. «Надо о Маслаченко написать», — сказала она в 2012 году. Я немного удивился. «А то, — продолжила вдова лучшего вратаря мира, — умер человек, и забыли о нем». Вот так: никаких споров и обид. Настоящие они люди, Яшины.

От этой травмы армейский защитник так до конца и не оправился, и, по некоторым сведениям, его ранний уход из жизни стал следствием болезни, развившейся в результате увечья.

17

Налицо несовершенство записи: футболиста с такой фамилией на поле не было. Быть может, Коль? Так он и подавал.

Это подметил Виктор Понедельник, посоветовав способному парню обратить внимание на нечто более важное: «Самое главное в игре Л. Яшина — простота, надежность и сыгранность с партнерами по защите».

19

В. А. Пономарев, бывший в Англии правым крайним защитником, рассказывал, что корейцы перед последним в группе туром пришли к Н. П. Морозову и попросили его выставить боевой состав, игравший против них на старте. Тот вроде как согласился, а выставил резервистов. Которые не подвели, победив 2:1, и скандала не произошло.

20

Не дебютировали. По политическим мотивам, о которых говорить долго и не вовремя. И, надо сказать, не стоит расстраиваться. В таком состоянии лавров бы точно не снискали.

21

Яшин, кстати, прекрасно понимал «арифметику» и знал, «под кого» платят деньги. И спокойно получал равную со всеми остальными сумму. Не ругался. За футбол переживал.

22

Несколько позже в приватном разговоре с А. М. Соскиным Яшин выскажется: «Что мы носимся с этим любительским футболом, кого обманываем? Только самих себя. Профессиональных актеров не стесняемся, а футболистам не положено. Будут профессиональнее, станут получать по-другому, это заставит стараться, за проказы будут штрафовать, смотришь — и артистизм появится. А договорные игры, ничейки эти деланные исчезнут». — «Чего захотели, Лев Иванович!» — откликнется собеседник. «Да это и произнести нельзя, сочтут не совсем нормальным, а то на парткоме шкуру снимут, — продолжит Яшин. — Я заикнулся как-то в большом кабинете, хозяин стал отмахиваться — не моги и думать, Лев Иванович».

Разумеется, ныне ситуация в этом смысле усугубилась. Так ведь и спорт внятно назван профессиональным.

В частности, в интервью «Советской культуре» 28 декабря 1968 года голкипер так оценил одну из попыток: «Вот недавно на Центральной студии документальных фильмов сделали короткометражку обо мне „В воротах — Лев Яшин“. Фильм, прямо скажу, неважный. Зрители его не смотрят и правильно делают. Всё там, как на параде, я только с легкостью беру мячи, а труда, нервов, потраченных на любую, самую пустяковую игру, не видно».